

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Анна
Ветлугина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Среди святых Франциск Ассизский выделяется особой популярностью. Данте Алигьери посвятил ему целую главу в «Божественной комедии», Ференц Лист — страницы прекрасной музыки, в его честь назван один из крупнейших американских городов — Сан-Франциско, о нем писали поэты русского Серебряного века. Франциска не обошли вниманием рок-музыканты, даже представитель современной субкультуры, известный рэпер Оксимирон упомянул его в одной из своих песен. Голливудская звезда Микки Рурк сыграл его в кино.

Франциск стал героем мифов и легенд. Их сборник — знаменитые «Цветочки» — люди разных культур читают вот уже несколько столетий. Но ассизский святой проник в изящную словесность не только в качестве персонажа. Он сумел получить титул основоположника итальянской литературы, создав гениальный «Гимн брату Солнцу» — первый в истории литературный памятник на итальянском языке. Он считается покровителем бездомных животных. Его называют первым экологом, первым хиппи, даже «святым неверующих». При этом его духовное детище — францисканский орден — процветает вот уже девятое столетие и на сегодняшний момент насчитывает около 30 тысяч человек. И 266-й папа римский, выбранный в 2014 году, впервые в истории папства взял себе имя в честь святого из Ассизи.

В чем секрет такого широкого воздействия? Как менялось отношение к Франциску с течением времени? Насколько актуальны его идеи сегодня? Эти и другие подобные вопросы обсуждаются в данной книге.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

-
- [Анна Ветлугина](#)
 -
 - [ДВА ФРАНЦИСКА](#)

- [ЛЕГЕНДА И ЛЕГЕНДЫ](#)
- [ОПАСНОЕ ВРЕМЯ](#)
- [ПОЧЕМУ СВЯТОЙ, А НЕ ЕРЕТИК?](#)
- [СТРАНА, РОДИВШАЯ ГЕРОЯ](#)
- [ГОРОД ЛАСКОВОГО СЛОВА](#)
- [НЕСВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО](#)
- [МАЛЬЧИК РЕЗВЫЙ](#)
- [АССИЗСКИЕ СТРАСТИ](#)
- [УЗНИК](#)
- [«МНЕ ГОЛОС БЫЛ...»](#)
- [ОТВЕРЖЕННЫЕ](#)
- [СТРАШНЫЙ СУД](#)
- [РЕМЕСЛО ПРОРОКА](#)
- [КВЕСТ ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ](#)
- [РАЗРЕШИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАПРЕТИТЬ](#)
- [ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА](#)
- [ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРОИНИ](#)
- [ФРАНЦИСК И КЛАРА](#)
- [СВЯТАЯ КЛАРА И ТЕЛЕВИДЕНИЕ](#)
- [БРАТ ЯКОПА](#)
- [МОНАСТЫРЬ В МИРУ](#)
- [О ПОЛЬЗЕ БУМАЖЕК,](#)
- [ФРАНЦИСК И ДОМИНИК](#)
- [СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ](#)
- [ДИАЛОГ КУЛЬТУР](#)
- [НАСЕДКА И ЦЫПЛЯТА](#)
- [РАДОСТЬ И СЛЕЗЫ](#)
- [ЛЕСТНИЦА НА НЕБО](#)
- [ВЕРШИНА СМЫСЛА](#)
- [ВТОРОЙ СЫН БОЖИЙ](#)
- [ТРАНЗИТУС](#)
- [СЛЕД В МИРЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-
-
-
-
-

- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)
- [АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ](#)
- [НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)

- [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1893

(1693)

Анна Ветлугина

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Автор выражает глубокую признательность

Тикки Шельен, Дмитрию Максименко и Петрану Лелюку за помощь в работе над текстом. Также искренне благодарит главу Генеральной кустодии Святого Франциска Ассизского в России, отца Николая Дубинина (орден Братьев меньших конвентуальных; OFMConv) и духовного ассистента российских терциариев, отца Андриана Зудина (OFMConv) за консультации и любезно предоставленные материалы.

Отдельная благодарность — Варваре Будылиной и Игорю Баранову за иллюстрации.

© Ветлугина А. М., 2018

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

ДВА ФРАНЦИСКА

О святом Франциске Ассизском пишут вот уже восемь веков. Ему посвящают свои творения ученые, поэты, художники, композиторы и даже другие святые. Данте, Джотто, Ференц Лист, святой Бонавентура — даже небольшой части этого списка достаточно, чтобы начать испытывать неуверенность, приступая к написанию книги о таком человеке. Автор не ставит себе задачи соперничать с великими и со всеми многочисленными биографами святого из Ассизи. Эта книга не только о Франциске, но и о восприятии его людьми разных эпох, и об актуальности его идей в наше время. В книге сделана попытка проследить духовный путь не только Франциска, но и обычного человека XXI столетия, который от умиления «Цветочками» и симпатии к доброму другу зверей и птиц, любившему прекрасную девушку Клару, приходит через удивление, а может быть, и шок к пониманию бескомпромиссной жесткости подвига этого скромного человека, повлиявшего на ход истории христианства.

Ведь сегодня существует как бы два Франциска. Первый — очень популярен, насколько вообще может быть популярен католический святой. Его именем назван один из крупных городов Америки — Сан-Франциско. О нем создаются художественные фильмы — в наше не слишком-то христианизированное время. Причем занимаются этим кинодеятели, вовсе не замеченные в особой церковности. Скандальная Лилиана Кавани, Микки Рурк, Франко Дзеффирелли и другие фигуры большого кино. Режиссер недавнего телеварианта, Микеле Соави, вообще долгое время специализировался на фильмах ужасов.

О Франциске и на его тексты писали музыку композиторы-классики и обычные музыканты, а уж количество произведений живописи и литературы, вдохновленных им, пересчитать и вовсе невозможно. Драматургия, поэзия, рок-музыка — ничто не избегло незаметного присутствия скромного простачка из Ассизи. Его имя встречается даже в текстах рэпа^[1].

Исследователи считают, что пик его популярности еще впереди. Будущее никому не известно, но уже сегодня имя Франциска стало коммерческим брендом. В Ассизи, в гости к самому доброму святому охотно едут туристы. Фотографируются на фоне собора, где находится его гробница, покупают сувенирные кружки в виде толстого улыбающегося монаха...

Франциску симпатизируют представители других конфессий и атеисты. Говорят, что после смерти он был снова послан на землю к агностикам и антиклерикалам — как последняя надежда для их обращения. При этом его детище — францисканский орден — процветает вот уже девятое столетие и на сегодняшний момент насчитывает около 30 тысяч человек. И 266-й папа римский, выбранный в 2014 году, впервые в истории папства взял себе имя святого из Ассизи.

Франциск — любимец интеллигенции и различных романтиков от духовности. Он выглядит как герой современных ролевых игр — стильные лохмотья, песни на природе, постоянные квесты и перформансы, вроде веселого сбора камней для церкви, спасения зайчиков и птичек и прыжков нагишом в колючие кусты. Его очень удобно рисовать — на фоне тех же самых птичек, он близок любителям котиков и экологам. С его образом красиво сливается вечный архетип подросткового бунта — отказ от наследства и мещанских идеалов, ради высокой идеи. Сама идея при неглубоком понимании тоже представляется похожей на идеи некоторых современных субкультур — этакая свободная жизнь на природе с единомышленниками, в поисках духовного просветления. Ничего особенно христианского в таком образе жизни нет. К тому же и папа римский святого из Ассизи поначалу не понял и даже выгнал его из своего дворца. Все вместе это делает Франциска совершенно уникальной фигурой, своего рода «святым для неверующих».

Нельзя сказать, что такой портрет совсем не соответствует действительности. Да, Франциск действительно сбежал из родительского дома, совершал квесты и перформансы, любил животных, сочинял песни и порой спорил с духовенством (но не с Церковью!). Если бы нам удалось взглянуть на его жизнь из окошка машины времени — мы, скорее всего, увидели бы знакомые картинки из фильмов. Разумеется, без приукрашенных бытовых условий, но это понять можно. А вот внутренний мир Франциска снова оказался бы за кадром. И чтобы увидеть подводную часть айсберга, нам пришлось бы вооружиться множеством книг — исторических, богословских и текстов самого Франциска. Но и этого может оказаться недостаточно. Подлинный портрет святого невозможно разглядеть без понимания того, что такое, собственно, святость. Ведь этот термин тоже имеет свои «картинки», искажающие суть явления.

Обыденное сознание наряжает святых в белые одежды, тут же ищет в их жизни недостатки и ужасается или увлеченно злословит, найдя таковые. Яркий пример тому — недавняя канонизация матери Терезы из Калькутты. У светского человека к ней возникает очень много вопросов — от

некачественной медицины, увеличивающей страдания больных, до приема пожертвований из неблагонадежных источников. Не в силах воспринять явление целиком, мы пытаемся оценить мать Терезу по частям, подобно тому как слепые изучали слона в анекдоте. И видим, что врач она так себе, и благотворительный фонд у нее работал не лучшим образом. Нам не дано узнать цену благодарности тех бомжей с помоек, которых она избавила от гарантированного страшного предсмертного одиночества. Но отзвуки этой благодарности прорастают в языке народа: когда кого-то просят о чрезмерной «доброте», люди часто на автомате отвечают «я не мать Тереза».

Еще больше не похож на положительного героя и последний российский император Николай II, также причисленный к лику святых. Но святой — вовсе «не отличник у Господа Бога», как замечательно сказал русский католический священник, отец Кирилл Горбунов. Апостол Петр, тот самый «камень», на котором Христос обещал построить Церковь — грешник, трижды предавший своего Учителя. А ведь у Иисуса были и другие апостолы, например Иоанн, «любимый ученик». Не только верно служивший Господу всю жизнь, взявший к себе Его Мать, но и увидевший мистическое откровение Апокалипсиса. Чем не совершенный кандидат? Однако Христу понадобился не просто средний человек, но еще и человек оступившийся и осознавший свой грех. Не благообразный фарисей, но кающийся мытарь. Как сказал Гилберт Кит Честертон, «когда Христос основал Свою великую Церковь, Он положил в ее основание не боговидца Иоанна, не гениального Павла, а простака, ловчилу, труса, словом — человека»^[2].

Существует притча о преподобном отшельнике Антонии Великом^[3], который однажды захотел узнать свою меру святости. Он молился, прося Господа открыть ему сие, и услышал голос, возвестивший, что меры некоего сапожника из Александрии он не достиг. Отшельник пошел искать этого человека, чтобы понять, в чем его превосходство. Выяснилось, что тот отдавал две трети заработка на храм и нищим. Но это не могло удивить Антония, раздавшего все свое имение и живущего в крайней нищете. Значит, превосходство было в ином. И тогда отшельник спросил прямо: «Господь послал меня к тебе узнать, как ты живешь». Надо заметить, сапожник знал и сильно уважал преподобного, оттого смутился вопросом. Но все же ответил: «Ничего я не делаю, а лишь, работая, смотрю на проходящих мимо людей и помышляю: все спасутся, один я погибну».

«Последним из людей» искренне полагал себя и святой Франциск. Тот,

другой, до которого обычно не добиваются любители птичек, котиков и духовного просветления. Его картинки складываются не в такой симпатичный пазл, как у первого, да и не всё можно сложить — то тут, то там возникают пустоты неоднозначности. Мы не знаем, что он чувствовал, лежа больным после плена, страдал ли депрессией. Не знаем, каковы на вкус были объедки, которыми он питался. Хотя помои одинаковы во все времена. Но мы можем сегодня увидеть и оценить условия, в которых он жил. Например, пещера в Эремо-делле-Карчери, в которой можно сидеть только скрючившись. И самое красноречивое место — келья на горе Верне. Там святой получил свои знаменитые стигматы. Это щель в скальной породе, куда даже невысокий человек пролезет, лишь согнувшись в три погибели. Голые камни, никакой обстановки, только с потолка свисает лампочка, примета наших дней. А тогда, в XIII веке, у Франциска, прожившего на Верне несколько месяцев, не было даже свечки или лучины. Не из-за аскетизма, а по причине ненадобности. К моменту обретения стигматов он почти полностью ослеп. Не было у него и никакой утвари и личных вещей. Впрочем, одна вещь имелась, вот только назвать ее предметом быта язык не повернется. Это железный кнут для умерщвления плоти, имеющий латинское, но очень знакомое современному человеку название *discipline!*

Если пройтись по фактам, история второго Франциска получается печальная и ни капли не занимательная. Одаренный юноша из хорошей семьи угробил себе здоровье голодом, ужасной нищетой и плохим лечением, еще и таланты свои не развивал. Большую часть жизни прожил в грязи и страданиях, рано (по нашим меркам) умер... Обычный средневековый фанатик, с точки зрения светского человека. Поэтому светский человек предпочитает в подобном ракурсе Франциска не рассматривать, а продолжать умиляться кинокадрам, показывающим хипповские тусовки и юную Клару, бегающую по лугам с короткой стрижкой.

Но откуда-то ведь взялся этот милый радужный миф?

Современники Франциска отмечали его удивительную гармоничность. Он напоминал им человека до грехопадения. Не преодолевающий страдания, полуслепой инвалид, кем он являлся много лет, а житель рая. Да, именно не посланник, а человек, в настоящий момент живущий в раю. Возможно, именно это настроение уловили полюбившие его хиппи. Вот только Франциск, в отличие от них, к растворению в нирване вовсе не стремился. Он был крайне деятельным и дела выбирал не располагающие к возвышенности: работа на стройке, уход за гниющими прокаженными,

руководство постоянно растущим орденом. Правда, от последней работы он все время пытался отказаться. Но не от лени, а от ощущения своей недостойности. Здесь видится противоречие: гармоничный житель рая — и такая низкая самооценка? Но рай в понимании верующего — не роскошный курорт для расслабленного отдыха, а Дом Божий. Так же как и вера для христианина — вовсе не означает признание факта существования Бога. Это подразумевается по умолчанию. А под верой понимаются доверительное общение и постоянная связь с Творцом.

Франциск, нащупав еще в юности камертон Божественного присутствия, настраивает под него все струны своей души. Оттого он действительно живет в раю рядом с Богом. И там, в горнем свете, особенно ясно видны несовершенства человеческой природы, которые, конечно же, имеет в себе и Франциск. Это несоответствие вполне логично приводит его к оценке себя как «последнего из людей». Но последние ведь станут первыми...

И его любовь к природе тоже многослойна. Тот первый, гляцевый Франциск воркует с голубями, умиля современных поэтических дев. Экологи же видят в нем удивительную актуальность мысли. И правда! Он призывает бережно относиться к природным ресурсам, будто предчувствуя современные экологические проблемы, на века опередив своих современников... Только в данном случае перед нами снова мифологический «святой для неверующих», а не настоящий Франциск Ассизский.

Подлинному же святому из Ассизи в голову бы не пришло воспринимать окружающий мир как «ресурс» для потребления. Он жил в полноте ощущения себя Божьим творением, оттого и другие творения автоматически становились его кровными родственниками, а каждая былинка — достойной любви. Не какой-то безликий лес, а братец дерево, братец волк и сестрица ласточка. Его братцами и сестрицами были звери, птицы, стихии, небесные светила и даже сама смерть. Вот его собственные строки из знаменитого «Гимна брату Солнцу»:

...Да хвалит Господа и смерть, моя родная,
Моя великая, могучая сестра!
Для тех, кто шел стезей добра,
Кто умер, радостно врагов своих прощая, —
Для тех уж смерти больше нет,
И смерть им — жизнь, и тьма могилы — свет!

Существует множество переводов этого текста на русский язык. Среди них — канонический для русскоязычных католиков, выполненный Георгом Гселем, и классически-строгий, принадлежащий Сергею Аверинцеву. «Гимн» переводила незадолго до революции даже Мариэтта Шагинян, воспевшая позднее Ленина и советскую власть. Но перевод Дмитрия Мережковского, приведенный здесь, наверное, лучше других напоминает нам, что святой Франциск был еще и настоящим поэтом с пронзительным чувством красоты. Ускользящая хрупкость Божьих творений делала его великим миротворцем. Он возносит молитвы к Творцу мира, желая защитить не абстрактную жизнь, а каждую птичку, каждое дерево, каждую человеческую душу.

Возможно, именно эта нота средневековой песни Франциска наиболее созвучна нам, живущим в XXI веке, времени, когда земной шар вдруг стал маленьким. За сутки мы можем попасть практически в любую точку планеты, но так же быстро могут распространиться и последствия экологической катастрофы, и военные столкновения, и террористическая угроза. При этом религиозные традиции, защищавшие душевное равновесие прошлых поколений, все больше выхолащиваются. На место исповедника приходит психотерапевт. Но, прекрасно справляясь с проблемами социализации и помогая избавляться от комплексов, он встает в тупик перед экзистенциальными кризисами и не может помочь пациенту обрести смысл жизни. Можно спорить о квалификации психологов, но если бы дело было только в ней — врачи бы не прогнозировали депрессию как основную причину нетрудоспособности населения в недалеком будущем.

Что получается в итоге? Глобализированный мир комфортен и прозрачен, но жить в нем оказывается порой страшнее, чем в наполненной готической мистикой реальности «Темных веков». Куда податься современному человеку, столкнувшемуся с вечными вопросами бытия? У него нет привычки к церковной жизни, а оптимистическая вера в науку закончилась в XX веке после первых полетов в космос, которые не принесли человечеству нового смысла. Поэтому многие сегодня, избегая воцерковления, с радостью симпатизируют таким якобы альтернативным фигурам, какой является тот первый, «глянцевый» Франциск. А вдруг повезет? А вдруг это и есть знаменитый срединный путь? Ведь на нем как будто бы и не требуется ограничивать свою продвинутую духовность издержками той или иной конфессии.

Действительно, ведь Франциск ведет себя совершенно по-буддистски, когда уносит с дороги червячков, чтобы их не раздавили. И папа римский прогнал его. А значит, он похож на меня, записавшего себе в статус

«христианство» и приходящего в церковь раз в год — поставить свечку. А то и вовсе обходящегося слоганом «Главное, чтобы Бог был в душе».

И оккультисты часто относятся к святому из Ассизи с уважением. Ведь он однажды попросил пламя жечь не так сильно, и то послушалось. Чем не повелитель огня? Кажется, что под его лохмотьями скромности и крайней нищеты скрывается могущество сверхчеловека. Он влияет на сильных мира сего, являясь во снах понтификам, целует прокаженных и не заражается. Будто бы властвует над самой природой, превращая зверей и птиц в паству, смиренно слушающую проповеди.

Любят нашего героя и светские культурологи, для которых его влияние на Данте или Джотто стоит выше «церковных» подвигов.

Ах, как бы сильно огорчился Франциск, увидев, что его пытаются воспринять в отрыве от Христа, разделить с Тем, с Кем он самоотверженно пытался соединиться всю жизнь!

Воспринимать Франциска отдельно от Церкви — все равно, что пытаться с выражением декламировать стихи на незнакомом языке. Получится бессмыслица, даже если буквы прозвучат правильно, потому что акценты, скорее всего, будут смещены, а интонации неверны. Например, то же самое спасение червей можно объяснить верой в реинкарнацию, можно любовью к природе. Но тот, кто мыслит христианскими категориями, вспомнит псалом 21 «Аз же есмь червь, а не человек». Над символикой этой фразы размышляли богословы и святые, такие как Иоанн Златоуст, Антоний Великий, Дионисий Ареопагит. Как это ни странно, но в образе червя предстает сам Иисус Христос.

Вот слова Максима Исповедника: «Господь наш Иисус Христос по неизреченному человеколюбию к нам сделался и назвался червем. Ведь как червь рождается без соития, так и Господь был зачат без семени. Однако и для диавола Он послужил приманкой, как червь: диавол заглотил Его плоть, как червя, и напоролся на Божество. Однако и для [всех] врагов [Своих] Он червь, ведь мудростью мудрый тотчас обнаруживается, неразумием же — лукавый.

Но [еще] и в нас Он становится червем, всякий раз как мы грешим, ибо [тогда] Он изобличает и угрызает нашу совесть».

Мистический язык христианства вовсе не прост. Даже самое очевидное, при более глубоком знакомстве с традицией, обрастает новыми смыслами.

Чем старательнее мы будем учить этот язык, тем быстрее разрушится в наших глазах простой и яркий образ симпатичного нецерковного святого. Первый Франциск уйдет. Останется второй — такой же многослойный и

неоднозначный, как сама святость.

Современный смысл этого русскоязычного понятия представляет собой сложную вытяжку из древних языков. Возникла она при переводе Библии. В Ветхом Завете словом «святое» переводили древнееврейское *qadoš*, означавшее отделение сферы Божественного от мирского. В Новом Завете «святое» соответствовало трем древнегреческим прилагательным: *ιερός* (иерос), *άγιος* (агиос) и *οσιος* (осиос). Первое обозначало принадлежность (посвященность) Богу, второе — святость Бога, третье — моральные качества человека (чистота, преданность). И, наконец, в самом русском языке родственным словом «святость» является «свет» — символ благодати Божией.

Все вышеперечисленные смыслы применимы к нашему герою. Он — стопроцентный христианский святой. Но все равно выделяется из длинного списка своих «коллег», хотя неординарных личностей там хватает. Среди святых не так уж много персон, ставших героями мифов и легенд. А Франциск ухитрился одновременно проникнуть в изящную словесность в качестве персонажа и получить титул основоположника итальянской литературы, создав гениальный «Гимн брату Солнцу» — первый в истории литературный памятник на итальянском языке^[4].

И сам факт возникновения глянцевого образа говорит об очень широком спектре воздействия на людей. Поэтому ограничиться одной лишь подводной частью айсберга нам тоже не удастся.

Франциск Ассизский — как дерево. Вырос он на почве католицизма, но ветви его отбрасывают тень и на другие территории. А семена и вовсе разлетелись по всей земле, прорастая новыми событиями. Например молитвами о мире, которые проводятся на его родине начиная с 1986 года. Эти молитвенные встречи собирают не только христиан разных конфессий, но и представителей других религий. Есть даже такое специальное понятие «дух Ассизи», и в нем сегодня тоже продолжает жить наш герой. В чем загадка его харизмы и как менялось отношение к францисканству на протяжении восьми веков, мы постараемся проследить в этой книге.

ЛЕГЕНДА И ЛЕГЕНДЫ

Жизненный путь нашего героя настолько пышно зарос «цветочками» поэзии, что разглядеть его порой трудно. Народ, увидевший в «беднячке» из Ассизи пророка, или даже второго Сына Божия, не скупился на разнообразные домыслы и фантазии, усиливавшие это впечатление. Его будто бы видели на небе, управляющим огненной колесницей, наподобие пророка Илии. Он высекал воду из скалы, как Моисей. Возможно, эти фантастические варианты биографии появились еще при жизни нашего героя, поскольку уже тогда мало кто сомневался в его святости.

Очень трудно спустя 800 лет правильно растолковать те или иные вехи этого непростого, по духовным меркам — запредельно счастливого, а по материально-человеческим — тяжелого, почти трагического пути. Увидеть исторический контекст в мотивах действий героя, отделить действительное от легендарного. В предыдущей главе мы говорили о невозможности понять Франциска без глубокого знания христианской традиции. Но если изучать его биографию только по официальным церковным житиям, тоже существует риск получить на выходе человека, не совсем такого, каким был Франциск. И даже более того: характер героя может несколько различаться в разных житиях. Ведь за «правильность» образа Франциска шла борьба, и критерии этой «правильности» менялись, особенно в течение первого столетия после смерти нашего героя.

Кому и зачем это было нужно? Прежде всего самим францисканцам. К сожалению, прекрасное высокое Братство Духа, которое создал Франциск, не могло выжить в своем первоначальном виде. Группа из полутора десятков человек достаточно мобильна и не требует никаких иерархических структур и дополнительного финансирования, помимо сбора милостыни. Но уже к концу жизни Франциска число его последователей достигло десяти тысяч. На одной харизме такое большое сообщество удержать невозможно, требовался труд администратора, не совместимый с характером нашего героя. Поэтому Франциск быстро отошел от руководства собственным орденом, хотя и возмущался порой происходящими переменами. Образ жизни братьев и впрямь все больше отдалялся от идеала странствующих апостолов, становясь все более иерархичным и оседлым. Эта тенденция усилилась после смерти Франциска, когда генералом ордена стал его ученик и друг Илья Кортонский.

Талантливый руководитель, Илья создал четкую систему управления, разделив орден на провинции. При нем во множестве открывались францисканские школы, началось строительство базилики в честь Святого Франциска в Ассизи. Все это, с одной стороны, сильно укрепило авторитет Ильи. С другой — потребовало немало средств, которые, в числе прочего, собирались обязательными взносами с провинций. Такой порядок, несовместимый с изначальным духом нищенства, вызвал возмущение у множества францисканцев, и орден утратил единство. Одни поддерживали Илью, в котором видели прогрессивное будущее, другие отстаивали строгое соблюдение устава и следование правилам бедности святого Франциска.

В 1239 году Илью отстранили от руководства, но раскол никуда не делся. Более того, даже сам устав, написанный под руководством Франциска, разные направления ордена интерпретировали по-разному. Разумеется, возникло много споров и конфликтов, в том числе о возможности иметь в собственности земли и дома. Иногда решающим аргументом мог стать какой-либо штрих биографии нашего героя, тем более что его яркая жизнь привлекала к нему внимание и помимо официальных житий существовало множество устных народных легенд, которые пересказывались и записывались, обрастая подробностями.

Кстати, само слово «легенда» в XIII веке означало вовсе не полуфантастическое повествование, как сегодня. На языке Средневековья это понятие означало «книга, которую нужно читать». Собственно, так *legenda* и переводится с латыни — «то, что должно быть прочитано». В наши дни этот смысл сохранился в картографии. Есть понятие «легенда карты», оно означает список или таблицу условных обозначений, используемых на данной карте с разъяснением их значения.

Во времена Франциска под «легендой» разумели назидательное чтение с целью получения примера для подражания. Подобная литература пользовалась в те времена большим спросом, который поддерживался Церковью. Так что же нужно было читать о Франциске?

Идея создания жития носилась в воздухе еще при жизни Франциска, но заказ как таковой оформился к моменту его канонизации, произошедшей менее чем через два года после смерти (16 июля 1228 года). Скорость беспрецедентна и свидетельствует о колоссальном впечатлении, произведенном нашим героем на его современников. К этому времени уже было собрано большое количество воспоминаний о святом, из которых планировалось создавать «легенду».

Папа Григорий IX поручил ответственный труд Фоме Челанскому^[5],

известному писателю, к тому же близко знавшему святого из Ассизи. Последнее утверждение, правда, спорно. Хотя Челанский и вступил в орден в 1215 году, францисканский историк XVII века, Лука Уоддинг, не упоминает его среди апостолов Франциска.

Скорее всего, Уоддинг прав. Папа Григорий выбрал составителя жития более за литературный талант, чем за приближенность к герою, что вполне логично. Фома Челанский был достаточно выдающейся личностью. Помимо литературной деятельности, он подвизался на церковном поприще. Всего в двадцать с небольшим (в 1221 году) его назначили кустодом^[6] миноритских^[7] монастырей в Кёльне, Майнце и Вормсе, а годом позже — министром немецкой провинции францисканского ордена. Его литературные достижения также велики. Именно ему приписывают текст одного из самых известных католических гимнов — «Dies irae».

Работал первый францисканский агиограф^[8] быстро и уже в 1229 году показал папе пробный вариант жития. Искать яркий образ героя или точное описание исторического контекста в его труде, написанном по заказу понтифика, бессмысленно. Жанр жития сильно отличается от биографического. Писатель, создавая подобное произведение, стремится не к достоверности, а к проникновению в суть подвига святого.

Словно иконописец, Фома творил строго по канону, которым для него стали жития Мартина Турского, Бенедикта Нурсийского и Бернарда Клервоского.

Но своеобразие и живое обаяние Франциска смогло пробиться даже сквозь это явное «вышивание по канве». Причем новизна была и в фактах биографии, и в духовной сути подвига. К тому же духовные поиски героя описаны в этом тексте с удивительно современным психологизмом. Спустя 15 лет Фома Челанский снова принялся писать о Франциске. «Второе житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским» создавалось по предписанию Женевского генерального капитула^[9] францисканцев от 1244 года, где решили «записать факты или даже слова Франциска», не ограничиваясь одними чудесами. На самом деле «Второе житие» выглядит более «чудесно», чем первое. В нем заметнее попытки провести параллели жизни святого из Ассизи с Евангельскими событиями. Например, его мать, скрытая в «Первом житии святого Франциска» под «родителями», воспитавшими сына «бессмысленно, по правилам суеты века сего», во «Втором житии» сравнивается со святой Елисаветой, матерью Иоанна Крестителя. Правда, это не спасло «Второе житие». На следующем, Парижском, капитуле, состоявшемся в 1266 году, оба творения

Фомы Челанского попали под запрет и дошли до наших дней, сохранившись чудом, буквально в нескольких копиях.

Эта жесткая чистка связана с именем святого Бонавентуры из Баньореджо^[10], которого избрали генералом^[11] францисканцев в 1257 году. По легенде, он видел Франциска только один раз в детстве, но встреча оказалась судьбоносной. Так случилось, что маленький Бонавентура (тогда еще Джованни Фиданца) заболел, и болезнь оказалась столь сильна, что справиться с ней не смог даже отец — известный медик. Тогда отчаявшаяся мать понесла мальчика к Франциску. Тот, взглянув на ребенка, промолвил на латыни: «*Bona venture*», что значит: «счастливое будущее» или «счастливый род». Мальчик выздоровел и сделался францисканцем. Известен и другой вариант, согласно которому мать Джованни только обращалась к святому из Ассизи в молитвах, и тогда «*bona venture*» трактовалось, как «счастливое пришествие» Франциска.

Выдающийся богослов и писатель, Бонавентура создал по просьбе братии свой вариант жития Франциска, называемый «Большая легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо». После появления этой рукописи все прежние биографии решили уничтожить. Конечно, святой Бонавентура действовал так не ради своих писательских амбиций, а ради истины — как он ее понимал. По его понятию, обычному человеку не под силу подражать такой исключительной личности, какой был Франциск. Поэтому не нужно гнаться за недостижимым, а следует адаптировать монашеский идеал францисканцев к реальной жизни. Братия должна пожизненно оставаться в стадии ученичества, без возможности стать мастером, но с осознанием огромной важности процесса обучения.

Такое «послабление» в области аскетизма дало неожиданный прорыв в научной деятельности. До Бонавентуры наукой занимались преимущественно доминиканцы. Он изменил это положение. Именно францисканцы внесли большой вклад в науку позднего Средневековья. Они работали в прославленных университетах — в Оксфорде, Париже, Болонье... Выдающийся ученый Роджер Бэкон^[12] — тоже францисканец.

Как сказалась новая концепция на образе нашего героя? По сравнению с обеими рукописями Фомы Челанского, где молодой балбес круто меняет свою жизнь, становясь праведником, Франциск Бонавентуры благочестив изначально. Автор усиливает параллели с Евангелием, подчеркивая таким образом богоизбранность святого из Ассизи и как бы заранее обозначая невозможность подражания. Даже о грехах юности говорится в сослагательном наклонении — возможно, они имели место, но не факт.

Думается, Бонавентура с удовольствием и вовсе убрал бы эти грехи. Но он был честным человеком. К тому же полностью «небесная» чистота никак не согласовывалась бы с жизнелюбивым темпераментным характером героя. Да и в Ассизи до сих пор существует розовый куст, в который святой когда-то бросился, борясь с искушениями. Поэтому «Большая легенда» до сих пор считается вполне достоверным источником. Все основные события жизни святого там сохранены, правда, доля морали настолько велика, что повествование приобретает несколько лубочный оттенок. А духовного развития героя со взлетами и падениями, которое есть у Фомы Челанского, там и вовсе трудно разглядеть. Оно и понятно. Зачем развиваться тому, кто и так почти подобен ангелу.

Мы можем из нашего XXI века возмутиться. Мало того что образ Франциска сознательно обеднили, так еще и чуть было не уничтожили другие, более «живые» жития. Но современники Бонавентуры думали по-другому и сочли его труд весьма полезным. Ведь этим текстом он уберег многих от чрезмерно рьяного умерщвления плоти, балансирующего на грани самоубийства. Подражать живому человеку, прошедшему путь сомнений, можно и хочется. Подражать непонятному высшему существу какой смысл?

Да и литературное дарование Бонавентуры бесспорно. Кстати, обычно для кратких биографических справок пользуются именно его «Большой легендой». С ее вещими снами, голосами, неслучайными встречами и полной предопределенностью судьбы, которая так нравится романтически настроенной публике.

Есть еще одно маленькое, но очень интересное житие — «Легенда трех спутников». Эта рукопись считается неофициальной, она появилась не по заказу папы, и процесс ее создания не контролировался высшим руководством францисканского ордена. Считается, что ее написали трое близких друзей Франциска — Леон, Руфин и Ангел. Скорее всего, так и было, во всяком случае, авторы хорошо знали не только своего героя, но и его родные места. Оттого их творение иногда даже называют «Ассизской легендой». Пожалуй, этот текст — самая простая и человечная повесть о Франциске. В нем особенно видны добрый характер святого из Ассизи и его желание радовать людей.

И, конечно же, нельзя не упомянуть знаменитые «Цветочки Франциска Ассизского», замечательный памятник средневековой литературы. Это произведение можно найти в любом книжном магазине, с него, как правило, и начинается знакомство со святым Франциском. «Цветочки» не рассматриваются в качестве достоверного источника. Их принято считать

поэтическим творением народной фантазии, чем-то вроде безымянных анекдотов, какими часто окружены биографии известных персон. Но это неверно. За «голосом народа» скрывается профессиональный автор. Большинство исследователей приписывают «Цветочки» монаху Уголино Брунфорте^[13], возможно, с более поздними добавлениями других сочинителей. «Actus V. Francisci et Sociorum Ejus» — «Деяния святого Франциска и его сподвижников» — так выглядит название латинского оригинала. Самая старая из его копий датируется 1390 годом и хранится в Берлине.

В «Цветочках» 53 главы и приложения: о стигматах и жизни монахов в провинции Анконская марка. Книга создана спустя полтора столетия после смерти Франциска, когда не осталось уже никого из лично знавших святого, но всеобщую любовь завоевала именно она. Как нетрудно догадаться, дело здесь в писательском таланте, только не создателя, а безымянного переводчика на «народный», итальянский, который обладал таким сочным и ярким языком, что книгой о Франциске тут же стали зачитываться даже те, кто вовсе не увлекался монашеской жизнью. Напечатали же впервые этот перевод к 250-летию смерти Франциска, в 1476 году, в городе Виченца. Кстати, само слово «цветочки», сразу настраивающее читателя на умирительно-гармоничный лад, в итальянском языке имеет два значения. *Fioretti* (единственное число — *fioretto*) означает не только маленький цветок, но еще и «обет» или «благочестивый поступок». Именно такой вариант перевода оказался бы более точным, но, возможно, отпугнул бы многих читателей.

Создавались в Средневековье и другие книги о Франциске, например труд Варфоломея Пизанского (XIV век). Он называется: «О сходстве жизни блаженного Франциска с жизнью Господа нашего Иисуса Христа», в нем перечисляется целых 40 таких сходств. Веком позднее появилась объемная компиляция «Зерцало жизни блаженного Франциска». Список можно было бы продолжить, поскольку ученые монахи любили размышлять и писать о Франциске. К сожалению, их труды заметно уступают основным житиям по достоверности, а «Цветочкам» — по художественным достоинствам. Поэтому углубляться в них нет смысла.

Зато стоит обратить особое внимание на совершенно уникальный документ — собственные тексты святого Франциска. Их сохранилось на удивление много. В сборнике «Истоки францисканства» им по праву уделено почетное первое место. Они неоднородны и не имеют единой концепции. Часто это небольшие размышления на какую-то тему, немного напоминающие современные «пóсты» в соцсетях. Разумеется, не по стилю,

а по емкости и ораторской направленности на аудиторию. Святой из Ассизи не только старался донести до читателей свои мысли, но и давал им задания, призывая переписывать его тексты, держать их постоянно при себе и — самое главное — жить, руководствуясь их смыслом. Благодаря в том числе подобной «интерактивности» литературное наследие нашего героя сильно размножилось еще до изобретения печатного станка.

Эти «Писания» («Opuscoli») иногда создавались в соавторстве, но чаще всего надиктовывались самим Франциском — брату Льву, другим секретарям и просто попутчикам, которые оказывались рядом. Люди, фиксирующие записки святого, имели разный уровень таланта и грамотности, но авторская оригинальность пробилась сквозь все обстоятельства и придала «Писаниям» целостность.

Сочинения Франциска принято делить на три части: «Правила и наставления»; «Послания»; «Хвалы и молитвы». Деление это весьма условно, так как молитвы и восхваления встречаются и в «Правилах», и в «Посланиях». Феличано Олджати во вступлении к сборнику францисканских документов предлагает другую классификацию. «Правила и наставления» вместе с «Посланиями» — разговор святого с людьми. Он формулирует, каким должен быть правильный образ жизни в ордене и в миру, предостерегает от ошибок, дает советы. «Хвалы и молитвы» — как бы чуть приоткрытая дверь во внутренний мир Франциска, возможность разглядеть слабые отсветы его личного духовного опыта.

Казалось бы, вот он — главный источник информации для составления «легенды». Однако «Писания» долгое время обходились не то чтобы молчанием, но «официальным» серьезным отношением. Подлинные мысли святого оказались вне генеральной линии почитания и понимания его деяний. Признание пришло лишь в XX веке, со Вторым Ватиканским собором^[14], который стал настоящей духовной революцией для католицизма. Папа Иоанн XXIII определил его цель как «открытая миру Церковь». Католическая церковь начала действовать, не осуждая реалии современного мира, а двигаясь ему навстречу, изменяясь внутренне, иногда даже в ущерб многовековым традициям. Основные изменения касались перевода литургии с мертвой латыни на национальные языки. Это объяснялось вовсе не дешевым популизмом, как можно подумать, а желанием точнее раскрыть смысл слова «литургия».

В переводе с греческого *Acirovpyia* — «служение», «общее дело», «народное действие». В этом смысле прихожане начала XX века, порой не понимающие на мессе ни одного слова, действительно больше походили на зрителей в концертном зале, чем на верующих. Эффект усугублялся

пышностью музыкального оформления, часто написанного в стиле классицизма. А ведь эстетические идеалы эпохи Просвещения, создавшей классический стиль в музыке, совершенно не соответствовали христианскому восприятию мира.

Сейчас в католических церквях звучит много современных песнопений. Они тщательно отбираются литургической комиссией и представляют собой сплав интонаций древнего григорианского хора и музыки той страны, где происходит богослужение. Также есть специальные мессы с участием детей и молодежи, с ритмичными запоминающимися песнями. Молодые люди поют их под гитару не только в церкви, но и в паломничествах и на молодежных встречах, которые проходят по всему миру.

Другим важнейшим постулатом Второго Ватиканского собора стали изменение отношения католицизма к другим конфессиям и религиям в лучшую сторону. Именно после собора стали возможными развитие католическо-православного диалога и выход его на новый уровень. В частности, впервые в истории папа римский лично встретился с Патриархом Московским и всея Руси.

Далеко не все католики восприняли Второй Ватиканский собор позитивно. Некоторые усмотрели в нем отход от традиций. Особенно это касалось изменения положения священника во время мессы. Раньше он служил спиной к верующим, глядя на алтарь, а теперь его развернули лицом к пастве. В этом опять-таки можно усмотреть и дешевый популизм, но также и возвращение к неформально-общинному духу первых веков христианства, о чем мечтал в начале XVIII столетия святой Франциск.

Францисканцы XX века старались возродить этот евангельский дух еще до Второго Ватиканского собора, но именно на соборе их начинания поддержали официально. На волне этих позитивных событий во францисканском ордене наконец заговорили о пересмотре приоритетов важности биографических источников Франциска. Возник вопрос: почему при изучении исторической личности во главу угла ставятся «легендарные» биографии, а не собственные тексты святого? Разве может кто-то рассказать о человеке и его окружении достовернее, чем он сам?

Логично. Тем не менее в течение семи предыдущих веков такая очевидная мысль не приходила в голову францисканским исследователям. Во всяком случае, ее никогда не выносили на официальное обсуждение. Как-то само собой подразумевалось, что Франциска следует почитать, но не читать. Словно его собственное творчество могло испортить впечатление от светлого облика святого. Откуда же пошла такая традиция?

В какой-то степени ее создал сам Франциск. Он называл себя «неучем и простецом» и не приветствовал книжную премудрость, называя ее «любознайством». Понятно, что такое заявление не может не коробить интеллектуалов, которых в ордене всегда было много.

Тогда возникает вопрос: почему эти интеллектуалы стали францисканцами? Чем провинциальный полуграмотный человек смог привлечь их?

«Простец» Франциск на самом деле оказывается вовсе не прост. Да и с чего быть деревенским дурачком человеку, стремившемуся в высший свет тогдашнего общества? Ведь в юности наш герой мечтал сделаться рыцарем и произвел немало полезных усилий, приблизивших его к мечте. Он умел находить нужных людей, смог устроиться в услужение к одному из самых знатных людей своей округи — Готье де Бриенну^[15]. К тому же Франциск хорошо знал творчество модных в то время прованских трубадуров. А это — очень важный пласт культуры, повлиявший на многих поэтов, вплоть до Данте.

Испытав интеллектуальные радости высокого уровня, Франциск без сожалений закрывает этот гештальт. Крылья поэтического вдохновения безнадежно проигрывают сравнению с крыльями ангелов, а эмоциональная суета подъемов и спадов может питать лишь гордыню.

Обратившись, Франциск четко видит огромную разницу между боговдохновенным знанием и потугами разума, между духом закона и его буквой. Духовно недалекому человеку большая ученость не принесет ничего, кроме суетности и гордыни.

Но было бы глубокой ошибкой считать, будто бы святой из Ассизи призывал своих учеников к тьме невежества. Известна легенда, в которой он велит отдать единственную Библию старушке, дабы та продала дорогой фолиант и купила себе еды. Эта история о доброте Франциска и его независимости от материальных ценностей, а вовсе не про плохое отношение к грамотности.

О книгах есть строки в одном из его «Посланий»: «...мы, призванные к божественным служениям, должны не только слушать и исполнять то, что говорит Бог, но, чтобы укоренилась в нас высота Творца нашего и наша Ему послушность, должны мы хранить священные сосуды и богослужебные книги, заключающие в себе Его святые слова». И когда в орден пришел Антоний Падуанский, именно Франциск велел ему учиться, поняв, что этот юноша — ученый от Бога и такому человеку знания никогда не станут соблазном.

Еще убедительнее свидетельствуют о просветительской

направленности мировоззрения нашего героя имена тех самых интеллектуалов: Данте, Петрарка, Роджер Бэкон, Уильям Оккам, Бертольд Шварц, считающийся изобретателем пороха, сатирик Франсуа Рабле... Список можно продолжить. Да и неослабевающий интерес к личности святого Франциска у людей различной культуры и вероисповедания тоже плохо сочетается с невежеством.

Получается, ограниченностью страдал вовсе не Франциск, а его современники, испугавшиеся «корявости», а точнее, чрезмерной самобытности его «Писаний». Так оно и было, но средневековых церковнослужителей легко понять, если хорошо представить себе время, в которое они жили.

ОПАСНОЕ ВРЕМЯ

Слово «Средневековье» похоже на картинку — яркую, но плоскую, лишенную перспективы, как миниатюры тех времен. Каждый воспринимает эту эпоху по-своему, но почти все — равнодушно. Очень часто нарицательный смысл ее названия негативен, он — синоним ограниченности, необразованности, варварства, всего того, что вроде бы уже преодолено в наше время, этакая страшилка, которую ни в коем случае нельзя допустить вновь. Другая крайность — огульная романтизация эпохи, перевод средневековых реалий в плоскость рыцарских баллад. В такой мир, наоборот, хочется уйти, что и делают толпы подростков, занимающихся историческими реконструкциями и ролевыми играми.

Правда не посередине. Она вообще не имеет отношения к плоским картинкам. Начать с того, что под Средневековьем подразумевают целое тысячелетие. Да, в этих долгих десяти веках было нечто общее — и это в первую очередь христианство, скрепившее собой не только эпоху, но и различные народы Европы. Однако правление Юстиниана I сильно отличается от времени империи Карла Великого, так же как и Крестовые походы — от Гуситских войн. Неповторимый вкус времени придают простые люди со своим менталитетом и особенностями быта. От средневековых жителей осталось слишком мало личного, особенно от живших в ранние века. Можно прочесть лишь официальные послания пап и королей, законы, реестры и прочие прикладные либо богословские тексты. Потому складывается впечатление, будто те времена не имели тонкой и разнообразной интеллектуальной жизни, которая привычна нам. Будто только и спорили, что о количестве ангелов на кончике иглы. Но ведь так не может быть. Без постоянного и мощного мыслительного процесса не смогла бы возникнуть средневековая философия, поднявшая многие, актуальные и поныне, вопросы. Не появились бы Данте и многие другие, в том числе наш герой, Франциск.

Средневековье вовсе не коротало века в темноте, освещаясь лишь кострами инквизиции и мучительно дожидаясь Возрождения. Оно было живой эпохой, со своими радостями и своими культурными кодами, не во всем совпадающими у Юстиниана и Иоганна Гутенберга, но общими для Франциска и Данте с Петраркой. Эти великие поэты разминулись с ассизским святым всего на несколько десятилетий. Они говорили с ним на одном языке, но их объединяло не только время. Они оба принадлежали к

францисканскому ордену, а значит — постигли и полюбили философию Франциска. Потому Лаура Петрарки и Беатриче Данте — это не про мужчину и женщину, или не только про них. Это совершенно особая аура XII–XIII веков, когда по дорогам бродили трубадуры, воспевающие Прекрасную Даму, то есть Богородицу. Время, когда каждый мужчина имел возможность очистить свою душу и получить улыбку с небес. Можно только догадываться, как это удивительное настроение влияло на умы, но градус его точно не уступал нашему Серебряному веку. Некоторые из поклонников Девы объединялись в сообщества. Например, во Флоренции был орден «Рыцарей служения Богородице». Они изображены с букетами, коленопреклоненными перед Ее троном на одной из картин Джотто.

Также были популярны циркачи, ходящие на руках, и дурачки типа юродивых. Чтобы стать таким «юродивым», люди долго учились у известных мастеров. Сохранился шуточный средневековый учебник, созданный современником Франциска, трубадуром Гиро де Калансоном^[16] специально для жонглеров: «...Он [жонглер] должен играть на разных инструментах; вертеть на двух ножах мячи, перебрасывая их с одного острия на другое; показывать марионеток; прыгать через четыре кольца; завести себе приставную рыжую бороду и соответствующий костюм, чтобы рядиться и пугать дураков; приучать собаку стоять на задних лапах; знать искусство вожака обезьян; возбуждать смех зрителей потешным изображением человеческих слабостей; бегать и скакать по веревке, протянутой от одной башни к другой...»

Церковь относилась к жонглерам и менестрелям не всегда лояльно. Тем не менее их иногда допускали к участию в духовных представлениях. На стыке двух миров возникла знаменитая легенда о жонглере и Богоматери. Молодой жонглер возлюбил Пречистую Деву, но не владел оружием, чтобы совершить рыцарский подвиг в ее честь, и даже не знал грамоты, чтобы правильно прочитать молитву. Тогда он посвятил Ей свое цирковое мастерство, исполнив перед Ее образом все самые сложные антраша, на какие был способен. И Пресвятая откликнулась, явившись к нему во сне, и укрыла своего верного паладина. Эта легенда не могла не повлиять на Франциска, который уж слишком похож на ее героя со своим ярко выраженным театральным подходом к жизни и детской наивностью, позволившей ему добиться аудиенции императора, чтобы поговорить о судьбе жаворонков.

Несмотря на искреннюю любовь к возвышенному, современники и соотечественники святого из Ассизи вовсе не были наивными мечтателями. Сам Франциск происходил из семьи успешного торговца. Данте был сыном

ростовщика и всю жизнь пытался сделать политическую карьеру. Италию XII–XIII веков можно назвать страной деловых людей. Правда, с оговоркой. Ведь Италии как таковой не существовало. Ее территорию занимали отдельные города-государства со своей культурой, законами и даже разными, хотя и похожими, языками. В процветающих городах жизнь кипела не хуже, чем в современных мегаполисах. Достаточно вспомнить количество населения некоторых из них в XIII веке: более 80 тысяч во Флоренции, около 60 тысяч — в Болонье. При весьма бойкой торговле такие большие населенные пункты не могли вписаться в привычную для феодализма экономику — чуть сложнее натурального хозяйства. Товарно-денежные отношения постоянно развивались, появлялись не только ростовщики, но и банки, подобные современным. Среди прочего они позволяли сберечь деньги от нападения разбойников — в путешествие можно было отправиться без кошелька, с одной лишь распиской.

А средневековые небоскребы? Знаменитые башни высотой с тридцатипятиэтажный дом, построенные в том же XIII веке без современных подъемных кранов. Многие из них обрушились или были специально разобраны с целью ущемить слишком гордых хозяев. Но оставшихся вполне хватит, чтобы восхититься технологиями «темного» и «отсталого» Средневековья. Высота символа Болоньи — башни Азинелли — составляет 97,2 метра. Ее соседка Гаризенда лишь 48 метров, но ее в более поздние времена трижды укорачивали, боясь обрушения.

Бурное строительство башен, соборов и дворцов давало обилие рабочих мест и манило крестьян из окружающих деревень. Точно так же как и гастарбайтеров наших дней. Но средневековые города-государства давали еще и некоторые льготы «понаехавшим», например укрывали беглых или выплачивали выкуп сеньору за того или иного нужного работника. В начале XIII века в Лукке и Пизе издали специальные постановления о свободе и неприкосновенности людей, бежавших от феодала или из других городов. Но больше всего крестьян освободила Болонья. Именно там появилась знаменитая «Райская книга» («Liber Paradisus»), одно из первых в истории постановлений об отмене крепостного права. Опираясь на этот документ, болонская коммуна выкупила у феодалов около шести тысяч человек. Похожую акцию, но в меньших масштабах произвела чуть позднее Флоренция. Интересно, что выкупались самые бедные и несчастные из крестьян. При этом колонны^[17], зависимые от знатных горожан — членов коммуны, свободы не получили.

Такая политика привлекала маргиналов и не способствовала тишине и порядку. На городских улицах постоянно вспыхивали стычки — между

сословиями, политическими партиями, между ремесленными цехами. При этом хаоса в экономике не происходило. Вся жизнь итальянских городов-коммун подчинялась нормам римского права, «рецепция» (то есть возрождение) которого произошла в Италии еще в конце XI века.

Собственно, старейший университет Европы — Болонский — возник изначально как юридическая школа известного глоссатора^[18] Ирнерия^[19]. Во времена Франциска в нем царили нравы весьма демократичные. Всю власть имели не профессора, а студенты. Они избирали профессоров на строго определенный срок, в течение которого преподавать в других местах строго запрещалось. Каждый магистр зависел от своих учеников, тем не менее профессура в Болонский университет шла охотно.

Если власть студентов хоть как-то гармонирует с привычным образом Средневековья, то возможность научной карьеры для женщин может вызвать удивление. А между тем двери Болонского университета были открыты для прекрасного пола. Ученых дам даже допускали к преподаванию. Дочь юриста Аккурсия, Дота д'Аккорсо, удостоилась степени доктора права в том же XIII веке, сохранились в летописях имена и других известных юристок. Обычные женщины тоже часто учились грамоте.

Не страдали средневековые города и отсутствием досуга. Жители развлекались не только мастерством жонглеров и менестрелей, но и масштабными театральными представлениями. Конечно, сценарии спектаклей имели христианскую специфику, но это не мешало их разнообразию. В ход шли не только сюжеты «официального» Евангелия, но и апокрифы, а также рыцарские романы и легенды. Даже торжественные мессы, сдобренные инсценировками, превращались в интерактивное действо. А бывали и светские праздники с танцами, например популярный в итальянских городах *Calendimaggio*, шумно отмечаемый в первый день мая. В честь него ставили корти^[20], украшали дома тканями и гирляндами цветов. На одном из таких майских праздников маленький Данте познакомился с Беатриче — серьезной девочкой в красном платье.

Пышно цвела средневековая художественная самодеятельность. Музицирование, поэтические состязания — все это существовало не только в богатых палатцах, но и в ремесленных цехах. Ремесленники подготавливали театральные постановки в честь своих патронов. Имелись городские «кружки» благочестивого пения. Отдельно можно сказать о спортивном досуге, представленном не только рыцарскими турнирами. Есть сведения о массовых играх в мяч и состязаниях между цехами и

городскими кварталами.

У интеллектуалов были свои развлечения. Они читали античную литературу — Вергилия, Геродота, Платона, Аристотеля. Античные идеи проникали и с Арабского Востока, откуда возвращались крестоносцы.

Благодаря Крестовым походам люди знакомились с мусульманской культурой. Это добавляло насыщенной городской жизни еще один слой, начиная с запаха пряностей и заканчивая наличием арабских настольных игр, бань и даже массажистов. Лютня — музыкальный символ средневековой Европы — тоже имеет неевропейское происхождение. Ее название — искаженное словосочетание «аль уд». Так по-арабски именовался струнный инструмент с корпусом из черепахового панциря, привезенный крестоносцами с Востока.

В общем, современники Франциска во многом походили на жителей нынешних мегаполисов. Кроме одного момента. Над всем тогда стояла Церковь. Ее огромные соборы, устремленные в небо и видные отовсюду, молчаливо доминировали над городской архитектурой. Под ее неусыпным оком происходила интеллектуальная и частная жизнь каждого человека. И в этом контексте сразу возникает вопрос: как же уживалась вышеописанная «вольница» средневековых городов с известной строгостью католических догматов и правил?

Сие сожителство нельзя назвать мирным. Постоянно расширяющиеся возможности для образования, новые экономические связи и модели развития — все это укрепляет эго и плохо сочетается с церковным послушанием. А Церковь на рубеже XII–XIII веков выглядела весьма непривлекательно, раздражая многих мыслящих людей.

Давно канули в прошлое раннехристианские общины с общим имуществом и совместными бесхитростными трапезами. К моменту рождения Франциска во владении церковных структур скопилось множество земель и материальных ценностей, а папа совмещал в себе власть не только духовную, но и светскую. К тому же римские первосвященники постоянно соперничали с различными императорами, не избегая политических интриг. Это сильно походило на одновременное служение Богу и мамоне, о невозможности которого говорил Христос.

Притом католическое духовенство вовсе не выглядело «косным» и «реакционным», как представляли его советские учебники. Наоборот, именно духовное сословие традиционно являлось наиболее мыслящим, поскольку до появления университетов наука и культура сосредоточивались преимущественно в монастырях. Там же возникали научные открытия. И недовольство существующим порядком, выливавшееся в многочисленные

ереси и антипапские восстания, брало свое начало в церковных кругах.

Из монахов и клириков происходили философы-вольномыслители, расшатывающие незыблемые основы католического вероучения, от Пьера Абеляра до Джордано Бруно. Арнольд Брешианский, мятежный идеолог возрождения Римской республики, на время упразднившей папскую власть, тоже был священником. Низшее духовенство активно участвовало в фактическом свержении папы Иннокентия II в 1143 году. В лоне матери-Церкви выросли многие лидеры еретических сект и движений, буквально заполонивших Европу.

Италия и Франция на рубеже XII–XIII веков представляли собой рассадник сектантов. Умбрию, где находится Ассизи, наводнили патарийцы, которые ранее уже организовали свои центры в Милане и Ломбардии. Еретики, называемые альбигойцами, заполонили юг Франции так, что папе пришлось организовать против них что-то вроде крестового похода, известного в истории как Альбигойские войны. Кроме них имелись вальденсы, гумилиаты и многие другие. Далеко не все из них боролись с католицизмом. Некоторые пытались сотрудничать, предлагая свои изменения, как, например, вальденсы. Несмотря на средневековые гонения, их сообщество существует в Пьемонте по сей день, они соединились с методистами и даже входят во Всемирный совет церквей.

Еретические лидеры XIII века завоевали большую популярность. Они были аскетичны, темпераментны и производили на обывателей большое впечатление. Ходили в лохмотьях, раздавали свое имущество и говорили об этом ярким народным языком. Как сказали бы сейчас, активно «пиарились». А Церковь выражалась на ученой латыни, к тому же постоянно требовала свою законную десятину. И люди начинали сомневаться: а нужна ли она вообще для спасения души?

Требовалось нечто, объединяющее и поднимающее дух всего христианского народа Западной Европы. Конечно же, таким средством были Крестовые походы. Но они требовали много сил и не оправдывали надежд, так как Гроб Господень отвоевать не удавалось. Неэффективными оказывались и карательные меры против еретических лидеров. Жестокая казнь освящала казнимого за свою веру человека привычным для христиан ореолом мученичества — и вместо устрашения только поднимали дух сектантов. Единственным спасением было принять вызов времени и дать достойный ответ еретикам, требующим возвращения к Евангелию. И вроде силы для этого имелись. Ведь далеко не все духовенство испортило свой имидж бизнесом. В монастырях находилось множество монахов, живущих достойно и крайне просто. Но никто не видел сквозь монастырские стены

ни их самих, ни убожества их келий. Они не умели проповедовать, да и не собирались возвращаться в мир, поскольку когда-то уже выбрали путь отречения от него.

В это опасное для Церкви время в Рим пришло несколько грязных бродяг, одним из которых был наш герой, Франциск Ассизский. Внешне у него имелись все до боли знакомые церковным иерархам признаки еретика. Он вел вызывающе аскетичный образ жизни, вдохновенно и темпераментно проповедовал, вокруг него собирались странные последователи... Неудивительно, что папа Иннокентий III поначалу не проникся доверием к такому сомнительному персонажу и выгнал его из дворца, несмотря на рекомендации архиепископа Ассизи. Понтифик этот считается символом апофеоза папской власти. Он никогда не пытался стать святым, зато добился фактического господства над всей Западной Европой. Родившись в аристократической семье и получив блестящее образование, Иннокентий любил изящество, а с нищетой предпочитал общаться только теоретически — в книгах.

И вот этот гордый прагматичный человек совершает крайне рискованный поступок: поддерживает одного из многочисленных возмутителей церковного спокойствия и даже одаривает его правом распространять свое мировоззрение. А ведь совсем недавно предшественник Иннокентия Луций III отлучил от церкви Пьера Вальдо, очень похожего на нашего героя. Вальдо также отказался от своего состояния и проповедовал на улицах идеи апостольской бедности. Даже происходил из купцов, как и Франциск. Папа Иннокентий III подтвердил его отлучение. А Франциска, после долгих колебаний, признал. Как это произошло?

Светские авторы, пишущие о Франциске и францисканстве, как правило, объясняют сей факт исключительно политической расчетливостью Иннокентия. Например, на academic.ru можно найти мысль, что нищенствующие ордены были специально созданы папством с целью одурманивания народа. «Они [монахи] бродили по всем городам и селам, проникали в самую глубь народных масс и стремились отвлечь своей проповедью массы от классовой борьбы, заглушить в них ненависть к угнетателям и внушить им преданность папе и церкви. Показной «добродетельной жизнью» и личной бедностью «нищенствующие» монахи стремились завоевать популярность в народе».

Странно представить себе, как прожженный политик Иннокентий видит несимпатичного ему вонючего бродягу всего второй раз в жизни — и вдруг решает изменить ради него незыблемый порядок, потому что так

выгодно. В чем выгода? Где гарантии, что этот малоуправляемый маргинал не станет впоследствии тянуть одеяло на себя, еще больше усложнив и без того сложную ситуацию? А если окажется послушным — очаруется ли вольнолюбивое городское население папской марионеткой? Не станет ли такое предприятие еще одним поводом для раздражения? В обоих случаях пользы для Церкви не получится, а опасный прецедент будет создан.

Если рассуждать логически, никакой расчетливости и даже простого здравого смысла в действиях папы Иннокентия нет. Но понтифик, каким бы приземленным он ни казался, не может мыслить только земной логикой. Ведь прежде чем занять Святой престол, он долгие годы живет церковной жизнью, проводя время в богослужениях и чтении Писания. Это накладывает сильный отпечаток на строй мыслей. А если учесть, что в XIII веке сознание любого человека было глубоко религиозным, то Иннокентий — человек не от мира сего вдвойне. Его достижение всеевропейского господства в подобном контексте приобретает несколько особый оттенок. Он добивается земной власти не для себя, но для Церкви. И тогда единственное убедительное объяснение действий папы таково: он разглядел в смиренном Франциске образ Христа и поверил ему. С помощью вещего сна или путем долгих молитв и размышлений — никто не знает. Но союз с Франциском состоялся, и он был по любви, а не по расчету. Папа рискнул — и выиграла Церковь.

ПОЧЕМУ СВЯТОЙ, А НЕ ЕРЕТИК?

Мы говорили о большом сходстве Франциска с лидерами еретических движений. Он, так же как многие из них, отказался от имущества, вел аскетический образ жизни, проповедовал на улицах. Почему же его не сочли еретиком?

Вначале разберемся, что такое ересь. В современном смысле это понятие несет негативный смысл. Мы, воспитанные в светском обществе, порой сочувствуем еретикам, замученным инквизицией, но все же хорошее дело ересью не назовем. В русском языке даже есть выражение «нести ересь», то есть говорить нечто неумное, нехорошее. Но изначально, в своем греческом варианте, слово «ересь» (*αἵρεσις*) значило какое-либо направление, учение, выбор, школу, секту. Все значения абсолютно нейтральны, кроме последнего. Смотрим слово «секта». Оно происходит от латинского *sequor* — «следую». В эпоху Древнего Рима это слово обозначало группу последователей, изучающую какое-либо учение, или философскую школу. «Сектантами» именовали последователей Зенона, Гиппократата и других именитых философов и ученых. Да и само христианство на заре своего существования часто называлось «сектой» или «ересью» без негативного акцента в числе других учений.

Когда же слово «ересь» получило современный смысл?

Фактически это произошло почти одновременно с появлением и распространением христианства. И сам термин изначально христианский. Как пишет доктор философских наук и сектовед Александр Дворкин: «Для того чтобы стать еретиком в святоотеческом смысле этого слова, человек изначально должен был пребывать в истине», то есть являться христианином.

Разберем вкратце многочисленные ереси II–IV веков. Насколько опасными они были для становления Церкви?

Некоторые из них появлялись в результате «вливания» в христианство языческих культурных пластов, как, например, гностицизм или экзотический церинфузизм, созданный философом из Александрии, Церинфузом. Первый основан на культе знания, которое спасет посвященных. Второй считает Христа обычным человеком, в которого «вселился» Святой Дух при крещении и бесследно «выселился» во время распятия.

Другие ереси, например арианство, отвергали Божественную природу

Христа. Или, наоборот, — как марционизм и доцетизм, отказывали Сыну Божьему в человеческой природе, считая Его чем-то вроде призрака.

Были ереси, возникшие по политическим причинам. Стоит отметить донатистов, которые не отвергали отступников, то есть тех, кто отрекся от веры во время преследований, и даже создали своеобразную общину «блудных сынов». Во главе стоял карфагенский епископ Менсурий^[21] — его также считали предателем, сотрудничавшим с враждебными римскими властями. Он пытался ослабить гонения на христиан, найдя компромисс. Например, выдал на сожжение не подлинные священные книги, а апокрифические. Хотя обман раскрылся, римские чиновники удовлетворились тем, что им выдали, и не собирались продолжать преследования, зато представители христианской партии ригористов^[22] были крайне возмущены поступком епископа и причислили его к предателям.

Несмотря на кажущуюся тягу к миротворчеству, сам Менсурий являлся личностью едва ли не более радикальной, чем несогласные с ним единоверцы. Он яростно боролся с идеей мученичества, особенно актуальной в первые века христианства. Причем его методы борьбы по жестокости недалеко ушли от стиля гонителей христиан. Он ставил у входа в тюрьму, где томились мученики, своих людей с плетями и дубинками для разгона тех, кто приходил навестить несчастных. Наемники Менсурия отнимали пищу, приносимую заключенным, и тут же отдавали ее собакам. Карфагенский епископ объяснял свои зверства желанием очистить мученичество от случайных людей, которые специально объявляли себя христианами, чтобы попасть в тюрьму и не платить по долгам. Он также требовал, чтобы сдавшиеся языческим властям добровольно вовсе не причислялись к мученикам.

Из этого небольшого обзора видно, насколько ереси первых веков отличались от тех, что возникли во времена Франциска. С одной стороны, они сильнее «замахивались» на самую суть христианского учения, так как существовали параллельно с язычеством и питались его идеями. С другой стороны, споры по поводу истинности веры решались не с помощью собственной инквизиции, а с привлечением сторонних сил в виде законов и солдат языческой Римской империи. Наличие ненадуманного внешнего объединяло верующих. Но в целом христианство в те времена еще не обладало полностью сформированным и подробно развитым церковным учением. И теоретически в то время ереси могли раздрать Церковь на множество мелких группировок.

А во времена Франциска Церковь окрепла, превратившись в самую мощную силу Европы. Но в этом таилось ее слабое место. Утратив дух смирения, она рисковала разочаровать в себе верующих. И тогда вместо раздробленности могло случиться полное омертвление. Поэтому многие заметные еретические фигуры высокого Средневековья уже не пытаются улучшить само учение, но бьют тревогу и предъявляют вопросы руководству — папе, продажной Римской курии, зажавшимся епископам, да и простым священникам, чей моральный облик недостаточно строг.

И вот оно, первое и самое заметное отличие Франциска от еретиков. Он смиренно целует землю, по которой прошел любой из священников, независимо от его морального облика.

Уж не заискивание ли это перед властью с целью добиться для себя вкусных пряников? Разве Франциск не видел справедливости обличителей Церкви? Ведь то здесь, то там монахов и епископов уличали в дурных привычках и греховной жадности, а монастыри прибирали к рукам неподобающее количество земель. Такова была правда жизни. Но ассизский святой видел дальше обычных людей и разглядел в обличениях священства не свет истины, а ядовитые семена будущей розни. Как сказал философ Григорий Померанц: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело». Поэтому Франциск не судит даже самого плохого священника. Он помнит, что этого человека допустил до служения не епископ и не папа, а Бог.

Второй важный момент. Еретические лидеры часто использовали свой личный аскетизм в качестве самопиара и укорения церковных властей. Американский философ-материалист Берроуз Данэм, которого трудно заподозрить в любви к Церкви, сказал о Пьере Абеляре и его последователях: «Он любил, в сущности, только самого себя, и нам кажется, что именно этот эгоизм был для него тяжелым бременем, снижавшим его природный талант и часто делавшим бесплодными все его усилия. У него было множество идейных последователей, которые тратили свои способности на то, чтобы выставлять себя напоказ; другим людям они принесли мало радости, так как почти не интересовались ими».

Весьма занятную эпитафию создал врагу папства, Арнольду Брешианскому, анонимный средневековый хроникер: «О мудрый Арнольд! какую пользу принесли тебе столь большая ученость, столь частые посты, столь большой труд и столь примерная жизнь, в которой ты пренебрегал отдыхом и телесными радостями? Что побудило тебя выступить против Церкви с клеветой, приведшей тебя, несчастного, к трагической петле? Посмотри теперь на судьбу идеи, за которую ты пострадал: все доктрины

гибнут, и твоя тоже скоро забудется».

Но более всего показательны в этой связи катары. Они именовали себя так от греческого слова *καθαροί*, что значит «чистые», «неосквернившиеся». Нося подобный «титул», трудно не возгордиться.

А Франциск постоянно называл себя «последним из людей». Конечно, можно заподозрить здесь лицемерие или своего рода кокетство. Но факты говорят за себя. Ощущение контакта с Богом было для него много важнее собственной личности, иначе бы он не упустил из рук руководство своим орденом. Святой из Ассизи легко передает бразды правления двум братьям (или, позднее, Уголино) и вылетает на свободу, словно любимые им птицы. Он рвется проповедовать всюду, лезет в самое пекло — в Египет, где за голову христианина можно выручить золотой, чудом остается жив. И впадает в ярость по возвращении, обнаружив, что братья занялись обустройством быта и реализацией личных амбиций, вместо того чтобы чутко сверять каждый свой день с камертоном Евангелия. Глубокое отчаяние он выражает в совершенно детском поступке — лезет на крышу слишком добротного строения, искушающего маловерных, и пытается разрушить его.

Да и саму евангельскую бедность Франциск понимал очень необычно. Не как подвиг. Не как борьбу с соблазнами греховного мира, не как ограничение во имя очищения, этакую диету духа. Он видел в бедности особую красоту жизни, к которой должен стремиться каждый человек.

Нищета материальная не ущемляет человеческого достоинства, но, наоборот, облагораживает, помогает ему осознать себя, перестать прятаться за шлейфом лести и подхалимажа, сопровождающих богатство. «Нищие духом» из Нагорной проповеди — те, кто смог преодолеть свою гордыню, а вовсе не лишённые интеллекта, недалекие люди, как иногда трактуют это выражение в наши дни. Такая нищета — не слабость, но сила. И приземленный сын торговца тканями, вступая в мистический брак с госпожой Бедностью, не лишался благ, а напротив — приобретал их.

При этом наш герой вовсе не считал богачей людьми второго сорта и не смотрел на них свысока. Уже будучи отцом-основателем ордена, он крайне болезненно реагировал, когда его братья осуждали богатых, и предлагал осуждающим заняться исправлением собственных грехов. Добавим: несмотря на идеализацию и поэтизацию бедности, святой из Ассизи никогда не превращал ее в самоцель. Она оставалась для него лишь дорогой к Богу.

Есть один аспект в жизни Франциска, который не то чтобы роднит его с еретиками, но плохо вписывается в привычные церковные каноны. Это

некая эзотеричность его личности, которую любят отмечать современные исследователи. То, на чем ставили акцент романтики и пантеисты. Любовь к природе, такая нехарактерная для христианских святых. Чудеса на грани магии, необъяснимый контакт с животным миром. И самое удивительное — уже упоминавшаяся власть над стихиями, в частности над огнем.

Этот случай произошел, когда средневековые медики пытались лечить Франциску глаза, по тогдашнему методу прижигая виски железом, раскаленным докрасна.

Вот как описывает варварский сеанс терапии святой Бонаventura в одном из канонических житий: «...хирург явился на его зов и уже погрузил в огонь свой инструмент для прижигания, раб Христов, утешая свое тело, уже сотрясаемое ужасом, стал беседовать с огнем, словно с добрым другом, говоря так: брат мой огонь, Господь сотворил тебя доблестным, прекрасным и полезным... я молю Господа, Который тебя создал, чтобы ради меня Он несколько убавил твой жар, чтобы я смог выдержать его, если ты будешь жечь меня с кротостью. Закончив свою речь, он осенил раскалявшийся в пламени железный инструмент знаком креста и уже бестрепетно ожидал лечения...»

Что же дальше? Рассказывает создатель другого канонического жития, Фома Челанский: «Прижигающее железо, потрескивая, погружается в живую плоть, и ожог постепенно распространяется от уха до брови».

При виде такого страшного зрелища братья монахи выбежали в соседнюю комнату и с ужасом ожидали там громких криков, но слышали лишь тихий разговор. Еще больше пациент удивил врача, привыкшего к «совсем иному поведению» при подобных операциях. Он спокойно перенес страшную экзекуцию, утверждая, что «не почувствовал ни жара огня, ни боли плоти», и даже предлагал врачу сделать повторное прижигание, если «плоть недостаточно прижжена».

Уважаемый эскулап назвал случившееся чудом Божиим.

Этот случай явно не миф. Итальянскому историку XX века, П. Бугетти, даже удалось найти указание на имя лекаря, пользовавшего Франциска столь бесчеловечным способом. По всей видимости, то был некий маэстро Никола, упоминания о нем часто встречаются в документах того времени. Сама же операция происходила в обители Фонте-Коломбо, близ Риети.

Триста лет спустя хирурги точно так же будут удивлены стойкостью другого католического святого — Игнатия Лойолы, воспитанного, среди прочего, как раз на житии Франциска Ассизского. Случай похож, но за одним исключением. Создатель ордена иезуитов, как и Франциск, не издал ни звука во время нечеловечески жестокой операции (пиление кости ноги).

Но то был лишь подвиг стойкости и мужества. О перенесенной страшной боли свидетельствовали потом его ладони, Лойола в кровь изранил их собственными ногтями, изо всех сил сжимая кулаки, чтобы не кричать.

Франциску же не пришлось ничего претерпевать. Он действительно «договорился» с огнем. Каким образом? Отключил у себя чувство боли самовнушением? Или вправду повлиял на пламя? Нашел общий язык с элементом^[23] огня, укротил грозную стихию?

Здесь открывается огромный простор и для фантазии, и для научного исследования. Можно вспомнить великих йогов, ходящих по углям. Рассказать об артистах, которые в момент выступления переставали чувствовать боль в сломанных конечностях. Есть и довольно новая наука — нейротеология, изучающая участки мозга, ответственные за религиозный экстаз.

Но нас сейчас интересует совсем другое. А именно: почему современники Франциска, гораздо более фанатичные и менее либеральные, чем мы, зная о «нехристианских» особенностях нашего героя, не сожгли его на костре, а причислили к лику святых?

Да именно потому, что они разбирались в предмете лучше нас.

Не досужие кумушки, а официальная Церковь бесстрашно распространяла информацию о дружеских отношениях святого с земными стихиями. Никому из распространявших не пришла в голову мысль увидеть в этом сюжете магию или огнепоклонство. И вовсе не из-за самоуверенности святых отцов. Как мы помним, церковная власть тогда буквально висела на волоске. Альбигойский крестовый поход — это не демонстрация силы, а крик отчаяния.

Но, несмотря на недоверие Риму и священникам, люди того времени все равно выросли в лоне христианской традиции и сильно отличались от нас своим мышлением. Им не нужно было объяснять тонкой разницы между эзотерическим подчинением себе стихии и обращением к огню «на равных», потому что он действительно равен человеку в глазах Отца Небесного, сотворившего их обоих.

«Ко всему творению он обращался с именем брата и каким-то дивным, никому другому не доступным образом метко задевал внутреннюю сердечную тайну любого творения» — эти строки Фомы Челанского, с удивительным для Средневековья психологизмом раскрывают саму суть харизмы Франциска, сильно искаженную симпатиями романтиков XIX века. Те видели в нем прежде всего возвышенного поэта с ранимой душой, страдающего от практицизма «бюргеров». Но Франциск, наоборот, сам был активным практиком. Услышав голос «пойди и почини дом Мой», он не

рассуждал, а бросился собирать камни и месить раствор. И уж точно он не противопоставлял себя «толпе». Ему бы и в голову не пришло воспринимать людей толпами — как это возможно, если даже в каждой былинке видишь брата или сестру?

Гилберт Кит Честертон в своей работе «Святой Франциск Ассизский» рассматривает ложный романтический образ святого. Франциск романтиков вдохновенно молится у разрушенной церкви, неподалеку от леса. Поэтические руины, красота леса и одинокий юноша, почти менестрель, преклонил колени в ожидании небесного вдохновения. Франциск ведь действительно отличался музыкальностью и сочинял не только тексты, но и мелодии.

Вот только неплохо бы вспомнить, что привело нашего героя к руинам. Уж точно не восхищение стариной. Франциск страдает, видя дом Божий в запустении. Для него руины церкви — не поэтическая картинка, а недопустимая ситуация, которую нужно исправить, и чем скорее, тем лучше. А красоты леса он не видит за деревьями. Как можно говорить о каком-то абстрактном лесе, когда вот здесь растет брат Бук, вон там — сестра Осина или брат Дуб? Если кто-то существует на этой земле — значит, он совершенен, ведь его сотворил Бог.

В этом секрет Франциска-миротворца. Он принимает все творения и понимает, что они не похожи друг на друга и ценны своей разностью. Оттого одним из своих братьев он не советует учиться, а другим — наоборот, говорит о боговдохновенности знания, хотя сам далек от книжной премудрости. Эта необъятная духовная широта неоднократно ставила в тупик его биографов и последователей. И благодаря именно этому качеству после Франциска осталось фактически несколько совершенно разных монашеских орденов. Он смог охватить своей заботой на многие века деятельных людей и созерцателей, мистиков и ученых, мужчин и женщин.

Итак, не еретик, не просветленный гуру и не страдающий гений... Как же воспринимал себя он сам? На этот вопрос, как ни странно, имеется точный, хотя и весьма неожиданный ответ. Во «Втором житии» Фомы Челанского можно прочитать: «...однажды ночью во сне ему было видение. Он увидел маленькую черную курицу, похожую на домашнего голубя, лапки ее были покрыты перьями. У нее было множество цыплят, которым из-за того, что они суетились вокруг нее, не удавалось всем собраться под ее крыльями»^[24].

Проснувшись, Франциск задумался о смысле необычного сна и вскоре

уверенно растолковал братьям его смысл. «Курица, — пояснил он, — это я, невысокий ростом и со смуглым лицом, и я должен соединять с целомудренной жизнью голубиную простоту, настолько редкую в мире, настолько же быстро поднимающуюся к небу. Цыплята — это братья, возросшие в численности и в благодати, которых сила Франциска не может защитить от мятежа человеческого и от пререкания злых языков».

В этой цитате из исторического документа ярко виден подлинный образ святого из Ассизи, презирающего ложный блеск земного величия и пребывающего «в ответе за тех, кого приручил».

Он видит не только красоту Божественной истины, но и ее хрупкость. И юношескую мечту о рыцарстве он воплощает в защите Прекрасной Дамы — Бедности от непонимания и опошления. Вот только стиль защиты как будто бы женский. Курица — не бойцовая птица, но тем не менее именно она, а не петух выращивает и защищает потомство. Когда папа римский при первом знакомстве прогнал вонючего бродягу Франциска «к свиньям», тот долго молился и получил ответ с небес — притчу о прекрасной, но бедной женщине, которую полюбил царь. У нее родилось много детей. Когда они выросли, мать сказала: «Не стыдитесь, что вы бедны, потому, что все вы — дети великого царя. Идите же радостно к его двору и просите то, что вам подobaет».

На первый взгляд ничего возвышенного нет в подобном сюжете. Толпа бастардов побежала к богатым хоромам незаконного папаши просить денег. Нюанс в том, что «бастарды», под которыми подразумеваются все люди, не чувствуют себя ущемленными. Они приносят царю свою достойную бедность и свой облик, в котором виден его облик, и тут же становятся наследниками царства.

Притчу рассказали папе Иннокентию III. К этому времени он сам увидел вещий сон: обрушивающуюся Латеранскую базилику^[25] — главный символ папства в то время. Ее подпер плечом тот самый нищий, и она устояла. После столь значимого видения понтифику не оставалось ничего другого, как поддержать Франциска. А тот, в свою очередь, не боролся с еретиками, он просто был гораздо убедительнее их, потому и выиграл.

Главная миссия святых — заступничество за людей перед Творцом, а вовсе не защита. Если человек молит святого о помощи, будто Бога, или пытается излечиться с помощью иконы — то это называется не верой, а суеверием. Франциск в образе женщины, дающей детям мудрый совет, — вот ответ, почему объединение, а не раскол; святость, а не ересь. Маленькая черная курица знает, что она не сможет защитить своих цыплят от когтей преисподней. И она ищет для них курятник. Истолковав свой сон,

Франциск принимает решение: «Пойду-ка и вручу их святой Римской Церкви: тогда злонамеренные будут поражены жезлом ее владычества, а сыны Божии повсюду будут наслаждаться полной свободой»^[26].

Именно этим отличается он от современных ему многочисленных лидеров еретических движений, хотя порой и обнаруживает, близость их идеям. По словам врача-францисканца Агостино Джемелли: «Он собирает все истинное, что могли включать в себя ереси, но без их ошибок и пороков, объединяя возврат к нищете и простоте первых веков христианства»^[27].

Современный папа римский, взявший себе имя Франциск в честь нашего героя, сказал на встрече с молодежью в Ченстохове в 2016 году: «Бог спасает нас, делаясь малым, близким и конкретным. Тяга к власти, к видимому величию трагически присуща человеку, и это — большое искушение, проникающее повсюду. Посвящать же себя другим, аннулируя дистанции, пребывать в смирении и обыденности, — это совершенно по Богу».

Именно такому навыку и учит человечество святой из Ассизи.

СТРАНА, РОДИВШАЯ ГЕРОЯ

Мы говорили о времени Франциска. А что можно сказать о его стране, его национальности или просто — о земле, родившей его?

Сейчас паломники и туристы, желающие увидеть родину и гробницу нашего героя, едут в Италию. Но так было не всегда. Нет, прах Франциска не перевозили из далеких заморских стран, как останки Наполеона Бонапарта. Он родился и умер в одном и том же городе — Ассизи, который в настоящее время находится на территории Италии. Но эта страна, несмотря на древнейшую историю и бесспорное первенство по количеству памятников культуры, существует совсем недавно.

Впервые название «Итальянская республика» прозвучало в 1802 году и просуществовало это государство всего три года. Уже в 1805 году республика сменилась монархией под названием Королевство Италия, во главе которой встал император Франции Наполеон I. С уходом французской армии, в 1814 году, страна вновь распалась на мелкие герцогства и пришла к своему современному виду лишь в 1861 году стараниями карбонариев и Джузеппе Гарибальди.

Правда, словосочетание «Королевство Италия» всплывало в истории задолго до времен Наполеона. Такое имя носило одно из варварских государств, существовавших с V по X век. Территория его не охватывала весь Апеннинский полуостров, а королями чаще всего являлись германцы.

В XII–XIII веках, когда жил наш герой, никакой Италии в современном понимании не было и в помине. Существовали города-государства в составе Священной Римской империи, полунезависимые княжества и аббатства. Также были в ходу названия земель, произошедшие от народов, их населявших. Например, венеты, давшие имя старинной области Венеция, прародительницы современной Венеции. Лангобарды (длиннобородые), от которых пошло название Ломбардия. Родине Франциска Умбрии дали имя умбры.

Этот древний итальянский народ до сих пор вызывает споры этнографов. Некоторые ученые утверждают, что умбры пришли на Апеннинский полуостров из Центральной Европы не раньше IX века до н. э. Есть другая версия — о зарождении умбрийской культуры на территории современной Тосканы еще в бронзовом веке. Именно умбров считают носителями древнейшей археологической культуры Виллановы, отличающейся среди прочего кремацией умерших.

Древняя культура умбров не выдержала столкновения с этрусками. Плиний Старший пишет о завоевании этрусской армией трехсот умбрийских городов. Геноцида, по всей видимости, не произошло. Во всяком случае, при императоре Августе сенаторами сделались четыре умбрийских аристократа, а семья императора Нервы и вовсе имела умбрийское происхождение. Правда, централизации Рима умбры всячески противились и в Самнитских войнах выступали на стороне антиримской коалиции. Тем не менее в период с 310 года до н. э. по 260-й римляне смогли их полностью покорить. Умбрам дали римское гражданство. Сначала половинчатое, без права голоса. Но в 89 году до н. э., благодаря Юлиеву закону, оно стало полным.

Об истории умбров известно не слишком много, но есть довольно древний письменный памятник — так называемые Игувинские таблицы. Это семь медных досок, испещренных текстом на умбрском языке. Нашли их в 1444 году в развалинах храма Юпитера в Губбио (бывший умбрский город Игувиум). Там, в местной ратуше, они и хранятся до сегодняшних дней. Современные технологии позволили установить возраст артефакта — III–I век до н. э. Не так уж вроде бы и давно. Вот только изготавливались эти таблички с целью сохранить умбрийские традиции, которые уже тогда, более двух тысяч лет назад, считались седой древностью.

Текст похож на инструкции жрецам или описания ритуалов, причем последние вызывают в памяти мысли о славянском язычестве — там упоминаются великое Солнце, яровые хлеба, птицы, баня, пение хором. Есть даже недоказанная версия, будто Перуджа — культурный центр древней Умбрии — каким-то образом связана со славянским богом Перуном. Видимо, подобные мысли время от времени приходили в голову образованным людям дореволюционной России. Не случайно же Лев Толстой заставил мужа Анны Карениной увлекаться «евгюбическими надписями», то есть теми самыми Игувинскими таблицами.

Такой самобытный народ с давних времен заселял родину Франциска. Может быть, этим фактором хотя бы частично объясняется удивительное своеобразие личности нашего героя?

Есть и другой фактор, чрезвычайно важный для формирования психики человека. Это природный ландшафт. О влиянии характера местности на нравы проживающего в ней населения говорили еще в древности.

«География может рассказать о целях и стратегиях государства гораздо больше, чем его идеология или внешняя политика», — пишет американский публицист и геополитик Роберт Каплан в книге «Месть

географии». В качестве одного из примеров доминирования ландшафта над политическими силами ученый приводит демаркационный ров, вырытый римским полководцем Сципионом после победы над Ганнибалом Карфагенским. «Так была отмечена граница цивилизованного мира, которая актуальна и в наши дни. Городок Сиди-Бузид, где в 2010 году с самосожжения продавца овощей началось арабское восстание, находится ровно за линией Сципиона».

О воздействии разных природных видов на человека говорят психологи. Есть даже вид лечения — ландшафто-терапия. Врачи придумали целую систему классификации полезности ландшафтов по их воздействию на человека. Например, воздействие «полезно-раздражающее», «наиболее активное, вызывающее созидательное вдохновение». Есть ландшафты «полезно-возбуждающие», «полезно-щадящие» и «полезно-тормозящие».

Если посмотреть на географию Умбрии в этом контексте, можно заметить две вещи. Во-первых, это единственная «внутренняя» область Италии, не имеющая выхода к морю. А во-вторых, равнины в ней занимают ничтожно малую часть площади — всего около шести процентов. Все остальное составляют холмы и горы разного уровня. Самая высокая из них — Чима-Реденторе^[28] — 2448 метров.

Как влияют горы на человека? И какой характер у постоянных жителей горной местности?

Ассоциации, которые сразу приходят на ум, — долгожители и воинственные горцы. Франциск — великий миротворец, проживший чуть более сорока лет — не подходит ни к одной из этих категорий. Правда, если вспомнить ужасные условия жизни, на которые он обрек себя, и постоянную жестокую борьбу с самим собой, то с этим утверждением можно и поспорить. Да и миротворчество в юности ему было чуждо, как и его соотечественникам, постоянно учинявшим стычки и погромы. Недостаток терпимости вообще отличал средневековые города, но швейцарский историк Жан Сисмонди^[29] называл именно умбрийцев самыми кровожадными людьми в Италии. Сегодня, глядя на улыбчивых умбрийских виноделов, художников, владельцев кафе и прочих жителей, в это трудно поверить. Тем не менее словам Сисмонди имеются косвенные подтверждения. Есть версия, что именно в Умбрии появились первые флагелланты^[30], фанатики, прилюдно бичующие себя шипованными плетками. При ударе шипы длиной в палец вонзались в тело так глубоко, что для вытаскивания «впившейся» плети требовался рывок. Страшные

церемонии самобичевания продолжались до ручьев крови, вызывая ужас и восхищение наблюдателей.

Генри Мортон^[31] в книге «От Милана до Рима: Прогулки по Северной Италии» также пишет о довольно зверских забавах жителей Перуджи, расположенной всего в 26 километрах от Ассизи. Время от времени их практиковало почти все работоспособное мужское население города. «Надев одежду, подбитую оленьей шерстью, и шлемы в виде орлиных или соколиных голов, они выходили на улицы и обстреливали друг друга камнями. Обычно десять-двенадцать человек погибали, но родственники смотрели на это спокойно и зла ни на кого не держали».

Такая зарисовка совпадает с привычным образом горцев, хотя перуджинцы — скорее жители не гор, а холмов. Как бы круто ни карабкались каменные улочки этого древнего города, они не преодолевают высотной отметки в полкилометра. Зато вокруг, куда ни глянь, простираются мощные горные цепи. На севере — Монте-Тезио и Губбио, на востоке — Монте-Субасио и Апеннины, на юге — Монте-Мальбе. Стопроцентно горный ландшафт.

Что же говорит наука о воздействии гор на здоровье и психику человека?

Исследований на эту тему проведено очень много. Врачи склоняются к тому, что горный климат полезен. Правда, речь идет о так называемом среднегорье, до двух с половиной тысяч метров над уровнем моря, собственно, как в Умбрии. На этой высоте расположено много высококлассных санаториев, после которых люди чувствуют себя как бы родившимися заново.

Что же такого особенного есть в горах, не считая тишины и чистого воздуха?

Там много ультрафиолетовых лучей и мало кислорода. Звучит парадоксально. Даже дети знают, что кислород нужен для здоровья, а любой медик тут же подтвердит вред кислородного голодания. Оно и присутствует в горах, даже есть специальный термин «горная гипоксия». Однако при этом, казалось бы, остром дефиците кровь горца оказывается более насыщенной полезным газом, чем кровь жителя равнин. От постоянного воздержания система дыхания включает резервные возможности, тут же начинают лучше работать обменные процессы, и организм омолаживается. Получается своеобразная физкультура, но не для мышц, а для функций организма. После курса такой тренировки у пациентов санаториев вылечиваются неврозы и аллергии, нормализуется давление.

Но помимо лечебных горных санаториев существует и так называемая «горная болезнь». Как правило, проявляется она у новичков, с непривычки, иногда — далеко не сразу после подъема в горы. Причем у каждого человека имеется своя критическая высота. Симптомы болезни самые разнообразные: от тошноты и головной боли до легочных кровотечений. Изменяется также состояние психики: кто-то может стать подавленным и впасть в апатию, у многих, наоборот, наступает эйфория. Такие состояния проявляются на высоте более двух тысяч метров, усиливаясь и меняясь при дальнейшем подъеме. Эстонский путешественник и художник Аллан Ранну говорит о «высоте потери морали» — некоем рубеже, после которого люди уже не могут адекватно общаться друг с другом, поскольку нормальные человеческие категории — дружба, ответственность, творчество — будто выключаются, переходя в ждущий режим. Такие серьезные личностные деформации происходят очень высоко, после пяти тысяч метров, где уже нет местных жителей, только профессиональные альпинисты, рвущиеся к покорению вершин.

Менее амбициозные путешественники, довольствующиеся высотой тибетских монастырей и непальских селений, как правило, отмечают у себя вовсе не горскую воинственность, а, наоборот, уменьшение уровня агрессии. Многие чувствуют возвращение детской открытости, им становится легче ладить с близкими, а проблемы и травмы прошлого будто съезживаются, теряя значимость.

Может быть, именно этой «детскостью» можно объяснить столь легкомысленное отношение к смерти у перуджинских драчунов и их родственников? Вот только легкомысленность это или вера? Ведь сказано же в Евангелии от Матфея: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (18:3).

Горы, как возможность стать чуть ближе к небу, привлекали людей с давних пор. Они окружались легендами. В русском языке есть устаревшее поэтическое прилагательное «горний», означающее «небесный» и «божественный». Можно вспомнить об Олимпе античных богов, загадочной Шамбале, которую искали в горах Тибета. О священной горе Афон и горе Арарат, упомянутой в Библии. На последнюю люди даже боялись восходить вплоть до середины XIX века, считая это делом дерзким и богопротивным.

Являлась ли Умбрия подобным «местом силы»? Таких сведений нет. Но именно из этой области Италии произошли ключевые фигуры западнохристианского монашества. За 600 лет до Франциска, кардинально реформировавшего западноевропейское монашество, в районе Перуджи

родился Бенедикт Нурсийский, основатель первого в Европе монастырского ордена. Он создал свое детище — бенедиктинский монастырь — на горе (опять на горе!) Кассино в 529 году.

В умбрийских святцах есть достаточно известные и значимые для Церкви женские имена. Святая Схоластика, родоначальница женского католического монашества, святая Рита из Кашии, в честь которой построена прекрасная базилика, и, конечно, святая Клара Ассизская, духовная сестра и последовательница Франциска, основавшая орден кларетинок.

Именно в Умбрию часто уезжали из Рима папы, испытывавшие духовный кризис. В Перудже, в старом доме священников неподалеку от кафедрального собора, они искали покоя и молитвенной тишины. В стенах города несколько раз даже происходили конклавы^[32], причем одного из понтификов выбрали очень неожиданно. После двух лет отчаянных споров кардиналы получили письмо от отшельника Пьетро, живущего в соседнем Аbruцци на высокой горе Морроне. Он грозил конклаву небесной карой за промедление в выборе папы. Прочитав послание, кардиналы увидели в нем Божественный знак и решили сделать понтификом автора письма. Так был избран Целестин V, занявший Святой престол в 1294 году. Казалось бы, кто может лучше управлять Церковью, чем идеальный христианин? Вот только любое управление требует таланта администратора. Здесь кардиналы, несомненно, желающие блага для Церкви, просчитались. Мудрый старец, проведший жизнь в уединенных молитвах, оказался непригодным управленцем. Узнав о своем избрании, он пытался бежать. Его вернули и вынудили приступить к обязанностям. Понтификат Целестина длился недолго — с 5 июля по 13 декабря 1294 года. За это небольшое время отшельник натворил много беспорядка в Римской курии, то раздавая награды направо и налево, то назначая по несколько человек на одну и ту же должность. Потом он заметил, что управление Церковью не идет на пользу его душе, и подал в отставку, впервые в истории папства. Он хотел вернуться на свою гору, но следующий папа, Бонифаций VIII, опасался популярности отшельника, тем более отставку его приняли далеко не все. Бывшего папу, шедшего в монашеской рясе по лесным дорогам, догнали и заключили в тюрьму. Вскоре ему удалось бежать. Старик, разменявший девятый десяток, вынужден был скитаться, скрываясь от преследователей в дикой местности. Это не помогло, его все равно поймали. Умер он в заключении.

Интересно, как оценило эту историю общество, уже воспринявшее францисканские идеи. С одной стороны, Целестину, конечно,

сочувствовали. Он был канонизирован спустя всего 17 лет после смерти при всеобщем одобрении. Скорее, правда, не из-за папства, а в результате праведной жизни в горах, которая принесла ему последователей — целестианцев. Но была и другая точка зрения. Данте, член францисканского ордена, считает Целестина тем, «Кто от великой доли отрекся в малодушии своем», и помещает несчастного отшельника в преддверии Ада, где находятся души людей, не сделавших в жизни ни доброго, ни злого. Этот эпизод «Божественной комедии» помогает понять популярность Франциска — активного святого на заре Нового времени.

Вот такие важные и драматические события происходили когда-то в столице Умбрии, Перудже. Теперь этот городок более всего привлекает туристов своим знаменитым ежегодным фестивалем шоколада. А в целом Умбрия — это туризм для знатоков. Для тех, кому неинтересны банальные фото у Пизанской башни и тому подобные сувениры, кому хочется вкусить чего-то неуловимо подлинного. И подобное есть в умбрийских городах. Атмосфера ушедших веков, хранимая жителями с поистине францисканской бережностью, захватывает сразу. В этих местах кое-где еще стоят дома, из которых воины уходили в Крестовые походы. Тысячелетние жилища из серого камня вовсе не превратились в мертвые музеи с охраной и лоском официальной реставрации. Они используются по назначению потомками крестоносцев, которые не спешат менять древние, потрескавшиеся двери. Из пиетета перед историей или от небесного, «горнего» мировоззрения, не слишком высоко ставящего погоню за новыми технологиями? А может, старые мастера просто делали все на совесть и старые двери лучше новых?

Умбрийская машина времени привлекает туристов. Правда, основная часть их приезжает из соседних регионов Италии. Из других стран чаще едут в Тоскану — уж больно много шедевров и славных имен вместил в себя этот край. Хотя в Умбрии достопримечательностей тоже хватает. Именно в умбрийских городах существуют фрески работы Джотто, Вазари, Филиппо Липпи, Пьеро делла Франчески, Перуджино. И там же оттачивал свое мастерство великий Рафаэль.

Интересна Умбрия и для историков. То тут, то там на умбрийских холмах можно встретить развалины древнеримских строений, например, амфитеатр в Губбио или следы загадочных этрусков в Орвието. Кстати, в последнем еще имеется огромный пещерный город, расположенный прямо под городскими улицами. В нем можно увидеть маслодавальню, сохранившуюся с незапамятных времен, и средневековую голубятню.

Туристам также показывают внушительный колодец Святого Патриция. Его глубина — 63 метра при диаметре 13 метров. Вниз спускаются две лестницы, у каждой из них по 248 ступеней. Их построили вместе с колодцем в 1527 году — одну для спуска, другую для подъема, чтобы не разворачивать ослов, которые поднимали на поверхность воду в бурдюках.

Есть в Умбрии и всемирно известные памятники культуры. Среди них Большой фонтан в Перудже, мост Торри в Сполето и, конечно, базилика Святого Франциска в Ассизи, расписанная фресками Джотто и ставшая объектом всемирного культурного наследия. Куда же без нее? Наш герой ведь тоже — одна из важнейших умбрийских достопримечательностей.

ГОРОД ЛАСКОВОГО СЛОВА

Ассизи внешне не особенно выделяется среди прочих древних и прекрасных городков Умбрии. Расположен он, как и Перуджа, довольно высоко, около 400 метров над уровнем моря. Под ним, пересекая долину Сполето, течет Кьясчо, один из притоков Тибра. Местная легенда объясняет название города именем троянского принца Асио, который когда-то в незапамятные времена основал на этом месте поселение. Принц оставил о себе память и в названии горы Субазियो («под властью Асио»). В III веке до н. э. Ассизи вошел в состав Рима и его жители уравнились в правах с римлянами. В городе началось бурное строительство, появились амфитеатр, форум и термы, храм Минервы. За полвека до начала новой эры в городе родился Проперций — один из самых известных древнеримских поэтов. Так что поэтический дар нашего героя, возможно, имеет античные корни.

Кстати, небесный покровитель города вовсе не Франциск, а Руфин Ассизский, первый местный епископ-мученик, живший во II или III веке. При нем горожане массово приняли христианство. Замучили его не в Ассизи, а в Костано, что находится неподалеку. Сюда же мощи перевезли спустя несколько веков после смерти Руфина. Именно Сан-Руфино, а вовсе не Сан-Франческо, является главным собором города и находится в самом его центре. Нет единого мнения о возрасте этого собора, вернее, о том, когда на этом месте впервые появилось культовое здание в честь святого Руфина. Богослов XI века Петр Дамиани утверждал, будто первую базилику возвели в 412 году и там хранились одежды святого. Современный собор заложен примерно в VIII веке, но с тех пор он неоднократно перестраивался. Статус кафедрального он получил лишь в 1036 году, и только сто лет спустя зодчий Джованни ди Губбио придал ему вид, сохранившийся до сегодняшнего дня. Последнюю серьезную реконструкцию Сан-Руфино пережил в 1997 году, после землетрясения.

В этом соборе крестили Франциска и его последовательницу Клару. Ее дом находился около собора. Скорее всего, он пал жертвой землетрясений или междоусобных войн. Сейчас там стоит старинное здание, построенное позднее, но к нему тоже ходят почитатели святой. Зато в соборе со времен Франциска сохранилась старинная купель, что неудивительно при той невероятной тщательности, с которой местные жители берегут свою историю. А Франциска с Klarой они любят особенно и гордятся ими, будто

ближайшими родственниками. Если спросить у прохожего на ассизской улочке или у продавца за прилавком сувенирной лавочки, в каком году возвели над Порциункулой храм Божией Матери Ангелов — можно не только получить верный ответ, но и узнать, по какой именно улице убегала ночью из родительского дома святая Клара — наша Кьярочка, как ласково ее здесь называют.

Клара и Франциск оба ходили в Сан-Руфино и, конечно же, любовались фигурками животных на его портале. Видели каменных волков, львов; пташек, пьющих из источника, — аллегория христианских душ, упивающихся Божьей благодатью. Смотрели на растительный орнамент, удивительно гармонирующий со строгими линиями фасада, и на старинные дома из грубого серого камня, что с незапамятных времен добывали в каменоломнях горы Субазии... Они похожи больше на продолжение скал, чем на творение рук человеческих. Они асимметричны и причудливы из-за многочисленных пристроек, прираставших с течением веков. Культура и натура... Два оппозиционных, хотя и связанных друг с другом понятия. Здесь, в Ассизи, они сплелись неразрывно, как ветви векового дуба, вросшие в кованую ограду.

Уже непонятно, что было вначале: подвергся ли ассизский «беднячок» умиротворяющему влиянию здешних мест или сам повлиял на них своей святостью? Почему бы нет? Человек, который смог договориться с огнем, наверняка нашел бы нужные слова и для других проявлений жизни. И они отвечали ему, как те розы у маленькой церкви Порциункулы, что непостижимым образом лишились своих шипов, когда святой решил наказать себя за очередное искушение и прыгнул нагишом в колючий куст.

Бесшипный куст до сих пор цветет на том же месте, его показывают туристам. А ведь появился он задолго до возникновения осознанной селекции. История европейских садовых роз начинается лишь на рубеже XVIII–XIX веков, когда в Англию из Восточной Азии были привезены теплолюбивые вечнозеленые красавицы с тонким, как бы чайным ароматом. Их прививали на дикий европейский шиповник, пытаясь примирить с более суровым климатом. И только через полвека садоводы вывели первые бесшипные сорта.

Розы святого Франциска относятся к обычным шиповникам, называемым по-латыни *Rosa Canina* — роза собачья. Да, тот самый шиповник, отвар плодов которого мы пьем при простуде и когда нуждаемся в витамине С. Он растет повсюду, как трава, и он колюч, как стадо ежей. Невозможно пройти сквозь его заросли, не исцарапавшись. Но вот в розарии у Порциункулы он почему-то видоизменился, став *Rosa Canina*

Assisiensis — уникальной розой собачьей ассизской.

Франциск действительно преобразил родной город, и не только мистическим образом. Он собственными руками чинил разрушенные церкви и даже вмешивался в топонимику. Уже после смерти он избавил Ассизи от страшного места под названием Адский холм.

Много веков подряд на этом холме, расположенном чуть западнее границы городских стен, казнили преступников. Ассизский «беднячок» пожелал быть похороненным именно там. Конечно, ему не могло прийти в голову облагородить сей позорный и мрачный ландшафт ореолом своей святости. Как мы помним, он искренне считал себя худшим из грешников. Особенности же претензии высказывал собственному телу, называя его не иначе как братом ослом. Вот и решил в очередной раз покарать себя, выбросив глупого непослушного осла на свалку. Хотя точнее было бы сказать по-другому. Лобное место, наводящее ужас на обычных людей, Франциск воспринимал в свете Евангелия как еще одно напоминание о Страстях Христовых, над которыми он размышлял всю жизнь и приобщиться к которым почитал величайшим счастьем.

Городские власти отнеслись к последнему желанию святого со вниманием. Перенесли лобное место и построили на холме главный францисканский монастырь Сакро-Конвенто и базилику Сан-Франческо. В нижнем ее этаже покоится тело Франциска.

Огромный монастырский комплекс рос постепенно. Сразу после смерти святого началось строительство первых жилых помещений для братьев. Их вырезали прямо в скале, ставшей отличным фундаментом для дальнейших построек. Они называются Папским, или Григорианским дворцом, в честь папы Григория IX, друга Франциска, канонизировавшего его и некоторых других популярных католических святых — Доминика, Антония Падуанского и Елизавету Венгерскую. Понтифик лично заложил первый камень монастыря. А так как францисканцам запрещалось иметь любые материальные ценности, постройки стали считаться собственностью Ватикана. После смерти папы Григория строительство застопорилось и началось снова только к середине XIV века, когда кардинал Альборнос начал финансировать возведение нового лазарета на территории монастыря и завершение строительства обители Святого Геронтия за апсидой базилики. Современный вид архитектурный ансамбль приобрел лишь во второй половине XV века при папе Сиксте IV.

Так Адский холм стал Райским. Правда, местные жители не забыли старого названия. В Ассизи особенное отношение к мертвым, унаследованное жителями от древних этрусков. До сих пор в некоторых

домах можно увидеть заложенную кирпичом узкую сводчатую дверь с высоким порогом, называемую «порта дель мортукио» — дверь мертвых. По традиции покойников выносили только оттуда. Считалось, что смерть, раз войдя через какую-то дверь, непременно захочет войти через нее снова, поэтому в обычные двери ее не пускали, а «порта дель мортукио» после похорон замуровывали. Хотя не все подобные двери в ассизских домах замурованы. Сей факт можно объяснить еще одной легендой. Согласно ей, душа умершего, вошедшего при жизни через обычный вход и вынесенного через дверь мертвых, оставалась внутри дома с родными и близкими.

Глядя на эти «смертные» двери — привычную деталь ассизского быта, — начинаешь понимать, насколько далеки от поэтической метафоры строки Франциска «Хвала Тебе, Боже, за смерть, за сестру нам»^[33] из знаменитого гимна. Конец земного существования он воспринимает не как абстрактную катастрофу, но как некую сущность, созданную Творцом для блага человека. Сущность вполне одушевленную, к которой, как и к другим творениям, можно обратиться с ласковым словом. Ассизское «домашнее» отношение к темным сторонам бытия прекрасно описано в книге Романа Брандштеттера «Ассизские хроники»: «Таких ночей, как в Ассизи, нет нигде на целом свете. Лишенные трагизма тьмы, они спокойно проходят по городку, как стадо черных овец. Под покровом ночи здесь не происходит никаких драм».

Незримое «ласковое слово» наполняет особенным ароматом чистый воздух Ассизи. Многие люди, в том числе атеисты, на себе чувствуют особую атмосферу родины Франциска. Вот выдержки из блогов обычных туристов: «...я скептически отношусь ко всему, что связано с культовой частью религии, но меня действительно сильно поразила энергетика этого места. Кто в большей степени является ее источником: мощи или люди, собирающиеся здесь, абсолютно не важно. Важно ни с чем не сравнимое единение приходящих, от которого бегут мурашки по коже». «Духовная близость абсолютно разных людей со всех концов света. Я не могу описать те ощущения, которые испытываешь, находясь здесь».

Даже путешественники, мыслящие строго материальными категориями, отмечают городок Франциска как место своеобразное и достойное внимания.

А вот еще одно свидетельство Романа Брандштеттера: «Доподлинно известно (и, несомненно, это будет записано в ассизских хрониках), что баварец полковник Мюллер, практикующий католик, военный комендант Ассизи, во время немецкой оккупации оберегал благословенный город, не давал солдатне грабить дома и притеснять местных жителей. Украденное

имущество он возвращал законным владельцам. Когда немцы покидали Ассизи под напором приближающихся войск союзников, саперы подложили часовую бомбу под Конвитго Национале. Эту бомбу полковник Мюллер собственноручно обезвредил и отдал приказ, запрещающий отступающим немецким войскам поджигать и громить ассизские дома. Этот горячий поклонник святого Франциска утверждал, что если переживет войну, то вернется в Ассизи и поселится там навсегда. Говорят, что немецкие офицеры из мести за спасение города от разрушения застрелили полковника по дороге во Флоренцию. Йоганнес Йоргенсен в разговоре со мной высказался против этой версии о насильственной смерти Мюллера, зато полностью подтвердил сведения о поведении немецкого полковника, которому Ассизи, несомненно, обязан своим спасением. Как это могло произойти? Как будто много лет назад святой Франциск приручил волка из Губбио в маленьком баварском городке, сделав душу немца неуязвимой для яда Антихриста и очистив ее от ненависти и зла для того, чтобы впоследствии она в облике полковника вермахта стала орудием высшей воли. Английские летчики, которые прибыли в Ассизи, единодушно утверждали, что они троекратно вылетали с Мальты с приказом бомбить францисканский городок и три раза над городом Фолиньо, расположенным по соседству с Ассизи, получали по рации приказ оставить в неприкосновенности столицу святого Франциска и возвращаться на базу. В последний раз бомбить Ассизи полетели пять мощных отрядов, и вновь от Фолиньо все самолеты были возвращены обратно. Ни одна бомба не упала на Ассизи».

Возможно, эта история произошла не совсем так, как описывает Брандштеттер, но факт остается фактом: что-то защитило Ассизи от разрушения, которому подверглось много прекрасных европейских городов. И сегодня мы можем насладиться видом подлинных памятников времен Франциска, среди которых знаменитая Порциункула, та самая церквушка, с которой начался путь святости нашего героя.

Собственно, называть ее «современницей» Франциска было бы неверно. Она появилась значительно раньше. Согласно легенде, ее построили в 350–360-х годах при папе Либерии^[34] отшельники из Иосафатовой долины, которые принесли с собой какие-то реликвии, связанные с Пресвятой Девой. По тому же преданию, ее получил в пользование новообразованный орден Святого Бенедикта Нурсийского в 516 году. Вместе с постройкой отдавался маленький участок земли, отсюда и название «Порциункула», что значит «частица», маленькая порция. Настоящее же название ее — Санта-Мария-дельи-Анджели — Святой

Марии Ангелов — тоже объясняется легендой. В незапамятные времена в лесу, что рос на этом месте, люди услышали пение ангелов, прославляющих Богородицу.

К моменту рождения Франциска церковь порядком обветшала. Видимо, бенедиктинцам не хватало средств ухаживать за ней. Местные жители тем не менее любили это место. Сюда приходили помолиться и поразмышлять в тишине. Порциункула, в отличие от того же Сан-Руфино, толпы собрать не могла даже на большой праздник — в ней вмещались от силы 30 человек.

Скромная маленькая церквушка стала важнейшей католической реликвией. Она несет ценность как исторический объект, связанный с биографией реального человека — Франциска. Но также она окружена мистическим ореолом — не случайно именно Порциункулу называют колыбелью францисканства. В житиях нашего героя рассказывается о явлении в этом месте Богородицы.

Сохранилась так называемая «Грамота Теобальда», епископа Ассизского, где описана эта история: «Ночью года Господня 1216 в церквушке Порциункула Франциск был погружен в молитву и в созерцание, как вдруг неожиданно по церкви разлился ярчайший свет. Франциск увидел над престолом Христа, облеченного в свет, а у Его десницы — Его Пресвятую Матерь. Они были окружены множеством ангелов. Франциск безмолвно поклонился в землю своему Господу. Они спросили у него, чего он желает для спасения душ. Франциск незамедлительно ответил: «Отче Пресвятой, хоть я убогий грешник, прошу Тебя: даруй каждому, кто раскаялся, исповедался и пришел в эту церковь, щедрое и великое прощение, чтобы полностью была отпущена вся их вина». «Брат Франциск, то, о чем ты просишь, — великое дело, — сказал ему Господь. — Но ты достоин самого большего, и самого большего получишь. Итак, Я принимаю твою просьбу, но при условии, что ты попросишь у Моего викария на земле, от имени Моего, об этой индульгенции».

Слово «викарий» (от латинского *vicarius* — «заместитель», «наместник») в католичестве, как и в православии, обозначает епископа, не имеющего своей епархии и помогающего епархиальному епископу. Но словосочетание «викарий Христа» подразумевает в католическом контексте только папу римского. Поэтому Франциск после своего видения немедленно отправился к папе Гонорию III и начал просить утверждения новой индульгенции для посетителей Порциункулы. Понтифик, поколебавшись, все же поверил в истинность видения и удовлетворил

просьбу нашего героя, но с ограничением: индульгенция будет даваться только один день в году. Датой выбрали 2 августа, годовщину освящения Порциункулы.

Этот день стал одним из важных ассизских событий — Праздником Прощения, который до сих пор привлекает в умбрийский городок толпы паломников. Люди со всего мира стекаются в крохотное строение, существующее уже почти две тысячи лет. Глядя на изящную часовенку, играющую веселыми красками фресок, как-то в голове не укладывается ее возраст. Тем более росписей первых веков не сохранилось, только немного копоти времен кое-где на сводах. Вся живопись — более поздняя. Алтарный триптих появился в XIV веке, некоторые фрески — двумя столетиями позже. Там же обитают знаменитый «ушастый» образ Франциска, приписываемый Чимабуэ, и распятие работы Джунта Пизано (1236).

Между тем Порциункула была древностью уже при Франциске, вот только тогда, 800 лет назад, умирая на земле подле нее, он видел солнце и звезды, а теперь она стоит в помещении, словно ценный предмет интерьера. Вокруг нее выстроили огромную величественную базилику, названную тем же именем — Санта-Мария-дельи-Анджели. Строили этот удивительный храм-саркофаг больше ста лет — с 1569 по 1679 год, и постройка получилась внушительной. Маленькая Порциункула стоит внутри собора, будто детский игрушечный домик. Помимо нее в соборе есть еще одна часовня — Транзите, построенная на месте кончины Франциска. Он пожелал завершить свой земной путь на голой земле, рядом с местом, где ему являлась Богородица. Так и лежал, умирая, под открытым небом, как последний нищий, а в это время многие ассизцы (и не только) имели планы по поводу его будущих мощей. Хотя в жестокосердии обвинять их уж точно не стоит — каждый из них с радостью предоставил бы святому кров. Просто Франциск сам не пожелал нарушить строгой симфонии своей жизни, смягчив ее финальные аккорды.

Порциункула стала последним, что видели его глаза, если только он к этому времени не ослеп окончательно. Именно рядом с ней, во дворике базилики цветут уже упомянутые бесшипные розы, а неподалеку живут белые голуби — потомки тех, кому проповедовал святой. Розовый сад открывается в субботу — День Марии в католической церкви. Оттуда начинается процессия со статуей Мадонны, которая проходит по всему городу.

Интересно, что Порциункула, важнейшая францисканская святыня, францисканцам не принадлежит. Они арендуют ее у бенедиктинского

монастыря за корзину рыбы в год. Так пошло от самого Франциска, который когда-то договорился об аренде с бенедиктинским аббатом Теобальдом. Договор продлевается вот уже восьмое столетие. В этой преемственности живых традиций, которыми славится Ассизи, есть особое очарование. Как будто где-то на блошином рынке тебе протянули клубок старинных ниток, а он оказался нитью Ариадны. Разматывая годы и века, продираясь через местный колорит, ты неожиданно приходишь к истоку, где рождались культурные коды твоей собственной жизни.

НЕСВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Все знают, насколько важна для развития ребенка атмосфера дома, в котором он воспитывается. Она влияет на формирование привычек и мировоззрения.

Детские травмы порой аукаются во втором, а то и в третьем поколении. Так же на расстояние передаются и положительные моменты, например одаренность в каких-либо областях, свойственная тому или иному роду.

Какова была семья, воспитавшая ассизского святого?

В большой степени ее можно назвать мультикультурной. Начать с матери Франциска, Джованна де Бурлемонт. Она более известна как мадонна Пика. Скорее всего, «Пика», то есть «сорока», — не имя, а прозвище. Родилась она далеко за пределами Умбрии. Отец Франциска привез жену из Прованса, куда ездил по торговым делам. Можно предположить, что она сильно отличалась от ассизцев.

Раньше было принято наделять каждый народ своим нравом. Об этом писали путешественники и ученые. Теперь же многие этнопсихологи отрицают существование национального характера. Действительно, само понятие «характер» трудно назвать научным. Да и народ всегда состоит из очень разных людей. Но исследования подтверждают: у каждого этноса немного по-разному проявляются одни и те же болезни. Известны так называемые этнические психозы и культурно-специфические реакции на стресс.

Маленький Франциск рос между двумя очень непохожими мирами. Национальные различия усугублялись сословными: мадонна Пика происходила из дворян, а ее супруг Пьетро Бернардоне деи Морикони был всего-навсего торговцем, хотя и преуспевающим. Они говорили на разных языках — не только в переносном смысле, но и в прямом: жена — на прованском диалекте французского, муж — на умбрийском диалекте итальянского. А дети их, соответственно, являлись билингвами^[35]. Сегодня это явление хорошо изучено педагогами и детскими психологами, и выводы таковы: билингвизм расширяет возможности мозга, развивает фантазию и творческие способности. Происходит это из-за своего рода умственной гимнастики, которая возникает при постоянном переключении между языками.

Ум Франциска достойно прошел этот тренинг. Он прекрасно владел

обоими языками. Писал стихи на умбрском наречии, но петь любил по-французски. Об этом свидетельствуют жития.

Возникает вопрос: почему он не пел песен Умбрии, которые звучали вокруг него, а тянулся к культуре далекой страны, о которой знал только по рассказам родителей? Ответ прост: поэзия и музыка Умбрии еще не сложились, существующие образцы народного творчества безнадежно проигрывали прованским.

Восхищение культурой Прованса в те времена было велико. Отзвуки его можно встретить во многих более поздних источниках, даже в трудах Карла Маркса: «Она (провансальская нация. — А. В.) первая из всех наций Нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. В создании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, французами-северянами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она нисколько не уступала итальянцам. Она не только «блестящим образом» развила «одну фазу средневековой жизни», но вызвала даже отблеск древнего эллинизма среди глубочайшего Средневековья»^[36].

«Провансофилом» совершенно точно был и отец нашего героя. Главное доказательство тому — имя, которым он нарек сына. Франциск — это скорее даже прозвище от корня «французский». Что-то вроде «Французик», «Французистый».

Не существует мемуаров или других документов, по которым можно было бы узнать об отношениях между супругами. Мы можем лишь попытаться реконструировать их, опираясь на косвенные свидетельства и факты.

Что видно прежде всего: брак родителей Франциска — это мезальянс, правда, весьма неоднозначный. Пьетро Бернардоне — не аристократ, а всего лишь торговец, но как раз в те времена буржуазия в Европе крепнет и начинает влиять на политическую жизнь не хуже аристократии. Две эти силы — старая «голубая кровь» и новая энергия предприимчивости — вступают в конфликт. В том же самом Ассизи постоянно происходят стычки между сословиями, в которых, кстати, до своего обращения активно участвует и наш миротворец-Франциск. Как в такой ситуации Бернардоне ухитряется заполучить в супруги аристократку, да еще и из более развитой страны? Два варианта: либо вспыхнула безумная любовь, либо родители девушки настолько разорились, что для выправления своих дел готовы терпеть богатого плебея-жениха. Вариант с любовью не выдерживает критики. Очень сомнительно, чтобы какое-то аристократическое семейство

вдруг прислушалось к голосу влюбленной дочери. А если бы произошло похищение — наверняка этот громкий факт все же просочился бы через толщу веков и славословия агиографов. Скорее всего, невеста действительно была бедна. Заполучив ее с помощью кошелька, торговец вполне мог бы мучить ее всю жизнь, вымещая на ней ненависть к высшему сословию, тем более родственники не смогли бы защитить ее в чужой стране.

Такие случаи бывали. Но у родителей Франциска, видимо, все сложилось более гармонично. Мадонна Пика не имела отношения к ассизским аристократам, которых время от времени громило местное купечество. Для помешанного на всем французском Пьетро она наверняка ассоциировалась с чем-то прекрасным, этакая заморская редкость. Вероятно, внешность она имела весьма обаятельную, поскольку источники сообщают об обаятельности Франциска и о том, что он походил более на мать, чем на отца.

Можно сделать вывод, что Пика де Бурлемонт пользовалась любовью и уважением мужа, а для сына даже была первым духовным учителем, ибо через нее он приобщился к высокой поэзии прованских трубадуров.

Прованская поэзия XII века имела очень высокий эмоциональный градус. Замешенная на трех культурах — христианской (причем с еретическим привкусом), античной (сочинения Овидия) и арабо-испанской традиции суфиев, она отличалась насыщенной, почти нервической чувственностью. Мадонна Пика, воспитанная на подобного рода литературе, конечно же, имела натуру мечтательную. При этом она, скорее всего, выделялась религиозностью даже на фоне весьма воцерковленной массы людей тех времен. Вот цитата из книги францисканского писателя Анаклето Яковелли «Жизнеописание святого Франциска Ассизского, супруга госпожи Бедности»: «Она (мадонна Пика. — А. В.) отличалась высокими добродетелями, и душевное богатство ее было столь велико и совершенно, что затмевало золото, накопленное мужем».

Психологам хорошо известно, как влияют на детей родительские сценарии. Дети чаще всего либо так или иначе выполняют их, либо, в случае конфликта с родителями, создают антисценарий. Источники говорят, что мать Франциска верила в его великое будущее. Имелись ли в виду блестящая политическая карьера и верховная власть? Так принято считать. Но это плохо сочетается с известной легендой о том, что мадонна Пика родила сына в хлеву, подражая Деве Марии. Большинство исследователей считают этот факт недостоверным, но даже если просто принять за основу поэтично-экзальтированное мировоззрение глубоко верующей мадонны

Пика, получается, что она мечтала именно о святости для своего сына. Ведь для человека Средневековья жизнь не заканчивалась на земле, и канонизация вполне могла восприниматься как вершина духовной карьеры.

А кем видел своего первенца отец? Продолжателем отцовского дела? Наверяд ли. Как и большое число наших соотечественников, стремительно разбогатевших в 1990-х, он явно желал для своих детей более «культурной» жизни. На это указывает не только тяга ко всему французскому, но и более серьезные поступки. Например финансирование рыцарского снаряжения, которое стоило целое состояние и уж точно не было необходимо для сына торговца. А еще отец постоянно оплачивал для будущего святого то, что сегодня называется модной тусовкой. Источники пестрят упоминаниями о Франциске — короле пирушек. Подобный «королевский венец» складывается обычно из немалых трат. Это и богатая одежда, и общая ухоженность, и постоянная готовность угостить компанию. Пьетро Бернардоне никогда не отказывал сыну в подобных развлечениях. Возможно, расчетливый торговец считал эти расходы инвестицией в будущее? Нам неизвестны его мысли, но на грамотную стратегию продвижения в высший свет такое поведение не особенно похоже. Скорее, отец просто тешил тщеславие «вельможным» образом жизни своего отпрыска.

Здесь хочется вспомнить цитату из романа Дмитрия Мережковского «Франциск Ассизский»:

«Злом помянет легенда отца Франциска; но зла никакого не сделал он сыну, а сделал, может быть, сам того не зная и не желая, добро величайшее: дал ему свободу.

Судя по тому, что Франциск останется на всю жизнь полуграмотным (даже писать не научится как следует: в письмах будет ставить вместо подписи крестик), он почти ничему не учился ни в школе, ни дома, пользуясь, вероятно, тем, что отец не принуждал его к учению. И это пойдет ему впрок: книжною пылью науки тех дней — схоластики — не засорит он ни ума, ни сердца.

С детства праздно живет, беспечно и лениво, — свободно; растет не как садовый, на грядке, а как дикий в поле цветок. Лучшая для него наука не в школе, за книгой, а в жизни».

В данном фрагменте своего художественного текста Мережковский опирался на работу протестантского пастора Пьера Сабатье «Жизнь Франциска Ассизского» (*Sabatier P. Vie de S. Francois d'Assise*). Русский перевод этой книги, появившийся в конце XIX века, стал причиной большой популярности Франциска в России. Книга довольно неоднозначна.

Сабатье удалось сделать открытие в разработке францисканских источников. Он пришел к выводу, что одно из базовых житий — «Легенда трех спутников» — имеется в открытом доступе не целиком. Догадка пастора оказалась верной, недостающие части нашлись в одной итальянской рукописи XVI века, являющейся списком с более раннего источника. Но при всей научности подхода книгу Сабатье считают спорной, поскольку автор пытался реконструировать особое мифическое житие Франциска, якобы написанное самым близким другом святого, его «овечкой», братом Леоном. По мысли Сабатье, именно это житие наиболее верно, а во всех прочих авторы намеренно исказили образ Франциска, чтобы дать возможность последователям уклониться от чрезмерной строгости настоящей францисканской жизни.

В любом случае книга Сабатье — не голословные фантазии, а скрупулезная историческая реконструкция. Стало быть, и тексту Мережковского во многом можно верить. Тем более что и другие источники не подтверждают особого рвения Пьетро Бернардоне в делах образования наследника.

Что же получается? Отец хочет видеть в сыне аристократа, но очень смутно представляет себе, из чего складывается этот аристократизм. Такое впечатление, что он, несмотря на свою успешность и практичность, несколько наивен. Он радуется красивой «картинке»: наряжает драгоценного отпрыска в лучшие ткани из своей лавки, покупает ему коня и отменное рыцарское снаряжение. А еще кротко терпит его постоянные пьяные дебоши — навряд ли «король пирушек» обходится без них. Нет, возможно, папаша Бернардоне иногда и журил зарвавшегося юнца, но точно поддерживал подобный образ жизни.

Первый биограф Франциска, Фома Челанский, отзывается о его семье весьма нелестно: «...был он родителями воспитан бессмысленно, по правилам суеты века сего, и долго подражал их достойной сожаления жизни и обычаям и даже превзошел их в суете и несмыслии».

Интересно проследить, как повлияло это воспитание (или его отсутствие) на становление личности будущего святого.

Попробуем понять иерархию семьи, в которой вырос Франциск. На первый взгляд она очевидна: обычная патриархальная семья, собственно, какие могли быть варианты в XII веке? Но все же Пьетро Бернардоне вряд ли мог уверенно чувствовать себя господином своей жены. Мешало ее высокое положение, но еще более того — принадлежность к Франции... Мы даже можем рискнуть и сказать «обожаемой Франции». Итак, муж гордится женой, но немного комплексует перед ней. Когда рождается сын

— отец с радостью поддерживает в нем все, свойственное матери: любовь к прованской культуре, но также аристократическую лень и тягу к роскоши. Тем самым разрушая собственный отцовский авторитет. А мать тоже, скорее всего, не является властной женщиной в бытовом понимании. О ней мы знаем очень мало, но некоторый образ складывается даже из одного ее поступка, который известен наверняка. Когда отец Франциска, взбешенный его неадекватным поведением, запирает сына в подвал, мадонна Пика, дождавшись отъезда мужа, освобождает узника. То есть она не боится ослушаться главу семьи, но в то же время не пытается «вытащить» сына, задействовав свои аристократические связи, и наставить его на путь истинный. Возможно, связи оборваны, а у нее есть душевные силы только на поэзию трубадуров. Вполне возможно, она очень несчастна в этой Умбрии, вдали от родных, и юродство сына не расстраивает ее, а наоборот, она видит в нем знак Божественного участия?

Биография мадонны Пика вряд ли когда-нибудь появится на свет, разве только в виде мистификации. Но из того небольшого количества информации, которой мы располагаем, можно сделать вывод: родители Франциска не были авторитарны. Более того, они с раннего детства культивировали в нем исключительность, а отец и вовсе относился к нему, как к высшему существу — будущему аристократу. Ребенку позволялось фактически все.

Таким беззаботным детством могли похвастаться лишь очень немногие из живших в Средневековье. Отношение к детям в ту далекую эпоху сильно отличалось от привычного нам. Оно было суровым, вплоть до жестокости, без особенного умиления и снисхождения к юному возрасту. Казалось бы, парадоксальная ситуация — ведь в Евангелии сказано «будьте как дети». Но средневековая родительская строгость имела логичное объяснение: она являлась формой служения Господу. Детское непослушание трактовалось чаще всего однозначно: в дитя вселился бес и нужно выбить его, даже если при этом ребенок получит травму. Отсюда множество поговорок, в том числе на славянских языках: «Дытыну люби, якъ душу, а тряси якъ грушу»: «Родительские побои дают здоровье». Есть и более точные свидетельства антигуманного отношения к детям, например автобиографическая книга «Счет жизни» младшего современника Петрарки, Джованни Конверсини да Равенна^[37]. Вспоминая годы учения, автор рисует ужасающую картину педагогики позднего Средневековья: «Молчу о том, как учитель бил и пинал малыша. Когда однажды тот не сумел рассказать стих псалма, Филиппино высек его так, что потекла кровь, и между тем как мальчик отчаянно вопил, он его со связанными

ногами, голого подвесил до уровня воды в колодце... Хотя приближался праздник блаженного Мартина, он [Филиппино] упорно не желал отменить наказание вплоть до окончания завтрака». В итоге мальчик был извлечен из колодца полуживой от ран и холода, «бледный перед лицом близкой смерти».

Добавим к этому совершенно безграничные права отцов в отношении детей. «Швабское зеркало» («Schwabenspiegel»), законодательный документ XIII века, даже позволяет отцам в случае нужды продать своего ребенка, правда, не в публичный дом и не для убийства. Такой пункт закона, ужасный на наш взгляд, предполагал вовсе не равнодушие к детям, а заботу о них, шанс на их спасение во время голода. Впрочем, и физические наказания были чем-то вроде гигиены для детской души.

Наш герой избежал травматичных столкновений со средневековой педагогикой. Может, еще и поэтому он так сильно выделялся гармоничностью среди своих современников? Его одаренную личность ничто не сломало. Он не должен был работать с малолетства. Он не знал школьной муштры. Его даже не мучили домашние учителя, как детей, выросших в настоящих аристократических семьях.

Но при этом его мозг, развитый билингвизмом и музыкальными занятиями, с первых лет жизни впитывал в себя замысловатые поэтические метафоры прованских трубадуров. А слово «трубадур» означает вовсе не «певец любви», как иногда думают. Оно происходит от старопрованского корня *tobar* — «находить», «изобретать новое». Франциск, открывший собой новую эпоху в истории христианства, не стал ли сам ожившей метафорой прованских поэтов?

А его семья? В свете вышесказанного она представляется почти идеальной, особенно по сравнению с общей педагогической ситуацией того времени. Она демократична, она не травмирует. Но наш герой избирает путь человека несемейного, причем делает это не под давлением обстоятельств, а вопреки им. Видимо, есть для него нечто крайне некомфортное в этой идиллической, на наш взгляд, семейной картине.

Сразу заметим: призвание к святости — явление слишком сложное, чтобы объяснять его только с позиций психологии. Любые сугубо материалистические попытки такого рода неминуемо размещают всех святых где-то между плохим театром и психиатрической больницей. С точки зрения верующего, момент обращения — это не просто кардинальное изменение личности, это обязательно прямой диалог с Богом, точнее даже, Его зов, обращенный к конкретному человеку и услышанный им.

Но все же на любые ситуации, включая мистические, каждый реагирует по-своему — исходя из особенностей своего характера и темперамента. Конечно, опыт детства играет здесь далеко не последнюю роль. И тогда все же попробуем сделать еще один маленький «психоанализ» нашего героя.

Единственный сын или вообще единственный ребенок? Есть упоминания о его сестрах, но без имен и подробностей. Вроде бы их было шесть. А в «Легенде трех спутников» упоминаются даже и «другие сыновья», которых мадонна Пика любила менее нежно. Все они не важны, даже если и существовали. Единственный долгожданный, горячо любимый центр семьи — он. Мать прочит ему таинственное «большое будущее», отец прощает любые шалости, фактически смотрит на отпрыска снизу вверх — ведь растет не какой-нибудь торговец, а будущий аристократ. При этом сам глава семьи — вовсе не мечтательный слабак. Это предприимчивый и успешный человек, торгующий не только в своей стране, но и за ее пределами.

Что при таком раскладе чувствует ребенок? Прежде всего немалую собственную власть, особенно по сравнению с положением в семье его ровесников. И эта власть травмирует детскую психику не меньше, чем чрезмерная воспитательная строгость.

Современные психологи хором предупреждают родителей о вреде вседозволенности. У ребенка, которому «все можно», сбиты иерархические настройки. Он видит мать и отца в роли своих слуг и понимает, что ему не на кого опереться. Раз он главный, то обязан сам все контролировать, а он прекрасно понимает свою полную несостоятельность и пугается. От постоянного угнетающего стресса страдает нервная система. Головной мозг подвергается воздействию стрессового гормона — кортизола, в организме происходят опасные нейрхимические реакции.

Такие дети часто совершают асоциальные поступки. Им обязательно нужно вызвать родительский гнев, ведь только таким образом они могут почувствовать реальную силу старшего поколения и снять с себя непосильный груз ложной ответственности. Разумеется, ничем хорошим подобные ситуации не заканчиваются. Родители, доведенные до отчаяния, реагируют резко. Они, наконец, вспоминают, «кто в доме хозяин», и пытаются вернуть свою давно утраченную или даже никогда не существовавшую власть. Начинаются различные карательные меры — побои, аресты, лишение имущества. Итогом обычно оказывается полный разрыв отношений — на долгие годы или вообще на всю жизнь.

Все это в полной мере присутствует в биографии Франциска.

Можно предположить, что он так истово бросился к Отцу Небесному в том числе и от ощущения сиротства при живом отце. От ощущения обиды, пусть и неосознанной. Хронологически его обращение произошло раньше, чем конфликт с родителем, он ушел из дома, еще будучи по факту любимым сыном.

Впоследствии, уже после разрыва, натерпевшись зла от папаши Бернардоне, Франциск поступит весьма своеобразно: попросит одного нищего благословлять его каждый раз, как отец проклянет. И тут до конца непонятно: прощение это или продолжение давнего безнадежного поединка, просто один из борющихся использует «злое» оружие, а другой — «доброе»? Ведь мы все родом из детства и знаем, как плохо лечатся детские обиды.

Разумеется, доказательств подлинности этого реконструкторского «психоанализа» у нас нет. Но все выводы очень логично вытекают из тех небольших крупинок информации, которыми мы располагаем. В конце концов, палеонтологи могут выстроить внешний вид доисторического животного по нескольким фрагментам скелета, почему бы и нам не пойти тем же путем?

МАЛЬЧИК РЕЗВЫЙ

Мы подошли к моменту рождения нашего героя. Лето или осень 1181 года. Так написано в книге «*Fonti francescane*» («Истоки францисканства»). Этот источник считается самым заслуживающим доверия на сегодняшний день. Впрочем, есть и другие довольно известные версии. Например, в биографии, написанной Анаклето Яковелли и также изданной францисканским издательством, указывается 1181 или, может быть, 1182 год. Где-то посередине зимы.

Точная дата неизвестна, и ей не придается большого значения, в отличие от даты смерти. Подобная ситуация, когда уход человека считается более значимым, чем появление на свет, очень характерна для Средневековья. Жизнь людей в те времена проходила под знаком смерти как самого важного события. Видный средневековый схоласт Дионисий Картузианец, имевший, кстати, любопытный почетный титул — *doctor extaticus* (возвышенный, «экстатический» доктор), пишет в «Жизненном наставлении дворянину»: «Когда же он отходит ко сну, то пусть помыслит о том, что, как нынче укладывается он на свое ложе, тело его вскорости уложено будет другими в могилу». Это постоянное *temento mori* было бы неправильно сравнивать с запугиванием и религиозным зомбированием населения, как иногда делают. Размышления о смерти расценивались как хорошее средство очистить свою душу, чем-то вроде оздоравливающей медитации, охраняющей от духовной скверны и помогающей поддерживать контакт с Богом.

Итак, в самом начале 1180-х годов Франциск пришел в этот мир. Тут хорошо бы вспомнить уже упомянутую версию обстоятельств этого события — известную легенду о рождении святого в хлеву. Сразу же отметим: большинство исследователей считают историю с хлевом недостоверным фактом, а точнее — позднейшим добавлением к биографии святого. Действительно, в самых ранних биографиях (первое и второе «Жития» Фомы Челанского и «Большая легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо») нет даже намеков на подобную информацию. Впрочем, там нет и опровержения. Фактически все они описывают жизнь Франциска с вполне сознательного возраста.

Интересно, что даже оба «Жития» одного и того же автора (Фомы

Челанского) дают совершенно разный образ мадонны Пика. В «Первом житии» (1228–1229) она вместе со своим супругом удостоивается самого сурового порицания: «...еще прежде чем они научатся говорить или даже лепетать, дети, с помощью знаков и звуков, обучаются уже многому постыдному и презренному; когда же придет время отнимать их от материнской груди, они помышляют уже не только говорить, но и совершать что-либо распущенное». Вполне себе камень в огород матери Франциска, ведь речь идет о семьях, похожих на его семью. Но уже во «Втором житии», написанном двадцатью годами позднее (1246–1247), мадонна Пика предстает «зерцалом честности». «Эта женщина являла своим поведением, так сказать, видимый знак своей добродетели», — пишет Фома Челанский.

Такие разночтения объясняются вовсе не прихотью автора, а жесткими рамками официального заказа. Дело в том, что от тех или иных подробностей биографии Франциска напрямую зависела судьба его последователей. Сразу же после его смерти в ордене началась жестокая борьба по поводу трактовки его учения. Главным камнем преткновения стало выяснение степени строгости его устава. Это очень понятно, ведь речь шла о материальных ценностях (или полном отказе от них), а также образе жизни монахов.

Фома Челанский был приглашенным автором, вовсе не из близких друзей Франциска, да и писал он житие, а не биографию. Поэтому можно было бы с таким же успехом поверить не ему, а многочисленным народным лаудам^[38], воспевающим святого. Ведь некоторые из сочинителей могли знать нашего героя гораздо лучше, чем Фома.

Правда, лауды тоже имели определенный «заказ». В них, даже ярче, чем в житиях, прослеживается идея уподобления святого из Ассизи Христу. Помимо рождения в хлеву, встречается сюжет о превращении воды в вино, о последней вечере Франциска, где используются выражения, очень похожие на евангельский рассказ о Тайной вечере. Народное почитание усиленно наделяло образ ассизского «беднячка» чертами Спасителя, но ведь он сам создал этот прецедент стигматами, двенадцатью учениками, да и самым образом мышления. Франциск — пример человека, фактически превратившего свою жизнь в аллегорию. И чтобы понять его, нужно отнестись со вниманием ко всем известным, пусть даже слегка мифологическим сюжетам его биографии. Поэтому согласимся с наличием хлева. А что предшествовало этому?

Рождение святого из Ассизи, скорее всего, было весьма долгожданным

событием для семьи.

Францисканский писатель Анаклето Яковелли, опираясь на народные сказания, пишет о супругах Бернардоне: «Бог не благословил их детьми, скрепляющими любовь, и оттого точно темное облако тяготело над ними. Уже мадонна Пика совершила паломничество к гробницам апостолов в Риме; в смиренной молитве, простершись на полу часовни Святого Михаила на горе Гаргано, умоляла Господа даровать ей желанное материнство. Все было напрасно. Небо, казалось, было глухо к ее плачу». Далее, по словам Яковелли, мать Франциска умоляет мужа взять ее с собой в Святую землю и затем отправляется вместе с ним. Для ее супруга это обычная деловая поездка, так как он «в Провансе и на Востоке закупал товар — драгоценные ткани и домой возвращался, нагруженный богатствами».

В поездке они разделяются. Пьетро постоянно занят встречами и переговорами, ему неинтересны христианские реликвии. Одинокая и печальная, мадонна Пика, наоборот, все больше погружается в созерцание мест, связанных с жизнью Спасителя и особенно Богородицы. Она размышляет о великих трудностях, которые пришлось вынести Пресвятой Деве, невольно представляет себя на ее месте. Спohватившись, корит себя, но потом, словно уже немного сдружившись с главной из матерей, поверяет ей свою тоску от несбывшегося материнства...

По возвращении в Ассизи она обнаруживает, что молитвы ее услышаны, долгожданная беременность наступила. А у супруга очередная деловая поездка. Он снова едет в Прованс — за нечесаной шерстью. Это очень выгодно. Здесь, в Ассизи, у него есть мастера, которые за гроши готовы остричь сырье, сворсовать и разрезать. Он уже видит, как тюки с шерстью превращаются в сундуки с деньгами.

Жена снова остается одна. Может быть, так даже лучше — никто не отвлекает будущую мать от возвышенных раздумий. Она читает или поет творения своих любимых прованских трубадуров. Но чем ближе момент родов, тем страшнее становится ей — она ведь уже немолода, могут случиться осложнения. И она вспоминает роды Пресвятой Девы, пески и камни Святой земли, пещеру Вифлеема...

«Она приказала служанкам постлатъ ей ложе в нижней части дома, где муж обыкновенно ставил лошадей, и попросила, чтобы туда привели вола и ослика. Когда все было готово, она с трепетом сошла вниз и, улегшись на сено, без особых мучений разрешилась от бремени», — пишет Яковелли.

Произошедшее дало богатую пищу для пересудов ассизским кумушкам. Подобный поступок выглядел дико при всей религиозности

тогдашнего общества. Впрочем, все объяснили капризами беременной, а еще — непривычными чужестранными нравами. Мало кто из сплетниц бывал в Провансе и мог рассказать, как там у них принято. Но прозвище Пика с тех пор прилипло к матери Франциска намертво, ведь в Умбрии сорока считалась птицей причудливых желаний.

Капризная чужестранка назвала младенца вполне обычным именем Джованни, в честь Иоанна Крестителя. Это дало повод Фоме Челанскому сравнить ее с библейской Елисаветой, матерью Предтечи: «...она была милостиво отмечена некоторым сходством с древней святой Елизаветой, как в имени, данном сыну, так и в пророческом даре».

Через некоторое время вернулся новоиспеченный папаша. Скорее всего, счастливая мать бросилась к нему с возвышенными речами — о своих экзотических родах, о мистических переживаниях и экстазах. А он уже сполна хлебнул всего этого в их недавней совместной поездке. И когда мадонна Пика с придыханием сообщает, что назвала сына Иоанном, по примеру святой Елисаветы, терпение торговца заканчивается. Нет, конечно, его жена — высшее аристократическое существо, но глава семьи — муж. Он и решит, как будет зваться наследник.

Пьетро Бернардоне — типичный человек Нового времени, он пробил себе дорогу в жизни сам. Разве Иоанн Креститель помогал ему заключать сделки? И разве святая Елисавета заплатила выкуп этим чванливым де Бурлемонт, чтобы они позволили ему жениться на их дочери? Ум, решительность и везение — вот чему он обязан. Да еще прекрасной Франции. Именно через нее началась его крупная торговля, именно так, как французы, он хотел бы жить.

И он переименовывает первенца, не побоявшись ни людской молвы, ни церковной власти. Нет, крестильного Джованни, конечно, никто отменить не в силах, но им перестают пользоваться. А имени, которое выбирает отец, и в святцах-то нет. Франциск, как уже говорилось, значит нечто среднее между словами «французик» и «французистый». Не имя, а какая-то кличка, вызывающая воспоминания о современных криминальных авторитетах. Французик, Япончик... Ничего удивительного, традиции легендарной итальянской мафии тоже выросли на почве определенного менталитета.

Наверняка папаша Бернардоне долго гордился своим поступком. Еще бы! Утер нос и жене, и попам, показал всему городу собственную крутость.

Но при этом голубой крови в нем не прибавилось. И когда в любимом первенце начинает проявляться утонченность, присущая его матери, сердце грубого коммерсанта тает от умиления. Он прощает сыну то, что не

простил бы сам себе. Будучи алчным, поддерживает мотовство наследника, ведь подобным образом часто ведут себя представители высшего сословия. И великодушие юного отпрыска кажется отцу не слабостью, как у всех остальных, а признаком будущего рыцарства, достичь которого могут лишь немногие.

Но не будем повторяться. Тем более нас интересует не Пьетро Бернардоне, а Франциск. К чему стремился он в юные годы? Какой имел характер?

Наш герой очень любил мечтать. Часто убежал на главную площадь города и слонялся там, то слушая бродячих музыкантов, то разглядывая прохожих. Во время таких прогулок он вполне мог видеть знатных рыцарей, в том числе императорского наместника Конрада Лютценского. Может быть, однажды Конрад сопровождал своего царственного воспитанника, сына Барбароссы, и Франциск представлял себя рядом с ними, в сверкающих доспехах и с императорским орлом на шлеме.

Мечтательность соединялась в нем с повышенной общительностью. Это помогало ему с молодых ногтей успешно работать в отцовской лавке. Он мог «уболтать» любого покупателя, но делал это не ради наживы, к которой был равнодушен, а просто так, от души. Там, где отец продавливал свою линию напором или хитростью, ему было достаточно улыбнуться, и люди охотно исполняли его просьбы. Наверное, такое положение дел тоже не прибавляло папаше Бернардоне отцовского авторитета.

Особой тягой к образованию Франциск не отличался, но церковно-приходскую школу при церкви Сан-Джорджио все же окончил, хоть и часто прогуливал занятия. Там ему заложили стандартную базу знаний в виде латыни и арифметики. Очевидно, и то и другое давалось ему одинаково легко, а писание стихов и игра на музыкальных инструментах вовсе не исключали практической смекалки. Он имел задатки делового человека, за исключением главного: стремления к выгоде. Сообразительный, артистичный и крайне коммуникабельный, он мог бы сделать при дворе блестящую карьеру. Даже возясь с отцовскими тканями, он ухитрялся проявлять свою творческую натуру, сочетая куски материи в своих костюмах непривычным образом. Например, мог взять отрез из самого дорогого, что было в лавке, и пришить к нему дерюгу, какая и нищего не порадует. Чем не современный модельер?

Про его любовь к вычурным костюмам и богатым нарядам можно встретить во многих источниках. Но, видимо, весь этот «дизайн» волновал его не сам по себе, а лишь как способ обратить на себя внимание. Войдя в возраст недоросля, то есть молодого человека, не достигшего

совершеннолетия и не поступившего на военную службу, Франциск бросил все силы на то, чтобы приобрести максимальную популярность у сверстников и получить скипетр короля пирушек. Эта цель стала для него настолько важной, что ради очередной молодежной забавы он бросал любые дела, мог убежать из отцовской лавки или выскочить из-за стола, не пообедав. Родители терпели это неуважение, надеясь, что сын, будучи всюду душой компании, приобретет полезные связи. А сам Франциск? Понятно, что в молодости всем хочется погулять, но в его случае пирушка из приятного времяпрепровождения как будто становится необходимостью, почти служением.

Можно вспомнить здесь современное «поколение Z» с его лайко-и селфизависимостью. Верна ли подобная параллель? В очень малой степени. Такой горячей, театральной и творческой натуре, как у нашего героя, были бы неинтересны лайки ради лайков, как и пьянки ради пьянок. Воспитанный на утонченной мистической поэзии, сам слагающий стихи и песни, разве не искал бы он смысла своего существования, тем более находясь в возрасте становления, когда всякий человек задает важнейшие вопросы бытия себе и миру?

И тогда шутовской скипетр короля пирушек, завоеванный Франциском, не окажется ли самостоятельной духовной ценностью?

Эта версия, как ни странно, похожа на правду. Ведь для средневекового человека карнавалы и пирушки являлись не просто обычным досугом. Они были неким подобием «диссидентства» по отношению к официальной власти, которую тогда в большой степени представляла Церковь. Чем-то похожим на долгие политические посиделки на советских кухнях или даже на оккультные искания Серебряного века. Внецерковные праздники Средневековья можно представить как некую скрытую часть тогдашней жизни, своего рода Зазеркалье, мир, вывернутый наизнанку, в котором смеялись надо всем. Именно там звучали пародии на известнейшие церковные гимны, там, за пределами дозволенного, можно было почувствовать освобождение. Как римские сатурналии, символизирующие собой возвращение Золотого века, так и средневековые карнавалы были тем местом, где выплескивалась энергия язычества, обладавшая большой притягательностью для поголовно воцерковленных людей Средневековья. Жадная до всего подлинного и живого душа Франциска бросилась в эту стихию язычества, имевшую сладкий привкус запретного плода и ореол «культуовости», как принято говорить сейчас. Наверное, ему казалось, что он обретает истину, настоящую духовность в противовес официальной. Ведь сразу не приходит в голову, что дьявол тоже

духовен.

Потому, если и сравнивать нашего героя в юности с более современными персонажами, то это будет вовсе не тусовщик 2000-х, а уж скорее бунтарь 1960-х. Этаким Джим Моррисон^[39], поэт и музыкант, обладающий бешеной харизмой, выразившейся не только через стихи и песни, но и через собственный образ жизни, ставший объектом творчества. Человек-свобода, не признающий авторитетов. Моррисон был королем вечеринки своей жизни, он стремился каждый свой шаг сделать свободнее предыдущего — и в конце концов задохнулся от передозировки этой ложной свободы.

Святой из Ассизи увидел тупиковость такого пути и резко свернул в другую сторону. По словам Честертона, «в самом начале жизни Франциск сказал, что он трубадур, а потом говорил, что служит новой, высшей любви».

Точкой преобразования, описанной во многих источниках, становится момент, когда он идет с очередной вечеринки. Вот как передает это событие Фома Челанский во «Втором житии»: «Франциск следовал за ними (пьяной компанией. — А. В.), держа скипетр в руке, как господин. Но, поскольку с некоторого времени он всей душой сделался полностью глухим для этих голосов и в сердце своем пел Господу, постепенно он и телесно удалялся от них. Тогда, как он сам передавал, его наводнила такая Божественная сладость, что он совсем не мог ни двигаться, ни говорить. Его охватило такое внутреннее чувство, которое увлекло его дух к вещам невидимым, и всякая земная вещь показалась ему совершенно неважной и пустой».

Если бы подобные ощущения пережил кто-то из наших знакомых, мы бы прежде всего обеспокоились его психическим здоровьем, не так ли? Может быть, не сразу ему удалось бы убедить некоторых из нас, что он не страдает галлюцинациями, а действительно почувствовал призвание. Ну а как отреагировало на преобразование нашего героя его близкое окружение, жители небольшого итальянского города рубежа XII–XIII веков?

Думая об этом поверхностно, мы рискуем совершить ошибку, решив, будто в те времена общество воспринимало подобные вещи с бóльшим пониманием, нежели сейчас. Ничего подобного!

Да, люди почти поголовно считались воцерковленными, но на бытовом уровне для многих из них церковная жизнь ассоциировалась в лучшем случае с возможностью заказать мессу для своих нужд (как, собственно, и сейчас); в худшем — с тягостной обязателькой, но уж точно не с возвышенным духовным путем. Если бы дело обстояло по-другому — не появилось бы такого количества антиклерикальных стихов, не говоря уж о

ересях.

И вот яркий, не задавленный никакими авторитетами молодой человек, душа компании, можно сказать звезда, отказывается от «культовости», «крутости» и всяческой «свободы» в пользу скучного церковного официоза. Именно так — ведь он не ругает духовенство, в отличие от известных еретических лидеров, а готов целовать землю, по которой прошел священник, и своими руками строит храм.

Никто из близких не помогает ему на этом пути. Даже мать не решается рисковать своим благополучием, открыто выступив на его стороне. А отец и остальное окружение и вовсе предают Франциска проклятию.

Оценив удивительную силу поступка нашего героя, поговорим о событиях, которые его предвляли.

АССИЗСКИЕ СТРАСТИ

Сегодня Ассизи поражает туристов удивительным, первозданным спокойствием. Даже толпы паломников не в силах нарушить строгой тишины улиц, на которых будто бы остановилось время. Этот эффект возник не сам по себе. Родина Франциска законсервирована, это город-музей, где построить новое здание почти невозможно и даже реконструкции производятся лишь по разрешению специальной комиссии.

Но во времена Франциска в Ассизи жилось весьма беспокойно, каждую секунду могла начаться война. Время от времени так и происходило.

За восемь лет до рождения нашего героя город был осажден войсками Фридриха Барбароссы. Прозвище это значит «рыжебородый». Знаменитый император получил его как раз в Италии, завоевать которую стремился бóльшую часть своей жизни. Причем италийские земли не представляли для него особой ценности сами по себе. Он мечтал о возрождении империи Карла Великого с ее огромными территориями и крепкой централизованной властью. Барбаросса даже походил на Карла сочетанием безмерного властолюбия с реалистичностью взглядов и продуманностью действий. Также государь отличался щедростью и твердостью в христианской вере. Мечты Фридриха Барбароссы сбылись не в полной мере, но его масштабная личность сильно повлияла не только на политическую обстановку в Европе, но и на умы ее тогдашних обитателей. Юный Франциск, мечтавший стать рыцарем, тоже был ослеплен отблеском славы великого императора. Ведь тот смог поднять рыцарство на высоту идеала, запечатленного в знаменитых рыцарских балладах. Барбаросса тщательно следил за исполнением кодекса чести и запретил посвящение в рыцари кандидатов сомнительного происхождения. Право на настоящий рыцарский поединок со всеми полагающимися атрибутами имели только потомственные рыцари. Также и рыцарский пояс с золотыми шпорами могли носить лишь избранные. Но одного высокого происхождения было недостаточно. Принадлежавшие к избранному кругу постоянно подтверждали свою состоятельность, соревнуясь в рыцарских искусствах, в списке которых фигурировала не только боевая подготовка, но и стихосложение.

Сам император завоевал восхищение не только личной доблестью во Втором крестовом походе, но и величественными праздниками, вроде

празднования Пасхи в Ахене, куда приехали с подарками много властителей — как духовных, так и светских. Легенды говорят, будто бы там присутствовали даже послы знаменитого султана Саладина, подумывавшего об обращении в христианство.

Как относились к императору в Ассизи? Ведь при всей привлекательности он оставался для италийских городов чужеземным завоевателем.

На этот вопрос не существует однозначного ответа. Напомним: Италии как государства тогда не существовало. А свободные города-коммуны кипели и бурлили, раздираемые местными дрязгами. Формально Ассизи должен был принять императорские войска с превеликой радостью, ведь город считался гибеллинским. Некоторое время так и происходило.

Гибеллины и гвельфы... Названия этих средневековых итальянских политических партий вспоминаются в связи с Данте. Их противостояние обрекло в свое время поэта на пожизненное изгнание. На их деятельности держалась внутренняя политика итальянских городов. Тянулось это более двух веков подряд, и порой сами участники с трудом разбирались в происходящем.

Казалось бы, что тут сложного? Всего две партии. Гибеллины поддерживают императора, гвельфы — папу. На деле политических сил оказывалось гораздо больше двух. Тот же Данте, будучи гвельфом, пострадал вовсе не от гибеллинов, а от враждебного крыла своей же партии. К моменту его изгнания гибеллины во Флоренции практически не встречались, зато гвельфы разделились на черных и белых. Черные, как им и полагалось, поддерживали папу, а белые, к которым имел несчастье принадлежать Данте, ратовали за независимость Флоренции от всех и были не прочь объединиться с гибеллинами. Черные тогда победили вовсе не из-за прогрессивности взглядов, а из-за стечения обстоятельств, где не последнюю роль сыграла бешеная харизма их внезапно вернувшегося из изгнания лидера, Корсо Донати.

В Риме тоже существовала сила, аналогичная белым гвельфам, — римский сенат. Он состоял из влиятельных горожан, преследующих свои интересы, порой не совпадающие ни с папскими, ни с императорскими. Иногда для встречи императора с понтификом требовалось вводить в Рим войска и освобождать из-под влияния сенаторов какой-либо район города. «Конфликт у лошадиной морды»^[40], происходивший между Фридрихом Барбароссой и папой Адрианом IV, закончился весьма характерным взаимным обещанием не проводить с этим сенатом сепаратных переговоров.

История происхождения названий двух итальянских партий озадачивает нелогичностью. Слово «гибеллины» (*ghibellini* по-итальянски, *Ghibellinen* по-немецки) происходит от Гаубелинга — латинизированного названия одного из замков, принадлежащих южногерманской королевской династии Гогенштауфенов. Вроде бы все ясно. Императоры по преимуществу — германцы. По логике, слово «гвельфы» должно происходить от какой-нибудь римской церкви? Не тут-то было! Вторая итальянская партия получает название от династии Вельфов — герцогов Баварии и Саксонии. Обе династии пользовались немалым влиянием и постоянно воевали друг с другом.

Народная молва объясняет появление гвельфов и гибеллинов гораздо интереснее.

По флорентийской легенде, некий мессир Буондельмонте обещал жениться на дочери другого мессира — Джантруфетти. А жена третьего мессира — Донати, мадонна Альдруда, уже задумала выдать за него свою дочь. Как-то раз она увидела Буондельмонте в окно на улице и позвала зайти. Когда он зашел, коварная женщина привела к нему дочку со словами: «Это тебе. Бери ее в жены, не правда ли, она красива, как королева?» Буондельмонте посчитал, что не может нарушить обещание, данное Джантруфетти. Но Альдруда сказала: «Можешь. Я заплачу им пеню». И он согласился, ведь девушка была удивительно хороша. Джантруфетти, чьей дочерью пренебрегли, почувствовал себя смертельно оскорбленным и убил вероломного изменника прямо во время свадьбы. Так началась вендетта между двумя знатными родами, и от их войны весь город раскололся на две части.

Вот так запутанно протекала жизнь итальянских городов-коммун позднего Средневековья. К сожалению, в Ассизи с тех далеких времен сохранилось совсем немного документов, гораздо меньше, чем во Флоренции или Риме. Но основные события проследить можно. Известно, что после завоевания Ассизи Фридрихом Барбароссой фактическим правителем города стал наместник императора, Конрад Лютценский. Примерно в 1177 году специально для него выстроили крепость на горе.

Конрад считался доверенным лицом императорской семьи, особенно сына Барбароссы, Генриха VI, и его жены Констанс. Он постоянно сопровождал их в путешествиях по Италии. Так продолжалось примерно до 1188 года, после чего по неизвестной причине доверие царственной четы к наместнику начало ослабевать. Супруги отказались сделать его воспитателем своего сына, потом и вовсе ограничили свое общение с ним. Правда, Конрад получил титул наместника Королевства Сицилия,

доставшегося Генриху по наследству через Констанс.

Трудно сказать, что именно в поведении Конрада больше всего раздражало ассизцев. Однако есть версия, будто в очередную кровавую междоусобицу они бросились, устав от произвола наместника. К сожалению, не сохранилось документов, описывающих подробности конфликта. В целом схема была примерно следующей: Барбаросса удерживал свою власть в Италии путем сложной политики. Кого-то он сильно ущемил, как, например, миланцев. Кому-то, наоборот, дал выгодные льготы. Очевидно, ассизская знать относилась ко вторым, потому город оказался гибеллинским и даже принимал в своих стенах императорский гарнизон. Но после смерти императора в 1190 году и без того зыбкое равновесие окончательно пошатнулось. Наследовавший Барбароссе Генрих VI сильно недотягивал до величия своего отца, зато превосходил его в жестокости. О его стиле обращения с мятежниками итальянский хронист выразился оригинально: император Генрих «разыграл с ними Нерона». Например, одному из своих соперников он приказал прибить гвоздями к голове железную корону, других топил и жег в кострах. Но бушевать ему пришлось недолго. В конце лета 1197 года Генрих неосторожно выпил холодной воды, заболел лихорадкой и умер в 32 года. Город Ассизи, притаившийся на семь лет правления этого «добрейшего» человека, всколыхнулся восстанием. Неизвестно, что послужило первым толчком. Может быть, Конрад Лютценский, уже мало бывающий в этих местах, не разобравшись, перегнул палку. Слишком повысил налоги для торговцев и ремесленников или публично унизил кого-то. Спусковым крючком также могла стать и политическая деятельность нового папы Иннокентия III, который занял Святой престол в январе 1198-го. Озабоченный расширением папской власти, он всячески старался помешать укреплению власти своих противников — германских императоров, оттого нестабильность и междоусобицы в итальянских городах были ему выгодны. А сами горожане видели в любой нестабильности возможность побороться за независимость своего города.

Основная заваруха началась весной 1198 года, как только Конрад сложил с себя полномочия правителя Сполето и Ассизи. Сразу после его отъезда горожане позабыли о своем гибеллинстве и осадили крепость на горе, являвшую собой символ имперской власти. Ее захватили и сровняли с землей, а императорский гарнизон изгнали.

Обстановка накалилась до предела. Не прошло и года, как «простой народ», среди которого были весьма состоятельные люди, вышел на улицы, протестуя против аристократии и духовенства. Торговцы и ремесленники

требовали уважения к себе: улучшения условий жизни и полноценного участия в управлении городом. Митинги и мирные демонстрации не пользовались у средневекового населения особой популярностью. Собралось городское войско, и все закончилось жестокой резней и погромами в домах аристократов.

Наш герой, которому тогда только исполнилось восемнадцать, участвовал в кровавых событиях со всем пылом юного мечтателя, помешанного на рыцарстве. Аристократы бежали, бросая дома и богатства, в соседнюю Перуджу, издавна враждовавшую с Ассизи. Некоторых убили по пути, но большинству удалось спастись. Среди бежавших была семья одного из самых могущественных дворян Ассизи, Фавароне ди Оффредуччо, отца будущей святой Клары, которой на тот момент было всего шесть лет. Вот они, удивительные перипетии судьбы. Великий миротворец Франциск, можно сказать, чудом не зарезал свою будущую самую преданную последовательницу. Повезло и будущему брату Леонарду, его семья также спаслась, покинув родной город.

После этих потасовок внешний вид Ассизи сильно изменился. С горизонта исчезло много высоких башен, венчающих дома гордых аристократов. Традиция разбирать постройки поверженных врагов и строить из них что-то новое повсеместно бытовала в итальянских городах-коммунах. Думается, папаша Бернардоне в эти дни получил немалое моральное удовлетворение, глядя, как исчезают с лица земли дома тех, кому он втайне завидовал всю жизнь.

Но революционеры-победители недостаточно хорошо продумали свои дальнейшие действия. Изгнанные аристократы нашли поддержку в гвельфской, издавна враждебной Ассизи Перудже. А город этот имел немалую мощь. Расположенный на горе, он постепенно, силой или уговорами, склонил на свою сторону все замки и села с окрестных холмов и долин. Это позволяло перуджинцам контролировать практически все дороги, что в условиях горной местности давало огромные преимущества.

Заручившись поддержкой перуджинцев, ассизские изгнанники копили силы для решительного реванша и дождались его.

Скорее всего, никто ни на кого не нападал, поскольку битва произошла не в каком-либо из городов, а в нейтральном месте — у селения Коллестрада, расположенного на вершине небольшого холма к востоку от Перуджи. Место это хорошо знали пилигримы из-за большого госпиталя Святого Лазаря, где принимали странников начиная с 1099 года. Сегодня селение отреставрировано и открыто для туристов, а рядом с ним сохранился участок леса с вековыми деревьями, скорее всего, помнящими

Франциска. В итальянских туристических буклетах можно прочитать о будто бы встречающихся там привидениях — ими стали души беглых преступников из далекого прошлого.

Коллестрада покорилась Перудже в 1202 году за несколько месяцев до сражения, о котором мы говорим, и, видимо, прошла таким образом проверку на преданность. Документов, описывающих битву, не сохранилось, но есть список имен знатных рыцарей, в ней участвовавших. Его можно найти в одной из биографий Франциска, написанной историком из Ассизи Арнальдо Фортини^[41] «Nova vita di San Francesco d'Assisi». Среди прочих там фигурирует имя Ринальдо ди Пьетро д'Оффредуччо, явно родственника Клары. В числе воинов были сражающиеся из личного интереса (как те же Оффредуччо) и обыкновенные наемники. Франциск, вероятнее всего, входил в состав городского войска. Уровень боевой подготовки этого военного формирования почти наверняка проигрывал даже небольшому рыцарскому отряду. В итоге победа закономерно досталась Перудже, а многие из ассизских забияк попали в плен. Среди них оказался и наш герой.

УЗНИК

Третий десяток своей жизни (с 1202 по 1203 год) Франциск встретил в перуджинской тюрьме. Сведения об этом периоде весьма немногочисленны. В каких условиях содержался наш герой? Какие требования ему предъявлялись?

И как вообще относились к военнопленным в те далекие времена?

На последний вопрос существует множество ответов, часто противоречащих друг другу. Противоречие было заключено в самой эпохе. С одной стороны, Средневековье не зря называют диким. Действительно, многие привычные нам пункты гражданских прав в то время еще не оформились, а до знаменитых Женевских конвенций о содержании военнопленных оставалось долгих 700 лет. Поэтому полководцы разных мастей, конечно, принимали решения, исходя из своей выгоды и своего же характера. С другой стороны, именно в Средние века существовал рыцарский кодекс чести, в котором заявлялось благородство по отношению к противнику.

На деле случалось по-разному, но можно точно сказать: средневековые военачальники серьезно задумывались об этой стороне вопроса, подводя под нее разные теоретические и практические базы.

Например, современник Франциска, британский историк Геральд Камбрийский^[42] в труде «Завоевание Ирландии» очень хорошо показывает дилемму между милосердием и беспощадностью, которая стояла перед тогдашними воителями. В описанном споре между двумя историческими персонажами — Раймоном ле Гро и Эрве Монморанси — он показывает две совершенно различные точки зрения.

Одна из них, принадлежавшая ле Гро, показывает попытку примирить гуманизм с военным рационализмом. По словам ле Гро, пленники заслуживают снисхождения, потому что они не воры, «не мятежники, не предатели и не разбойники», эти люди «побеждены в бою, в котором они фактически защищали свою родину», что, несомненно, «заслуживает всяческого уважения». При этом он тут же поясняет: щадить пленников нужно не только из человеколюбия, но и ради выгоды. Гибель их не служит никакой военной цели, зато «выкуп за них должен считаться для нас куда более выгодным мероприятием... потому что позволит увеличить жалованье солдатам и явит пример благородного поведения». Также ле Гро находит еще один корыстный мотив для хорошего обращения с

военнопленными: если они не будут испытывать ненависти к захватившим их, возможно, это сохранит в будущем жизнь других солдат, которые попадут в плен к ним. Сеньор де Монморанси камня на камне не оставляет от рассуждений собеседника. Чужая страна никогда не покорится, если подходить к ней с позиций милосердия. Только страх и ужас годятся для подчинения людей. Монморанси уверен: пленников нужно казнить, причем как можно безжалостнее, чтобы «смерть этих людей внушила страх остальным, а их пример заставил других непокорных преступников воздержаться от будущего нападения на нас».

Интересно, что сам Геральд Камбрийский, вроде бы поначалу сочувствовавший ле Гро, вовсе не осуждает жестокость Монморанси. Также можно вспомнить о Ричарде Львиное Сердце и Генрихе V, рыцарской репутации которых никоим образом не повредили ужасные зверства.

Тем не менее позиция ле Гро тоже широко применялась. Пленниками торговали, причем цена их сильно варьировала в зависимости не столько от сословной принадлежности, сколько от общего количества захваченных людей. Например, во время битвы при Хаттине 4 июля 1187 года, окончившейся разгромом крестоносцев, пленных захватили столь много, что они продавались за бесценок, а кого-то даже отдали за пару башмаков.

Разумеется, это не касалось важных персон, к которым всегда был особый подход. Впрочем, дипломатической неприкосновенностью их тоже не наделяли. Например, один из известных участников Второго крестового похода Рено де Шатильон, правитель Антиохии, испытал на себе весь возможный диапазон отношения к военнопленным. Когда он попал к арабам, никто из близких людей, включая жену, не захотел заплатить за него выкуп. Даже наоборот, если верить хронисту, «по всему Востоку раздался вздох облегчения». Де Шатильон провел в мусульманском плену целых 17 лет, за которые выучил в совершенстве арабский язык и, по-видимому, приобрел уважение местных жителей. После, когда в Алеппо стали искать союза с франками, его выкупил за баснословную сумму 120 тысяч золотых король Иерусалима Балдуин IV.

Де Шатильон был отчаянным воякой, не сдерживающим себя моральными принципами. Он не держал слова и творил nepотpeбствa, восстанавливая всех против себя. В итоге, попав вторично в мусульманский плен, он был казнен Саладином и его голову показательно возили по Дамаску.

Раз уж мы заговорили о Крестовых походах, надо отметить еще один нюанс — религиозный. Мусульмане времен Франциска проявляли особую

жестокость по отношению к представителям духовно-рыцарских орденов. Например, всех тамплиеров, участвующих в штурме Аскалона в 1153 году, обезглавили. Это расценивалось не только как месть особенно опасным противникам, но и как предупреждение для желающих вступить в подобный орден. Тамплиеры реагировали на такую ситуацию в соответствии с духом времени. Понимая, что им уже не спастись, они стремились вызвать у врагов как можно больше ненависти, чтобы погибнуть более страшно и сподобиться мученического венца.

Вернемся к нашему герою. Его ситуация кажется очень простой и понятной по сравнению с описанными выше сложными международными и межрелигиозными отношениями. Не война, а почти разборка в соседнем городе, до которого всего-то четыре часа ходу. Но когда начинаешь внимательно анализировать обстоятельства его плена и дальнейшего выхода на свободу, возникает много нестыковок.

В хронологической таблице «Истоков францисканства» написано: «освобождают его по болезни». Какой должна быть болезнь, чтобы отпустили из плена? Очень тяжелой, чтобы человек уже не годился для работ, или заразной? О последнем варианте нигде не написано, а то, что он долго болел, вернувшись из плена, в источниках найти можно. Но уж больно странно выглядит этот «больничный» для военнопленного.

Правда, и работать нашего героя, скорее всего, не заставляли. Его приняли за знатного рыцаря и заточили с другими такими же. В «Легенде трех спутников» говорится: «Поскольку манеры он имел изящные, его поместили в тюрьму вместе с дворянами». Этот же источник сообщает: «Через год между Перуджей и Ассизи был заключен мир, и Франциск вместе с товарищами вернулся на родину». Такой вариант выглядит более убедительно, хотя подтверждения его в сохранившихся хрониках нет. Но остается самый главный вопрос: почему Франциск провел в плену целый год и отец не заплатил за него выкуп? Ведь к этому моменту между ними еще не произошло конфликта. Пьетро Бернардоне души не чаял в сыне, позволял ему сорить деньгами направо и налево, — и вдруг не захотел освободить его, может, даже спасти ему жизнь? Причем любимый первенец томился не в какой-то абстрактной темнице на другом конце света, а совсем рядом, в известном месте, называемом Кампо ди Батталья. Здесь даже нечего надеяться найти точный ответ. Мы можем лишь строить предположения. Например, Пьетро Бернардоне мог оказаться в отъезде в момент пленения сына, а мадонна Пика сидела дома и молилась, не пытаясь предпринять каких-либо практических действий. Но, возможно, здесь сыграла роль ошибка — случайная или намеренная — при

определении сословия Франциска. То, что его приняли за дворянина, можно встретить почти в каждом источнике. Может быть, папаша Бернардоне каким-то образом узнал об этом и не хотел вмешиваться, радуясь, что его сын снова оказался в «хорошей компании», пусть даже в тюрьме. Ведь совместные тяготы и лишения могли сблизить его с «полезными» людьми и помочь с получением дворянства. А может, мессир Пьетро и выкупил сына, просто год потребовался, чтобы собрать нужную сумму.

Но также возможно, что их всех держали в качестве заложников. Ведь аристократических товарищей Франциска вроде бы тоже никто не выкупил.

И еще вопрос: о каких дворянах шла речь, если с аристократами-то как раз и боролись ассизцы? Но такова особенность жизни итальянских городов-коммун тех времен. Все перемешивалось там крайне причудливо, гвельфы обращались в гибеллинов и обратно. И за «народной» расправой над аристократическими семьями часто тоже стояли аристократы, относящиеся к другим кланам.

Неизвестно, в каких условиях провел Франциск год плена. В фильме Лилианы Кавани можно увидеть жуткую сырую яму, полную грязи, в которой копошатся люди. Скорее всего, это художественное преувеличение. Во всяком случае, для тюрем использовались, как правило, капитальные постройки с толстыми стенами и каменными, а не земляными полами. Не из соображений человеколюбия, а просто чтобы преступники не сбежали, сделав подкоп. Кстати, во «Втором житии» Фомы Челанского сказано, что Франциска, вместе с остальными ассизцами, заковали в цепи.

Заклученных часто содержали в крепостных башнях, монашеских кельях, могли запереть в какой-нибудь каморке здания городской ратуши. Что касается спанья на соломе, которое часто описывают, стремясь показать ужасные бытовые условия, то в те времена это было делом привычным. Даже приходя в университет, студенты часто приносили с собой охапки соломы, чтобы сидеть на ней во время лекций, поскольку ни скамеек, ни тем более стульев в аудиториях не предполагалось.

Родовитые товарищи Франциска весьма упали духом, находясь целый год в «унылой темнице», по выражению Фомы Челанского. Источники рассказывают о жалобах и стенаниях, наполнявших тюрьму. А вот наш герой вел себя несообразно с несчастным положением заключенного — все время смеялся и пел свои любимые прованские баллады. Его жизнерадостность оказалась сильнее тюремных лишений, и это несмотря на весьма слабое здоровье, о котором говорили все его биографы. Они восхищались силой духа Франциска, позволявшей ему превозмогать

физические страдания. Сокамерников, напротив, сильно раздражало такое легкомысленное отношение к серьезным проблемам. Нашего героя назвали «полоумным», на что он «возразил взволнованным голосом: «Кем я, по-вашему, буду в этой жизни? Знайте, что весь мир будет почитать меня»^[43].

Общаться с ним после такого громкого, почти кощунственного заявления не перестали — видимо, сыграло роль его обезоруживающее обаяние. Зато бойкот был объявлен одному из его товарищей, который каким-то образом оскорбил другого. Все перестали разговаривать с этим арестантом, кроме Франциска, который «продолжал с ним дружить, призывая всех к тому же».

В этих вроде бы маловажных фактах видны первые ростки грядущего преобразования нашего героя. Пребывание в Кампо ди Батталья стало для него переломным моментом. Здесь нет ничего удивительного, скорее мы можем говорить о закономерности, ведь заключение очень сильно меняет психику человека. Только в какую сторону? И насколько итог зависит от условий заключения? Если верить исследованиям психологов, уровень гуманности здесь не имеет большого значения, главное — факт заключения. Похоже, что сама идея тюрьмы вписана где-то глубоко в подсознание человека и срабатывает в подходящих условиях. К подобному выводу можно прийти, ознакомившись с уникальным психологическим экспериментом, проведенным факультетом психологии Стэнфордского университета в 1971 году. Смысл его в следующем: 75 психически уравновешенных добровольцев, не имеющих никакого понятия о тюремной жизни, разделили (по жребию) на арестантов и надзирателей. Никому не объяснили, как себя вести, только выдали соответствующую одежду — форму цвета хаки для надзирателей и серые убогие халаты для заключенных.

Потом обе группы на две недели заперли в здании, где были искусственно смоделированы примерные условия средней тюрьмы с полным отсутствием личного времени, элементарной свободы и постоянной слежкой.

Руководители эксперимента совершенно не ожидали удачи от своей затеи. Им казалось, что дело закончится забавным времяпрепровождением для подопытных, не более того. Но уже буквально на другой день люди начали меняться. «Арестанты» почувствовали себя всерьез угнетенными, а вошедшие в роль «надзиратели» постепенно приступили к унижениям. Психологи с огромным удивлением наблюдали, как буквально за несколько дней абсолютно нормальные, психически здоровые мужчины теряли свою индивидуальность, превращаясь в пассивное стадо, терроризируемое себе

подобными. Еще раз отметим: надзирателей отбирали не по их желанию, а по жребию. Не все из них выказывали одинаковый уровень агрессии, но менее агрессивные ни разу не одернули своих жестоких коллег, образуя с ними негласную «круговую поруку».

Психологи не смогли объяснить это явление. Единственный вывод, который они сделали, анализируя состояние мнимых заключенных до и после эксперимента, это то, что зависимые личности перенесли заключение с меньшими потерями, чем люди активные, инициативные и творческие. Точно так же обычно происходит и в настоящей тюрьме.

Получается, что яркий Франциск должен бы впасть в большее уныние, чем его обычные спутники? Но на деле случилось наоборот. И наш герой не является исключением. Если мы обратимся к биографиям других известных людей, сидевших в тюрьме, то увидим, в большинстве случаев, победу их духа над обстоятельствами. Многие литераторы написали свои лучшие произведения, находясь под арестом или перенеся заключение. Например, Мигель де Сервантес, третьесортный писатель, неудачливый интендант, обвиненный в растрате, именно в тюрьме начинает писать гениального «Дон Кихота», вознесшего автора на вершины мировой литературы. Так же и Достоевский. В начале своего творческого пути он настолько утопает в разнообразии замыслов, что порой трудно разглядеть в его сочинениях индивидуальность будущего великого писателя. Его «классические» произведения, ставшие гордостью русской литературы, появляются после смертного приговора, замененного каторгой. В ссылке появились многие знаменитые стихи Бродского, Мандельштама, произведения Солженицына, Шаламова, «Баллада Рэдингской тюрьмы» Уайльда. Не отставали и философы. В заключении создан знаменитый трактат «Утешение философией» Бозэция, в сталинских лагерях — некоторые философские работы отца Павла Флоренского. Во Владимирской тюрьме Даниилу Андрееву явилось практически все его наследие, включая «Розу мира».

Список этот далеко не полный. Отметим: из него вовсе не следует вывод, будто тюрьма помогает развиться гениальности. Большинство арестантов потеряли все, ничего не приобретя взамен. Но в некоторых случаях заключение действительно помогает понять истинные ценности бытия, избавившись от наносного, и обрести себя. Такая «духовная терапия» под силу лишь индивиду, имеющему мощный внутренний стержень, а не просто артистичную креативную натуру. Последняя, наоборот, делает человека более уязвимым. Оттого «серая масса» выживает в тюрьмах лучше ярких творческих личностей, не имеющих для своего

творчества крепкого духовно-морального основания. Тем же немногим, кто в тяжелой ситуации получает новый стимул к развитию, адресован известный афоризм Ницше: «Что не убивает меня, делает меня сильнее». Хотя в связи с Франциском хочется вспомнить совершенно другую цитату из Евангелия от Матфея: «...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (16:25)^[44].

Представим себе тогдашнего Франциска. Двадцатилетнего парня, избалованного сынка богатейшего торговца, привыкшего купаться в роскоши и чувствовать себя избранным. У него отнимают свободу, комфорт, надежды на будущее, почти всю жизнь. Целый год — это ведь очень долго. Он осознает, что ему не помогут ни языческие скипетры, ни даже отцовские деньги. У него только два пути: признать себя пораженным и молча скрипеть зубами в жажде мести или расценить случившееся как подарок, знак того, что Отец Небесный слышит его.

Конечно, рискованно пытаться реконструировать мысли другого человека, тем более жившего восемь веков назад. Но если наш вывод ошибочен, то радость Франциска в тюрьме — явный признак помешательства. А ведь сумасшедшим-то он не был.

«МНЕ ГОЛОС БЫЛ...»

Вернувшись из плена, Франциск долго болел. Разумеется, точного диагноза мы не знаем. Некоторые биографы считают, что наш герой подцепил в тюрьме лихорадку, едва не сведшую его в могилу. На грани смерти он побывал совершенно точно. По словам Бонавентуры, «над ним совершили помазание ради приобщения души к Духу Святому». А Фома Челанский сообщает, что после болезни двадцатилетний Франциск ходил «подпираясь посохом». Вполне понятно, что сил для пиров у него в этот момент не было. Но почему-то, по словам того же Челанского, «любители всего того, о чем была раньше речь, объявили его глупцом», когда он выказал равнодушие к мирским радостям. Под «всем тем» подразумеваются пирушки и карнавалы, о которых уже говорилось. По-видимому, сообщество любителей подобной культуры крайне неохотно отпускало своих, если оно не смогло простить нашему герою даже временное отступничество по болезни. Наш герой, если верить первому из «Житий» Фомы Челанского, «боялся насмешек всех своих товарищей». Да, ведь эти товарищи почти наверняка происходили из благородных семей. А сын купца при любом богатстве все же оставался человеком второго сорта.

Поэтому, едва выздоровев, Франциск бросился нагонять упущенное. Правда, теперь он действует более рационально. Ищет влиятельного человека, к кому бы наняться на службу, чтобы в дальнейшем через ратные заслуги получить наконец вождеденное дворянство. И такой человек находится. Скорее всего, это уже упоминавшийся французский рыцарь Готье де Бриенн. Неоднозначность вызвана появлением еще одного имени в «Легенде трех спутников»: «...и вот, в надежде получить дворянство от некоего графа Джентиле, он готовит себе самое роскошное снаряжение». Некоторые исследователи видят здесь не имя, а определение (*Gentile* — «благородный»). Между тем опекуна юного Фридриха II, внука Барбароссы звали именно Джентиле. Точнее, Джентиле деи Палиари, граф Монопелло. И он мог бывать в Ассизи в первых годах XIII века.

Вполне вероятно, оба этих знатных человека сыграли какую-то роль в биографии нашего героя. На роль кумира для молодого впечатлительного Франциска лучше подходит кандидатура Готье де Бриенна. Он имел французское происхождение, был храбр и самоотвержен. Во время плена и болезни Франциска он воевал с феодалом баварского происхождения Диапольдо Ачеррой^[45], который безудержно разбойничал в окрестностях

Сполето и Ассизи. Ачерра осаждал замки соседей, не гнушаясь даже ограблением монастырей. В 1204 году он добрался до де Бриенна, осадив его замок. Французскому рыцарю удалось прорвать осаду и обратить противника в бегство, правда, из-за шальной стрелы де Бриенн в бою лишился глаза. Это не помешало ему продолжить борьбу, заручившись поддержкой папы Иннокентия, ведь Ачерра при всей своей маргинальности имел связи в высоких кругах и даже претендовал на опеку императорского наследника.

Де Бриенн осадил замок Ачерры в Сарно, но попал в засаду. Его ранили и доставили прямо к Ачерре. Тот предложил пленнику лечение в обмен на признание поражения, но гордый рыцарь не сдался, предпочтя смерть. Существует гравюра, изображающая эту сцену. Диапольдо Ачерра в полном рыцарском снаряжении грозно указывает перстом на полуобнаженного де Бриенна, сидящего в богатом, похожем на трон кресле. На лице пленника величавое спокойствие, вокруг — мрачное подземелье с единственным зарешеченным окном.

Эти события произошли летом 1205 года. Несколькими месяцами раньше Франциск собрался сражаться на стороне де Бриенна в его герцогстве Апулия, где тогда происходили мятежные волнения. Неизвестно точно, какие силы стояли за этими беспорядками, но многие ассизцы решили в то время поддержать знатного француза. За деньги или по политическим убеждениям? Очевидно, каждый из участников имел свою мотивацию. Нашего героя, согласно источникам, влекло в бой неудержимое честолюбие и желание стать рыцарем. Это никак не противоречит восхищению личностью де Бриенна, которое Франциск явно испытывал. Известно, что он сильно горевал о смерти французского рыцаря и посещал его могилу в Сарно.

Но вернемся в самый конец 1204 года (или начало 1205-го). Де Бриенн еще жив, наш герой решает служить ему, и у него действительно есть реальные шансы перейти в высшее сословие. Хотя есть и много препятствий.

Уже говорилось, что Фридрих Барбаросса, борясь за чистоту благородной крови рыцарства, сильно ужесточил правила приема. При нем рыцари стали потомственными — то есть принимали только тех, у кого был рыцарем отец. Но, по большому счету, такое правило диссонировало с древней германской идеей общины воителей, из которой рыцарство и возникло. В отличие от римской аристократии, германская всегда ставила превыше всего ратное мастерство и боевую доблесть. В общину свободных

воителей германец, имеющий боевые заслуги, мог попасть через особый обряд инициации. Обязательной частью его была клятва над обнаженным мечом. Римский историк Тацит описывает эти церемонии посвящения во II веке, и они очень напоминают рыцарские обряды высокого Средневековья.

Рыцарство, рожденное на германской почве, представляло собой элиту, но элиту «варварскую», в противовес римской. С течением веков германская аристократия повышала свой статус. Постепенно возникло желание поставить знак равенства между дворянством и рыцарством. Поэтому Барбаросса и попытался полностью закрыть доступ в рыцарство для храбрых крестьян и торговцев. Но если руководствоваться только критерием потомственности, то в воинскую аристократию неминуемо попадали трусливые и даже немощные дети рыцарей. Естественно, такой подход возмутил бы все тогдашнее общество. Поэтому существовало и другое правило: если сын или внук рыцаря не проходил посвящение до тридцати лет — он как бы лишался благородства, начиная нести повинности наравне с крестьянами, фактически переходя в их сословие. В 1200 году в документе «Обычаи Гайнау» («Coutumes du Hainaut») критический возраст для посвящения снизился до двадцати пяти лет. Но все же в начале XIII века, по выражению современного французского историка-медиевиста Жана Флори, «вход в рыцарство снизу еще не замурован наглухо». С одобрения Барбароссы придворный судья Королевства Сицилия пишет поправку к закону, по которой король все же вправе сделать рыцарем человека, у которого отец не был рыцарем. Был еще один шанс сделаться благородным для детей от мезальянса, только благородство в данном случае считается не по отцу, а по матери. Так утверждал французский придворный юрист XIII века Филипп де Бомануар^[46] в книге «Обычаи Бовези». «Свобода и рабство передаются матерью, — пишет он. — Сын несвободной женщины, даже если зачат от дворянина, не может быть рыцарем, поскольку он — серв по матери... Неволя и рыцарство — непримиримые состояния».

Получается, Франциск — сын аристократки — имел преимущества перед бастардами рыцарей, даже самых знатных. Но на пути к рыцарству претендентов ожидали и другие препятствия. Прежде всего — запредельная дороговизна боевого снаряжения. Уже упомянутый нами Жан Флори провел исследования и подсчитал минимальную стоимость экипировки среднего рыцаря в 1100 году. У него вышло 250–300 су. Это стоимость примерно тридцати взрослых быков. А ко временам нашего героя сумма увеличилась примерно в пять раз, вероятно, с учетом инфляции. Факты говорят сами за себя: многие дворяне отказывались от

рыцарского достоинства, не имея возможности оплатить оружие, доспехи и боевого коня. А ведь после церемонии посвящения новичку неукоснительно полагалось еще и организовать огромное пиршество для всего своего аристократического окружения. Чуть позднее такая же обязательная пирушка стала бичом студенчества. Из-за этого обычая многие способные студенты отказывались от звания бакалавра или магистра.

Рыцарство манило низшее сословие и ложилось тяжким бременем на плечи высшего. Уже при жизни Франциска у английского и французского королей не всегда получалось сделать из своих вассалов рыцарское войско. Многие предпочитали откупиться, заплатив особый налог под названием «щитовые деньги». На эти средства монархи искали себе профессиональных наемников, которые стали прообразом будущих регулярных армий.

Отец Франциска был весьма богат, но приобретение рыцарского снаряжения для сына, конечно же, стало ощутимым ударом по его бюджету. К тому же такая инвестиция в купеческого сына, постоянно занятого то торговлей, то мечтами и пирушками, кажется весьма рискованной и даже глупой. Ведь рыцарь — это еще и профессия. Попробуйте просто помахать средневековым мечом, а лучше почитайте, насколько они были тяжелыми. На самом деле мечи-монстры весом 7–8 килограммов, о которых иногда пишут в околоисторических тестах, обычно принадлежат не к боевому, а к так называемому парадному оружию. Боевой меч во времена Франциска был не тяжелее полутора килограммов, а чаще — и того легче, но для нетренированной руки и такая нагрузка может оказаться чрезмерной. А ведь мечом нужно не просто махать, а сражаться с другими профессионалами, к тому же неся на себе больше десяти килограммов всяческих доспехов. При этом ни один из источников не сообщает о фехтовальных тренировках сына Пьетро Бернардоне. О храбрости — да. Но не о боевом профессионализме. Зато есть сведения о его слабом, по сравнению с другими, здоровье. На что надеялся отец, покупая любимому наследнику боекомплект за бешеные деньги? Кажется, будто он вообще не видел в сыне человека, а только возможность «облагородиться». Но где хотя бы расчетливость торговца? Можно, конечно, подумать, что в те времена каждый более или менее умел владеть оружием, но желающий стать рыцарем обязан был освоить фехтование на весьма высоком уровне. Или, может быть, Франциск, по мнению папаши Бернардоне, должен был побеждать врагов силой обаяния, как он проделывал это с торговыми партнерами и покупателями?

Проверить этого не получилось. По пути в Апулию нашему герою приснился сон, полностью изменивший его жизнь. Точнее, снов было два, и после первого Франциск как раз и решил отправиться на помощь к де Бриенну. А накануне он встретил на дороге некоего бедного, но благородного рыцаря и подарил ему свой плащ. В Верхней церкви в Ассизи есть фреска Джотто, изображающая эту сцену. Ее упоминают многие биографы, причем варианты подарка очень разные, от уже упомянутого плаща до доспехов и даже коня, что совершенно нелогично — как бы он тогда отправился воевать?

Одарив незадачливого рыцаря, Франциск лег спать. Как пишет в «Большой легенде» святой Бонавентура, «погрузившись в сон, он по милости Божией увидел огромный и пышный дворец с множеством воинского оружия, украшенного знаком креста Христова, и так было ему предуказано, что милосердие, которое он во имя любви к Вышнему Царю оказал бедному солдату, будет оплачено ни с чем не сравнимой наградой. Он стал спрашивать во сне, чей это дворец и откуда он взялся, и услышал ответ и подтверждение свыше, что все это будет принадлежать ему и его воинству.

Итак, проснувшись поутру, он, поскольку его душа не была еще приучена проникать в тайны Господни и не умела по внешним знакам распознать недоступную зрению истину, решил, что необычное видение было предзнаменованием больших успехов и процветания. И потому он порешил, еще не ведая Божия решения, отправиться в Апулию к одному прославленному полководцу, надеясь в его свите приобрести воинскую славу, что, по его мнению, и предвещал ему сон».

Доехать нашему герою довелось лишь до Сполето. Там у него случился новый приступ недавней, вроде бы излеченной лихорадки. Забывшись в горячке, он услышал голос, уже знакомый по первому сну, и понял, что это глас Господень: «Скажи, Франциск, кто может сделать тебе больше добра: раб или господин, богатый или бедный?» Когда же Франциск ответил, что богатый или властительный человек может сделать для него больше, чем бедняк или раб, Господь внезапно возразил ему: «Как же ты тогда покидаешь Господа ради Его раба и сокровища Божии — ради во всем нуждающегося человека?»

И тогда Франциск спросил: «Господи, что повелишь мне делать?» — и Господь сказал ему: «Возвратись в землю свою, потому что сон, который ты видел, означал события духовные и возвеличиться тебе предстоит не от людей, а от Бога».

После этого сна мысли о воинской карьере были навсегда оставлены.

Наш герой вернулся домой к потрясенным родителям. Неизвестно, насколько бурно реагировал отец, но разрыва между ними тогда еще не произошло, поскольку по возвращении Франциск еще по инерции продолжает участвовать в пирушках. Отсюда можно сделать вывод: дорогостоящие доспехи и конь не пропали, иначе бы папаша Бернардоне вместо пирушек устроил бы сыну хорошую взбучку (как потом и случилось). Правда, есть и другая версия. Вполне возможно, никакого снаряжения просто не существовало. В «Первом житии» пера Фомы Челанского вообще не говорится о поездке вооруженного Франциска на встречу с де Бриенном. Зато упоминается некий задушевный друг-ровесник, с которым наш герой часто уходит в уединенный грот, дабы побеседовать о вечном. И после таких бесед он передумывает идти в Апулию. То есть воевать он действительно собирался, но до доспехов дело могло и не дойти. Следует отметить: «Первое житие» создавалось сразу после смерти Франциска, когда воспоминания еще не затерлись временем. И именно оно, в числе некоторых других, попало под запрет Парижского капитула 1266 года, где было решено уничтожить все биографии Франциска, созданные раньше «Большой легенды» святого Бонавентуры. «Первое житие» чудом сохранилось в списках и дошло до наших дней. Оно отличается меньшим количеством мистики по сравнению даже со «Вторым житием» того же автора, тоже пострадавшим от запрета. И в нем нет хрестоматийного сюжета о вещих снах Франциска.

Эти сны — очень яркий эпизод в биографии нашего героя. Почему же Фома Челанский, знавший Франциска лично, не удосужился упомянуть о них?

Рискнем предположить, что никаких снов не было или они не имели столь решающего значения, как сказано о том в более поздних биографиях. Но Церкви зачем-то понадобился такой сюжет.

В библейских текстах Бог очень часто говорит с человеком посредством сна. Иногда это происходит напрямую, иногда — посредством аллегорических видений, нуждающихся в истолковании. Подобные ситуации на страницах Священного Писания происходят с различными персонажами, от пророков и царей до простых людей. Во множестве похожих сюжетов угадывается некое правило, сформулированное в книге Иова: Господь говорит «с людьми во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей... тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвести человека от задуманного дела и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом» (Иов. 33:15–18). Ветхозаветная традиция пророческого

сновидения переключивает в Новый Завет. Во сне узнает волю Божию святой Иосиф, во сне предупреждены волхвы об опасности возвращения к Ироду, даже жена Понтия Пилата видит пророческий страшный сон о суде над Христом и просит мужа: «Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» (Мф. 27:19).

У Франциска мы видим полный комплект небесных коммуникативных средств: и аллегорическое сновидение, неверно им истолкованное, и прямой диалог с Господом. Это придает образу святого из Ассизи весомость традиции и упрощает восприятие его личности народом. А главное — защищает от неоднозначности трактований. Ведь харизматичность и самобытность Франциска — это мощная, плохо управляемая сила. Оттого официальная Церковь пытается немного «причесать» его образ после смерти. По этой же причине долгое время замалчиваются и не считаются серьезным источником его собственные писания.

Мы вовсе не хотим отказать нашему герою в визионерстве. Конечно, у него были пророческие видения. Они бывают не только у святых. Самые убежденные материалисты порой сталкиваются с необъяснимым. Вспомнить хотя бы писателей-фантастов, предрекавших те или иные глобальные тенденции.

Но придавая слишком большое значение видению в Сполето, не умалим ли мы долгий и мучительный духовный путь Франциска? Слишком просто все оказывается в этом народном, почти сказочном сюжете: увидел сон и проснулся другим человеком, будто по мановению волшебной палочки. Но Господь — не волшебник, ему важна наша свобода воли. И в первой версии Фомы Челанского показано изменение вектора воли Франциска. Все происходит очень постепенно, через размышления и сомнения. Вот он ходит по пустынным местам с каким-то неведомым другом и говорит, говорит... Он пробует на вкус новые мысли, видит новые образы. Но старое окружение тянет назад. И он продолжает мечтать о блестящем будущем, но в какой-то момент замечает, что рыцарские доспехи — не источник света. Они сияют, лишь отражая. И Франциск начинает искать настоящий свет.

Где он? В том, чтобы помочь нищему? Или написать гениальный церковный гимн? Или, может, в том, чтобы перестать думать о земных радостях, стремясь лишь к Царству Небесному?

И свое преображение он начинает совершать постепенно, шаг за шагом, потому и отец спохватывается не сразу. Франциск — поэт, его обращение полно творчества и поиска. Он идет к Богу день за днем, иногда

вдохновенно и радостно, иногда через страдания и муки. А голос... не суть важно, был ли он в Сполето, в безвестном ассизском гроте или просто постоянно присутствовал в жизни Франциска.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Даже окончательно решив посвятить себя Богу, Франциск еще некоторое время по инерции продолжал ощущать себя богатым человеком. Он даже не поменял образа жизни, и знатная молодежь Ассизи вновь избирала его королем пирушек, «ибо по опыту знали, что по своей щедрости он возьмет на себя расходы всех»^[47]. Милостыню он охотно раздавал и раньше. Во всех житиях присутствует сюжет, как наш герой еще до военного похода торговал в лавке и однажды, увлеченный беседой с покупателями, отмахнулся от просящего нищего. Тут же его будто обожгло. Растролкав людей, которых еще минуту назад пытался обаять и склонить к сделке, он бросился вслед ушедшему бедняку. Догнав, отдал ему всю дневную выручку и только тогда вернулся к изумленным покупателям. Теперь он не только постоянно помогает бедным деньгами, но и проводит с ними время.

Не очень понятно, считал ли он отцовское имущество своим. За годы, проведенные в роли будущего аристократа, такая мысль, конечно, могла возникнуть. Папаша Бернардоне, восхищаясь утонченностью отпрыска и его связями в высоких кругах, вероятно, не раз давал ему понять: все мое — твое. На самом же деле в подобной ситуации единовластным хозяином материальных благ семьи оставался отец, а сын, тем более неженатый, мог претендовать лишь на плоды собственных трудов да надеяться на покладистость родителя. Тем более если вспомнить, что помимо нашего героя в семье Бернардоне имелись дочери, которым требовалось приданое. Поэтому первые «добрые дела» 24-летнего Франциска выглядят не очень-то похвально: стащил потихоньку из отцовского кармана и раздал. Но наш герой, охваченный возвышенным порывом, не слишком беспокоился о земных правилах, хотя в прямую конфронтацию с папашей Бернардоне поначалу старался не вступать. В житиях описан интересный момент: когда отец отправлялся в свои поездки, Франциск, обедавший вдвоем с матерью, просил ее накрывать стол на многих персон. На вопрос «зачем?» он отвечал, что ему нужна еда «для подаяний». То есть при отце он на такие опыты не отваживался. Мать же удивлялась, но исполняла просьбу сына, а он, пообедав, выходил в город и искал голодных, попутно наблюдая, чем они питаются, и мысленно представляя себя на их месте. Видимо, плохая еда шокировала его меньше всего. Тем более что за плечами у него уже был год тюрьмы, проведенный, может, и не на тухлых объедках, но уж точно без

маминых разносолов. Гораздо сложнее было примерить на себя грязные лохмотья. Ведь он знал толк в роскошных тканях и сам выдумывал себе костюмы. Поначалу он, наверное, действительно относился к одежде нищего как к еще одному костюму. Но оставалось еще одно: преодолеть страх перед неизлечимыми заболеваниями отверженных — уродствами и, конечно, проказой.

Времена Франциска как раз выпали на расцвет этой опасной болезни. Она бушевала почти два столетия, а потом незаметно отступила. Считается, что этому поспособствовали ужесточившиеся санитарные нормы. Но если разобраться, не слишком-то они и ужесточились в XV веке по сравнению с веком XIV. Вероятнее другая версия: проказу «вылечила» страшная эпидемия чумы 1346–1353 годов, в первую очередь убивавшая людей со слабым иммунитетом, а прокаженные, без сомнения, таковыми и являлись.

Средневековая медицина не понимала механизмов действия любой инфекции. Очищение желудка, кровопускания, прижигания и травы — все, что могли предложить тогдашние врачи. Связь отсутствия гигиены с распространением заболеваний еще не доказали. Но идея изоляции прокаженных от общества уже существовала почти за тысячу лет до эпидемии XII–XIV веков, на востоке, в Армении. Причем подвигло людей на этот правильный, с точки зрения медицины, шаг изучение Библии, а вовсе не развитие науки. В книге Левит сказано: «Во все дни, доколе на нем язва, он должен быть нечист, нечист он; он должен жить отдельно, вне стана жилище его» (13:46).

В Европе лепрозории появились позднее, и поначалу их было немного. Одним из первых известных заведений такого рода стал госпиталь Святого Николая, расположенный в английском графстве Кент. Его основание датируется 1084 годом. Создание лепрозориев можно считать первыми карантинными мероприятиями. Кстати, слово «карантин» тоже пришло из Средневековья, но связано оно не с лепрой, а с чумой. Произошло это понятие от итальянского *quaranta giorni*, что значит «сорок дней». Именно такой срок требовалось чужеземному судну отстоять на якоре у берегов Венеции, прежде чем начать разгрузку. И здесь тоже видны библейские мотивы: именно на сорок дней Иисус удалялся в пустыню.

Позже количество лепрозориев изрядно возросло. Английский хронист XIII века Мэтью Парижский^[48] насчитывал их по всей Европе больше десяти тысяч. Обычно эти богоспасаемые заведения находились в черте монастырей, и монахи помогали несчастным. Разумеется, никакого лечения там не предусматривалось. Поэтому больные лепрой (второе название проказы) фактически приравнивались к покойникам. Их даже отпевали в

церквях, будто мертвых. Появление признаков проказы у одного из супругов считалось законным поводом для расторжения брака. Больным запрещалось очень многое: не только появляться среди здоровых, но и даже мыться в проточной воде или пить ее. Их обязывали носить особую одежду, знакомую многим из нас по фильмам, — тяжелый бесформенный балахон с капюшоном, закрывавшим лицо. Этот костюм внушал всем ужас, поскольку люди знали, как выглядят проявления болезни, скрывающиеся под ним. Гниющая заживо плоть, отваливающиеся фаланги пальцев, зловонный смрад... Настоящие зомби. Их появление всегда предвещал звон колокольчика, без которого они не имели права передвигаться. Они ассоциировались с Божьей карой и безднами ада. Вот в какой мир решил войти наш герой, когда однажды вечером, возвращаясь верхом из торговой поездки, услышал знакомый унылый перезвон. Ему хотелось прибавить ходу, но он остановился и спрыгнул с коня, будто не на землю, а в пропасть. Возможно, в тот момент он вспомнил Спасителя, не погнушавшегося спуститься в ад.

Он мог бы просто бросить милостыню отверженному и забыть о нем, как делали все. Но его вдруг обожгла мысль, что под черным балахоном скрывается такой же человек, как он сам, только попавший в беду. Может быть, совсем недавно этот несчастный еще строил планы на жизнь, может даже, сам совершал добрые дела!

Поэтому Франциск не только передает ему деньги прямо в руки, но еще и целует его, забыв о смертельном риске.

На самом деле заразность лепры не слишком высока, во всяком случае, гораздо ниже, чем у чумы. Возбудитель инфекции передается через выделения из носа и рта во время тесных и, главное, частых контактов с больными. Еще одним важным условием распространения болезни являются плохие условия жизни и низкий иммунитет. Общественные и религиозные деятели, публично целующие прокаженных, не так уж сильно рискуют, но наш герой, конечно же, не знал об этом, да если бы и знал — ничего не изменилось бы. Не в характере менестрелей просчитывать последствия вдохновения.

Вскочив на коня и оглянувшись, Франциск не увидел прокаженного, «хотя всюду простиралось ровное поле». Так пишет Бонавентура, и Фома Челанский здесь не противоречит ему. В этой аллегорической картине видна явная отсылка к Евангелию от Матфея: «...ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (25:35–36). В образе прокаженного

предстает Христос.

Дата этого мистического события отсутствует в подробной хронологической таблице, сделанной францисканцами. Позднее, уже покинув дом, весной 1206 года Франциск идет работать в лепрозорий Губбио. Такой каждодневный тяжелый труд стоит намного больше, чем подростковые игры с самим собой: слабо ли мне преодолеть свою брезгливость? И постоянный контакт с больными опаснее одного-единственного поцелуя.

Однако Франциск не заболел проказой и тогда, несмотря на свое хилое здоровье. Его защитил мощный душевный подъем, с которым он бросился менять свою жизнь. Такое состояние может подхлестнуть даже слабый иммунитет, но может и свести в могилу в случае разочарования. Оно похоже на влюбленность. Не случайно приятели Франциска уже год назад, в начале его духовного обращения, заподозрили у него наличие тайной возлюбленной. По лихорадочно блестящим глазам нашего героя они сделали вывод: конечно же, девушка очень знатная, иначе зачем молодому, богатому да к тому же наделенному редкостным обаянием юноше так страдать? У Франциска спрашивали ее имя, гадали, перебирая известных ассизских невест. Он ответил, что выбрал достойнейшую и прекраснейшую, а зовут ее — госпожа Бедность. Наверное, такое признание вызвало взрыв смеха, и, конечно же, нашему герою поначалу никто не поверил — ведь все знали его склонность к театральности, всяческим проделкам и выдумкам. На сей раз он вовсе не шутил. Это действительно был брак как таинство, пожизненная верность избранному образу жизни.

Джотто изобразил на одной из своих фресок момент мистического бракосочетания Франциска. Его невеста, госпожа Бедность, очень красива, но измождена, и платье ее разорвано. На нее лает собака, в нее бросают камни, зато будущих супругов благословляет с небес сам Христос.

Мы не сможем точно восстановить цепи событий в жизни нашего героя. Что было раньше — разрыв с друзьями или уход из дома? Когда начал бить тревогу отец и почему? Услышал от кого-то о странном поведении сына или просто недосчитался крупной суммы в семейном бюджете? Ведь любимый сынок начал изрядно разорять отца.

Сквозь сдержанный тон всех житий прорывается эта жестокая борьба между жгучим желанием творить добрые дела и ощущением материальной неправомерности этой деятельности. Может, именно сложные отношения с деньгами и вынуждают Франциска на радикальные меры — близкий контакт с прокаженным? Ему необходимо пройти точку невозврата, ведь

оставить богатство и комфорт не так просто. И отвращение перед уродством — главное из того, что действительно пугает его. В его кошмарах тех дней присутствует страшная горбунья, жившая на краю Ассизи. Ему кажется, что, порвав с «нормальной» жизнью, он непременно станет похож на нее.

Но жить по-прежнему для него тоже физически невозможно. В ранних житиях описано его состояние после тюрьмы и болезни — полнейшая апатия и разочарование в жизни. Он пытается уходить за пределы города, к милым лугам и рощам, где любил гулять в детстве, но не находит ничего, кроме раздражения и скуки. Причем реальных поводов к разочарованию у него нет. По симптомам такое состояние напоминает глубокую депрессию. Ту, которая может закончиться суицидом, из которой выходят с помощью сильных медицинских препаратов или радикально изменив свою жизнь.

Вкус жизни неожиданно обретается через прокаженного. Франциск впервые видит жертву страшной болезни близко, а не так, как принято. Обычно таким людям швыряют милостыню отвернувшись, а еду протягивают на длинной палке. А тут, оказавшись с ним лицом к лицу, Франциск с удивлением замечает, что глаза несчастного вовсе не поражены болезнью. Обычные человеческие глаза, только преисполненные невыносимой боли. Вот они, живые глаза Христа.

Увидев их однажды, Франциск уже никогда больше не забудет этот свет и начнет видеть его во всех творениях Божьих. Вся природа для него оживет и станет Сестрой. Он с детства отличался повышенной эмпатией, именно отзывчивость помогала ему находить контакт с покупателями лучше, чем это получалось у отца — опытного торговца. Но теперь его начинает переполнять сострадание к Страстям Христовым, а через них — ко всему миру. «Стенаниями он наполняет городские улицы, отказываясь от утешения, при воспоминании о ранах Христовых. Повстречав однажды своего хорошего приятеля и открыв ему причину своей скорби, он разразился вдруг горькими слезами», — пишет Фома Челанский. А в «Легенде трех спутников» есть такие строки: «Эти посещения прокаженных возвращали его милосердие. Однажды он взял с собой одного из друзей, которого очень любил, и в уединенном месте признался ему, что нашел некое великое и бесценное сокровище. Тот был безмерно обрадован и всегда ходил с Франциском, когда тот звал его».

Товарищ этот представлял себе клад, зарытый в пещере, куда часто заходил наш герой. Однако туда Франциск никого не пускал, и друг вынужден был ждать снаружи, пока наш герой «терпел внутри невыразимую муку и тревогу». Зато «когда он выходил из пещеры, другу

его казалось, что он видит перед собой другого человека».

Так мучительно Франциск ищет знака небес и в то же время пытается действовать. Кормит нищих родительскими хлебами, но еды слишком мало, она не умножается в пять тысяч хлебов, как в Евангелии. Отправляется в паломничество в Рим и видит, как жалки пожертвования, приносимые весьма богатыми паломниками. Возмущение переполняет его, он запускает руку в сумку и, схватив горсть монет, швыряет их на могилу апостола Петра, перепугав всех присутствующих в базилике. Наконец, он меняется своей изысканной одеждой с нищим и храбро выходит на паперть просить милостыню. Проведя так целый день, он едет обратно в Ассизи, лишившись костюма, но так и не поняв своего истинного призвания. Наверное, отец в этот момент находится в очередной деловой поездке, а мать растерянно молчит. Она, конечно же, мечтала о великом будущем для сына, может, даже о святости, но ведь не об этих же дурно пахнущих тряпках посреди дома... Хотя, может быть, он пока не показывает домашним своих экстремальных исканий. По тексту «Легенды трех спутников», римский нищий все же вернул ему одежду.

Бродя по окрестностям, Франциск пытается осмыслить свое новое яркое и острое восприятие мира и однажды случайно заходит в полуразрушенную церковь во имя Святого Дамиана. Да, во времена Средневековья, которому часто навешивают ярлык религиозного фанатизма, церкви тоже нередко приходили в упадок.

Наш герой заходит в это обветшалое культовое здание, и тишина обступает его со всех сторон. Безлюдье, полумрак и взвинченные до предела нервы делают свое дело: изображение распятого Христа обращается к нему, шевеля губами. «Франциск, — говорит фреска, — иди почини дом мой». Согласно францисканским историкам, это мистическое событие произошло глубокой осенью 1205 года. Удивительно, но распятие, говорившее с Франциском, сохранилось донныне и находится в церкви Святой Клары в Ассизи.

Итак, поручение дано. Только для восстановления храма опять нужны средства, причем гораздо большие, чем на простую милостыню. Франциск выбирает в отцовской лавке самые ценные ткани и уезжает с ними верхом в соседний город. Там он продает все, вместе с лошадью, причем спешно и невыгодно. Получает сумку денег и бежит с ней в церковь Святого Дамиана. Там обнаруживается священник — очень бедный. Настолько, что даже покупка лампадного масла является для него проблемой. Наш герой пытается всучить ему деньги с просьбой восстановить церковь, а остаток отдать на нужды бедняков. Видимо, сумма очень велика, раз на нее можно

отреставрировать здание и что-то еще может остаться. Совершен еще один непоправимый шаг. Франциск умоляет священнослужителя позволить ему остаться жить при этой церкви, понимая, что теперь путь домой точно закрыт.

Священник соглашается принять нашего героя, но от денег решительно отказывается, боясь гнева папаши Бернардоне. Франциску не удается сделать вид, будто он отдает собственные средства. Может, он слишком молод для такого богатства, но гораздо вероятнее, что батюшка просто узнал нашего героя, поскольку о его сумасбродствах судачит весь Ассизи.

Юноша приходит в отчаяние и убегает вместе с сумкой. По дороге он забрасывает ее в какое-то окно в знак того, «что почитает деньги не больше праха земного». Наверное, окно это находится в заброшенном доме, поскольку деньги никуда не деваются. По другой версии, священник все же взял их, но тратить не решился. Позднее Франциск вернет свою последнюю выручку отцу. Но сейчас он пребывает в полном смятении — и не напрасно. До папаши Бернардоне наконец доходит весь ужас положения, и он бросается на поиски сына. Никакого будущего аристократа уже не существует, вместо света в окошке вырисовывается змея, пригретая на отцовской груди. И несчастный торговец решает показать зарвавшемуся отпрыску, кто в доме хозяин.

СТРАШНЫЙ СУД

Пьетро Бернардоне действовал решительно, как настоящий предприниматель. Он собрал всех друзей и соседей и помчался к церкви Святого Дамиана. Видимо, торговец до конца не представлял себе, что именно натворил его сын. По слухам, которыми полнился Ассизи, выходило, что Франциск сошел с ума. Отец явно надеялся вылечить его от недуга с помощью розог. Наш герой подозревал, что расправа будет жестокой, и, не дожидаясь приезда честной компании, сбежал из церкви. По словам Фомы Челанского, он «забрался в какую-то щель, которую сам себе для этого случая и приготовил. Это был некий тайник в доме, о котором знал только один человек». О ком идет речь? Скорее всего, о том задушевном друге, с которым Франциск беседовал в тишине уединенного грота. Видимо, наш герой смертельно перепугался, поскольку сидел в своем убежище несколько дней, боясь выходить даже для отправления естественных надобностей. Интересно, почему нельзя было просто скрыться в доме друга, не залезая в щель? Разве папаша Бернардоне имел право обыскивать жителей Ассизи? Нигде нет сведений, что он отличался буйным нравом и наводил ужас на своих соседей, врываясь в дома. Скорее всего, друг Франциска каким-то образом общался с его отцом, может, даже являлся его компаньоном. А может, его даже звали Бернардом ди Квинтавалле и ему уготовано было в 1208 году сделаться первым францисканцем. Но сейчас, в конце года 1205-го, он еще добропорядочный богатый гражданин и, глубоко сочувствуя нашему герою, все же не хочет слишком афишировать их дружбу и портить отношения с уважаемым мессиром Пьетро.

Если представить себе такой расклад, то отец Франциска мог остановиться в доме его друга на пару-тройку дней, надеясь дождаться и подловить беспутного отпрыска. Тогда наш герой пережил крайне неприятные ощущения, боясь пошевелиться в своей щели и прекрасно слыша все отцовские проклятия и угрозы. Вероятно, торговец впал в бешеную ярость. Во всяком случае, сын сильно перепугался. Бонаventura пишет, что он молил Господа избавить его от гонителей и даже дал какие-то обеты. Поесть ему в то время удавалось едва ли один раз за день. Наверное, добрый друг долго искал момент, чтобы передать какой-нибудь пирожок и не вызвать подозрений у обманутого отца, рыщущего вокруг. Впрочем, в «Легенде трех спутников» изложена немного другая версия: то был не дом,

а пещера (может быть, та самая, в которой он молился), и о ней знал один из домашних, который и приносил туда еду. Кто это был тогда? Может быть, мать? Нам не восстановить тех событий, потому пойдем дальше.

Через несколько дней суровый родитель устал ждать и вернулся восвояси. К этому времени Франциск уже возненавидел себя за трусость и решил больше не прятаться. Он вылез из своей норы и пошел по знакомым ассизским улочкам. Обыватели, с интересом следящие за всей этой историей, в очередной раз отметили бледное лицо и горящие глаза. Кто-то крикнул: «Сумасшедший!» — и бросил в него грязью. Вслед за грязью полетели насмешки, проклятия и камни. Толпа злорадствовала — каждому хотелось уязвить бывшую «звезду», купеческого сына, так и не пролезшего в аристократы. Франциск пытался идти своей дорогой, не замечая издевательств, но его толкали, щипали, не давая прохода.

Учитывая жестокие нравы средневековых городов, его могли забить насмерть и, вполне вероятно, забили бы, но шум привлек папашу Бернардоне. Он схватил сына за руку и поволок его домой, где попользовал розгами, как и собирался. Затем запер в подвале, предварительно надев на узника цепи.

Туристам в Ассизи показывают место, где томился запертый Франциск. Подлинный дом Пьетро Бернардоне не сохранился, но на предполагаемом месте построена Новая церковь^[49]. Новой ее прозвали по сравнению с другими храмами Ассизи, построенными до рождения Франциска или сразу после его смерти. А она появилась уже в эпоху позднего Ренессанса, спроектировал ее монах по имени Руфино ди Черкьяра.

В прилегающих к ней помещениях и располагается эта легендарная «тюрьма». Крошечная сводчатая келья, в которую ведет аркообразная дверь. За мелкой черной решеткой видна каменная коленопреклоненная фигура, изображающая Франциска. Там всегда стоят свежие цветы. А на улице неподалеку можно обнаружить каменную чету — папашу Бернардоне и его жену, мадонну Пика.

Она не разочаровалась в сыне, но и от отцовского гнева защитить его не смогла. Наверняка бедная женщина пыталась примирить их, но Франциск, такой обходительный и сговорчивый, вдруг оказался упрямее осла. А глубоко обиженный Пьетро тоже не собирался идти на попятную. Тем более что деньги-то так и не вернулись. Дождавшись, когда глава семьи в очередной раз окажется в деловой поездке, мадонна Пика спускается в домашнюю тюрьму и освобождает блудного, но по-прежнему любимого первенца. Франциск уходит — и более никогда не переступает

порог родного дома.

Папаша Бернардоне, обнаружив клетку пустой, пришел в ярость. Он устроил дома грандиозный скандал и даже осмелился поднять руку на свою аристократическую жену. В это время наш герой вернулся в церковь Святого Дамиана и остался там, нисколько не собираясь прятаться. Довольно скоро туда приехал отец. Франциск спокойно вышел ему навстречу и начал слушать его оскорбления и угрозы. А угрожал родитель изгнанием из родных мест. Такое действительно практиковалось. За преступление могли лишиться родины. Жертвой подобного приговора немного позднее стал Данте.

Нашего героя, нашедшего отечество в небесах, такая перспектива испугать никак не могла. Он поведал отцу, что ничуть не сердится на него за побои и оковы. Более того, с удовольствием еще пострадает во имя Христа. Торговец ничего не понял, кроме одного: сына ему призвать к порядку не удастся. Тогда он решил вернуть деньги или хотя бы наказать растратчика по закону.

Для начала он обратился в городской совет. Написал письмо консулам, прося их обязать Франциска вернуть все деньги, которые тот когда-либо брал у отца. Поначалу чиновники отказывались вмешиваться в семейный конфликт, но папаша Бернардоне от бешенства был почти невменяем. Посоветовавшись, консулы отправили к Франциску гонца с письменным вызовом. Наш герой ответил гонцу, что является слугой Бога, а не консулов, поэтому под власть консулов не подпадает.

Представим, как сегодня кто-то отказался бы подчиняться власти под предлогом того, что он — гражданин Царства Небесного... Можно только делать ставки, кто займется таким человеком быстрее: полиция или врач-психиатры? В средневековой же правовой системе подобный аргумент имел силу. Люди, преследуемые властями, находили убежище в церкви. «Убежище!» — именно это слово кричал Квазимодо, унося Эсмеральду, по ошибке приговоренную к смерти за убийство. Виктор Гюго в своем романе «Собор Парижской Богоматери» опирался на подлинные тексты французских средневековых законов. В Италии, несмотря на самостоятельность и разношерстность городов-коммун, это правило тоже исполнялось. Поэтому ассизские представители власти удовлетворились ответом Франциска и сказали мессире Пьетро: «Поскольку твой сын посвятил себя служению Богу, он более нам не подвластен».

Тогда торговец решил привлечь блудного сына к духовному суду. Он подал официальную жалобу городскому епископу, Гвидо II. Тот также отправил к Франциску посыльного с просьбой прийти и публично ответить

родителю. На этот раз Франциск не мог отказаться, ведь он с пиететом относился к любому представителю духовенства. Он сказал гонцу: «К господину епископу я пойду, ибо он отец и властитель душ»^[50].

Неизвестно, знал лично владыка будущего святого или нет. Слухи о странном молодом человеке, конечно же, достигали его ушей. Правда, особых бонусов такая известность не давала, скорее даже наоборот. Чрезмерный фанатизм вызывал в памяти катаров и им подобных. Впрочем, ничего ужасного епископ Франциску сделать тоже права не имел. Все, что мог сделать епископ, — это рассмотреть дело и, если самозванный Божий слуга действительно окажется виновным, передать преступника светским судьям. Вероятно, на такое развитие событий и надеялся папаша Бернардоне.

По воспоминаниям современников, владыка имел миролюбивый характер и предпочитал решать проблемы с помощью дипломатии, а не насилия. Вместе с тем он, конечно же, обладал определенной твердостью и авторитетом, иначе бы его не избрали на столь высокий пост. Франциск пришел к нему и, судя по всему, пожаловался на ужасную несправедливость. В глазах молодого пламенного неопита отец представлялся чуть ли не врагом рода человеческого, ведь он мешал духовному рыцарю совершить свой подвиг.

В ту пору 25-летний Франциск действительно ощущал себя почти в рыцарском звании. Воспитанник трубадуров протиснулся с оружием и доспехами, но не с самой идеей служения. И даже францисканский орден на заре своего существования попал под влияние эстетики рыцарства. Основатель иногда называл себя герольдом Господа Бога, а своих сподвижников — странствующими рыцарями. Ну и, конечно, всех объединяла Бедность, провозглашенная Прекрасной Дамой.

Однако епископ не поддержал горячего возмущения будущего святого. Он справедливо заметил, что нельзя делать добрые дела с помощью чужих денег, и велел вернуть отцу украденное. Франциск, по-видимому, никогда не воспринимал ту несчастную выброшенную сумку с деньгами в таком ужасном свете. Он жил, как это сейчас принято говорить, «в своей системе координат». Поняв, что фактически совершил смертный грех, молодой человек кинулся к нежилому дому, в окно которого бросил сумку некоторое время назад. Ему повезло. Сумка никуда не делась, и он смог передать ее родителю.

Доподлинно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах это произошло. Может быть, прямо на суде. Но есть версии, что гораздо раньше. Оскорбленный в лучших чувствах, папаша Бернардоне не

успокоился, получив назад свои деньги, и продолжал требовать суда, чтобы возместить моральный ущерб. Он жаждал публичного унижения и порицания негодного отпрыска. Кроме того, торговец знал, что горожане вовсе не сочувствуют Франциску.

Мессир Пьетро произнес обличительную речь, в которой перечислил все траты и разорения, в которые его ввел недостойный сын. Многочисленные кутежи и вечеринки, ранее одобряемые и спонсируемые отцом, теперь были возведены в разряд тяжелых преступлений. Завершив обвинение, отец приготовился слушать жалкие оправдания. Жалкие — потому что разве можно спорить с неопровержимыми фактами?

Франциск и не стал спорить. Он вообще не раскрыл рта, просто начал раздеваться. Одну за другой снимал одежды из дорогих тканей — и под ними оказалась власяница. Всю одежду он аккуратно сложил и отдал опешившему отцу. А потом (по словам Бонавентуры), «опьяненный небывалой отвагой и пылким духом, он сорвал с себя даже подштанники и предстал перед всеми обнаженный, сказав отцу так: «До сих пор я звал тебя отцом на земле, теперь же я могу с уверенностью говорить: Отче наш, сущий на небесах! ибо Ему я вверяю все мои сокровища и на Него возлагаю все надежды».

Такой жест произвел бы впечатление на публику и сейчас. Для средневекового человека, привыкшего к наглухо закрытым одеждам и строгим правилам, происходящее и вовсе выглядело как светопреставление. Наверняка толпа (а смотреть на семейные разборательства собрался весь город) застыла в ужасе и ждала реакции епископа Гвидо II. Владыке ничего не стоило в этот момент объявить нашего героя сумасшедшим — ведь о его безумии сплетничали уже давно. И, конечно, с позором выгнать из зала суда, да и вообще куда подальше, дабы не смущал народ непотребствами.

Вместо этого пастырь поднялся со своего почетного епископского места и, подойдя к обвиняемому, обнял его. Затем снял с себя плащ, укутал Франциска и велел найти для него какую-нибудь одежду. Кто-то из слуг поделился с Божьим человеком вещами, и тот с радостью принял дар, а плащ епископа тут же передал нищему. В этот момент многие из присутствующих перестали сочувствовать торговцу и прониклись симпатией к его сыну.

Поддержка епископа стала первой ступенью будущего официального признания. Правда, мнения историков по поводу отношения Гвидо II к возникшему позже францисканскому движению разделились. Немец Густав Шнюрер^[51] считал епископа верным другом братии. По его мнению,

именно епископ Ассизи в 1209 году устроил нашему герою встречу с папой Иннокентием. Францисканский исследователь Майкл Бил^[52], напротив, пишет, что Гвидо удивился и не особо обрадовался, увидев Франциска с братьями в папском дворце. Его поддерживает и Пьер Сабатье.

Так или иначе, наш герой подле епископа не остался, а сразу после суда отправился бродить по окрестным селам, прося подаяния. В Ассизи он тоже регулярно появлялся и, разумеется, время от времени встречался со своим «бывшим» отцом. Сначала это происходило случайно, потом жестоко страдающий мессир Пьетро начал специально выслеживать некогда любимого сына и спускать пар, осыпая того проклятиями. Во «Втором житии» упоминается еще и брат, который, также «следуя примеру отца, поносил его (Франциска. — А. В.) ядовитыми словами».

Будущий святой мужественно сносил все поношения, но покидать родные места не собирался. Ведь именно в ассизских землях находилась церковь Святого Дамиана, починить которую он обязался перед лицом Господа. Через некоторое время Франциск придумал весьма остроумный способ облегчить свои переживания. Он нашел человека, по словам агиографов, «простого» и «кроткого», и попросил его играть роль отца. Каждый раз после оскорблений Пьетро Бернардоне наш герой шел к этому «доброму папаше» и получал от него искреннее благословение.

Но, несмотря на все психотерапевтические ухищрения и вроде бы полную отрешенность от всего земного, Франциск всю жизнь страдал от отсутствия семьи. Она даже была для него одним из главных искушений. Не власть, не богатство, не какие-либо извращения, а обычная семья. В житиях есть известный эпизод, как он, не в силах вытерпеть тоску, начал яростно собирать снег на горном склоне и лепить из него снеговиков. При этом говорил себе: вот твоя жена, вот они, твои дети. И когда однажды кто-то из братьев начал восторгаться его святостью, он сердито возразил: какой я святой? У меня еще могут появиться дети.

Без сомнения, он был бы прекрасным отцом, много более мудрым и любящим, чем папаша Бернардоне. И все же Франциск вполне состоялся как отец, причем для множества людей. Когда ему говорили «отче», это было совсем иное, нежели дежурное обращение к священнику. Тот, кто видел брата в каждом дереве, птице или цикаде, славился великой сердечностью по отношению к людям!

РЕМЕСЛО ПРОРОКА

«И вот он, ходивший прежде в роскошных тканях, остался в одной подпояске и отправился в ближний лес, распевая хвалу Господу на наречии франков, а там на него внезапно набежали разбойники. Хищники эти жестокодушные спросили его, кто он таков, а человек Божий уверенно и громко ответил им такими словами: «Я вестник великого Царя. Что вам до меня?» А те избili его и сбросили в ров, доверху наполненный снегом, приговаривая: «Валяйся тут, невежа, вестник Бога выискался!» — так описывает Фома Челанский первые шаги Франциска на пути нищенства, происходившие ранней весной 1206 года. Да, бедность как философская категория могла претендовать на звание Прекрасной Дамы, вот только сами бедные вовсе не желали быть прекрасными для вчерашнего богача. В некоторых художественных биографиях Франциска можно встретить вполне социалистические картинки: герой, надев рубище, теряет лицемерных друзей из обеспеченных кругов, зато приобретает подлинную дружбу бедняков. Факты из самого первого жития, написанного сразу после смерти святого, говорят нам обратное. Первыми и самыми верными его сподвижниками стали весьма состоятельные люди, например брат Бернард, не говоря уж о святой Кларе. Простые же люди поначалу восприняли нашего героя без особой симпатии, даже наоборот: его появление порой вызывало агрессию. Ему неохотно подавали, смеялись, обливали грязью и помоями, включая монахов в обители, куда он случайно забрел. Они накормили его лишь отвратительными обедками, а когда он попросил одежду — отказались дать даже лохмотья. Спустя всего несколько лет приор этого монастыря отправится лично на поиски Франциска, чтобы попросить у него прощения за жестокость своей братии.

А Франциску и прощать-то было нечего, он вовсе не держал ни на кого зла. Более того, ему были очень нужны эти лишения. То, чем он занимался, уйдя от отца, более всего подходит под определение юродства в его классическом православном понимании. Само слово произошло от старославянского корня «оуродъ», «юродъ» — «дурак», «безумный» и означает намеренное старание казаться глупым. Православие знает множество странствующих монахов и религиозных подвижников подобного толка, включая знаменитого Василия Блаженного. Такое мнимое безумие, называемое также юродством Христа ради, несет в себе определенную цель. Оно показывает людям никчемность бранных

ценностей перед ценностями вечными. Поэтому юродствующие всегда отрицают любые собственные заслуги и даже иногда специально навлекают на себя поношения.

Что касается нашего героя, то вряд ли он провоцировал кого-либо сознательно. Просто слишком сильно выделялся из толпы нищих своей неумемной радостью и постоянным пением французских песен. После того как монахи прогнали его, он встретил какого-то своего друга (опять этот неизвестный друг, появляющийся в важные моменты жизни), и тот дал ему необходимую одежду. Франциск вспомнил о прокаженных и отправился в лепрозорий города Губбио, где начал исполнять обязанности санитаря. Проработав там около трех месяцев, он возвращается в Ассизи, чтобы все-таки восстановить церковь Святого Дамиана.

На реставрацию требовались немалые средства. Тем не менее просьбу-приказ, донесшуюся с Распятия, никто не отменял — и нищета здесь не могла служить оправданием.

Франциск все чаще просил вместо еды камни, необходимые для постройки. Иногда ему давали денег в качестве милостыни. Тогда он сам покупал стройматериалы и тащил их на спине к разрушенной церкви, где сам же замешивал раствор. Хотя строительство еще не завершилось, наш герой требовал, чтобы в храме уже горели светильники, и собирал деньги не только на строительство, но и на лампадное масло. Местный священник пытался подкармливать молодого подвижника, выделяя самые вкусные кусочки от собственной весьма скромной трапезы, но наш герой твердо отказался, сказав себе: «У тебя не всегда будет священник, доставляющий тебе пищу. Не следует привыкать к такому образу жизни: так ты постепенно вернешься к тому, что ты презрел. Итак, вставай быстро, иди от двери к двери и проси».

Однажды на ассизских улочках он столкнулся нос к носу со своей бывшей компанией и поспешно отошел в сторону, боясь быть замеченным. И тут же устыдился своих чувств и, подойдя к любителям пирушек, честно рассказал им о своей трусости. Недавние друзья осыпали нашего героя насмешками, но победа над собой ввела его в некий транс. Он начал рассказывать им о разрушенной церкви, для которой нужны светильники. Потом он вдруг ясно увидел, что неподалеку от места, где все они стояли, в скором времени появится новая женская обитель, и начал говорить об этом. Собралась большая толпа. В какой-то момент его умбрская речь сменилась французской, но почему-то многие, считавшие его сумасшедшим, впервые начали вслушиваться в его слова. Впоследствии во время транса он часто переходил на прованское наречие, и современники видели в этом

доказательство сошествия на него Святого Духа. В подобные моменты он мог воздействовать на собравшихся сильнее самого гениального актера.

Здесь стоит задуматься о механизме такого влияния и о феномене проповеди в целом. Проповедник по своим задачам находится где-то посередине между лектором, оратором, актером и поэтом. Очень хорошо описано это положение в труде «Краткое учение о проповеди» Ивана Проханова^[53]: «Если ученый призывает людей к знанию, мыслитель — к правильному мышлению, а поэт к созерцанию прекрасного в «области видимого», то задача проповедника гораздо сложнее. Он должен учить знанию, правильному мышлению и правильному пониманию прекрасного в самой возвышенной сфере бытия: «в мире невидимого», в области жизни человеческой души, ее отношений к Богу и другим душам... <...> Проповедник не только учит, мыслит и поет об истинном и прекрасном, но он, силою благодати, «пересоздает» окружающий его мир, неся праздник воскресения в царство смерти и могил».

Именно «пересозданием» окружающего мира и занимался наш герой всю свою жизнь. Он — автор важных изменений в мировоззрении своих современников и людей последующих поколений. Именно через него в психологию средневекового человека проникает качественно новое, позитивное отношение к материальному миру.

На первый взгляд это выглядит парадоксально. Как может проповедовать ценность материи аскет, полностью отказавшийся от земных радостей? Святой Франциск ведь был настолько строг к себе, что как-то попросил братию протащить его по улицам с позорной веревкой на шее за съеденный во время поста кусочек курицы. В то же время он снисходительно относился к слабостям других. Есть история, как он среди ночи начал готовить трапезу для оголодавшего монаха и «сам первым начал есть, и призвал к этому долгу милосердия и других братьев, чтобы бедняжке не было стыдно»^[54]. И заслужил свою славу и народную любовь наш герой вовсе не как чемпион мира по аскезе. Среди его деяний — установление традиции Рождественского вертепа. Всю эту веселую суету по изготовлению яслей, приводу домашних животных, отбору самодеятельных актеров на роли Марии, Иосифа, волхвов и пастухов организовал впервые в истории именно он. Это случилось в маленьком селе Греччо^[55], что находится в провинции Риети, в Рождественский сочельник 1223 года. Франциск тогда уже тяжело болел, ему оставалось жить менее трех лет. Но ведь он, даже умирая, пытался допеть песню собственного сочинения. Поэтому легко представить, как наш герой,

невзирая на хворь, режиссирует маленький спектакль в безвестной горной деревеньке, как подбадривает актеров и, конечно же, разговаривает с животными, а они слушаются, будто дрессированные. Через 800 лет до нас докатились отзвуки того далекого праздника и заразительный смех святого из Ассизи, который наслаждался происходящим, радуясь, как ребенок, попавший в сказку. И весь этот «детский сад» оказался важнее и серьезнее любого философского диспута. Ведь своими яркими перформансами Франциск просвещал умы гораздо доходчивее, чем это делали ученые-теологи. Да и сама идея, доносимая им, отличалась новизной.

В Средние века многие считали материальное злом априори. Материя официально противопоставлялась духу и в еретических учениях. Некоторые из катаров зашли в своем отрицании материального столь далеко, что считали хлеб Причастия уловкой сатаны, предназначенной для отдаления людей от духовности. А ведь ненавидящий все материальное рано или поздно дойдет до ненависти к себе.

Франциск же пытался пробудить в людях невиданное доселе отношение к материальному миру как к сущности, созданной Господом. Бог не считает материю чем-то плохим, раз Сам воплотился в этом мире. В то же время Христос появляется на свет в крайней нищете. Значит, материя не может быть целью человеческой жизни, хотя она и творение Божие. А если так, то надо уважать это творение, как равное нам, но не поклоняться ему. Идея, кстати, весьма актуальна и сегодня, не правда ли?

Итак, вертеп в Греччо — один из шедевров нашего героя в жанре проповеди. Но до этого события еще 17 лет. А пока на дворе лето 1206 года. Франциск только пробует голос. Причем начинает он с самой трудной задачи — обращается к жителям родного города, которые помнят его ребенком, которые прекрасно знают его отца и историю со злополучной сумкой. Даже Христос не смог проповедовать в Назарете потому, что нет пророка в своем отечестве. Но наш герой наивно и бесстрашно подходит... не просто к горожанам, а к своим бывшим приятелям, зная почти наверняка, что те считают его сумасшедшим.

Обычно начинающие проповедники очень радикальны. Они яростно обличают пороки или читают нотации. Франциск ведет себя не как проповедник, а как поэт, причем поэт-импровизатор. Сначала он нелепо втолковывает хохочущей толпе про неугасимый свет, который обязательно должен воссиять в никому не нужной заброшенной церквушке, а потом и вовсе погружается в пересказ своих видений про обитель Нищих дам. И вот тут-то, когда уже вроде бы пора поставить нашему герою психиатрический диагноз — горожане вдруг начинают воспринимать его

всерьез.

Здесь хочется вспомнить еще одного яркого мистического персонажа позднего Средневековья — Жанну д'Арк. Она тоже прошла путь непонимания, когда ее называли сумасшедшей и хотели отхлестать по щекам, дабы выбить из нее дурь или просто выдать замуж. Ей было гораздо труднее, чем Франциску: голос женщины в те времена вообще ничего не стоил. К тому же все представительницы прекрасного пола считались скомпрометированными проступком прародительницы Евы. Их заранее подозревали в особой испорченности и уступчивости дьявольским козням. Но в какой-то момент Жанне удалось преодолеть недоверие людей. Потихоньку, через слухи о неведомой пророчице, которая спасет Францию, через участие герцога Карла Лотарингского, милостиво принявшего девушку в своем доме и одарившего ее лошадью, никому не известная крестьянка становится носителем Божественной истины, и ей начинается неизменно сопутствовать удача. Жанну постоянно проверяют «на вшивость». Сажают на трон придворного вместо короля, но девушка разгадывает обман. Ей задают каверзные богословские вопросы, на которые она отвечает правильно и с глубоким достоинством. Глядя на ее манеры, многие начинают подозревать, будто она получила воспитание в каком-нибудь замке, а вовсе не в полях среди пастухов и овец. Вспомним: на войне с Перуджей Франциска тоже приняли за благородного рыцаря. А еще, согласно легендам, Жанну, как и Франциска, очень любили всякие животные.

Оба они начали как городские сумасшедшие, а закончили жизнь блестящими героями, теми, чьи судьбы до сих пор волнуют человечество. Чем объяснить такую перемену?

Люди поверили Жанне и Франциску не ради них самих, но ради сверхъестественных сил, говорящих через них. Мироззрение средневекового человека имело высокий градус мистики. Даже самые неверующие все же пытались прочесть Божью волю посредством различных знаков.

А могли бы подобные медиумы иметь успех в наши дни?

Трудно сказать. Думается, что нет. Официальные христианские церкви сейчас относятся к проявлениям мистики с особенной осторожностью. Да и люди стали гораздо более рациональны, хотя к Ванге еще в XX веке шли толпами. И сейчас рынок всякого рода магических услуг активно действует. Впрочем, было бы крайне неправильно объединять христианскую мистику и суеверия, это совершенно разные вещи. Да мы и говорим совсем о

другом, пытаюсь понять, как возникает ореол величия вокруг вроде бы вполне обычного человека. Это явление нельзя списать на суеверность и необразованность, как иногда пытаются делать. Рационализм — вовсе не панацея против фанатизма. Ведь всего 80 лет назад культурный и образованный немецкий народ увлекся Гитлером и его идеями. Всем известно, в какую бездну страдания и ужаса привело Германию это восхищение. Уж лучше идти за мистиками и поэтами, которые слышат голос неба.

Но вернемся к нашему герою. Может быть, именно точные пророчества, а вовсе не какая-то особенная харизма подняли ему рейтинг, переведя из дурачков в святые? Ведь его слова насчет женской обители оказываются верными. Правда, сбудутся они лишь через шесть лет, когда вокруг Франциска уже соберутся последователи. И «сбудутся» — тоже не совсем точное слово, поскольку наш герой приложит немало сил к основанию нового монастыря. Также не сама по себе появится святая Клара. Она решится изменить свою жизнь под влиянием проповедей нашего героя.

Мы видим удивительную вещь: проповедуя, Франциск словно пишет сценарий грядущего спектакля, который потом сам же будет режиссировать. Только действие этой постановки происходит не на театральных подмостках, а сразу — в душах людей.

КВЕСТ ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ

После нескольких убедительных проповедей Франциску удалось довольно быстро собрать недостающие деньги на восстановление церкви Святого Дамиана. Помог также некий священник по имени Сильвестр, который продал по дешевке много хорошего камня. Исполнив повеление Господа, наш герой задумался, чем заняться дальше. Никаких новых знамений не происходило, но это вовсе не означало, что нужно успокоиться и вернуться к обычной жизни. В конце концов, словосочетание «дом Мой» можно применить ко всем церквям, а не только к данному храму, где с Франциском заговорило Распятие. И будущий святой начал обходить окрестные земли в поисках других разрушающихся храмов. Довольно скоро он нашел себе новый фронт работы — церковь во имя Святого Петра. Насчет нее мнения исследователей разделились. Одни считают ее ныне существующей Сан-Пьетро, расположенной в нижней части Ассизи и входящей в число построек одноименного бенедиктинского монастыря. Другие утверждают, что эта, вторая из отремонтированных Франциском церквей не сохранилась до наших дней. Их версия опирается на текст «Большой легенды» святого Бонавентуры, в которой сказано: «...он не дал телу оцепенеть в бездействии, но отправился восстанавливать церковь Святого Петра, находящуюся в большом отдалении от города». Так или иначе, восстановление Сан-Пьетро не стало заметной вехой в биографии нашего героя, в отличие от следующего объекта реставрации — церкви Божией Матери Ангелов в местечке Порциункула.

Мы уже упоминали ее в числе ассизских достопримечательностей. Это крошечная церквушка, которая ныне стоит внутри большого собора. Именно с нее началась история францисканского братства. Можно приехать в Ассизи и потрогать ее древние стены, хранящие следы работы святого каменщика. Но окружающий пейзаж, который видел Франциск, замешивая раствор и отесывая камни, навеки скрыт от нас толщей веков. Известно лишь, что она стояла посреди леса. Какие пели птицы вокруг нее? Как ночью проникал в ее окна лунный свет? Из чего складывалось ощущение мистики, заставлявшее окрестных жителей рассказывать о ней легенды? Почему именно в этом месте люди слышали голоса ангелов? Нам не узнать этого.

Маленькая неухоженная церквушка посреди леса горько тронула сердце Франциска своей беззащитностью. Особенно огорчило его то, что

она была посвящена Пресвятой Деве, которой и так довелось жестоко страдать, видя крестные муки своего Сына. Конечно, он не мог при этом не вспомнить о собственной матери, с которой его разлучил глас Божий. Между тем себя он еще так и не нашел. Уже минул второй год, как он восстанавливал храмы. Новизна ощущений притупилась, а вопросы оставались. Ради чего он покинул мир, отказавшись от простого человеческого счастья? Неужели ради профессии каменщика? Тем не менее Порциункулу он чинил с особым старанием, даже с нежностью. Но работа подходила к концу, а новые горизонты не открывались. Франциск снова начал слезно молиться. По утрам он просыпался измученным, с воспаленными глазами. Он и впоследствии часто плакал от невыносимой жалости и сострадания ко всем братьям и сестрам, птицам, зверям, а главное — к распятому Христу. С этим мучительным плачем современники связывали тяжелую глазную болезнь, постигшую его в конце жизни.

Между тем обновленная Порциункула жила своей жизнью, в ней совершались нечастые службы. На одной из них Франциск услышал фрагмент Евангелия от Матфея, в котором Христос посылал своих учеников в мир. Там говорилось: «...не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (10:9—10). Слезы тут же высохли. Наш герой «пронзен был радостью несказанной» и тут же выбросил свои сандалии и кошелек, а пояс заменил обычной веревкой. В память о том случае францисканцы до сих пор подпоясывают рясы веревками.

Казалось бы, что такого особенного? Нищий сделал себя еще чуточку беднее. Ходил в дырявой обуви, а теперь ходит босиком. Какая такая ценность в этом эпизоде, чтобы его вообще описывать? Разве только кому-то вспомнится здесь древнегреческий философ Диоген, живший в бочке. Из всего имущества у него имелась лишь глиняная миска. Однажды философ понял, что можно обойтись и без нее, используя ладони, сложенные ковшиком, и торжественно выбросил свою единственную собственность. Но будет большой ошибкой сравнивать античного мыслителя с христианским святым. Мотивация Франциска здесь совершенно иная. Не достичь еще одной ступени свободы, но дословно выполнить наставление Христа.

Одна современная католическая монахиня, размышляя о Франциске, сказала: «Мы не приучены воспринимать Бога всерьез, как повседневную реальность. Поэтому и вера наша ущербна: да, кто-то где-то вроде бы есть. Но слушать Его? Да мы лучше посоветуемся с кем угодно, даже совершенно некомпетентным — соседкой, подругой, гадалкой, — чем

пойдем искать ответы на свои вопросы в Священном Писании».

А Франциск ведь больше всего отличается от прочих христианских деятелей как раз по-детски наивным буквальным следованием за Евангелием. В каждый момент жизни он обращается со своими вопросами прямо ко Христу. И этот метод жизни, эту главную свою «фишку», наш герой впервые осознал именно на литургии, отслуженной в Порциункуле в праздник Святого апостола и евангелиста Матфея 24 февраля 1208 года. Так что великая радость, «пронзившая» его, имеет под собой веское основание.

Он собрался идти проповедовать по всей Италии, а может, и дальше. В одиночку — ведь единомышленников как таковых ему не попадалось, хотя люди уже частенько собирались послушать его речи или просто взглянуть на него как на диковинку. Страдал ли Франциск от одиночества? Скорее всего, да. Ведь вся его юность прошла в окружении друзей и непрерывном приятном общении. Наверное, наш герой был бы счастлив, если бы его друзья вдруг тоже захотели изменить свою жизнь, но не особенно надеялся на это. Поэтому он весьма удивился, когда апрельским вечером 1208 года к нему тайком пришел один весьма богатый горожанин, Бернард ди Квинтавалле, и объявил о своем решении «навсегда разделить с Франциском его веру и его жизнь»^[56].

Неизвестно, знал ли его наш герой раньше. Вполне возможно. Знакомство даже могло оказаться долгим. Ведь был же у Франциска какой-то душевный друг, который бродил с ним по пустынным местам и караулил у входа в пещеру. Этот человек явно поддерживал духовные поиски и метания будущего святого. Логично было бы именно ему стать первым сподвижником. Подобная мысль пришла в голову и поэту Дмитрию Мережковскому, создавшему красивую, похожую на стихотворение в прозе биографию нашего героя:

«Давний хороший знакомый, но не друг (не было у него настоящих друзей; были только застольные товарищи), мессер Бернардо да Квинтавалла, ровесник Франциска, тоже сын купца (но отец у него умер), был одним из самых богатых и знатных граждан Ассизи. Вскоре по возвращении Франциска из Губбио, в самые счастливые дни его, зазвав его однажды к себе, провел с ним Бернардо всю ночь в душевной беседе. Очень умно, осторожно и бережно, избегая говорить об отце его (чувствуя, должно быть, что это слишком для него болезненное место), расспрашивал его, как и почему ушел он из мира. Когда же Франциск напомнил ему слово Господне: «Трудно богатому войти в Царство Небесное», — мессер Бернардо заговорил о себе и о своем богатстве так, что Франциск подумал

было с внезапной радостью: «Не хочет ли и он сделать, как я?» — но потом усомнился: «Нет, слишком богат, знатен, счастлив, умен и... на канате плясать не умеет!» Но все-таки радовался, чувствуя, как могут они сделаться близки и нужны друг другу».

Но доказательств, что неведомый друг и Бернард ди Квинтавалле — одно и то же лицо, у нас нет. Разве только реакция Франциска на признание Бернарда может служить косвенным подтверждением этой догадки. Услышав о его решении, наш герой «преисполнился радости: у него еще не было ни единого спутника, и он знал, что господин Бернард — святой человек». Для такой оценки все-таки необходимо достаточно близкое знакомство.

Но радость Франциска была омрачена беспокойством. Впервые в жизни он принимал на себя ответственность за другого человека, а ведь изменения могли оказаться непоправимыми. Они договорились еще раз встретиться и поговорить в доме Бернарда. Наш герой пришел туда поздно вечером и остался на ночь. Очевидно, беседа вышла напряженной. Будущий святой не был полностью уверен в готовности богатого человека перечеркнуть свои мирские достижения. Бернард прервал его сомнения фразой: «Если некто долгие годы держал у себя богатства своего господина, и вот, более не хочет обладать ими, как тут лучше всего было бы поступить?» Конечно, Франциск сказал: нужно вернуть господину то, что от него получено. «Вот потому, брат, я и хочу раздать, таким образом, как ты мне посоветуешь, все мое земное имущество, ради любви к Господу, даровавшему мне его».

Логично построенная фраза не стала аргументом для нашего героя. Он по-прежнему не хотел принимать решение за другого. Тут ему вспомнился собственный недавний опыт общения с Богом через Евангелие, и он предложил Бернарду: «Пойдем рано утром в церковь и спросим совета у книги Евангелия».

На рассвете они отправились в храм. По дороге к ним присоединился еще один желающий попасть в новое братство. Его звали Петр Каттани. Он был законовед из Сан-Руфино. Через 12 лет Франциск откажется от руководства орденом в его пользу.

Троица вошла в первый попавшийся храм. Это оказалась церковь Святого Николая неподалеку от главной площади в Ассизи. Франциск велел всем молить Господа, чтобы Он явил им волю Свою при первом раскрытии Евангелия.

Помолившись, они раскрыли книгу, и взгляды их упали на строки: «... если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай

нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19:21). Франциск решил для надежности открыть наугад еще два раза. Не поверил? Такое легко представить. Тем более когда на тебя в упор смотрят люди, требующие решения их судьбы.

В «Легенде трех спутников» сказано, будто он, истинный почитатель Троицы, захотел опереться сразу на три свидетельства. Во второй раз книга сказала: «Не берите с собою ни золота, ни серебра...» (Мф. 10:9), в третий — «если кто хочет идти за мною, отвергнись себя» (Мф. 16:24).

После такого Франциску уже ничего не оставалось, как согласиться и принять обоих под свое крыло. Для начала он велел им исполнить то, о чем они только что прочитали. И Бернард пошел искать покупателей на свои богатства, а Петр — на более скромное имущество. В процессе раздачи денег нищим братство неожиданно пополнилось еще одним членом. Подошел отец Сильвестр — тот самый священник, что по дешевке продавал Франциску материалы для реставрации. Он увидел, какие большие средства раздаются, и напомнил нашему герою, что на самом деле камни стоили гораздо больше заплаченного и не худо было бы вернуть долг. Франциск, который не переносил жадности, запустил руку в сумку Бернарда и отсыпал святому отцу целую пригоршню монет. Потом от возмущения добавил еще пригоршню, с вопросом: «Ну теперь-то точно уплачено, господин священник?»

На сей раз уплачено было с избытком, и Сильвестр возвратился домой крайне довольным. Однако вскоре ему стало очень стыдно. Он — священник, к тому же весьма немолодой, пытался стяжать богатство, тогда как простой юноша смог презреть деньги ради любви к Богу. Ночью Сильвестру приснился страшный сон, будто на ассизские земли напал огромный дракон и начал разорять их. А затем явился Франциск, исторгнувший из своих уст огромный золотой крест, закрывший собой весь мир до горизонта, и дракон обратился в бегство. Старик видел этот сон не один раз и совершенно лишился покоя. В конце концов он раздал все свои деньги и попросился в новообразованное братство. К этому времени францисканцев было уже четверо: к ним прибавился еще один ближайший сподвижник Франциска, Эгидий.

Появление настоящего священника стало для них крайне важным событием.

Ведь до того группка состояла из одних мирян, занимающихся некой духовной самодеятельностью. Нужно было не только учиться грамотно выстраивать проповеди, но и взаимодействовать с церковными властями. На этом начальном этапе даже скромный приходской священник мог

принести немалую пользу.

Братья соорудили себе маленькую хибарку рядом с Порциункулой, но прожили в ней совсем немного. Франциск после мистического «разговора» с Христом посредством гадания на текстах Евангелия наконец обрел уверенность и почувствовал себя проводником Божией воли. По словам Бонавентуры, он, «сообщив им многое о царствии Божиим, о презрении к миру, об отказе от собственной воли и об очищении и умерщвлении тела, открыл им свое решение отослать их на все четыре стороны света». Здесь видно подражание словам Христа, обращенным к апостолам: «Идите, научите все народы». Но также это и хороший ход для духовного лидера. Члены общества сразу же получают одинаковое и весьма динамичное задание, в котором испытываются их пригодность и верность делу.

Заполнить собой все четыре стороны света у них не получилось, потому что у новоиспеченных братьев не хватило решимости идти поодиночке. Франциск с Эгидием отправились в Анконскую марку — так называлась провинция, располагавшаяся на адриатическом побережье между Романьей на севере и герцогством Сполето на юге, остальные двое — в противоположную сторону. Отец Сильвестр, судя по всему, в походе не участвовал из-за возраста.

Наш герой всю дорогу пребывал в восторженном состоянии. Он не переставая распевал творения своих любимых трубадуров и вдохновенно объяснял каждому встречному, что для счастья нужно очиститься покаянием и полюбить Бога всем сердцем. Эгидий, простой человек, не владевший поэтическим слогом, «призывал тех, кто слушает, верить словам Франциска, говоря, что советы его превосходны». Эта парочка производила большое впечатление на местных жителей. Сначала их принимали за сумасшедших, потом обязательно находилась кто-нибудь, считающий, что за их речами стоит нечто большее, чем безумие. Почему так происходило? Всех приводило в мистический трепет ощущение радости, которое распространялось вокруг нашего героя. «Они живут в таких тяготах, а при этом в таком веселии», — говорили люди.

Вместе с Эгидием Франциск прошел пешком всю провинцию и вернулся в лачугу у Порциункулы, где встретился с остальными братьями. Буквально несколько дней спустя пришли еще три ассизца, умолявшие взять их в братство. Их звали Саббатино, Мориико и Иоанн де Капелла. Они заранее подготовились, полностью лишив себя имущества, и наш герой тут же принял их.

Духовный подъем, вызванный увеличением братства, вскоре столкнулся с большими материальными проблемами. Выяснилось, что

прокормить себя милостыней членам братства гораздо труднее, нежели основателю. Франциск ведь уже успел заслужить уважение, реставрируя церкви и ухаживая за прокаженными. А его сподвижники не совершили ничего, кроме добровольного обнищания. Новоявленным нищим никто не сочувствовал, скорее наоборот, они всех раздражали. Попрошаек гнали отовсюду: «Свое добро промотали, а теперь хотите пожить за чужой счет?» Особенно яростно первых францисканцев проклинали близкие родственники, не простившие того, что добро уплыло в посторонние руки. Но, несмотря на ужасные условия, маленькая группка продолжала не только существовать, но и расти, неизменно излучая радость.

К ним присоединяются еще три брата, среди которых — Филипп Лонго. Франциск снова посылает всех проповедовать, на сей раз в долину Риети. По пути к ним прибавляется еще один брат. Теперь народу хватает, и наш герой может рассылать свою новоявленную паству на все четыре стороны света не поодиночке. Почти сразу же он организовывает третью миссию — во Флоренцию. Туда отправляются Бернард и Эгидий. Они уже хорошо усвоили уроки отца-основателя и, когда хозяйка одного из домов не пускает их переночевать, с радостью соглашаются провести ночь снаружи, у поленницы. Ее муж, возвратившийся поздно, хочет прогнать «мошенников и воришек» со двора долой, но женщина вступается за них. А наутро они с мужем встречают вчерашних попрошаек в церкви за истовой молитвой. Попрошайки отказываются от денег, объясняя, что нищета им не в тягость и стали нищими они добровольно, а до того были богачами. Их разговор слушает весьма обеспеченный флорентиец по имени Гвидо. Пример Бернарда и Эгидия производит на него глубочайшее впечатление, и он приглашает их к себе на несколько дней. Они приняли приглашение, «примером и словом своим наставляя хозяина в страхе Божиим, так что в дальнейшем он раздавал самые щедрые подаяния нищим»^[57].

В это самое время Франциск переживает экстатическое видение о том, что его сообществу суждено стать могущественным монашеским орденом.

Так прошел 1208 год. Братья вернулись в Порциункулу. Жители ассизских окрестностей постепенно привыкли к братству Франциска и стали называть его членов *gente disperata*, что значит «отчаянные люди».

Что удерживало их вместе? Как ощущали себя они, окружавшие нашего героя в 1208 году? Сыновьями и подопечными молодого человека, которому исполнилось всего 26 лет? Некоторые из них ведь были старше его.

Конечно, их притягивал магнетизм личности Франциска вкупе с

совершенно экстремальным самопожертвованием. Он приходил в восторг, отдавая товарищам добытую еду и одежду, стараясь при этом ничего не оставить себе. Подобным образом он относился не только к своей братии, но ко всему живому, порой бросаясь на помощь незнакомым людям прямо на улице или выкупая животных, ведомых на бойню. Именно благодаря его стараниям никто из братьев не умер от голода в те крайне тяжелые времена. Конечно, он был необычайно артистичен и обаятелен и умел убеждать. Но артистизма и ораторских способностей явно недостаточно, чтобы сподвигнуть кого-либо на такой радикальный шаг, как полный отказ от имущества и уход из мира. Тем более что посвятить себя Богу можно было без особенного экстрима в любом монастыре. Значит, Франциск предлагал нечто сверхценное и кардинально новое? Именно так. Он дал своим сподвижникам духовную технологию, выводящую бытие на совершенно новый уровень.

Тремя веками позже католическая церковь снова окажется в кризисе, и на этот раз он выльется в раскол Реформации. Тогда одной из важнейших контрреформационных фигур станет такой же, похожий на Франциска, одиночка со своим видением духовного мира — Игнатий Лойола, основавший орден иезуитов. Кстати, он решит стать святым, читая житие не кого-нибудь, а именно нашего героя. Лойола так же ввергнет себя и учеников в ужасные материальные тяготы, так же будет добиваться признания своего ордена Святым престолом. И так же даст последователям технику под названием «Духовные упражнения». Эта маленькая книжечка преобразит немало людей — от простолюдинов до монархов.

Франциск, сделав то же самое, обошелся без собственной книжечки. Он просто взял в качестве учебного пособия Евангелие. Духовные упражнения Лойолы предполагают глубинный самоанализ и работу над собой в течение месяца, после которого личность человека меняется. Техника Франциска не ограничена временем. Он сверяет с Евангелием каждый миг своей жизни, причем происходит это не аллегорически, а буквально. Например, соблюдая завет не заботиться о завтрашнем дне, запрещает братьям варить овощи с вечера, хотя жесткая горная вода требует продолжительной варки. Или категорически отказывается от подушки «в память Того, Кто не знал, куда приклонить голову». Все это выглядит очень наивно, так мог бы вести себя ребенок, играющий в апостолов.

Игра... само это слово кажется несерьезным. Но для маленького человека нет ничего важнее игры, и если по каким-то причинам он лишен возможности играть, ему не вырасти в психически здоровую полноценную

личность. В философии XX века заметное место занимает трактат нидерландского культуролога Йохана Хейзинги «Человек играющий» («Homo Ludens»), опубликованный в 1938 году. По мысли Хейзинги, «без поддержания определенного игрового поведения культура вообще невозможна», она неминуемо вырождается в варварство и хаос.

Потому, наверное, не будет кощунством сравнить образ жизни первых францисканцев с некоей игрой, наподобие современных ролевых игр, где люди, чаще всего молодые, моделируют фантастическое пространство той или иной книги и существуют в нем. За одним только исключением: книги Толкиена, какими бы гениальными они ни являлись, относятся к художественной литературе, а не к сакральным текстам, как Евангелие. Поэтому, встречая на улице молодежь с мечами, переодетую в эльфов и хоббитов, мы и не подумаем воспринимать их серьезно. Совсем иное дело — жители средневековых итальянских городов, вдруг увидевшие рядом с собой людей, похожих на апостолов. Ситуация весьма неоднозначная и провокативная. На первый взгляд может показаться, что эти ряженые бездельники хотят надругаться над святыней или, скажем, поставили перед собой задачу обличить обленившихся церковнослужителей. Но, наблюдая за ними дальше, легко заметить, что они, с одной стороны, очень миролюбивы, а с другой — не играют, а действительно живут именно так, как заповедал Христос. Полностью лишенные материальных благ, не имеющие никаких гарантий, не знающие, найдут ли завтра еду... По земным меркам эти люди находятся в отчаянном положении, но по небесным — они счастливы, ведь ничто не стоит между ними и Богом. Их лица всегда радостны, они работают, но не берут за труд денег, стараются помочь каждому. Как воспринимать подобное горожанам, каждую неделю, а то и чаще посещающим церковь и слушающим Священное Писание? И не только сами библейские тексты, но еще и проповеди священников, призывающие руководствоваться евангельскими идеалами в жизни? Только как живой укор. Поэтому относились к ним очень пристрастно. Согласно «Легенде трех спутников», «иные бросали в них грязью из-за спины; другие совали им в руку игральные кости, а были и такие, что, ухватив сзади за капюшон, волокли их по земле... издевались и мучили их до того, что срывали с плеч их жалкие лохмотья, и рабы Божии оставались в наготе, поскольку, по евангельскому совету, у них была только одна одежда».

И так же закономерно, что многие, поначалу поносившие Франциска, в итоге оказывались среди его братьев. А братство, в начале своего существования такое маленькое, наивное и кажущееся совершенно бесперспективным, разрослось до десятков тысяч человек и существует вот

уже девятое столетие.

РАЗРЕШИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАПРЕТИТЬ

Начался 1209 год. В лачуге рядом с Порциункулой уже проживали более десяти человек. Точное количество мы не сможем узнать. Агиографы, стремясь подчеркнуть похожесть Франциска на Христа, говорили о двенадцати или одиннадцати спутниках. Учитывая же крайнюю скромность нашего героя, трудно предположить, чтобы он всерьез ассоциировал себя с Сыном Божиим. Сколько бы их ни было на самом деле, они, конечно же, производили в небольшом средневековом городке весьма заметное впечатление. Тем более в то время нищенствующих монашеских орденов еще не существовало, все, кто хотел уйти из мира, тихо сидели по кельям. Франциск со своими сподвижниками не попадал ни под одну известную категорию людей. И все понимали: при создавшемся ажиотаже двенадцатью или даже сорока членами братство не ограничится. Требовалось как-то зарегистрировать свое существование. Отец Сильвестр, рядовой священник, вряд ли помог бы в этом деле. Наш герой отправился за советом к епископу Гвидо. Разумеется, тот уже знал о существовании в его епархии странного, ни на что не похожего сообщества. Такой факт не мог сильно обрадовать священнослужителя, ведь «новые апостолы» в любой момент могли оказаться еретиками. Поэтому епископ посоветовал Франциску и его братии уйти в какой-нибудь монастырь. Наш герой наотрез отказался. Господь посредством Евангелия призвал его к активным действиям в миру, а тогдашняя монашеская жизнь этого совсем не предполагала.

Гвидо остался недоволен таким ответом — получается, эти «отчаянные» собирались и дальше устраивать свою самодеятельность на подотчетной ему территории. Тем не менее давить на Франциска и ссориться с ним епископ не стал. Только ужаснулся нечеловеческим условиям, на которые обрекло себя новое братство. «Жизнь ваша представляется мне тяжелой и суровой, ибо вы не обладаете ничем в мире сем». На что будущий святой возразил: «Господин, если бы у нас были богатства, нам потребовалось бы и оружие, чтобы охранять их. От богатства происходят раздоры и ссоры, и таким образом встают многообразные преграды и для любви к Богу, и для любви к ближнему». На этом они с Гвидо расстались, вполне довольные друг другом. В «Легенде трех спутников» даже подчеркивается, что епископ был горд и счастлив, обретя среди своей паствы таких верующих молодых людей, и их образ

приносил ему пользу. Но не следует забывать: именно в 1209 году Святой престол начал крупномасштабную военную кампанию против еретиков — Альбигойский крестовый поход, который привел к убийству примерно 20 тысяч человек. Ни о каком «творчестве» в вопросах церковной идеологии не могло быть и речи. Поэтому, конечно же, Франциск и его друзья доставляли Гвидо больше волнений, чем радости.

После разговора с епископом Франциск понял, что нужно сформулировать и записать четкие правила для живущих в братстве, а затем добиваться их утверждения у папы. Он начал с еще большим вниманием следить за образом жизни своих сподвижников, сверяя их с евангельскими текстами. Иногда его творческое воображение рождало неожиданные ритуалы. Например, стремясь установить абсолютный мир между братьями, наш герой запретил им даже повышать голос друг на друга. Если же кто-то вдруг все же прикрикнул на другого, то должен был лечь на землю и попросить обиженного стать ногой ему на рот.

Все же первый францисканский устав вышел вполне убедительным, без излишней экзотики, хотя требования к образу жизни монахов остались крайне строгими. Документ получился очень кратким, до нас он не дошел. Самое раннее из сохранившихся «Правил» Франциска датируется 1221 годом и, скорее всего, представляет собой развернутую и доработанную версию первоначального устава. Однако уже в 1209 году наш герой ясно осознает, что пытается создать совершенно новую форму религиозной жизни. По словам Бонавентуры, «души его спутников изумлены и напуганы были мыслью об их простоте и незначительности».

Дальше предстояло самое трудное: найти возможность встречи с папой и добиться от него одобрения как самого братства, так и его деятельности. Франциска это вовсе не испугало. По «своему простецкому обыкновению», он решил, что Господь устроит все наилучшим образом.

Братство отправилось в Рим в полном составе. Наш герой предложил Бернарду стать главным в этом историческом походе. Жития доносят до нас огромное воодушевление, с которым первые францисканцы шли получать разрешение на свое существование. По обыкновению, они не взяли с собой никаких запасов и прошли путь 200 километров, распевая песни, проповедуя и собирая милостыню. Очевидно, они продолжали так же вести себя и в Риме, прежде чем добрались до папского дворца. Неизвестно, существовал ли у них какой-нибудь план. Без рекомендации, просто так, с улицы попасть к папе было весьма затруднительно. Как они искали эту возможность? Маловероятно, что Франциск продумывал для этого какие-нибудь хитрые ходы. Скорее всего, он спокойно ожидал помощи свыше. И

она пришла. По предварительной ли договоренности или случайно, что более правдоподобно, в Риме оказался ассизский епископ Гвидо. Для дальнейшего не важно, обрадовался он этой встрече или нет. Главное — он не отказался помочь и отвел всю компанию в собор Святого Павла к кардиналу Джованни ди Сан-Паоло. Этот церковный иерарх являлся ни много ни мало духовником папы.

Поначалу он не особенно удивился евангельскому братству. Ведь по дорогам бродило немало нищих проповедников. Да и в Риме хорошо помнили Пьера Вальдо, который приходил к предыдущему папе, Луцию III, с предложениями по улучшению католической веры. Но наш герой ясно и четко дал понять: он верный сын Церкви, с благоговением принимающий все ее дары. Речь идет лишь о добровольном нищенстве и жизни по Евангелию. Кардинал, по примеру епископа Гвидо, посоветовал уйти в какой-нибудь монастырь. Франциск объяснил, что подобное решение будет противоречить воле Господа. Нельзя затворяться в келье, будучи призванным к апостольству. Им надо проповедовать, а для этого необходимо заручиться поддержкой папы.

Представим себя на месте церковного иерарха. Перед ним сидит странный человек неопрятного вида, лидер довольно радикального, хотя и внешне миролюбивого сообщества. И он просит для своей группы очень многого — официального доступа к массовому идеологическому воздействию. При этом ни он, ни его товарищи не только не имеют богословского образования, но и не собираются его получать. Рассуждая логически, монсеньору Джованни следовало бы немедленно выгнать обнаглевшего бродягу, а то и добиться его отлучения от церкви, как сделали с Пьером Вальдо. Но очевидно, магнетизм личности Франциска оказался столь силен, что кардинал усомнился в своей правоте и согласился представить необычного «беднячка» Иннокентию III.

Мы уже упоминали этого понтифика. Вряд ли можно было найти человека, более далекого от францисканских идеалов, чем Иннокентий. Отличавшийся крайне властным характером, он превратил Святой престол в сильную, почти светскую монархию. Летописец английского короля Иоанна Безземельного назвал этого папу образцом «горделивой величавости». При этом Иннокентий не чуждался возвышенного искусства. Ему приписывают авторство некоторых католических гимнов (впрочем, вопрос этот довольно спорный).

Неизвестно, как именно кардинал Джованни представил папе нашего героя и его сподвижников, но понтифик проявил к ним интерес и согласился принять.

Судя по всему, историческое общение с папой произошло в его дворце, в присутствии совета кардиналов.

Так и видится эта сцена, воплощенная в живописи, театре и кинематографии. Холеные лица кардиналов и самого понтифика. Иннокентий III, в миру Лотарио Конти, граф Сеньи, граф Лаваньи, — потомственный римский аристократ в самом расцвете сил, ему нет и пятидесяти. Он прекрасно образован и успешен, насколько может быть успешен папа римский. У него свой взгляд на Папский престол, он отстаивает «свободу церкви». Это означает, что духовная власть не должна зависеть от светской, и в соборании епископов не участвуют князья и прочие сильные мира сего. Только папа и его *Patrimonium* (папский совет) управляют делами церкви. Иннокентий мастерски реализует эту идею, возвращая Святому престолу влияние, потерянное при предыдущих папах. Он оперирует большими величинами — целыми странами, монархами, народами... И вот к нему привели грязного бродягу, собравшего вокруг себя кучку других грязных бродяг и написавшего для них правила жизни.

Конечно же, Франциск разъяснял свой устав ярко и вдохновенно, как менестрель исполняет только что созданную песню. Иннокентий III с непроницаемым лицом прослушал все до конца и выждал эффектную паузу. Наверное, наш герой ждал каких-то вопросов или уточнений, но понтифик ровным голосом изрек: «Ступай, сын мой, и поищи свиней; с ними у тебя, кажется, более общего, чем с людьми; поваляйся с ними в грязи, передай им твой устав и упражняйся на них в проповедях твоих». Франциск, известный своим буквальным пониманием истин, тут же вышел из дворца и направился искать свиней. Найдя их, он честно извалялся в земле, по которой они ходили, и в таком виде вернулся к папе со словами: «Владыко, я исполнил твое приказание, услышь и ты теперь мою мольбу». После этого папе не оставалось ничего другого, как принять францисканский устав.

Эпизод этот очень известен и часто тиражируется в кратких популярных биографиях святого. Но далеко не во всех источниках он описан столь радикально. Например, Фома Челанский во «Втором житии» вовсе не приписывает Иннокентию пренебрежительного отношения к странному собеседнику. В этом тексте понтифик всего лишь не одобряет францисканского идеала бедности, считая его превышающим человеческие силы. Но, «будучи человеком весьма осторожным, он (Иннокентий. — А. В.) сказал: «Моли, сын мой, Христа, чтобы через тебя Он открыл нам Свою волю, и узнав ее, мы, с большей уверенностью сможем дать согласие на твои благочестивые пожелания».

А кто же тогда написал про свиней? Один из английских летописцев, а точнее — летописец Иоанна Безземельного, английского короля из династии Плантагенетов. За два года до похода нашего героя с компанией в Рим этот король вступил с Иннокентием III в открытый конфликт, отказавшись признать архиепископом Кентерберийским Стефана Ленгтона. Папа в долгу не остался. В 1208 году он наложил интердикт на всю Англию, а как раз к моменту прихода Франциска непокорный король был и вовсе низложен властным понтификом, и его права на трон передали французскому монарху Филиппу II Августу.

Сравнивая два этих документа, можно понять стиль средневекового политического пиара. Интересно, как через популярную, массмедийную, как сказали бы сегодня, персону Франциска подается образ правителя, в данном случае — папы римского. В одном случае этот правитель мудр, словно Соломон, и морально безупречен, принимая вонючего бродягу у себя во дворце в полной готовности узнать через него волю Божью. В другом — перед нами предстает неприятный лицемер. Призванный служить христианским идеалам, он не уважает человека, пытающегося воплотить их в своей жизни.

Каков же он на самом деле? Эпизод со свиньями очень ярок и сразу притягивает внимание. Кажется очень правдоподобным брезгливое остроумие римского патриция, дорвавшегося до верховной власти над душами. Но посмотрим на биографию заказчика. Кто такой Иоанн Безземельный, пытающийся с помощью фигуры Франциска испортить имидж своего врага? Пятый, но самый любимый и избалованный сын Генриха II. По закону ему не должно достаться земельных наделов (оттого он и Безземельный), но Генрих в конце жизни был в весьма сложных отношениях со своим наследником — знаменитым Ричардом Львиное Сердце. Отец и сын даже официально воевали друг с другом. В пику Ричарду отец сделал Иоанна герцогом Аквитании, а потом младшему сыну повезло еще больше: он стал правителем Ирландии, правда ненадолго. Всего за восемь месяцев он так воспротивился народу, что пришлось бежать из страны. Его знали как предателя, ради надежды на власть готового перевернуться в стан злейших врагов. Он брал в заложники благородные семейства и насиловал их дочерей. Когда же папа Иннокентий отлучил его вместе с подданными от церкви, Иоанн жестоко наказывал священников, соблюдающих запрет папы на богослужения. Он сажал их в тюрьмы и отбирал церковные владения. Портрет получается куда более неприглядный, чем у высокомерного римского понтифика.

Как же выглядела на самом деле историческая встреча, без которой

францисканский орден не смог бы начать свое существование? Оба текста не врут о ней, они просто рассказывают о разных стадиях знакомства Иннокентия с Франциском. Фома Челанский, видимо, побоялся показывать Иннокентия недостаточно «белым и пушистым» и пропустил начальный неполиткорректный эпизод. Правда, даже такие предосторожности не спасли тексты этого автора от запрета. А что же пишет Бонавентура, чья биография святого из Ассизи на многие века стала эталонной? В его «Большой легенде» мы встречаем почти буквальную цитату из Челанского: «...молись, сын мой...». Далее же идет вставка, добавленная по распоряжению Иеронима д'Асколи, преемника Бонавентуры на посту генерала францисканского ордена. Считается, что он почерпнул эту информацию из личного разговора с кардиналом Рикардо де Аннибальди, родственником папы Иннокентия. И да, первый прием Франциска действительно был, мягко говоря, негостеприимным. Сперва пришлось долго ожидать благоприятной возможности, чтобы попасть в Латеранский дворец. Вероятно, кардинал Павел, через которого продвигали это дело, не горел желанием афишировать свое участие. Потому наш герой должен был появиться перед папой как бы случайно. Из каких соображений выбрали подобную тактику, нам уже не узнать, но ничем хорошим это не кончилось. Франциск оказался перед папой, когда тот пребывал в одиночестве в любимом зале под названием Зерцало. Понтифик прохаживался взад-вперед, глубоко погруженный в размышления, и вдруг взгляд его упал на незнакомого человека, к тому же весьма неприглядной наружности: небритого и непричесанного, к тому же в грязных лохмотьях. По воспоминанию Рикардо де Аннибальди, папа «отверг и с негодованием прогнал» Франциска. Той же ночью Иннокентию III привиделся вещий сон, который, конечно же, пересказан Бонавентурой. Папе снилось, «будто у стоп его принялась ветвь и росла постепенно, пока не превратилась в прекраснейшее дерево. Когда же он дивился, что бы могло означать это видение, Господний свет озарил разум этого первосвященника Христова, и он постиг, что ветвь означала того нищего, которого он прогнал накануне».

Проснувшись, папа немедленно послал всех своих слуг на поиски нашего героя. Те довольно быстро нашли Франциска, и понтифик велел привести его «пред лице свое в госпиталь Святого Антония, что у Латеранского дворца». Место встречи очень красноречиво свидетельствует, насколько сильно Иннокентию пришлось преодолевать свою брезгливость. Несмотря на «Господний свет», понтифик даже в самом официальном изжитий не намерен приглашать будущего святого к себе во дворец. Придя, Франциск рассказывает ту самую притчу о простой женщине, родившей от

царя потомство, похожее на него. И вдруг между гордым властителем и жалким нищим возникает понимание. Может быть, не последнюю роль здесь сыграли прованские трубадуры? Ведь папа, будучи большим ценителем изящного, вряд ли оставил без внимания такой богатый пласт культуры. Наверняка это стало некоторым шоком для понтифика — обнаружить общий культурный код с каким-то грязным оборванцем.

Но так ли уж эти два человека были далеки друг от друга, как принято показывать? На самом деле властолюбивый Иннокентий не особенно стремился к власти. Он даже не ожидал, что выбор конклава падет именно на него. Его предшественник накануне своей смерти в начале 1198 года просил избрать папой Джованни Колонна, того самого кардинала из Сан-Паоло, благодаря которому Франциск попал в Латеранский дворец. Но все проголосовали за 37-летнего графа Лотарио Конти (Иннокентия), который принял тиару с большой неохотой. И если анализировать дальше — то его почти абсолютная монархия означала прежде всего полную независимость Церкви от светской власти, а вовсе не личные амбиции. Известно, что Иннокентий III объяснял захват мусульманами Иерусалима в 1187 году, как небесную кару за развращенность христианских монархов.

И в момент прихода Франциска понтифик предавался явно не радостным размышлениям. Только что была издана жестокая булла, согласно которой земли катаров Лангедока отходили тем, кто примет участие в Крестовом походе против этой ереси.

Итак, Альбигойский крестовый поход, уже неоднократно упоминавшийся здесь... Страшная позорная война, в которой христиане убивали христиан. «Убивайте всех, Господь распознает своих!» — один из лозунгов этой почти двадцатилетней бойни, унесшей жизни ста тысяч человек. Мы далеки от мысли оправдывать Иннокентия III, начавшего вооруженное столкновение во имя чистоты веры, но он честно пытался вернуть Лангедок в лоно католической церкви мирным путем. Папа посылал на Юг Франции своих легатов-проповедников. В это время по всему Лангедоку практически в одиночку неустанно путешествовал святой Доминик, бесстрашно вступавший в диспуты с катарскими вероучителями. Есть легенда, будто он убеждал еретиков, бросая в огонь их сочинения вместе со своими, и последние пламя чудесным образом щадило. Но выдающееся красноречие Доминика и пышные эскорты легатов не могли спасти объятый ересью край. Дело зашло слишком далеко, катарских лидеров поддерживали богатейшие дворяне Лангедока и даже некоторые епископы. Папа провел чистку в рядах лангедокского духовенства и в 1206 году послал туда своего легата, Пьера де Кастельно. Тот с жаром взялся за

работу среди местной аристократии, агитируя против катаров, а Иннокентий, в свою очередь, отлучал непослушных от церкви. В мае 1207-го под отлучение попал один из самых влиятельных людей на Юге Франции — граф Раймунд VI Тулузский. Слишком горячие головы в окружении графа в недобрый час вмешались в дело — и папского легата нашли зарезанным. Папа обратился к французскому королю Филиппу II за помощью и правосудием, но получил отказ. Тогда он решил действовать сам, издав вышеупомянутую буллу, открыто призывающую к грабежу, и таким образом собрать войско, готовое идти на Юг Франции.

Получается, в момент появления в Риме нашего героя папа пребывал скорее в состоянии ярости и отчаяния, чем упивался собственным величием. Точная дата их встречи неизвестна, предполагаемый диапазон простирается от лета 1209-го до июля 1210 года, большинство исследователей все же придерживаются более ранней даты: июнь — июль 1209-го. Но даже если встреча состоялась летом 1210-го, когда уже пали Каркасон и Бран, ситуация все еще оставалась очень напряженной для Святого престола. Наверняка папа не спал ночами, постоянно думая о врагах, и так же, как и недавно Франциск, молил Бога послать ему какой-нибудь мистический знак по поводу дальнейших действий. И ответ пришел во сне. Помимо сюжета с веткой, выросшей в дерево, есть и другой вещий сон папы, более известный. Иннокентию якобы приснился его Латеранский дворец, который «начал разрушаться и почти обратился в развалины, как вдруг какой-то нищий человечешко, смиренный и презираемый, подставил свою спину и удержал дворец, чтобы тот вовсе не обрушился»^[58].

Папе потребовалось несколько дней на размышления. В итоге он не только согласился одобрить образ жизни францисканского братства, но и признал их новым монашеским орденом, официально разрешив им проповедовать, правда, если только они получают такое разрешение от местного духовенства и самого Франциска. Этот решительный и рискованный шаг понтифик сделал очень осторожно, он не издал никакой специальной буллы, ограничившись устным одобрением молодых подвижников из глубинки. Но и этого было для начала вполне достаточно. А симпатизировавший братьям кардинал Джованни ди Сан-Паоло добился для Франциска и всех его спутников права выбрить тонзуры в знак причастности их к клиру. С этого первого, устного папского одобрения принято вести историю францисканства, хотя до настоящего официального утверждения оставалось еще более десяти лет.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Получив желанное благословение, Франциск повел своих соратников на могилу апостола Петра, куда несколько лет назад бросил с досады горсть монет. После посещения святыни ассизцы отправились восвояси. По дороге Франциск, пользуясь инвестурой, полученной от папы, непрестанно проповедовал, причем стиль его проповеди разительно изменился. Как написано в «Легенде трех спутников», «он не прибегал к угодничеству, пренебрегал красноречием». Он просто искренне рассказывал людям свою историю. Речь, конечно, шла не о том, каким грешником он был раньше и как кардинально преобразился. Франциск делился со слушателями какими-то важными моментами духовных переживаний. «То, что в своих увещаниях он предлагал другим, прежде этого он сам пережил и сам убедился; потому он и мог чистосердечно возвещать истину». Рассказ о необычном духовном опыте цеплял воображение многих, и братство «простецов» быстро росло. Присоединялись богатые и бедные, миряне и служители Церкви.

Вернувшись в родные места весьма увеличившейся компанией, Франциск начал искать, куда бы всех поселить. В деревне Ривоторто, неподалеку от Ассизи, нашлась заброшенная лачуга. Прежде она принадлежала объединению крестоносцев, которые использовали ее как приют для прокаженных. Потом больным построили новое помещение, а лачугу позабыли. Стояла развалюха на берегу ручья, рядом располагались многочисленные пещеры с древними этрусскими гробницами. Франциск увидел в них большую ценность — их можно было использовать для уединенных молитв — и согласился расположиться в лачуге, тем более что в нее удалось запихнуть всех. О каком-то особом комфорте говорить не приходилось: братьям едва хватало места, чтобы сидеть, а спали они по очереди. Франциск внимательно изучил внутреннее пространство и пришел к выводу, что его вполне хватает, если разместить людей правильно. Он обозначил каждому брату постоянное место, написав имена на потолочных балках, и в общине снова стало тихо и спокойно. Никто не толкался в поисках свободного уголка.

Собирались все вместе они лишь ночью, а днем бродили по окрестностям, пытаясь донести до людей Евангельские истины и одновременно добыть себе средства к существованию. Дело сильно осложнял запрет Франциска принимать подаяние деньгами. Для него

самого этот момент был очень важен, он чувствовал, что вошел в настоящее общение с Богом, лишь выбросив свой кошелек и сменив пояс на веревку. Поэтому братья, даже работая в крестьянских хозяйствах, могли принимать лишь «необходимое для телесных нужд», то есть только пищу. Одежды им также позволялось иметь не больше одного комплекта. За соблюдением сего правила Франциск следил очень строго и позднее даже прописал его отдельным пунктом в «Правилах и наставлениях»: «Я неотменно приказываю всем братьям, чтобы они никоим образом не принимали денег и товара, ни сами, ни через подставных лиц. О нуждах больных братьев и об одежде для всех братьев в соответствии со временем года, местностью и холодами наставники с помощью духовных друзей должны всегда тщательно заботиться, и эту заботу я одобряю, но деньги, как было сказано, они принимать не смеют».

Казалось бы, ну какая разница, что принять в качестве милостыни — кусок хлеба или несколько грошей, на которые потом купишь тот же самый хлеб? Глупым и непривлекательным может показаться упорство нашего героя. Но у нас нет права голоса, мы не жили в ужасной ривотортской лачуге. А тем двум-трем десяткам братьев все казалось прекрасным, хоть и спали они, скрючившись, под коряво подписанными именами на потолке. Чем же он смог их убедить? По словам Честертона, «Франциск действительно верил, что открыл тайну жизни, а она — в том, чтобы стать слугой, стать вторым, а не первым. В этом служении, в самой его глубине он обрел свободу, граничащую с беззаконием». Эту свободу, конечно, чувствовали те, кто был с ним рядом, иначе они бы и не пришли к нему. И они старались досконально следовать его предписаниям, ведь возможность почувствовать себя избранным перевешивала любые бытовые тяготы. И тут важны были любые мелочи, так как дьявол, как известно, скрывается в мелочах. Даже воздушный поцелуй может трактоваться как измена. Даже один грош возможно отложить на день грядущий, оскорбив тем самым Прекрасную Даму — Бедность. В Евангелии именно предатель Иуда хранил ящик с деньгами общины апостолов...

Сила рыцаря в его оружии и ратном мастерстве, а сила духовного рыцаря — в безупречности. Таковую безупречность в освобождении от материального пытались развить в себе первые францисканцы. И потому их основатель так тщательно прописывал в «Правилах» невозможность отступления от идеала. Запрещено не только любое имущество, но и получение в подарок ценных вещей вроде серебра или золота, а также достижение почестей и привилегий.

Ощущение этой мистической безупречности Франциска сильно

передано в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Великий поэт посвятил нашему герою целых две песни из «Рая». Это очень много, если учесть огромное количество персонажей Дантова шедевра. Образ Франциска там связан с солнцем, и его родной город Ассизи Данте называет Востоком, явно имея в виду известное *ex orient lux* (свет с Востока), о восходе Христа-Солнца, что озарил собой мир, пребывавший во тьме. Говоря о Франциске, Данте возводит его выбор бедности на уровень божественного абсолюта.

При этом все францисканцы, включая своего основателя, оставались людьми из плоти и крови, имеющими телесные нужды. Франциска этот факт очень огорчал. Он даже пытался обособиться от собственного тела, называя его братом ослом; периодически предъявляя ему претензии и упрекая в лени. В «Правилах» подробно прописано обращение с этим непослушным «домашним животным», которое следует загружать работой и наказывать голодом, если оно вдруг вздумает бунтовать.

Но упрямство брата осла смогли преодолевать далеко не все. Начался неминуемый отсев. Франциск сразу вычислял среди новичков любителей поспать и поесть и вежливо, но твердо указывал им на дверь.

Так происходила жизнь новоиспеченного ордена в Ривоторто. Братья обновили лачугу. Местные жители постепенно привыкли к ним. Однажды через селение проезжал недавно коронованный император Оттон IV со своим многочисленным двором. Он возвращался из Рима в Германию. Жители селения выскочили на улицы, чтобы хоть одним глазком взглянуть на блестящих придворных. Даже хромые и дряхлые пытались увидеть интересное зрелище из окон. Все, кроме францисканцев. Наш герой не позволил в этот день своим сподвижникам покидать лачугу. Все время, пока в Ривоторто находился императорский двор, они сидели на своих местах и молились, не позволяя суетным мыслям проникать в душу. Одного из братьев Франциск все же послал навстречу Оттону — но вовсе не для приветствия, а чтобы напомнить властителю о тщете мирской славы. Мрачное напоминание оказалось кстати. Прошло всего чуть больше года, и папа Иннокентий III отлучил императора от церкви за несоблюдение договора и попытки узурпировать верховную власть в Италии. Произошло сие событие 18 ноября 1210 года, а в 1212-м понтифик уже признал законным германским королем Фридриха II Гогенштауфена. Впоследствии сподвижники Франциска приписали ему пророчество насчет заката императорской власти Оттона IV.

Закончилось пребывание братства в Ривоторто очень неожиданно. Кому-то из братьев пришлось в голову немного расширить лачугу или, еще

лучше, соорудить пару пристроек. Многие поддержали эту идею, скорее всего, какие-то ремонтные работы начались. Наш герой пришел в ужас от такой перспективы. Когда-то он сам восстанавливал храмы. Но храм — дом Божий. А каждый удар молотка, направленный на обустройство людского комфорта, вколачивал в гроб его мечту о совершенном духовном рыцарстве. Тем не менее он молчал, надеясь, что Бог в очередной раз разрешит его сомнения каким-либо знаком. Так и случилось. Однажды, когда все были дома, на пороге появился неизвестный крестьянин с ослом. Он оглядел присутствующих (они в этот момент пребывали в молитвенном созерцании) и сказал скотине: «Входи, входи, мы еще тут пригодимся». Братья продолжали молиться, а Франциск, обычно очень вежливый, сурово отчитал незваного гостя за то, что тот поднимает неподобающий шум. Выпроводив осла и крестьянина, наш герой обратился к своей пастве со словами: «Я знаю, братья, что Бог призвал нас не для того, чтобы устраивать стойла для ослов, и не затем, чтобы заводить хозяйство в пае с крестьянами, но чтобы идти и проповедовать людям путь спасения».

В тот же день они передали отремонтированное жилище прокаженным, а сами ушли в Порциункулу, откуда два года назад все началось. На этот раз Франциск решил остаться там на более законных основаниях и официально обратился за разрешением к аббату Сан-Бенедетто в Субазиио. Именно этому монастырю принадлежала данная церквушка. Бенедиктинцы разрешили новому ордену служить в Порциункуле литургию и проживать в домике неподалеку. Такой вариант Франциску очень понравился. Это жилище нельзя было сделать собственностью, так как у него имелся хозяин. К тому же само место заключало в себе мистическую ценность для нашего героя: именно в Порциункуле ему пришло решение буквально следовать Евангелию.

Снова потекли дни, наполненные молитвой, работой, сбором милостыни и проповедью. Братство уже неплохо функционировало, и Франциск заскучал. Его поэтическая душа требовала масштабных подвигов. Давно уже он вынашивал мысль об обращении в христианство мусульман и летом 1211 года попытался воплотить сей замысел в реальность. Наш герой сел на корабль, идущий в Сирию, и начал морально готовиться к мученичеству — ведь на Востоке за голову христианина порой давали награду. Однако испытать судьбу на этот раз ему не удалось. Сильный ветер прибил судно к берегам Далматии. Франциск воспринял это событие как знак: время для миссионерства еще не пришло. Нужно было возвращаться. Разочарованный, к тому же, разумеется, без денег и без надежды их заиметь из-за собственных же запретов, он с большим трудом

тайно проник на борт корабля, идущего в Анкону, и уже оттуда пешком добрался до Ассизи, где снова приступил к воспитанию своих сподвижников.

Да, святого из Ассизи можно с уверенностью назвать крупнейшим педагогом, хотя это определение вовсе не лежит на поверхности. Среди католических монашеских орденов самым «педагогическим» считается орден иезуитов, возникший гораздо позднее францисканского, — в середине XVI века. Иезуиты основали огромное количество учебных заведений по всему миру. Даже знаменитый Папский Григорианский университет в Риме ведет свое начало от Римской коллегии, открытой Игнатием Лойолой в 1551 году. И сам Лойола, основатель ордена иезуитов, — автор гениальной педагогической методики личностного роста, элементы которой используются сегодня в элитных бизнес-тренингах. Ни с чем подобным орден францисканцев не ассоциируется. А между тем основу для своей методики и педагогические приемы Лойола взял у Франциска. Именно его житие он изучал почти целый год, когда лежал, восстанавливаясь после тяжелого ранения. И даже знаменитый лозунг иезуитов «Perinde ac cadaver» — «труп в руках хозяина», подразумевавший абсолютное подчинение Церкви в лице папы римского, тоже заимствован у Франциска.

Когда его спросили, что такое совершенное послушание, он ответил: «Возьми тело бездыханное и положи его, где пожелаешь. Оно не воспротивится этому перемещению, не будет ворчать, где бы ты его ни устроил, не позовет тебя обратно, если уйдешь. Поставь его на место проповедника — не вверх будет смотреть, но вниз; устрой его на ложе пурпурном — бледность его станет еще более явственной. Вот истинное послушание: перемещают тебя — не имей об этом собственного мнения; где оставят тебя — не заботься; о перемене какой-либо не хлопочи; призовут к должности — сохраняй привычное смирение; и чем больший воздадут тебе почет, тем более считай себя недостойным»^[59].

Францисканцы и иезуиты произросли от общего корня, и противостояние между ними, наблюдавшееся в некоторые периоды истории, только подтверждает эту мысль. И биографии основателей двух этих орденов весьма сходны. Оба стремились к высшей воинской славе. Оба восхищались рыцарской романтикой. Причем прагматичный Лойола оказывается здесь куда большим романтиком, чем «романтичный» Франциск. Рыцарство на рубеже XII–XIII веков — реальная сила и возможность сделать карьеру. А в первой половине XVI века, когда начинал свою деятельность Игнатий Лойола, рыцари больше впечатляли на

страницах книг, чем в жизни, их солнце уже давно закатилось. Все же Лойола бредил рыцарскими романами, мысленно примеряя на себя доспехи, хотя он имел определенные успехи в военном деле и даже совершил подвиг, отстаивая осажденную Памплону. Но оба исторических персонажа оказались лишены возможности продолжать военную карьеру и занялись духовным поиском. Их также объединяла мечта проповедовать в Святой земле — и у обоих она не увенчалась успехом.

Из них двоих Франциск более гениален как первооткрыватель идей. И более одарен поэтически. Хотя известно, что и Лойола писал стихи и даже духовные гимны. Оба они появились в критическое для католицизма время и оба очень помогли Церкви не лишиться целостности. Оба посвятили много сил христианской педагогике, воспитывая своих сподвижников. Но педагогика Лойолы как бы более «взрослая». В ней предусмотрена рефлексия, осознанный личностный рост. Некоторые даже сравнивают методику основателя ордена иезуитов с нейролингвистическим программированием. И задача ее — взрастить идеального христианина. А методика Франциска — это детская, крайне серьезная игра. Ее трудно описать, но она захватывает. И играющий переселяется в мир Евангелия.

Сильной стороной иезуитской педагогики считается индивидуальный подход к каждому, исходя из его сильных и слабых сторон. Это тоже идет от Франциска. Он постоянно искал ключи к сердцу каждого из своих братьев, порой проявляя чудеса креативности. Один из пришедших к нему, красавчик по имени Массео, считал себя великим оратором, которого все должны слушать. Франциск, понимая, что подобные мысли несовместимы с нахождением в ордене, тем не менее не делал Массео замечаний. Однажды братья остановились на перекрестке трех дорог — во Флоренцию, Сиену и Ареццо — и начали совещаться, куда пойти. Франциск неожиданно остановил споры и наложил на Массео послушание — крутиться волчком. Можно представить себе, как трудно пришлось гордецу, над которым тут же начали хихикать прохожие. Но он очень хотел остаться в ордене, потому продолжал кружение, падая и снова вставая. Когда он уже почти не мог держаться на ногах, Франциск резко остановил его и спросил, в сторону какого города он смотрит. Массео ответил: «Сиена». «Вот та дорога, которую Бог указывает нам»^[60], — отозвался Франциск. Получилось, что Массео заставил всех послушать себя, но сделал это без малейшего эгоизма, наоборот, полностью отрекшись от себя.

Другой брат, по имени Руфино, имел противоположную проблему. Он, наоборот, был болезненно замкнутым и больше всего любил уйти в лес и там молиться. Франциск велел ему пойти в Ассизи и прочитать проповедь в

одной из церквей. Такой приказ поверг Руфино в ужас. Он начал взывать к жалости, объясняя, что полностью лишен дара проповеди. Наш герой напомнил о необходимости строгого послушания. Если кто-то спорит с настоятелем — то его следует наказывать. Потому Руфино пойдет проповедовать в Ассизи без рясы, в одном белье, и в таком виде войдет в церковь.

Пришлось бедному брату поступить подобным образом, и, конечно, люди нещадно осмеяли его. Пока все это происходило, Франциска мучила совесть, кроме того, Руфино происходил из утонченной аристократической семьи^[61] и подобное послушание на глазах знакомых и родственников равнялось для него пытке. Наконец наш герой не выдержал и решил испытать сам то, к чему принудил своего ученика. После этого обида Руфино на учителя даже если и была, то исчезла.

Как уже говорилось, Франциск с сомнением относился к учености, подозревая в ней большую опасность самолюбования и гордыни. Он не позволил аристократу Рикардо дела Марко взять с собой в орден ценную библиотеку. Но когда в ордене появился Антоний Падуанский, наш герой сказал ему: «Учись и учи других, ибо дух молитвы не угас в тебе».

Но самым интересным в педагогике Франциска оставалась его собственная детская непосредственность. Любую мысль, сообщаемую ученикам, он был готов тут же проверить на себе и делал это со всей яркостью и убедительностью своей одаренной природы.

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРОИНИ

Уже говорилось о быстром увеличении количества братьев. Действительно, к Франциску постоянно приходили новые кандидаты самого разного социального положения. Чаще всего они приходили под впечатлением от его проповеди. Но ведь проповедь действовала не только на мужчин. Казалось бы, наряду с братьями должны были появляться и сестры? Так оно потом и случилось, только женская ветвь францисканства вовсе не стала (и не могла стать) аналогом мужской.

Есть расхожая формулировка «мужчины и женщины — с разных планет», сегодня ее употребляют чаще всего по поводу предполагаемой разницы в психологии разных полов. При этом поведение современных мужчин и женщин различается не так уж сильно. И те и другие вместе учатся, работают, имеют равные или почти равные возможности. В средневековом европейском обществе мужчин и женщин действительно разделяла пропасть, причем не только правовая. Женщину постоянно оценивали не как человека, а как некую философскую категорию, и оценка эта в христианской доктрине оказывалась двойственной и противоречивой. С одной стороны — Ева, склонившая Адама к первородному греху, с другой — Мария, родившая Спасителя. Первое привело к охоте на ведьм, второе дало культ Прекрасной Дамы. В этой вилке находится множество средневековых богословских и философских текстов. Подавляющее большинство из них написано мужчинами, причем, как правило, монахами и священниками, соблюдающими целибат. Эти тексты очень пристрастны, даже если и благосклонны. И в них не стоит искать глубокого понимания женской психологии. Весь свой анализ женской сущности авторы пытались вывести из Священного Писания. Но их сочинения формировали совершенно особое восприятие женщины.

Как мы видим, пресловутое «средневековое» отношение к прекрасной половине человечества происходило не из-за дикости и неграмотности, наоборот, оно создавалось текстовой культурой. В более «диком» раннем Средневековье к женщине относились гораздо проще. В ней не видели ни светлого идеала, ни особого греховного изъяна, но высоко ценили как продолжательницу рода. Салическая правда даже предусматривала двойной штраф за убийство женщины детородного возраста. А эдикт франкского короля Хильперика^[62] из династии Меровингов разрешил делать наследниками дочерей и сестер в отсутствие сыновей и братьев. По

Вестготской правде дочери были совершенно равноправны с сыновьями в вопросах наследования.

С развитием общества и особенно с возрождением римского права женщины постепенно отстранялись от наследования и возможности самостоятельно работать, становясь все более зависимыми. Параллельно на них взваливался тяжелейший моральный груз вины за грехи Евы и не менее тяжелый груз соответствия образу Марии, который формулировался как крайняя скромность, покорность и набожность.

Вспомним: даже первым францисканцам мужского пола пришлось очень нелегко. Их называли сумасшедшими и бездельниками, иногда даже били, но все-таки в смертных грехах не обвиняли. А свободно бродящую женщину тут же записали бы в проститутки, а скорее всего, вдобавок бы изнасиловали. И проповедовать она права не имела и не могла его получить. Так что вместо святости такая дама заимела бы себе лишь безвозвратно погубленную репутацию. Поэтому живописные кадры из фильма Лилианы Кавани, где стриженная Клара свободно гуляет среди толпы бродяг мужского пола, не имеют под собой никакой исторической достоверности. Сам Франциск отдельным пунктом «Правил» прописал строгие ограничения на общение с женщинами. «Пусть никто не беседует с ними наедине». «Священник вправе беседовать с ними, налагая покаяние или давая духовный совет». «И ни в коем случае ни одна женщина пусть не принимается никем из братьев в послушание, но, получив духовный совет, пусть совершает свое покаяние, где пожелает».

Все же мысль о создании женского ордена приходила ему в голову. Ведь еще реставрируя свою первую церковь, он говорил о приюте Нищих дам, который должен возникнуть в Сан-Дамиано. Вот только сам он не мог создать такого женского объединения. Нужна была какая-то женщина, причем совершенно особенная. Такой и стала святая Клара — Кьяра Оффредуччо.

Она родилась в Ассизи 16 июля 1194 года, спустя 12 лет после рождения Франциска. По знатности не многие из ассизских родов могли бы поспорить с семьей Оффредуччо: их генеалогическое древо восходило к самому Карлу Великому. Хорошо обстояло дело и с материальными благами. Мало кто из ассизских богачей мог сравниться достатком с отцом Клары. Однако безоблачным ее детство назвать трудно. Некоторое время ей пришлось провести в изгнании, спасаясь от событий 1199–1200 годов, когда разъяренные торговцы и ремесленники, среди которых был Франциск, громили аристократов. Известно, что бежала она вместе с матерью и младшими сестрами, которые находились тогда в младенческом

возрасте. Отец в это время участвовал в каком-то военном походе. Очень вероятно, что годом позднее он воевал с родным городом на стороне Перуджи. В списке рыцарей есть имя некоего Ринальдо ди Пьетро д'Оффредуччо. Родителя Клары звали не Ринальдо, а Фавароне, но ведь могли существовать и другие списки, не дошедшие до нас.

Вернулась семья Клары в Ассизи с окончанием войны, а значит, одновременно с Франциском, которого как раз отпустили из плена. В те времена они совершенно точно не могли общаться, даже учитывая связи нашего героя с аристократической молодежью. Разве могут быть общие интересы у восьмилетней девочки и двадцатилетнего парня?

Уже несколькими годами позже Клара узнала о Франциске и начала живо интересоваться его судьбой. Эту судьбу ей во многом пришлось повторить: пойти на конфликт с родными и отказаться от имущества. Заманчиво представить Клару таким ангелом духовности, родившимся в семье приземленных богачей и горько страдавшим в золотой клетке среди полного непонимания. Однако на деле ситуация оказывается совсем иной. В доме Оффредуччо еще до рождения Клары существовали «разные планеты». Отец и дядя будущей святой занимались земными делами, а мать, мадонна Ортолана, отвечала за духовность. Семейная схема, нередкая для Средневековья и похожая на ту, что была в доме Франциска, но за одним исключением: мать Клары явно имела гораздо более активный и самостоятельный характер, чем мечтательница мадонна Пика. Мадонна Ортолана не только исправно посещала церковь, но и постоянно предпринимала паломничества, причем весьма далекие и опасные, — и не один раз, с мужем, как мать Франциска, а многократно, с родственницами и подругами.

Паломничества давали средневековым женщинам лазейку для возможности побыть собой, избавившись на время от бесконечного строгого регламента поведения. Мужчины относились к паломницам двойственно. С одной стороны, их уважали за религиозное рвение, с другой — подозревали, что дело тут нечисто. Сохранилась книга знатного шевалье XIV века, Жоффруа де ла Тур Ландри, посвященная наставлениям дочерям^[63]. Автор в недобром тоне отзывается о дамах, «кои в поисках наслаждений с охотою посещают турниры и совершают паломничества». Ему вторит его современник и соотечественник, французский богослов Матье Никола Клеманжи. С негодованием он повествует о дамах, которые «в праздники ходят на богомолье в отдаленные храмы к святым местам не столько во исполнение обета, сколько для того, чтобы облегчить себе пути к заблуждениям. Это источник множества прегрешений; там, в святых

местах, неизменно находятся гнусные сводни, кои прельщают девиц».

Мы далеки от мысли обвинить мать святой Клары в неподобающем поведении. Отметим лишь, что паломничества требовали от женщины не только физической выносливости, но и твердости духа. А ведь мадонна Ортолана ходила вовсе не в «отдаленные храмы», посещение которых тянет на долгую прогулку, не более. Она видела Рим, до которого от Ассизи около 200 километров, прошла знаменитый путь Сантьяго-де-Компостела и, наконец, проникла в Святую землю, где постоянно шли военные столкновения. На родину Христа она отправилась с родственницей по имени Пачифика ди Гвельфуччо. Вместе с группой других паломников дамы прошли Дамьетгу и, совершив пятнадцатидневное путешествие по пустыне, достигли горы Синай, откуда уже попали в Иерусалим.

Во время паломничества мадонна Ортолана поняла, что беременна. Вернулась домой она сильно уставшая и, видимо, имела серьезные проблемы со здоровьем. Во всяком случае, перед родами она почувствовала сильный страх и пошла в церковь помолиться перед Распятием, умоляя избавить ее от смерти в родах. Тогда ей послышался голос: «Не бойся, женщина: ты родишь благополучно, и рожденное от тебя станет светом ясным». Поэтому, когда появилась дочь, мадонна Ортолана решила назвать ее Klarой, что значит «светлая», «ясная». Вот такая сильная необыкновенная женщина воспитывала будущую святую.

Можно сказать, мать предопределила судьбу своей старшей дочери. Девочка должна была стать светом, проясняющим смысл жизни для всей семьи. Только он оказался немного разным для мужской и женской ее части.

Первая биография Клары создавалась для процесса канонизации, состоявшегося в 1556 году, спустя год после смерти святой. Одним из главных свидетелей на процессе стал Раньери де Бернардо. Он знал Klarу с детства, поскольку жил в доме Оффредуччо. По его словам: «Клара была девой и с раннего детства начала подвизаться в святости, словно была освящена уже во чреве матери. Она была красива, поэтому ей искали мужа. Многие родные уговаривали Klarу согласиться на замужество. Но она ничего не хотела об этом знать. Я сам много раз просил ее о том, чтобы она приняла замужество, но она даже не хотела слушать. Более того, сама Клара увещевала меня презреть мир сей»^[64].

Известны и другие штрихи ее детства. Например, будучи совсем маленькой, она складывала себе четки из камешков. Образование ей дали домашнее, но довольно хорошее. Хотя свидетели утверждали, будто Клара «не училась литературе», скорее всего, творчество прованских трубадуров

не обошло стороной и ее. К тому же она имела понятие о богословии.

Все это совершенно не отнимало у нее возможности, повзрослев, выйти замуж, как в свое время поступила ее мать.

Брачный возраст в те времена начинался с двенадцати лет. Клара должна была уже вот-вот войти в него. Она проводила время за молитвой и, конечно же, как и все девочки и женщины, часто смотрела в окно, ведь ни телевизора, ни Интернета не существовало. Тем более что окна дома Оффредуччо выходили на кафедральный собор Сан-Руфино и площадь перед ним, на которой происходили важнейшие городские события — от карнавалов до судов. И вот в январе 1206-го, за полгода до Кларинаго двенадцатилетия, на этой площади торговец Пьетро Бернардоне пытался осудить своего сына за кражу.

Конечно же, Клара знала предысторию. Дело громкое, а город небольшой. Конечно, никому в голову не пришло бы назвать Франциска обыкновенным вором. Сумасшедшим — да, но не преступником. Девочка могла даже знать, что ему нужны деньги на восстановление храма. Но сцена, которую она видела из окна, в любом случае не оставила бы ее равнодушной.

Представим себе этот январский день. Конечно, в Ассизи нет суровых зим, но все равно на улице зябко. Плохая погода не ослабляет любопытства горожан, собравшихся развлечься занятным зрелищем. Вот важный торговец, Пьетро Бернардоне. Еще недавно он кичился, что его сыну никто не судья, а теперь сам судится с ним. Выкрикивает какие-то обидные слова, вот-вот бросится избивать. Молодой человек спокойно слушает обвинения, потом молча раздевается, обнаруживая власяницу на теле, отдает всю одежду отцу и молитвенно обращает взор к небу. Строгий епископ утирает слезы и укрывает юношу плащом. Мы уже описывали эту сцену, но стоит взглянуть на нее глазами одиннадцатилетней девочки, которая совсем недавно делала себе четки из речной гальки. Она только что увидела своего героя, и уже никто не сможет впечатлить ее больше, разве только сам Иисус.

Через полгода ей исполнилось 12 лет. Отец заговорил о замужестве. Дочь высказалась против. То есть совсем отказаться она, конечно, не могла, ей только удалось уговорить родителя немного подождать. Через некоторое время мессир Фавароне снова поднял разговор, и снова девушка попросила об отсрочке. Так ей удалось протянуть до восемнадцатилетия — критического брачного возраста для женщины. После него невеста считалась перестарком. Примерно тогда же мессир Фавароне умер, и право решать судьбу его дочерей перешло к его брату, мессиру Мональдо.

Искала ли Клара встречи с тем юношей, публично осужденным собственным отцом? Несомненно. Для средневековой девочки из аристократической семьи это была весьма непростая задача. Она не могла взять и пойти в лачугу, где ютились братья. Не могла заговорить с ним на улице, не нарушив правил приличия. Но судьба сама вдруг начала связывать семью Клары с Франциском. Началось все с отца Сильвестра, который продавал камни нашему герою, а затем стал одним из его первых сподвижников. Он приходился Кларе двоюродным братом. Через некоторое время францисканцем сделался другой ее родственник — Руфино, о котором речь шла в предыдущей главе. Постепенно Франциск превращался в ее глазах из яркой картинки с площади в живого, хотя и бесконечно почитаемого человека. Она вникала в его учение и с радостью обнаруживала в нем полную созвучность своим устремлениям.

В какой-то момент Клара поняла, что может помочь братьям. Она начала передавать им деньги. Делала она это через свою подругу Бону Гвельфуччо, родственницу Пачифики ди Гвельфуччо, с которой совершала паломничества мадонна Ортолана. Бона явно пользовалась большей свободой, чем Клара, возможно, по причине вдовства. По некоторым сведениям, она приходилась нашей героине теткой. В любом случае Бона исполняла традиционную роль компаньонки молодой незамужней девушки. Много лет спустя она свидетельствовала на процессе канонизации Клары и вспоминала, как однажды «...мадонна Клара... дала ей определенную сумму денег и приказала, чтобы она отнесла их тем, кто работает в Порциункуле, чтобы они могли купить мяса».

Может быть, Франциск впервые заинтересовался Кларой именно благодаря жертвованиям. А может, ему просто рассказали о чудесной девочке, которая, родившись в богатейшей семье, пытается жить по Евангелию, ограничивая себя в еде и развлечениях. Источники говорят, будто бы их первая встреча произошла в доме Оффредуччо, куда Франциск пришел в сопровождении брата Филиппа Лонго. Видимо, визит не был тайным, а вполне официальным. Во всяком случае, мадонна Ортолана наверняка знала о нем. Увидев совсем близко своего героя, Клара тут же призналась ему в тайном желании полностью посвятить себя Богу и пожаловалась, что мечта находится под угрозой, поскольку отец твердо решил выдать дочь замуж.

Франциска сильно затронула эта история, и он решил помочь девушке. Но, прежде чем начать действовать, он хотел удостовериться в серьезности ее намерений. Они начали регулярно встречаться. Этот факт, конечно же, был впоследствии нещадно романтизирован. Двое молодых и прекрасных

святых, презревших богатство, возвышенно беседуют на фоне живописных итальянских пейзажей! Классическая история любви.

Конечно, мы никогда не узнаем, что именно они чувствовали, но совершенно точно их отношения были далеки от отношений влюбленной парочки.

Над обоими висела опасность быть скомпрометированными, Франциск, пожалуй, рисковал даже больше Клары. Оскандалившуюся девушку, скорее всего, отправили бы в монастырь. Но для Франциска после его радикального ухода из мира не оставалось иного пути, кроме святости. Земное понятие «репутация» для него ничего не стоило, речь шла лишь о соблазне греха. Поддайся Франциск хоть чуть-чуть, не сумеет он справиться с собой, не только его жизнь была бы перечеркнута, но и жизни доверившихся ему братьев, и их общее дело. Преданными и оскорбленными в таком случае оказались бы не только Клара, но и весь орден, пройденный путь, все труды и обеты. А соблазн был сильным. Клару охраняли ее невинность и святой энтузиазм, но Франциск был тридцатилетним, весьма темпераментным мужчиной — с пылким сердцем и горячей кровью. Может быть, отчаянные прыжки голышом в заросли колючего шиповника, отображенные в легенде, случились именно из-за Клары? Их встречи происходили как раз в церкви Порциункулы, рядом с которой растет тот самый куст, потерявший иголки.

Клара между тем очень нуждалась в поддержке. Земля горела у нее под ногами. Мать, которую она привыкла с детства воспринимать если не духовным учителем, то хотя бы единомышленником, предала ее, отказавшись защитить от брачных планов дяди. Конечно, отказалась, иначе бы мы знали о конфликте. И вот девушка снова и снова, в сопровождении своей компаньонки Боны, приходила к Франциску, пытаясь понять, что делать дальше.

Бона Гвельфуччо говорила на процессе: «Мадонну Клару все считали девой чистейшей, и она обладала пламенным духом и горячо желала знать, как служить Богу и как Его радовать. Поэтому мы вместе много раз приходили к святому Франциску для беседы и делали это тайно, чтобы никто из родных нас не увидел».

Франциск колебался, не зная, что посоветовать девушке. Она ведь мечтала стать его последовательницей, а вовсе не уйти в монастырь, как делали очень многие в то время. По словам Боны, «отец Франциск ободрял ее (Клару. — А. В.) в презрении к миру, словами живыми описывая чахлую мирскую надежду и обманчивый облик века сего, в уши ее входил привет сладчайшего брака Христова, и Франциск убеждал ее сохранить

девственность».

Тем временем дядя уже присмотрел для Клары очередного жениха. Ее возраст — 18 лет — считался довольно солидным для невесты, и просьбы повременить уже не действовали. Требовалось срочно принять решение, и Клара начала готовиться к побегу. Перед Франциском замаячила перспектива ужасного скандала, но разве это могло напугать человека, публично судившегося с родным отцом? Конечно же, он сразу вспомнил себя, когда услышал о готовности девушки навсегда оставить своих родных ради служения Христу. И пообещал ей свою поддержку.

Побег назначили на ночь 18 марта 1212 года, в канун Вербного воскресенья. Дяди в этот момент не было в городе, он участвовал в каком-то военном походе. Каким-то образом Клара оказалась дома одна с подругой. Эта подруга, по имени Кристиана, тоже выступала потом на процессе канонизации. Она рассказала, что будущая святая, покидая дом, вышла через дверь мертвых, символизируя тем самым свою смерть для мира. Кристиану потрясла неожиданная физическая сила Клары, с которой та открыла дверь, заваленную бревнами и камнями. Этим подвигом дело не ограничилось. Нужно было еще как-то выбраться за городскую стену, ведь Порциункула располагалась за чертой Ассизи, а ворота на ночь всегда запирались. Как именно Клара проделала это — история умалчивает. Известно лишь, что надела она в этот поход свое лучшее платье из зеленого шелка и все драгоценности, которые потом пошли на помощь бедным.

Глубокой ночью она добралась до Порциункулы, где ее ждали Франциск с братьями. Она тут же переделалась в самое простое платье, после чего наш герой постриг ее, выбрив тонзуру. По большому счету он, не будучи священником, не имел права на такое действие, но в курс дела ввели епископа Гвидо, который дал соответствующее разрешение. Тут же ей пришлось снова собираться в путь, ведь она не могла остаться среди мужчин даже на полночи. Ее отвели в ближайший женский монастырь, который назывался Сан-Паоло-де-Бастиа и находился всего в двух милях от Порциункулы. Бенедиктинки весьма удивились, увидев гостей в столь ранний час, но согласились принять новую послушницу, поскольку имелось предварительное распоряжение от епископа.

Жить ей пришлось в этой обители недолго. На следующий день ворота монастыря сотряс громкий стук. Пришел мессир Мональдо — дядя Клары — в сопровождении группы вооруженных рыцарей. Настоятельница не смогла препятствовать ему, и разъяренные мужчины ворвались в обитель. Дядя был настроен вытащить послушницу из монастыря силой, но Клара бросилась к алтарю часовни и обнажила выстриженную голову. А по булле

папы Иннокентия от 1198 года все монахини этого монастыря имели статус неприкосновенности. Поэтому Мональдо пришлось оставить насилие и прибегнуть к увещаниям, запугиваниям и проклятиям. Он пробыл в монастыре несколько дней и, не уговорив племянницу, ушел восвояси.

Клару оставили в покое, но скандал пришелся не по душе настоятельнице, и Франциску пришлось перевести свою подопечную в другой монастырь под названием Сант-Анджело-де-Панцо. Скорее его даже можно назвать общиной: женщины, жившие там, не имели устава, просто жили в одном доме, посвящая жизнь молитве и делам милосердия. Франциск знал о них практически с детства, поскольку его отец владел частью земли, на которой стоял их дом. В этой обители Клара тоже не прижилась. Она сильно выделялась своим аскетизмом: постилась, когда все ели, молилась, пока другие спали, за это ее невзлюбили. Кроме того, ее пребывание несло опасность для других женщин, ведь статус неприкосновенности не распространялся на эту общину, а вооруженные люди из дома Оффредуччо временами появлялись у ворот дома, пытаясь подкараулить беглянку. Тогда наш герой оборудовал для нее жилище в месте, где впервые услышал голос Господа, — у церкви во имя Святого Дамиана. Стоило ей поселиться там, как к ней присоединилась ее младшая сестра Катарина. Тут родственники пришли в бешенство. Прискакал целый вооруженный отряд. Девочку выволокли на улицу и жестоко избили. Она кричала и тянула руки к старшей сестре, но товарищи дяди схватили ее и понесли домой. Что произошло дальше, не очень понятно, но забрать Катарину они так и не смогли. По словам дяди, она вдруг стала тяжелеть на глазах. «Можно подумать, что она всю ночь ела свинец» — так высказался мессир Мональдо. Впоследствии у него будто бы отнялась рука, которой он дал племяннице пощечину.

Насмерть перепуганные, мужчины из рода Оффредуччо ретировались вместе с группой поддержки и больше никогда не пытались воздействовать ни на Клару, ни на ее сестру, которая вскоре приняла монашеский постриг под именем Агнес. Через некоторое время к ним присоединились их третья сестра — Беатриче и Пачифика ди Гвельфуччо; потом лучшие подруги Клары — Бона и Кристиана, а за ними — и овдовевшая мадонна Ортолана. Она занялась монастырским огородом. Любопытно, но в честь этого бесхитростного занятия ей когда-то и дали имя. *Orto* по-итальянски значит «огородный». Впоследствии некоторые писатели, поэтизируя биографию святой Клары, играли образом заботливой огородницы-матери, вырастившей дивный цветок — дочь.

В 1215 году по воле Франциска Клара стала официальной

настоятельницей созданного ею монастыря. Этот высокий пост она занимала 38 лет до самой смерти, произошедшей в 1253 году.

ФРАНЦИСК И КЛАРА

О Клара, нежная Клара! Ну где ты была вчера,
Когда еще не просил я руки госпожи Нищеты?
Теперь в моем сердце небо, в судьбе зияет дыра.
Ее уже не заштопать, хотя и возьмешься ты.

Ты будешь трудиться, Клара, всю жизнь и, может, потом,
Уже находясь за гранью, уменьшишь число прорех,
Прервешь свой род и разрушишь до основанья свой дом,
Но даже этим не купишь у Господа право на грех.

Грешить ты, впрочем, не станешь, хоть будешь
всегда со мной.
А раньше... ты не могла ведь к плебею прийти, пока
Простая кровь не окрасилась небесною синевою.
Теперь мы друг другу ровня отныне и на века.

Но Господи! Как же трудно на встречи ходить к тебе
И слышать, как повисает в пространстве немой вопрос.
А ты всегда безупречна, и я одинок в борьбе,
Одно лекарство от плоти — лишь тернии алых роз.

И вдруг любовь побеждает: шипов в розарии нет,
Хоть ты не штопаешь душу, а рвешь ее без конца,
И льется в прореху небо, смывается рабства след.
Мы все королевской крови, мы дети Бога-Отца^[65].

Как же развивались отношения Клары и Франциска дальше, после 1215 года? Наши герои встречались, хотя и нечасто, Франциск даже временами советовался со своей сподвижницей по разным вопросам. И в то же время опасался ее и старался по возможности избегать общения. Дело тут не в самой Кларе, а в отношении святого из Ассизи ко всем женщинам. Он, не побоявшийся кровожадного волка, приручивший огонь и назвавший сестрой саму смерть, все время ждал подвоха от прекрасного пола.

Разговаривая с дамами, он никогда не смотрел на них, опуская глаза в землю. Строго следил за соблюдением дистанции, не позволяя даже тени фамильярности по отношению к женщинам и требуя такого же такта от них. Известна его фраза, сказанная одному из братьев и процитированная во «Втором житии» Фомы Челанского: «Открою тебе правду, дорогой мой: если бы я посмотрел на их лица, то узнал бы лишь двух. Мне знакомы лица одной и другой, остальных же — нет». Речь шла о Кларе, второй была римлянка Джакомина деи Сеттесоли, много помогавшая ордену и лично Франциску. Интересно, что обеих он бессознательно пытался отделить от принадлежности к женскому полу. Джакомина даже удостоилась обращения «брат Якопа». Клару он в мужском роде не называл, но и свое имя от него она никогда не слышала. По воспоминаниям первых францисканцев, говоря о ней, он всегда употреблял безличное определение «христианка» и никогда не произносил «мадонна Клара» или даже просто «дама».

Порциункула и Сан-Дамиано расположены довольно близко друг к другу. По договоренности Франциск время от времени читал там проповедь. Но довольно часто он пренебрегал этой неписаной обязанностью, к огромному огорчению сестер и особенно настоятельницы. Для них каждый его визит становился праздником, ведь они подпитывались его харизмой и после встречи с ним несли свой тяжкий крест с новыми силами.

Считалось, будто Франциск отменял встречи с Нищими дамами с целью подать хороший пример своим братьям, которым предписывалось по возможности не общаться с женщинами. Но думается, ему просто были тяжелы эти визиты, хотя он всегда интересовался судьбой своей святой подруги и переживал за нее. Иногда он приходил, но беседы не получалось. Описан один случай, произошедший примерно в 1221 году, когда должность генерального викария ордена занимал брат Илья. Тогда Франциска особенно долго уговаривали посетить монастырь Святого Дамиана. Наконец он согласился. Сестры во главе с Кларой радостно собрались в часовне, чтобы послушать наставления духовного учителя. Наш герой встал перед ними, но вместо проповеди прочитал покаянный 51-й псалом. После чего посыпал голову заранее заготовленным пеплом и молча ушел. Подобные разочарования постигали Клару не однажды. Есть даже красивая легенда на эту тему. Как-то, уже в последние годы жизни, Франциск навестил свою святую подругу. По обыкновению, пробыв в обители Нищих дам совсем немного, он засобирался в путь. Клара спросила, когда можно снова ждать визита, но он молчал, потому что был

уже тяжело болен и не знал, соберется ли еще в Сан-Дамиано. Она увидела его сомнения и спросила: «А кто же будет наставлять нас?» «Господь тебя наставит», — ответил Франциск, но его сподвижница не могла успокоиться и все спрашивала о новой встрече. Тогда Франциск, желая отвязаться от нее, произнес: «Мы увидимся снова, когда расцветут розы». Сказав, он пошел прочь, но услышал оклик и оглянулся. Клара стояла и улыбалась, а рядом с ней в мокром снегу цвел розовый куст. Другая подобная легенда из «Цветочков» более известна и говорит уже не только об отношениях Франциска и Клары, но и о их особой духовной сущности.

Летом 1224 года святая Клара осмелилась высказать необычную просьбу. Она попросила нашего героя прийти не для проповеди, а просто пообедать с ней. Поначалу он наотрез отказался, но братья вступились за Нищую даму, сказав, что нельзя быть таким строгим, это противоречит Божественной любви.

«Если вам так кажется, то, значит, так же думаю и я. Но чтобы она была еще более утешена, я желаю, чтобы эта трапеза состоялась в обители Матери Божией Ангелов, ибо Клара уже долгое время провела в затворе в монастыре Святого Дамиана, и она обрадуется, еще раз увидев церковь Матери Божией Ангелов, в которой она была пострижена в монахини и стала Супругой Иисуса Христа; там во имя Божие мы все вместе совершим трапезу»^[66]. Далее в легенде рассказывается о Божественном огне, воссиявшем над Klarой и Франциском, когда они вкушали вместе скромную пищу. Необъяснимое свечение даже напугало окрестных жителей, которые подумали о пожаре.

Из всех этих источников можно сделать вывод: отношения двух святых очень мало походили на товарищеские, как это показано в фильме с Микки Рурком. Нельзя назвать их и платонической любовью, хотя Франциск и Клара, несомненно, любили друг друга. Скорее это напоминает отношения отца и дочери с заведомо неравными ролями. Клара всю жизнь называла себя «растеньцем» Франциска, а он чувствовал колоссальную ответственность за нее и ее орден, гораздо большую, чем за всех братьев, вместе взятых. Он даже зафиксировал эту ответственность письменно: «Поскольку вы по вдохновению Господа соделались Дочерьми Могущественнейшего и Всевышнего Царя, Отца Небесного, и стали Супругами Святого Духа, решив жить согласно совершенству Святого Евангелия, то я желаю и обещаю от своего имени и от имени всех братьев, что мы будем заботиться о вас не менее усердно, чем о самих себе, и что вы всегда будете под нашей особенной опекой»^[67].

И все же, при неравенстве отношений и редких встречах, они являли собой единый и нераздельный союз, несущий в себе глобальный смысл. Клара стала посланником Франциска в традиционном мире средневековых женщин, в этом смысле ее можно назвать его «второй половиной». Именно через нее он охватил своими идеями вторую часть человечества, и потому орден Клары принято считать вторым орденом Франциска.

О загадке отношений двух святых сказал в конце XX века папа Иоанн Павел II: «Невозможно разделить Франциска и Клару. Их единство — это нечто глубокое, то, что можно понять только в свете духовности францисканской, христианской, Евангельской».

Но вернемся к началу истории Нищих дам. С первых лет своего существования Кларины обитель постепенно разрасталась. В нее приходили не только девушки и вдовы, но и бездетные жены или те, у которых дети уже выросли. В этом случае все происходило по договоренности с мужьями, которые одновременно шли в братство Франциска.

Изначально община, созданная Klarой, называлась орденом Нищих дам. У нее есть и другие названия: орден Святой Клары, орден кларисс, орден Нищих сестер Святой Клары, Второй орден Святого Франциска. Но именно первое название лучше всего передает дух, объединявший сестер и послушниц при жизни основательницы.

Что же это был за дух? Почему святой Klаре понадобилось непременно создавать свой собственный монастырь, несмотря на большое количество уже существующих женских обителей?

Ее, как и Франциска, не устраивали в них слишком комфортный образ жизни и низкий градус мистики. Женские монастыри, находящиеся на территории Италии, в то время жили довольно безбедно. Святой престол выделял им большие земельные участки, к тому же приставлял охрану. Монахини ничем не отличались от домохозяек, кроме отсутствия семьи. Они были с головой погружены в хозяйственные заботы. Их размеренная жизнь не предполагала никаких аскетических подвигов и постоянной работы над собой. Конечно, они много молились, но так же поступали или должны были поступать все женщины, ведь каждой девочке с детства предписывалось посвящать религии значительную часть жизни. Многие привыкали читать молитвы, не задумываясь о содержании. В обители Нищих дам, где каждое слово Священного Писания воспринималось как сокровище, конечно же, молились по-другому.

Был еще один важный момент. Во многих женских общинах, особенно бенедиктинских, в начале XIII века существовала строгая сословная

иерархия. Вечные обеты приносили представительницы высшего сословия, а простолюдинки зачастую на всю жизнь оставались в ранге послушниц, служа своим «более равным» сестрам. В обители Нищих дам соблюдалось полное равенство в соответствии с Евангельскими словами: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф. 20:26–28). И Клара, уже будучи настоятельницей, постоянно выбирала себе в монастыре самую тяжелую и грязную работу, делая уборку и вынося горшки за больными.

Но главное новшество, которое Клара почерпнула у Франциска, — это постоянное ежедневное выстраивание своей жизни по образу Евангелия. Как и Франциск, она ставила перед собой и своими сподвижницами сложнейшую задачу — очистить душу от иных ценностей, кроме Бога, и, достигнув этого, жить в радости и любви. Это давало ей и ее духовному учителю тот самый таинственный внутренний огонь, поэтически описанный в легенде из «Цветочков».

Как выглядел быт первых кларисс? Группа женщин, в основном из высшего общества, привыкших к роскоши и заботе слуг, поселилась в почти нежилом помещении и начала налаживать примитивный быт — без денег, без элементарных хозяйственных принадлежностей. Как и францисканцы, они собирали объедки, пытались что-то из них приготовить и делились друг с другом каждым куском. Бывало, что добыть ничего не удавалось, и тогда дамы сидели голодными. При этом они принципиально отказывались от любой помощи, как ранее отказались от собственных средств. Если кому-то из них в миру полагалось приданое (как, например, Кларе), его продавали и раздавали деньги нищим.

На момент избрания настоятельницей Кларе исполнился всего 21 год. Удивительным образом, не имея никакого административного, даже простого житейского опыта, она смогла выстроить из капризных аристократок, многие из которых были в два раза старше ее, сплоченный коллектив. Среди послушниц оказалась даже ее собственная мать. Женщины не только не переругались и не разбежались, но и находили большую радость в своем образе жизни. Они старались стать настоящей большой семьей. Отслеживали малейшие проявления недоброжелательности и боролись с ними. Их становилось все больше, про них говорили, и вот уже в других местах начали появляться женские общины, похожие на орден Нищих дам. Франциска с его повышенной подозрительностью по отношению к женскому полу это не особенно

радовало. Однажды, узнав о существовании Нищих дам за пределами Италии, он воскликнул в сердцах: «Господь избавил нас от жен, а дьявол собирает нам сестер!»

А между тем именно Клара со своими сестрами-монахинями самоотверженно защищала чистоту францисканских идеалов. Многие братья-францисканцы предали своего основателя, строя капитальные дома и продвигаясь в церковной карьере, но не она. Ей постоянно приходилось бороться с мужчинами, желавшими отредактировать правила Франциска, в том числе в ее монастыре. Всем казалось, что слабые женщины не вынесут такой тяжелой жизни. Нищим дамам постоянно пытались помочь, вопреки их желанию посылая то разнообразные вкусности, то предложения принять в дар недвижимость или землю. Кларе даже пришлось искать защиты от подобных «помощников» у папы Иннокентия III. В 1216 году она попросила у него «Привилегию бедности», поразив понтифика гораздо сильнее, чем это сделал семь лет назад Франциск с первыми братьями. Действительно, впечатляющая картина: красивая 22-летняя девушка, полностью отказавшаяся от всех материальных благ, просит, чтобы ей прекратили навязывать эти блага.

Клара победила в этой борьбе. Ей с сестрами удалось прожить всю жизнь без малейшей собственности и материальных гарантий, честно уповая лишь на Бога.

Как и Франциску, ей приписывают способность творить чудеса. Многие из них связаны с помощью сестрам в ее монастыре.

Когда она только организовала свой орден, подавляющее большинство сестер были молоды и только что покинули свои богатые дома. Они пришли с огромным энтузиазмом и некоторым запасом здоровья. Но годы, проведенные впроголодь, в постоянной сырости (они часто спали на голой земле), без нормальной одежды, давали о себе знать. Женщины начали болеть. Они не отказывались от лекарств, ведь самоубийство в их планы вовсе не входило, но средневековая медицина помогала далеко не всегда. И настоятельница лечила их — внушениями, молитвами, а иногда и другими, весьма неожиданными способами. Множество случаев исцеления записано в протоколе свидетельских показаний на процессе канонизации Клары. Например, Андреа, одна из сестер, долго страдала от болезни горла и наконец полностью лишилась голоса. Клара сказала тогда другой женщине: «Спустись скорее в спальню сестер, потому что сестра Андреа тяжело больна. Подогрей одно яйцо и дай ей его выпить, а когда ее голос восстановится, приведи ее ко мне». Указанная сестра излечилась и пришла к настоятельнице, но выглядела пристыженной. Она поняла, что потеряла

голос из-за того, что роптала на Господа. Андреа боялась сказать об этом Кларе, но та вдруг дословно прочитала ее мысли.

Другая сестра, по имени Бенвинда, много лет мучилась от гнойных язв на груди и под мышкой, но терпела. Наконец состояние ее стало невыносимым, и она пожаловалась Кларе, которая сама в тот момент тяжело болела. Настоятельница, с трудом встав с постели, помолилась об исцелении, а потом коснулась рукой ее язв, и те зажили. Кому-то она вылечила жестокую мигрень, просто обвязав голову своим платком, кого-то спасла от абсцесса. Подруга детства Кристиана, сопровождавшая нашу героиню в ночь побега из родительского дома, со временем почти полностью оглохла и начала слышать после Клариной молитвы. Из этого далеко не полного списка видно, насколько тяжело жили клариссы на самом деле — и потому вдвойне удивительна постоянная радость, исходившая от них.

О чудесах, творящихся в Сан-Дамиано, постепенно узнали местные жители, и Кларе начали приносить больных детей, которым она тоже охотно помогала. Приходили и взрослые — за помощью и за советом. Для общения с посетителями выделялось специальное, очень краткое время. В это же время люди могли приходить к любой из сестер. В остальную часть дня все работали, молились или размышляли о Страстях Христовых, ради которых они обрекли себя на нищету.

Некоторые исследователи пишут о небольшом, но весьма интересном штрихе монастырского быта кларисс. Им не возбранялось заводить кошек, несмотря на подозрительность, с которой относились в Средние века к этим животным. Известно, что кошка жила в келье самой Клары и даже помогала ей, принося разные мелкие предметы, когда настоятельница не могла встать с кровати из-за болезни. Клара звала ее сестра Кошка.

СВЯТАЯ КЛАРА И ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Человеку, далекому от церковной традиции, Клара Ассизская может показаться малоинтересным персонажем. Действительно, о чем тут говорить? Прожила всю жизнь в маленьком провинциальном городке, общаясь лишь с кучкой таких же повернутых на религиозной идее женщин. Они ведь даже не помогали людям на улицах, как это делали первые францисканцы. Все их время уходило на самовоспитание и культивирование в себе радостного ощущения жизни, несмотря на нищету и болезни. Но деяния святых оцениваются по иным законам, нежели обычные людские дела.

В христианстве есть традиция назначения небесных покровителей. Свой святой, обороняющий от бед, есть не только у людей и городов. Многие профессии также имеют своих заступников из церковного календаря, о чем не всегда знают представители этих профессий. Например, покровителем бухгалтеров, финансистов и работников налоговых инспекций является апостол и евангелист Матфей, который работал мытарем, то есть сборщиком податей. Он даже на иконах часто изображается со счетами или мешочком золота. Такие разные специальности, как почтальон и дипломат, объединяет один и тот же покровитель — архангел Гавриил. Именно он принес благовест Деве Марии. А Моисею, спасшемуся от рук фараона, он поведал о жизни и деяниях былых патриархов. Он же утешил праведную Анну, молившуюся о ребенке. Его роль в Священном Писании — приносить вести, словно почтальон, и разъяснять волю небесной власти, будто дипломат.

Учителям и преподавателям покровительствуют святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, учителя словенские. Оба святых немало потрудились на ниве просвещения. Святой Кирилл в совершенстве постиг все науки своего времени и многие языки. С помощью своего брата святого Мефодия он составил славянскую азбуку и перевел на славянские языки важнейшие богослужебные книги. Покровителем врачей считается святой Пантелеймон, целитель, лечивший людей бесплатно во имя Христа. Моряки с давних пор молятся Николаю Чудотворцу, военные — Георгию Победоносцу.

Франциск Ассизский тоже не остался без дела. Он известен как заступник всех страдающих, а также бездомных животных. И то и другое очень понятно, зная повышенную способность нашего героя к эмпатии, а

также его собственные долгие физические мучения и болезни.

Но как объяснить выбор области покровительства для святой Клары? 17 февраля 1958 года папа Пий XII объявил ее покровительницей телевидения. Позднее она «номинировалась» на покровительство Интернета, но уступила это почетное звание церковному энциклопедисту Исидору Севильскому. Последний создал «Этимологию» в двадцати томах, где систематизировал античные знания в русле христианского мировоззрения.

Даже без Интернета, с одним только телевидением образ Клары сочетается плохо. Ведь телевизор создан в основном для развлечения, не так ли? Ну и еще, конечно, для передачи новостей. Оба направления кажутся глубоко чуждыми строгой затворнице, которая и со своими послушницами-то разговаривала не слишком часто, только вне обязательных часов молчания.

Католическая церковь объясняет связь святой Клары с телевидением очень просто. В последний год она стала лежачей больной. Невозможность посещать церковь печалила ее очень сильно, и в какой-то момент она начала видеть на стене своей комнаты движущееся изображение мессы, будто на экране телевизора. «Прямая трансляция» богослужений происходила регулярно до самой смерти святой.

Только ли за свой мистический «телевизор» удостоилась Клара почетного и актуального звания телепатрона? Не все так просто. У телевидения есть и другие задачи, помимо развлечения и информирования. Все знают, какое мощное воздействие на население оказывают некоторые телепрограммы. С их помощью происходит пропаганда определенного образа жизни с соответствующим набором политических, моральных и духовных ценностей. Конечно, сама идеология рождается не в телестудиях, но именно тележурналисты передают ее людям, воздействуя мощнее, чем писатели.

Кажется диким сравнить ассизскую затворницу XIII века с современными телевизионщиками. При всей странности, нечто общее у них есть. Десятилетиями не покидая нищенской кельи, Клара Оффредуччо ухитрилась транслировать свои идеи на всю Европу. Заточившись в духовной творческой студии, бывшая аристократка вела обширную переписку. Ее адресатами были римские понтифики, принцессы и королевы. Влияя на них, скромная затворница редактировала историю Западной церкви.

Венценосные женщины знали о ней и считали ее своей духовной наставницей. Можно вспомнить, например, об Изабелле

Благословенной^[68], дочери французского короля Людовика VIII и Бьянки Кастильской. Французская принцесса мечтала о святости с детства. Особенно сильно она желала вступить в орден Клары, но никто бы не отпустил принцессу из Парижа в Умбрию, и ее брат, король Людовик Святой, в 1255 году купил землю в Булонском лесу, чтобы сестра основала там монастырь по уставу кларисс. Обитель построили буквально за год, назвали монастырем Смирения Девы Марии. Заправляла его делами сама Изабелла под руководством четырех францисканцев, одним из которых был святой Бонавентура.

Другая высокородная женщина, решившая подражать Кларе, — Саломея Краковская^[69] — польская княжна, жена Коломана, князя Галицкого, герцога Славонского и Хорватского. Потеряв мужа, погибшего в битве с монголами на реке Шайо, она вернулась в родной Краков и умолила своего брата, Болеслава V Стыдливового, основать монастырь, подобный Кларину. Обитель появилась, правда, не в Кракове, а в Завихосте близ Сандомира. Саломея поселилась там с первыми польскими клариссами, но, видимо, продолжала просить брата жить поближе к родному Кракову. Через несколько лет, в 1260 году, Болеслав удовлетворил просьбу сестры и построил второй монастырь кларисс уже неподалеку от Кракова, где Саломея и прожила до самой смерти. Спустя четыре столетия папа Климент X причислил ее к лику блаженных.

Стоит упомянуть здесь и святую Елизавету Венгерскую, или Тюрингскую^[70]. По своему характеру она ближе к Франциску, но ее тоже иногда вспоминают в связи с Кларой, считая, что именно пример негибимой стойкости служения настоятельницы кларисс помог венгерской принцессе осознать свое призвание. Елизавета — персонаж весьма значимый не только для католицизма, но и для мировой культуры. Ее образ воплощен в живописи и музыке. Существует крупное музыкальное произведение — оратория «Легенда о святой Елизавете», созданная Ференцем Листом. Елизавета Венгерская прониклась францисканскими идеями в 16 лет, но замуж ее выдали двумя годами раньше. Супруг ее, правитель Тюрингии ландграф Людвиг, религиозных устремлений жены не разделял и выказывал недовольство ее постоянным общением с нищими и больными. Узнав, что ландграфиня собралась продать замок и потратить деньги на нужды бедняков, он запретил ей всякие занятия благотворительностью, и Елизавете пришлось тайком выносить продукты для своих подопечных. Однажды муж встретил ее на улице с передником, полным хлеба для сирот, и набросился с гневным

криком. Он требовал показать содержимое передника, жена противилась, и ландграф применил силу. В переднике оказались розы. Другая легенда рассказывает об уходе ландграфини за прокаженным ребенком, которого она положила на свою постель, укрыв дорогим покрывалом. Узнав об этом, супруг ворвался в спальню и в гневе сорвал покрывало, но под ним оказалась лишь статуя Младенца Иисуса. После этого Людвиг полностью признал правоту жены и всячески ее поддерживал.

Сюжеты легенд о святой Елизавете иногда приписываются другим праведным аристократкам, например святой Изабелле Португальской^[71].

Список знатных дам XIII века, попавших под влияние Клары Ассизской, велик, хотя точные подсчеты затруднены нехваткой документов. Возможно, в ее духовных ученицах и адресатах состояла Кунегонда Польская, Маргарита Прованская, жена Людовика IX Святого, Йоланда Краковская, Герментруда Брюггская и многие другие.

Среди них выделяется главная «виртуальная» сподвижница Клары — святая Агнешка Пражская^[72], дочь короля Чехии Пржемысла Отакара I. Она стала первой среди особ королевской крови, вступивших в орден кларисс.

Женщины состояли в переписке около двадцати лет, так ни разу не увидевшись. По четырем сохранившимся Клариным посланиям видно, как она знакомилась с царственной особой, как постепенно входила в доверие. В первом письме есть обращение на «вы» и официальные славословия, принятые для бесед с царственной особой. Помимо этого, послание состоит не только из уместных библейских цитат, но и собственных образных и доходчивых фраз, говорящих о литературных способностях настоятельницы Сан-Дамиано. Она призывает еще не знакомую, но уже зарекомендовавшую себя благими делами чешскую принцессу идти до конца в своем христианском призвании. В сильных выражениях описано счастье быть невестой Христа: «Если возлюбите — станете целомудренной. Если коснетесь — исполнитесь чистоты. Примите Его, дева. Его власть сильнее всякой другой, благородство выше, Его облик прекраснее, любовь приятнее». Далее Клара цитирует отрывок Священного Писания о невозможности служить Богу и мамоне и прибавляет: «...одежда точно так же с наготой спорить не может, потому как первой быть вскоре низринутой на землю; и в славе земной пребывать невозможно тому, кто хочет в небесах воцариться со Христом».

В дальнейших посланиях Клара уже переходит к доверительному «ты» и руководит духовным ростом Агнешки: «...обещанное тобой удержи, что

делала — делай и не упускай из рук; бег ускоряй, шаги удлиняй ногами неумолимыми, чтобы прах не пристал к стопам твоим; в творящей радости и вере придешь к блаженству истинному на сей дороге». Текст может показаться не очень понятным, если не знать всей подоплеки. Во время его создания (примерно 1235–1238 годы) Клара яростно боролась за сохранение образа жизни кларисс в изначальной францисканской строгости. Папа Григорий IX решил смягчить требования к бедности, сделав орден Клары похожим на остальные женские ордены, и написал для этого собственное «Правило». Ей нужно было успеть заручиться поддержкой Агнешки до публикации папского «Правила».

Это еще одно проявление совершенно «телевизионной» популярности Клары. Подробности ее быта волновали людей, находящихся за много километров от Сан-Дамиано. Понтифик лично приезжал в ее бедную каморку и с испугом смотрел на камень, служивший ей изголовьем, и ужасные объедки, составлявшие обычный рацион. Он предложил освободить ее от обета, данного в юности. В ответ Клара попросила сохранить ей возможность жить так, как она считает нужным. Для средневековой женщины, полностью подчиненной мужчине в вопросах духовности, это очень серьезная заявка. И еще интересный момент: когда говорят об истории борьбы за равноправие женщин, то вспоминают прежде всего суфражисток XIX века. Но ведь их выступление подготавливалось веками и началось не с Жорж Санд (которая, кстати, в одном из своих самых известных романов — «Графиня Рудольштадт» — обращается к идеалам францисканства), а с гуманисток эпохи Возрождения, зачитывающихся «Цветочками святого Франциска». На них история радикальной аристократки Клары Оффредуччо не могла не оказать влияния.

Папе Григорию (как и другим папам) не удалось уговорить Клару жить «нормальной» жизнью. Она добилась знаменитой «Привилегии бедности», защищающей кларисс от любых послаблений. Но этого было недостаточно. Требовалось официально закрепить и прояснить непонятным большинству ограничения, и Клара написала свой устав. За 12 веков существования христианства на такое не осмелилась замахнуться еще ни одна женщина. Очень долго ей пришлось ждать папской буллы, подтверждающей законность сего творения. Она уже тяжело болела, но предрекла, что не умрет, покуда не увидит послания от понтифика. И папский гонец успел застать ее живой. По легенде, она поцеловала печать буллы и на следующий день мирно отошла ко Господу.

Есть еще одно свидетельство удивительного дара Клары —

воздействия на расстоянии. В 1234 году в Сполетское герцогство вторглось войско Фридриха II. Этот император верил в свое небесное предназначение, считая себя наместником Бога на Земле. Разумеется, папского авторитета для него не существовало, и он не упускал возможности устроить резню в городах, поддерживающих Святой престол. Разорив долину Сполето, императорское войско приготовилось к штурму Ассизи. Перед монастырем Сан-Дамиано уже стояли воинские палатки, и солдаты пугали монахинь, взбираясь на стены обители. Увидев это, Клара взяла чашу для Причастия, называемую *ciborium*, и показала ее в окно. После этого, как записано в хрониках, солдат отбросило назад, будто ослепленных, и они обратились в бегство. Похожая ситуация произошла позднее с сарацинским нашествием. Тогда Клара просто поставила всех сестер на колени и велела молиться о спасении города.

Благодарные ассизцы не забыли Клариново заступничество. Когда она умерла, правители Ассизи заставили кларисс отдать ее тело городу, который она дважды спасала. Ее захоронили в церкви Сан-Джорджио, где, по преданию, она впервые услышала проповедь Франциска. Спустя два года после смерти, в 1255-м, произошла торжественная канонизация и был заложен первый камень церкви Санта-Кьяра, но перенести мощи туда сразу не удалось, а потом началась эпидемия чумы, разрушившая привычные жизненные устои. Полузабытые останки Клары пролежали в Сан-Джорджио почти шесть веков, пока, наконец, уже в XIX веке их не начали активно искать. К великой радости ассизцев, в 1850 году могила Клары нашлась и кости святой наконец упокоились в базилике, носящей ее имя.

БРАТ ЯКОПА

Если о Кларе Ассизской знает каждый, хоть немного интересовавшийся Франциском, то имя второй «боевой подруги» нашего героя известно гораздо меньше. А между тем именно Джакомина деи Сеттесоли, а вовсе не Клара, была около Франциска в его последние часы. Отношения их походили на дружеские, и наш герой общался с римской дамой без тех многочисленных сложностей, которыми он обставлял каждую встречу с Кларой. Почему так случилось? Во-первых, Джакомина была вдовой, то есть относилась к самой свободной и, одновременно, уважаемой и наиболее защищенной категории женщин. А во-вторых, возможно, он и не воспринимал ее как женщину — или как женщину, в которую можно влюбиться.

Мы ничего не знаем о ее внешности. Дошедшие до нас изображения довольно условны и уж точно не претендуют на фотографическое сходство. Но все же будь она как-то особенно некрасива, история сохранила бы эту информацию. К тому же навряд ли она смогла бы выйти замуж за такого богатого и влиятельного человека, как Грациан Франжипани де Сеттесоли. Его семейство жило в Риме с незапамятных времен. Первое упоминание о фамилии Сеттесоли относится к правлению императора Септимия Севера. Этот правитель решил построить новый городской фонтан на земле, принадлежавшей предкам мужа Джакомины. От фонтана имя *Settesoli* перенеслось на целый район рядом с Большим Цирком. Он назывался так до 1194 года, когда один бенедиктинский аббат приобрел эту территорию для монастыря, прилегающего к церкви Святого Григория Великого. Но Сеттесоли вовсе не остались безземельными после продажи. Им принадлежало еще множество земель: на Авентинском холме, в регионе Лацио и в других местах.

Вот к такому влиятельному древнему клану принадлежал муж «брата Якопы». Хотя неравным их брак не назовешь. Сама Джакомина тоже могла гордиться знатностью. Ее отец носил фамилию Нормани, более далекие предки принадлежали к известному роду Конти. Один ее дядя стал викарием Рима, другой носил звание кардинала-епископа Порто — так называлась римская епархия. В 1254 году ее кузен по линии Конти занял Святой престол под именем папы Александра IV, правда, она к тому времени уже умерла. Но другого, более далекого родственника из семьи Конти ей удалось лицезреть на Папском престоле. Это Григорий IX, в миру

— Уголино деи Конти де Сеньи, чей понтификат начался 19 марта 1227 года.

Джакомина познакомилась с Франциском в Риме, вероятно, просто на улице, где он по обыкновению проповедовал. Знатную даму поразил удивительно одухотворенный облик, какой трудно встретить и в аристократической среде, а тем более у грязного бродяги. Она подошла к нему, начав задавать вопросы, и ответы поразили ее еще больше. Впрочем, есть версия о их знакомстве в папском дворце. По поводу времени этого события исследователи расходятся во мнениях, называя интервал от 1212 до 1219 года.

По тому, насколько братья привыкли к Джакоmine, можно сделать вывод, что она общалась с Франциском достаточно долго. В книге «Истоки францисканства», в настоящее время считающейся наиболее полным собранием самых важных и достоверных сведений о Франциске, 1212 год указан как год его знакомства с «братом Якопой». Но в статье главы Генеральной кустодии Святого Франциска Ассизского в России отца Николая Дубинина можно прочесть: «Франциск встретил ее (Джакомину. — А. В.) в Риме в 1219 г., когда проповедовал там».

Не так уж важно, когда именно они встретились в первый раз. Франциск бывал в Риме довольно часто. Интересно понять, как выглядели их отношения.

Если Клара была для Франциска ученицей и духовной дочерью, то Джакомина представляется в роли матери нашего героя. Когда читаешь про многочисленные печенья мостаччоли^[73], которыми она радовала своего святого друга, и хитрые фуфайки, связанные из теплой ягнячьей шерсти с добавлением конского волоса для соблюдения аскезы, — сразу представляется дама в годах, почти бабушка. Но возраст Джакомины также является предметом споров и разночтений. Считается, что римская покровительница нашего героя родилась не позднее 1190 года, то есть обозначена лишь нижняя граница, по которой она, получается, на восемь лет моложе Франциска. Как, будучи молодой дамой из высшего общества, она совершенно спокойно могла гулять с монахом по своему родному Риму и приезжать в гости к братьям в Ассизи? Неужели только одно вдовство давало ей полную индульгенцию в глазах Франциска, опасавшегося общаться с женщинами? Уже упомянутый русский францисканец отец Николай Дубинин пишет: «По возрасту Франциск был едва старше ее собственных детей». Если это действительно так, то тогда становится понятна привязанность нашего героя к этой женщине. В детстве он воспитывался большей частью матерью, именно с ней он чувствовал

особенную духовную близость и, покинув дом, грустил о ней больше всего. Мы знаем, что после ухода Франциск не раз встречал своего отца на улицах Ассизи и страдал от его проклятий. Но нигде нет упоминаний о встречах с матерью. Возможно, она, боясь мужа, специально избегала встреч с сыном, «не оправдавшим доверия». А может быть, она умерла после его ухода — от переживаний или просто от какой-нибудь болезни. Так или иначе, он не мог не скучать по мадонне Пика и, конечно, обрадовался, найдя нечто материнское в мадонне Джакоmine. Она водила его за руку по улицам Рима и пекла ему печенье.

Почему же он называл ее братом? Возможно, из-за ее решительности. Во времена Средневековья женщины редко проявляли эти качества, и их считали мужскими. Активность Джакоmine деи Сеттесоли простиралась далеко за пределы изготовления вкусных печений. Она имела явный организаторский талант. Именно благодаря ее усилиям францисканцы получили официальный приют в Вечном городе. Конечно же, переговоры значительно упростило наличие у дамы немалых денежных средств: Дом паломника на территории бенедиктинского монастыря был открыт при ее поддержке; скорее всего, она же спонсировала и лазарет. Но земля под этими строениями не принадлежала Джакоmine, а бенедиктинцы жили там уже почти два века с того момента, когда граф Компаний начал строить монастырь на поле под названием Брузиано. Произошло это примерно в 936–949 годах. Место было весьма бойким уже в те далекие времена. Неподалеку на берегу Тибра располагался крупный речной порт. Сегодня от него не осталось и следа, но он действовал с античных времен и до начала XX века, когда его разобрали за ненужностью. Туда приходили грузы из Остии и других мест. Чуть дальше портовых построек начинался очень богатый район Трастевере, где жила семья Сеттесоли. Аристократы охотно жертвовали на нужды монахов, и, конечно же, бенедиктинцам не особенно хотелось делиться с кем-либо такой привлекательной территорией.

Джакомина смогла настоять на своем. Начав с малого — регулярного приюта для своего «смирненного друга» в Доме паломника, — она постепенно сделала заведение полностью францисканским. Оно стало официально называться Сан-Франческо-а-Рипа (Святого Франциска-на-обрыве). Окончательное признание произошло уже после смерти Франциска, и, думается, не последнюю роль здесь сыграло родство Джакоmine с папой Григорием IX.

Первая францисканская церковь в Риме сохранилась по сей день. Как и Порциункула, она старше нашего героя, правда, всего на пару веков. То, что

можно увидеть сегодня, — плод работы реставраторов XVII века Онорио Лонги и Маттиа де Росси, которые заметно переработали фасад. До того реставрационные работы проводились в конце 1220-х перед посвящением церкви святому Франциску, и в ходе этих работ исчезла церковь Сан-Бьяджо-де-Курте — бывшая частью больницы. Интересно, какой интерьер видел сам Франциск, живя там в 1219-м? Сильно ли изменилось внутреннее убранство церквушки? Скорее всего, красоту и роскошь, если таковая имелась, упростили, согласно францисканским идеалам.

В монастырском садике Сан-Франческо-а-Рипа растет старое апельсиновое дерево, якобы посаженное нашим героем. Мощи святого хранятся в часовне, и там же можно увидеть портрет Франциска кисти Маргаритоне д'Ареццо, который некоторые считают прижизненным — помня, что Джакомина деи Сеттесоли очень заботилась о создании портрета своего «смирненного друга».

Она действительно заказывала его портрет, но находится он вовсе не в Риме, а в Греччо — той самой высокогорной деревеньке, где с подачи нашего героя впервые в истории устроили Рождественский вертеп. Считается, что создан он в 1225 году, за год до смерти Франциска. Висит эта работа неизвестного художника (а точнее, ее копия, созданная в XIV веке) в местной церкви. Святой из Ассизи изображен в полный рост, в его руке белый платок, который он подносит к глазам. Действительно, в последние годы глазная болезнь не давала ему покоя, выматывая ежедневно и ежесекундно. На руке нашего героя виднеется красное пятнышко, явно изображающее стигматы.

А художнику Маргаритоне д'Ареццо Франциск позировать уже никак не мог. Джорджо Вазари, пионер искусствоведения, утверждает, что этот живописец скончался в 1313 году семидесяти семи лет от роду, стало быть, родился он, когда Франциска уже лет десять не было в живых. Отчего же возникла легенда, будто Маргаритоне писал «беднячка» с натуры? Дело в том, что в свое время Маргаритоне считался видным специалистом по изображению Франциска. После канонизации популярность святого из Ассизи еще больше возросла, и его портреты пользовались повышенным спросом. Те из художников, что умели быстро и убедительно намалевать образ Франциска, озолотились. Маргаритоне д'Ареццо написал достаточно много однотипных изображений нашего героя. Все его Франциски стоят в одной и той же позе, с книгой в левой руке, с нимбом и стигматами. Впрочем, есть вариант и без нимба. Портреты выполнены темперой на досках размером примерно 100 x 40–50 сантиметров и подписаны просто, но не без важности: «Maigaritus de Aritio me fecit» («Маргарите из Ареццо

меня создал»).

Вернемся к брату Якопе. Конечно, дамой она была влиятельной и активной, но все же — почему мужской род? Почему бы Франциску не звать ее хотя бы «матушкой»? Ведь он же знал активных и пассионарных женщин — хотя бы даже и мадонну Ортолану деи Оффредуччо, которая ухитрилась обойти пол-Европы!

Думается, в ранг брата Джакомину возвели не за бурную деятельность, а за выдающиеся интеллектуальные способности. В итальянском гуманизме, ведущем свое начало в том числе от Франциска, бытовала следующая мысль: женщине возможно возрасти в духовном развитии, только если она преодолет свою природу. Об этом писал поэт и педагог XV века Гуарино да Верона, призывая свою ученицу, писательницу Изотту Ногарола: «Сотвори в душе своей мужчину». Он же потом упрекает ее: «Ты проявляешь себя такой покинутой духом, такой смиренной — настолько женщиной, что ты не отвечаешь моему высокому мнению относительно тебя»^[74].

Та же мысль в словах другого поэта и политика — Лоренцо Медичи Великолепного^[75]. Восхищаясь умом некоей дамы, он отмечает отсутствие у нее женских пороков, по его мнению, она смогла преодолеть собственное несовершенство, вырастив в себе истинно мужские качества. В Италии начиная с позднего Средневековья появился даже особый термин для обозначения женщин-интеллектуалок. Их называли «virago» от латинского слова «vir» — мужчина.

А Джакомина явно обладала неженским умом. Сохранился юридический документ, составленный ею. Это договор, заключенный с жителями одного из ее домов. Там четко по пунктам прописаны свободы и обязательства. Среди последних — предписание относиться с уважением друг к другу и к имуществу соседей, сформулированные человеком, явно разбирающимся в правоведении. Через 300 лет некоторые параграфы этого договора почти в неизменном виде вошли в римское законодательство.

Видимо, и философские беседы брат Якопа поддерживала с легкостью. И тем самым убедила Франциска в том, что преодолела в себе все женское. А значит, дружеским общением с ней можно было наслаждаться без опаски. Ей позволялось то, что никогда не было позволено Кларе.

С Джакоминой связан совершенно францисканский сюжет, описанный в «Большой легенде» святого Бонавентуры. Наш герой как-то раз подарил римской даме ягненка. Считается, что в подарке заключался символ Спасителя и Его страданий. Может и так, но если вспомнить, что Франциск

часто спасал всякую живность, продающуюся для еды, возможно, он просто пристроил малыша к богатой даме не из аллегорических соображений, а просто по доброте душевной. Ягненок вырос в барашка и сильно привязался к Джакомине, сопровождая ее повсюду, будто верный пес. Хозяйка постоянно вычесывала его — и со временем накопилась изрядная гора шерсти, из которой и получилась та самая фуфайка с элементами власяницы.

Франциск очень дорожил обществом брата Якопы. Видимо, она умела не только философствовать, но и облегчать его физические страдания. Именно о ней он спросил, когда почувствовал близость смерти. К ней послали гонца, но она уже и так спешила к своему другу, непостижимым образом догадавшись о критическом ухудшении его здоровья. Она была рядом в последние минуты жизни.

Кем он был для нее? О том не сохранилось ни строчки. Но зато мы знаем, какие вещи она привезла для погребения, и одна из этих вещей говорит больше, чем самое подробное письмо. Вместе с погребальной тканью и саваном Джакомина взяла с собой совершенно чудесный платок из двух шелков — красного и белого. Посередине его красовалась богатая вышивка, изображавшая фамильных львов семейства Сеттесоли, а в углах, вышитое незаметно и тонко, виднелось слово «любовь». Брат Якопа не вышивала буквы специально. Она просто сделала платок из своей свадебной фаты. Этим символом невинной и вечной любви она отерла предсмертный пот с лица своего святого друга.

Джакомина деи Сеттесоли умерла спустя 13 лет после смерти Франциска, и произошло это в его родном Ассизи. Сначала ее похоронили в церкви Святого Георгия, затем устроили новую гробницу в фундаменте базилики имени ее друга в монастыре Сакро-Конвенто. Уже в XX веке (1932 год) ее останки снова перезахоронили, и теперь брат Якопа спит вечным сном при входе в крипту с гробницей святого Франциска. На ее надгробном камне высечена латинская надпись «Fr. Jacoba de Septemsoli» («брат Якопа деи Сеттесоли»), а под ней дополнение: «Hic requiescat Jacopa sancta nobilisque romana» («Здесь покоится Якопа, святая и благородная римлянка»).

Так снова рядом с нашим героем оказалась блаженная Якопа, а не святая Клара, которая похоронена в собственной базилике Санта-Кьяра, расположенной в нескольких кварталах от базилики Сан-Франческо. А печенья мостаччоли, которые она пекла Франциску, до сих пор популярны в Италии. Они очень просты: грубая мука, перемешанная с медом, иногда можно добавить в тесто горячего вина. Их пекут без всякой связи со святым

из Ассизи, да они и появились намного раньше его, и уж точно их придумала не Якопа. Но форма их весьма францисканская: птички, барашки, иногда ангелы. Продаются они часто в деревянных ящичках и хорошо хранятся без всяких консервантов. Можно съесть не все, а потом, через некоторое время, еще раз открыть ящичек и снова ощутить вкус вечной и простой францисканской радости.

МОНАСТЫРЬ В МИРУ

Джакомина деи Сеттесоли разделяла идеи Франциска, но имущество свое продавать все же не стала, ограничившись благотворительностью. Правда, в последние годы, уже после смерти Франциска, она, оставив все единственному сыну (второй к этому времени скончался), переехала в Ассизи и вела крайне скромный образ жизни.

Нет сведений о ее официальной принадлежности к францисканцам, но именно такие люди, как она, в дальнейшем составили третий, самый необычный орден святого Франциска — орден терциариев^[76], то есть «третьих». Такое название показывает иерархию этого ордена по отношению к первому — мужскому и второму — женскому. Третий орден предназначался для людей, желающих принять обеты и духовность францисканцев, но не уходить из мира. Для них Франциск специально адаптировал свои «Правила». Эти люди могли иметь семью и имущество, но им запрещалась любая роскошь и предписывались очень строгие моральные нормы.

Изначально терциариев называли «ассизскими кающимися», они возникли стихийно под влиянием проповедей Франциска и приносили немалое беспокойство церковным властям — прежде всего уже упоминавшемуся епископу Гвидо II. Можно представить себе его чувства: только что он не знал, как отчитаться Риму о новоявленных апостолах, которые упорно занимаются аскетическими подвигами у всех на виду, не желая уходить ни в один из существующих монастырей. Потом происходит странный скандал с юными красавицами из семьи Оффредуччо. Епископ находит приличный выход и из этой ситуации, разрешив фанатичным девицам и их родственницам поселиться в Сан-Дамиано. Но потом он видит, как из-за Франциска собираются в братства уже целые семьи с детьми и домочадцами. И их совершенно невозможно причислить к какой-либо категории, кроме еретической секты. Постепенно на них начинают смотреть косо уже светские власти, ведь непонятные «кающиеся» беспокоят соседей своими собраниями. Но проходит чуть больше десяти лет, и все меняется. В 1221 году Франциск официально утверждает новый Третий орден. И люди вдруг обращают внимание на чрезвычайную честность «ассизских кающихся». Их начинают приглашать быть арбитрами в сложных спорах, с ними советуются, им предлагают доверять городское имущество. Уже после смерти Франциска к концу XIII века

терциарии распространятся по всей Италии и за ее пределами и даже получают льготы от властей. Например, их освободят от военной службы, а также от гражданского форума. Все связанные с ними судебные разбирательства, если таковые возникнут, будет разбирать не светский, а церковный суд. И они получают право совершать евхаристию при закрытых дверях в своих часовнях, как настоящие монашеские общины.

Модель ордена терциариев, пожалуй, находится ближе всего к идеальной общине первых веков христианства. Но между ними есть большая разница. Раннехристианские общины существовали среди язычников, а терциарии выросли из родственной христианской среды. С одной стороны, им было легче. Никто не собирался отдавать их на съедение диким зверям, как это делали с первыми мучениками императоры античного Рима. С другой стороны, они в то же время часто сталкивались с агрессивным непониманием единоверцев. Например, светские власти, на словах поддерживающие «кающихся», на деле пытались уменьшить их численность. Членов общин покаяния облагали дополнительными налогами, а иногда, наоборот, — запрещали им раздавать имущество бедным.

Чем же мешали властям «мирские» последователи святого Франциска? Все очень просто. «Кающиеся» слишком активно выказывали свою преданность Святому престолу, а местная знать далеко не всегда поддерживала папу. К тому же кроме аристократии существовал еще император. Сохранилось письмо секретаря Фридриха II Пьера делле Виня своему повелителю, в котором тот жалуется на терциариев, мешающих централизации Священной Римской империи.

Казалось бы, терциарии должны были находить бесспорную поддержку у братских францисканских орденов — Первого и Второго. Но и тут все оказывалось не столь однозначно. После смерти Франциска разросшееся братство раскололось на несколько течений, между которыми начались конфликты по поводу строгости образа жизни. Наличие терциариев со своим укладом еще больше запутывало дело и раздражало францисканских руководителей.

В середине XIII века при святом Бонавентуре, которого за организаторский талант стали называть вторым создателем францисканства, общины покаяния воспринимались как нечто сомнительное и даже опасное для основных ветвей ордена. Бонавентура настоятельно рекомендовал своим братьям дистанцироваться от терциариев. По его мнению, общение с не поддающимися строгому регламенту монашествующими мирянами могло повредить

францисканскому миссионерству.

Между тем к терциариям принадлежали образованные и даже выдающиеся люди, начиная с самого короля Франции, Людовика IX. Входили в общины кающихся и многие профессора Парижского университета. Однажды они обратились напрямую к Бонавентуре с просьбой объяснить причины холодного отношения к ним со стороны «обычных» францисканцев.

Бонавентура ответил на вопрос очень подробно. Действительно, у Первого ордена имелось немало претензий к Третьему. Главная из них такова: терциариями совершенно невозможно руководить из-за большого количества льгот, которые им оказывают как светские, так и церковные власти. Фактически они живут, как хотят, но при этом имеют отношение к францисканскому ордену и ставят его репутацию в зависимость от своего поведения.

Есть и другая причина: монахи, слишком тесно общаясь с «кающимися», обмирщаются и лишаются мобильности. Они привязываются к семейным людям и потом уезжают на миссии с огромным трудом и разбитым сердцем. В итоге страдает дело.

Кроме того, терциарии иногда делают долги и совершают иные проступки, а потом ищут помощи у Первого ордена, у которого совершенно нет средств на подобные цели. Также они впутывают братьев в различные мирские споры, в том числе имущественные. Причем одного брата могут принудить выступить против другого, нарушая мир в монастырях.

И самое главное: из-за отсутствия четко выверенного устава общины «кающихся» можно в любой момент признать еретиками.

Такой строгий ответ, конечно же, был вызван серьезными внешними причинами, а вовсе не пристрастностью Бонавентуры. Орден терциариев задумывался Франциском как некий духовный канал, по которому францисканская энергия должна была течь в мир. Обратного течения совершенно не предполагалось. Но каналы имеют свойство засоряться, а самоорганизация — довольно непредсказуемая вещь. При жизни Франциска терциариев объединяла его харизма с ореолом легендарности. Потом потребовались более понятные вещи, например, подробный устав, где были бы четко прописаны все спорные моменты.

И Третий орден дождался своего счастья. В 1289 году при папе Николае IV наконец появился долгожданный официальный устав. С тех пор он редактировался еще два раза — в конце XIX века и совсем недавно, в 1978 году.

А новаторская идея Франциска о гибриде монаха и мирянина

оказалась востребована за пределами францисканства. Со временем терциарии появились еще в семи католических орденах. В 1406 году Святой престол утвердил устав для терциариев-доминиканцев, тремя годами позже — для августинцев. На протяжении XV–XVI веков появились еще три ордена мирян — сервиты, кармелиты и минимы. В середине XVIII века ряды терциариев пополнились три-нитариями и премонстрантами.

На рубеже XIX–XX веков идея францисканского монашества в миру приобрела новую, неожиданную и острую актуальность. В 1864 году произошло Польское восстание, после которого большинство католических монастырей, располагавшихся на территории Российской империи, ликвидировали. Многие монахи тогда уехали в другие земли, но некоторые остались, уйдя в подполье. С именем францисканца Гонората Козьминского связаны так называемые «скрытки» — тайные монашеские общины. Их устав создавался как раз на основе правил францисканских терциариев, и сегодня их называют «гоноратскими» орденами. В основном это были женские общины. Их участницы занимались благотворительностью, работая санитарками в госпиталях, и обучали основам веры детей в католических семьях.

17 апреля 1905 года Николай II издал манифест о веротерпимости, и тайные францисканские ордены утратили актуальность, правда ненадолго. Приближался 1917 год, открывший в России эпоху гонений не только на христианство всех конфессий, но и на любую религию. Тогда тайные монашеские общины начали возникать и в православии, например, на базе прихода Высоко-Петровского монастыря, закрытого большевиками в 1929 году. Католические «скрытки» вновь обрели смысл, оставаясь порой единственной возможностью для людей, исповедующих западную ветвь христианства, окончательно не потерять своих корней. Одной из таких тайных общин, произошедших от францисканских терциариев, стали Сестры от ангелов, появившиеся еще в 1889 году, но активно работающие именно в годы советской власти в западной части СССР. Они должны были стать ангелами-хранителями для гонимых и преследуемых. Их создатель Винцент Ключинский разделял идеи Гонората Козьминского. Новизна этой общины состояла в высокой просвещенности женщин, которые должны были нести Слово Божие посредством культуры. Сестры тщательно скрывали свою принадлежность к монашеству даже от самых близких, но, несмотря на это, община пополнялась, хотя и очень медленно. И, конечно, время от времени власти выслеживали их. В 1948 году сразу 20 сестер попали в лагеря с разными сроками.

Эти женщины порой возглавляли приходы в отсутствие священников,

они же договаривались о приезде священников из подпольных семинарий. Весь этот нелегкий и опасный труд они совершали в свободное время, работая инженерами, врачами или музыкантами.

Сегодня их задача не изменилась. Так же ненавязчиво, через музыку или другие виды искусства, они стараются привести людей к Богу. Они не носят монашеских одежд и ведут себя вполне светски, ничем не напоминая классических монахинь. И к францисканцам их не относят, но все же история их через Гонората Козьминского, бесспорно, восходит к святому Франциску.

И «настоящие» францисканские терциарии тоже благополучно продолжают существовать в большинстве стран мира, общее их число составляет около 350 тысяч человек. Их гораздо больше, чем обычных францисканских монахов, и это понятно: ведь очень трудно уйти из мира окончательно, особенно в наше не очень-то церковное время. А причастность к терциариям позволяет оставаться с виду вполне светским человеком, даже иметь семью. Вместе с тем это серьезный шаг, влияющий на личность человека. Вы не должны полностью раздать имущество бедным, но от всего нажитого неправедным путем необходимо отказаться. Для терциария недопустимо иметь врагов и не пытаться примириться с ними. Нельзя клясться и клеветать, обманывать и стремиться к роскоши. Нужно помогать ближнему и не оставлять в беде членов братства, если с ними что-то случилось. Пожалуй, подобные требования можно применить к любому, называющему себя христианином. В чем же отличие именно францисканских терциариев? Наверное, в том, что они в обязательном порядке изучают жития Франциска Ассизского и попадают под действие его обаяния, не ослабшего за восемь веков. Тихая незаметная команда из 350 тысяч участников — этакий средних размеров город. Город духа святого Франциска.

О ПОЛЬЗЕ БУМАЖЕК, ИЛИ КУДА ПРИВОДЯТ ЖЕЛАНИЯ

Орден терциариев стал самым ярким новым словом нашего героя в истории католического монашества. Ничего подобного ранее не существовало. «Монастырь в миру» позволял людям совместить, казалось бы, несочетаемые вещи. Сама идея оказалась крайне актуальной. При кризисе традиционного монашества и бурном развитии университетов люди получали возможность идти в ногу со временем, но при этом служить Господу. Неудивительно, что в рядах терциариев оказались такие «звездные» персоны, как Данте, Петрарка, Микеланджело, король Франции Людовик IX. Есть даже не до конца подтвержденные предположения о членстве в Третьем ордене Христофора Колумба. Может быть, благодаря смелой идее нашего героя, Западная церковь выстояла в эпоху Просвещения? Как ни странно, именно Франциск, неуклонно ратующий за строгие ограничения в быту, избавлял церковь от ограниченности.

Но как же трудно давалось это новаторство в лоне традиции! Просто родить идею было недостаточно. Требовалось задокументировать ее. Известная нам поговорка «Без бумажки ты букашка» неизменно работала и 800 лет назад. Мы помним, как долго ждала одобрения своего устава святая Клара. Но она все-таки не являлась автором идеи, а всего лишь адаптировала для женщин правила Франциска. Ему же самому приходилось буквально охотиться за папами, добиваясь подтверждения законности своей деятельности.

Неизвестно, удалось ли нашему герою увидеть еще раз Иннокентия III. Скорее всего, он искал встречи с понтификом, периодически приезжая в Рим. Собственно, и с Джакоминой знакомство произошло в одной из подобных поездок.

Очень сложная и некомфортная ситуация получалась с Иннокентием, который благословил орден, никак не подтвердив этот факт документально. С одной стороны, после такого доброго отношения неловко снова просить о благословении, без которого не появится буллы. С другой — на что опираться, если братьев вдруг обвинят в ереси? Конечно, есть епископ Гвидо, который в курсе разговора с папой (опять-таки — с чьих слов?). Есть кардинал Джованни Сан-Паоло, помогавший Франциску попасть в Латеранский дворец. Но он в Риме, а не в Ассизи, и притом находится в

весьма преклонном возрасте. А папа все время оказывается недоступным. То в поездке, то занят важными делами.

Идут годы, растет число братьев. Вопрос остается подвешенным. Хотя колеблется и сам Франциск. Нужно ли оно, это окончательное признание? Зачем братству дополнительные гарантии, разве ему не хватает Божественной любви? Не является ли желание папской буллы проявлением недоверия к Богу? Неугомонный «беднячок» постоянно призывает братьев отказаться от мысли о традиционных «стационарных» монастырских постройках. Жить, как птица, — сегодня здесь, завтра там, — вот она, истина.

Между тем идут слухи о скором созыве Вселенского собора. Главная повестка дня известна — это борьба с альбигойством и прочими ересями. Возможно, также на соборе решится наконец вопрос о легитимности францисканского ордена.

В ноябре 1215 года Франциск снова едет в Рим. Скорее всего — присутствует на соборе. Конечно, по официальным меркам ему, даже не рукоположенному во священство, делать там нечего. Но популярность и поддержка папы (пусть незадокументированная) могут дать ему эту возможность.

Наверняка кардинал Джованни, благодаря которому состоялось знакомство нашего героя с понтификом, стремился добиться аудиенции и на этот раз. Но она не состоялась. Или состоялась, но Франциск получил отказ, а биографы умолчали об этом факте? Ведь в противном случае им пришлось бы признать косность Иннокентия III, а образ святого из Ассизи приобрел бы ненужный оттенок непонятости матерью-Церковью. Но вероятнее всего, Иннокентий не отказывал Франциску, а просто избегал встречи с ним, поскольку, с одной стороны, вовсе не планировал официально подтвердить его орден, а с другой — не желал выглядеть гонителем популярного и полезного для Церкви проповедника.

Ситуация с ересью к 1215 году еще больше осложнилась. Иннокентий продолжал вести Крестовый поход против альбигойцев. Разумеется, он не руководил войсками сам. Главной папской фигурой стал Симон IV де Монфор^[77], легендарный рыцарь. Его военная карьера началась в Святой земле во времена Третьего крестового похода, но прославился он не ратными успехами, а истинно христианским поступком. Он отказался штурмовать хорватский город Зару, куда послал крестоносцев венецианский дож Энрико Дандоло для сведения счетов с торговыми конкурентами. Проявленное милосердие очень помогло Монфору в

дальнейшем. Он избежал отлучения от церкви и заслужил доверие Святого престола. В сочетании с военными талантами очень понятно назначение именно его главой похода против альбигойцев. Там Монфор проявлял крайнюю жестокость, вовсе не считая еретиков братьями во Христе. Войско крестоносцев поддерживало воззрения своего командира, он пользовался огромным уважением, особенно после битвы при Мюре, самого знаменитого сражения Альбигойского крестового похода. Тогда Монфору удалось разбить во много раз превосходящие силы противника, да еще и находясь в крайне невыигрышной позиции.

Неизвестно, в какой момент Монфор сменил мотивацию и начал ставить расширение собственных владений выше борьбы за чистоту веры. Во всяком случае, он не поверил жителям Тулузы, утверждавшим, что всех своих еретиков они давно сожгли сами, и продолжал осаждать город. В стан крестоносцев прибывали все новые «пилигримы» — так в контексте Альбигойского похода назывались искатели приключений, дававшие обет 40 дней бороться с еретиками. Вместе с ними Монфор успешно захватывал окрестные богатые замки, вырезая защитников. Поскольку на лицо катары никак не отличались от католиков — часто жертвами становились и те и другие. В истории осталась фраза, приписанная папскому легату Арнольду Амарику: «Убивайте всех, Господь распознает своих!»

Эти бесчеловечные слова, помимо жестокости, показывают еще и беспомощность церковных структур, невозможность разобраться в собственной пастве. Поэтому начавшийся 1 ноября 1215 года Четвертый Латеранский собор проводится прежде всего ради некоей духовной «ревизии». Его положения крайне жестки в отношении альбигойских еретиков. Строгость выказывается и к «верным». С одной стороны, вырабатываются четкие критерии правильного католика. С другой — существенно строже стали правила для священства.

Отныне каждый мирянин, будь то мужчина или женщина, обязывался избрать себе духовника и исповедовать перед ним свои грехи не реже раза в год. С такой же частотой (не реже) предписывалось приобщение к таинствам. Регламентировались и другие аспекты жизни населения, вплоть до выбора одежды. Евреям и сарацинам было велено одеваться особо, чтобы отличаться от христиан. В то же время именно Иннокентий III разрешил евреям занимать общественную должность, правда, с одним условием: если при этом они не начальствуют над христианами.

Епископам папа поручил следить за нравственным состоянием клира (канон VII). Поведение духовных лиц расписывалось со всеми подробностями (каноны XIV и XIX) — им запретили носить одежду

пестрого цвета, от них требовалось отречься от всяких удовольствий, в обязанностях богослужения они должны быть особенно искусны (канон LIX).

При кафедральных церквях для проповеди отныне приглашались особые ученые магистры, которые параллельно обучали клириков богословским наукам, а при епархиальных церквях — доктора богословия, которые учили самих священников «Писанию и душевному спасению» (канон XI). При этом власть самих епископов несколько ограничивалась. Они уже не могли отлучать людей от церкви с такой же легкостью, как раньше. Отныне отлучение могло состояться лишь в самых крайних случаях, и то владыка должен был действовать с особой осмотрительностью. Духовенству сохранили право вмешиваться в судебные процессы, однако без права произнесения смертных приговоров. Была проведена некая символическая черта между священством и насилием над телом человека. Церковным служителям запретили присутствовать при казнях и делать любые хирургические операции. Даже одного вида человеческой крови они были обязаны избегать.

Если Франциск действительно присутствовал на соборе, он мог бы порадоваться еще одному пункту, который папа фактически позаимствовал из францисканского устава. Отныне монахам запретили брать в руки деньги без разрешения аббата (канон VI). Очень жестко Иннокентий III прошелся по симонии^[78], засилье которой наблюдалось повсеместно, особенно в женских монастырях. Существовали даже устойчивые цены за посвящение или за получение определенного места служения. Собор строго запрещал эту практику, равно как и торговлю монахов священными предметами, особенно мощами.

Все эти нововведения вполне согласовывались с политикой Святого престола на Юге Франции. С одной стороны, беспощадное истребление ереси. С другой — повышение морального уровня верного духовенства. Чтобы уж никому не пришли на ум слова про соринку и бревно в глазу...

Так и представляется Франциск, скромно сидящий где-то с краю и внимательно слушающий слова папы. Наш герой радуется — ведь Бог услышал его молитвы, Церковь очищается, происходят перемены, созвучные его сердцу. Вспомнит или нет папа про «беднячка» из Ассизи? Даже если не вспомнит — все равно из общего тона собора видно желание понтифика хоть немного приблизить священнослужителей к евангельским идеалам. А значит, орден Братьев меньших уже фактически признан.

И вдруг гром среди ясного неба: канон XIII. Согласно ему создание

новых монашеских орденов категорически запрещалось. «Никто впредь не может основывать особого ордена, а всякий новый монастырь должен подчиняться одному из прежних уставов». При этом братство францисканцев не упоминается вовсе.

Ни один исследователь не может объяснить этого факта. Означал ли он недовольство деятельностью Франциска? Или папа Иннокентий считал, что уже утвердил орден устным благословением, данным шесть лет назад?

Думается, все было сложнее. Представим, с чем, собственно приходил Франциск к папе в 1209 году? Существовал ли орден как таковой? Вернее, можно ли было назвать группу отчаянных проповедников орденом? Очень сомнительно. Они представляли собой довольно местечковое образование, с чего бы папа стал издавать для них целую буллу? Возможно, что и устав, принесенный Франциском, выглядел в то время еще очень сыро. Нет точного подтверждения, что «Правило, не утвержденное буллой» — это тот самый текст, возможно, с годами он дорабатывался.

Итак, папа Иннокентий проникся симпатией к Франциску и поддержал его, но только как лидера небольшой религиозной общины, которая не претендует ни на какую деятельность за пределами своей епархии. Когда же францисканские идеи бедности и любви к природе начали захватывать все большее количество людей, понтифик, уже изрядно утомленный Альбигойскими войнами, решил проявить осторожность. К тому же, как уже говорилось, Иннокентий III был эстетом. Абстрактно разделяя идеи апостольства, он никогда бы не смог примерить на себя образ жизни Франциска и его братьев. Можно предположить, что при всем уважении он вполне мог чувствовать некоторую брезгливость по отношению к «Братьям меньшим» — как называли себя эти новоявленные проповедники.

Диалога между ними так и не случилось. Искал ли Франциск новых встреч? Скорее всего, да. По свидетельству английского францисканского историка Эклестона, Франциску повезло еще раз повидаться с папой. Только это последнее свидание уже никак не могло повлиять на судьбу ордена францисканцев. Величие Иннокентия совершенно неожиданно разбилось, столкнувшись с неумолимой судьбой.

Сразу после Латеранского собора папа с удвоенной энергией принялся бороться за чистоту веры. Он запланировал новый Крестовый поход. Важным ресурсом для него должны были быть богатые, влиятельные на море города Генуя и Пиза. Дело осложнялось их давней враждой. Понтифик решил лично заняться примирением, для чего отправился на север Италии. Иннокентий планировал простить пизанцев, отлученных его предшественником Целестином III, а с генуэзцами заключить пакт о

военной помощи.

По пути понтифик остановился в Перудже. Конечно же, легкому на подъем Франциску ничего не стоило пройти 20 километров из Ассизи. Но пока он шел, папу сразила непонятная хворь, от которой тот скоропостижно скончался. Иногда говорят: у Бога Божественное чувство юмора. Как часто мы говорим: «Я? Да никогда!» — и тут же оказываемся как раз в той ситуации, о которой привыкли думать свысока. Очевидец похорон Иннокентия, французский крестоносец Иаков (Жак) де Витри^[79], оказавшийся в Перудже накануне папских похорон, был потрясен неуважением, которому подверглось тело понтифика. Сохранилось письмо этого француза: «В течение ночи воры сняли с папы его драгоценное облачение и оставили труп почти обнаженным и смрадным посреди церкви. И я туда ходил и видел собственными глазами, как мимолетна, суетна и обманчива слава сего мира»^[80].

Неизвестно, видел ли эту картину Франциск и какие мог испытать чувства при столь поучительном созерцании. Но история заметила и заботливо сохранила факт взаимодействия двух антиподов — «самого великого» и «самого малого» из слуг Церкви.

Иннокентия III похоронили, а орден францисканцев остался полулегальным. Как реагировал на такую ситуацию Франциск? Скорее всего, его нервировало и печалило это. Сколько сил он потратил на поездки в Рим, сколько надежд испытал в ожидании Четвертого Латеранского собора! Как спешил, должно быть, в Перуджу, чтобы потолковать с папой в спокойной обстановке, вне римской суеты. Ничего не вышло. Все его дело жизни вновь оказалось подвешенным между небом и землей, как будто и не было тех бессонных ночей в молитвах перед первой встречей с понтификом. Агиографы не описывают его разговора с братией после «поражения» на соборе. Как они восприняли отказ? Стал ли кто-нибудь сомневаться в правоте Франциска?

Было бы странно искать в работах агиографов описание чувств нашего героя, тем более его огорчения от отсутствия официального признания. Ведь все авторы житий обязательно строго согласовывали свои тексты и даже намек на противостояние будущего святого и Церкви был бы недопустим. Да и сам Франциск в «Наставлениях» братьям запрещает желать чинов и почестей. Но здесь речь идет совсем о другом. Церковь — не просто административная или социальная структура, она несет в себе мистический смысл. Ее называют «матерью». Франциск, сознательно лишивший себя домашнего тепла и материнской нежности, ищет

одобрение мистической матери — она же игнорирует его. Наверное, именно с отсутствия поддержки на соборе в душе его появляется чувство бессилия и горечи, которое дальше будет только усугубляться. Он не получил понимания у родителей, даже у матери, которая, возможно, направила его на будущий путь святости, но в самый ответственный момент не смогла противостоять отцу, а может, и сама не смогла принять слишком радикальное воплощение ее поэтических мечтаний. Разрыв крайне болезнен, ведь Франциск отличается добротой и нежным сердцем, и детско-родительская травма, конечно же, осталась неисцеленной до конца дней. Не случайно одно из искушений нашего героя — это возможность иметь семью и детей. Не власть, не богатство, не разврат, но дети, рожденные в браке, которые уж никак не могут проходить по категории греха. Не однажды в житиях можно встретить горький ответ Франциска на восхищение его святостью: какой я святой, у меня еще могут быть дети.

Всю жизнь он мучительно и трепетно налаживает отношения с Отцом Небесным, в итоге добиваясь подтверждения своей нужности и единения через стигматы. Но с матерью-Церковью мистического контакта так и не выходит. Нет, конечно, Франциску повезло дожить до папской буллы, утвердившей устав официально признанного ордена Братьев меньших. Правда, произошло это радостное событие за три года до смерти нашего героя, 29 ноября 1223 года, при папе Гонории III, причем последний заявил, что только освящает своим папским авторитетом устав, уже одобренный его предшественником. До того — 11 июня 1218 года — понтифик издал другую буллу, обращенную к епископам, в которой подтвердил правоверность проповеди францисканцев, но это еще не означало полного одобрения.

Так же мучительно долго добивался папского признания и Игнатий Лойола, орден которого впоследствии называли тайной полицией Святого престола. Мы уже неоднократно сравнивали этих двух католических святых, появившихся в кризисные для Римско-католической церкви времена и сильно упрочивших позиции папства. Но Лойола был все же гораздо более «земным», нежели Франциск. Его система иерархии логична и проста. Если бы какой-то папа оказался неугоден Господу, его бы не избрали. А значит, можно и нужно воспринимать понтифика как заместителя Христа на земле, беспрекословно подчиняться ему и таким образом возрастать духовно. Франциск же, при всем колоссальном уважении к духовенству, вряд ли сильно выделял папу среди других священнослужителей. Да, он был готов целовать землю, по которой прошел любой, даже не самый безупречный священник, но все они, как и папа,

являлись для него равноценными частицами матери-Церкви. Камертоном, по которому он настраивал свою жизнь, были Священное Писание и постоянное мистическое общение со Христом.

Поэтому долгожданное церковное признание не приносит Франциску настоящей радости. Едва успев принять францисканство, Церковь тут же начинает корректировать его, пытаясь привести радикальные идеи ассизского «беднячка» в более цивилизованный вид. Речь вновь идет о все том же смягчении строгостей. Стоит ли вот так напрягаться и воспринимать Евангелие буквально? Иными словами: мы же взрослые люди, имеющие земную жизнь и здравый смысл. Почему бы не построить крепкий дом и спокойно заниматься в нем духовностью, не думая о протекающей крыше? И вот тут слышится горький плач Франциска, которому разрушили таинство игры. Вернувшись из очередной совершенно безумной поездки, он обнаруживает ужасное: братья-таки обустроились со всем комфортом, теперь у них монастырь не хуже прочих. Наш герой приходит в отчаяние. Он лезет на крышу и начинает сбрасывать вниз только что положенную черепицу. Этот детский поступок влечет за собой разбирательства. Франциска, будто нашкодившего школяра, вызывает к себе кардинал-протектор ордена и начинает увещевать. Его, основателя ордена!

Казалось бы: а как иначе? Власть ведь больше не принадлежит ему, он сам отказался от нее. В пользу Петра Каттани, брата Ильи, кардинала Уголино... В то же время сложившаяся ситуация крайне огорчает Франциска. Много лет он мечтал об утверждении своего братства Церковью, но именно о признании, а вовсе не о переделке в обычный монашеский орден. По словам францисканца и духовного ассистента российских терциариев, отца Андриана Зудина: «...это огромный удар для Франциска. Удар от братьев, которые решили жить иначе. Удар от Церкви, которую он просил благословить избранный им образ жизни. Церковь благословила, но теперь благословляет то, что противоречит ему. Франциск основал, а они все переделывают. Да еще Церковь говорит, что братья правы, а Франциск — нет. Это больно».

Такое разочарование произошло по причине «непрофессионализма» нашего героя. По большому счету он не знал языка, на котором создаются церковные структуры. Речь не о латыни, хотя и ее он навряд ли освоил в совершенстве. Просто трудно было найти человека, менее разбирающегося в церковной организации, чем Франциск. Он с настоящими монахами-то общался всего пару месяцев, когда пытался найти себе прибежище, окончательно рассорившись с отцом, и ничем хорошим это не кончилось.

Его выгнали. То есть его попытки создать орден выглядят очень беспомощно, как если бы ребенок, вдохновившись видом самолета, решил построить нечто подобное без всяких теоретических знаний. По мнению иезуита Мандоне^[81], вся деятельность Франциска не имела ясных очертаний. Он только призывал людей покаяться и жить по Евангелию, просто делал это столь талантливо, что сумел наэлектризовать большую массу народа. Как дальше ее организовывать, он не имел понятия. Да и твердо сформулированного учения у него не было, только поэтическое вдохновение, заставлявшее его хватать кусок деревяшки с земли и делать вид, будто он играет на скрипке. Что значит этот эпизод, повторяющийся в разных источниках? Он показывает, как велико было его воздействие на людей. Попробуйте заставить кого-нибудь послушать воображаемую игру на скрипке.

Знакомые беспокоятся вашим психическим состоянием или вообще пошлют вас куда подальше. Франциска слушали, не важно, что он говорил или делал.

Он был великим поэтом-проповедником, и творчество его состояло из идей, но также — из этих воображаемых скрипок, рождественских яслей, к чему он относился с огромной серьезностью, и, конечно, целой толпы разных животных и птиц, которые, сделавшись его свитой, еще больше потрясали людей. В этом во всем он чувствовал себя, как дома, но вряд ли смог бы выдержать даже несложный экзамен по богословию.

И его жизненный идеал тоже был поэтическим. Как возможно полное отречение от личной собственности в мире, где все построено по совершенно иным законам? Орден мог иметь будущее, лишь заключив сделку с принципом собственности. И вовсе не Римская курия навязывала это положение, а сами братья, которые являлись обычными людьми, в отличие от нашего героя.

Трудно даже представить себе мучения Франциска. Он видит, как рушатся выстраданные им идеалы, ради которых он лишил себя практически всего, и ничего не может сделать. И, будучи умным человеком, конечно же, понимает: без подобного компромисса мать-Церковь никогда не усыновит его. Он так и останется сиротой. Еретиком, сектантом, неблагонадежным. Полноты духовной семьи, к которой он стремился всем сердцем, ему не видать. И он соглашается на этот новый подвиг смирения, гораздо более трудный, чем лишение себя материальных благ.

ФРАНЦИСК И ДОМИНИК

Вернемся в ноябрь 1215 года, когда на Четвертом Латеранском соборе запретили создание новых монашеских орденов. От этого постановления пострадал не только наш герой, но и его коллега — святой Доминик. Между ним и Франциском принято проводить параллели, так как они оба являлись создателями новых монашеских орденов, причем происходило это примерно в одно и то же время. Они двигались параллельно, иногда конкурируя, иногда помогая друг другу. Их объединяли философия активного монашества и идея тесного сотрудничества с мирянами. Оба ордена с огромным трудом добились признания от Святого престола, хотя впоследствии именно они (вместе с орденом иезуитов, созданным Игнатием Лойолой тремя веками позднее) стали основной опорой папства. И францисканцы, и доминиканцы выглядели очень ново в начале XIII века, когда монахи еще не проповедовали. В некоторых источниках можно прочесть, будто тип личности странствующего монаха-проповедника — изобретение Доминика, позаимствованное францисканцами. Конечно, это не так. Вряд ли тут вообще может идти речь о заимствовании. С проповеди начинал сам Франциск, проповедовать он посылал своих первых последователей еще в 1208 году, когда несколько братьев впервые поселились в Порциункуле. Тем более трудно себе представить, что рассказы о маргинальных проповедниках из неприметного городка Ассизи достигли Юга Франции. Просто и Доминик, и Франциск вдохновлялись одним и тем же примером — и даже одной и той же цитатой. Насчет отношения Доминика к идее отрицания любой собственности, горячо проповедуемой Франциском, есть свидетельство французского теолога, естествоиспытателя и духовного лидера францисканцев-спиритуалов^[82] Пьера Жана Олье (Оливи)^[83]: «От святого и досточтимого отца Барро (Баррави), некогда бывшего каноником в Каркасоне, а затем ставшего францисканцем, я дважды слышал проповедь, которую он обращал к послушникам, когда послушником был и я сам, о том, что, будучи еще каноником и изучая богословие в Париже, он слышал слова блаженного Доминика, с которым он когда-то был каноником в Каркасоне и стал его другом, о том, что он и его орден взяли пример с блаженного Франциска и его братьев в отречении от всякой собственности. Действительно, придя в Италию, по пути в Римскую курию, чтобы попросить утверждения ордена, в Ассизи он увидел Франциска и тысячи братьев, собравшихся на

Генеральный капитул. Восхитившись тем, как Бог давал им в изобилии и тщанием верных все необходимое на день, без откладывания запасов на завтра, по возвращении Доминик заявил братьям, что они могут в безопасности оставаться безо всякой собственности, поскольку он видел и удостоверился, что так обстоят дела у Франциска в его ордене».

Впрочем, доминиканское «могут оставаться без всякой собственности» — не значит «обязаны», как желал бы для себя и своих братьев Франциск. Доминик никогда бы не стал срывать черепицу с крыши монастыря, он бы скорее порадовался, что теперь дождь не испортит книги.

Оба ордена имели сходную структуру, приближающуюся скорее к рыцарским орденам, чем к обычным монашеским. Во главе стоял генерал, облеченный очень широкими полномочиями, у него в подчинении находились «провинциалы» — руководители «провинций» (стран и областей), где размещались общины ордена. Управление происходило через провинциальные собрания и Генеральный капитул. Эта четкая структура позволяла поддерживать уровень дисциплины, совершенно недоступный для обычных орденов. И да, у доминиканцев тоже имелись терциарии. Многие исследователи считают, что Доминик заимствовал эту идею у Франциска, так как его терциарии появились раньше.

Юные годы Доминика немного напоминают биографию нашего героя. Так же, как Франциск, он родился в весьма богатой семье. Правда, социальное положение аристократического рода Гусманов было гораздо выше семьи преуспевающего торговца Бернардоне. И конфликта с родными испанскому святому удалось избежать. Дон Феликс Гусман, его отец, устроил дома настоящую монастырскую атмосферу со строгими постами и долгими молитвами и воспринял духовные устремления сына, как Божий дар. Впоследствии к лику блаженных причислили двоих ближайших родственников Доминика — его мать Хуану и брата Маннеса.

Так же, как наш герой, Доминик славился сострадательным характером. В четырнадцатилетнем возрасте семья послала его учиться в Валенсийский университет, где будущий святой проявил выдающееся упорство в овладении науками. Но прославился в студенческой среде он не только учебными достижениями. Во время голода 1191 года Доминик продал все свои учебники и даже некоторую одежду, а на полученные деньги организовал питание для голодающих. Вспомним, в те времена книги стоили крайне дорого, и многие вообще оставались без образования, потому что не могли позволить себе купить нужную литературу. Сокурсники Доминика сильно удивились его поступку, но еще сильнее их поразил ответ святого: «Неужели вы думаете, что я буду учиться на

мертвой коже, когда живые люди умирают от голода?»

После его слов не только студенты, но и профессора задумались и начали собирать средства на помощь голодающим, таким образом, было спасено от голодной смерти немало людей.

Известен другой яркий поступок испанского святого. У одной бедной женщины мавры взяли в плен единственного сына. Доминик пришел к безутешной матери и сказал, что готов пойти в рабство вместо него. Женщина поразила такому великодушию, но все же отказалась.

Свои ордены Доминик и Франциск создавали практически в одно и то же время, и колыбелью обоих орденов оказались небольшие старые церкви, посвященные Деве Марии. Церковь Богоматери у подножия Пиренеев в Пруйле у Доминика и Порциункула у Франциска. Для обоих толчком к служению стало паломничество в Рим. Оба создали три ордена — мужской, женский и орден мирян. Доминик, в отличие от Франциска, начал с женской ветви. Утвердил их ордены один и тот же папа Гонорий III, а причислил обоих к лику святых — Григорий IX. Оба ордена дали выдающихся католических теологов — доминиканца Фому Аквинского и францисканца Бонавентуру.

Но у каждого католического монашеского ордена, как правило, имеется своя харизма, заложенная основателем. И при всех сходствах менталитет францисканцев и доминиканцев сильно различается. Чтобы понять эту разницу, русскому человеку легче всего представить себе образ москвича и петербуржца в их классическом проявлении. Очень хорошо показывают менталитет орденов и некоторые анекдоты. Рискнем процитировать здесь один из них, тем более в нем помимо францисканца и доминиканца присутствует также иезуит.

Итак. В комнате сидят три монаха — доминиканец, францисканец и иезуит. Неожиданно гаснет свет. Через некоторое время свет включается снова. Что делали монахи, пока было темно? Доминиканец обдумывал идею богословского трактата «О особенностях богопознания в полной темноте». Францисканец горячо молился о ниспослании света. Иезуит пошел менять пробки.

В этом анекдоте одним, но ярким штрихом обозначены психологические портреты всех трех основателей этих орденов. Абсолютно «земной», практичный Лойола, возвышенный поэт Франциск и Доминик — настоящий ученый, обдумывающий свои темы в любых условиях. Так оно и есть. С самого начала доминиканцы делали акцент на углубленном изучении теологии, с тем чтобы повысить уровень церковной проповеди. Действительно, неграмотные проповедники вредили Церкви, особенно в

краях, попавших под влияние еретических настроений. Это понимали многие, но лишь Доминик смог найти новое решение давней проблемы. Он создал «ученый» орден, гораздо менее доступный для масс, чем у Франциска, с более узкой задачей воспитания образованных и искусных проповедников. Если Франциск давал людям возможность жить в совершенном мире, то Доминик создал культуру доступного объяснения этого мира.

Мысль о создании ордена проповедников появилась у Доминика во время путешествия по территории Южной Франции. Молодого священника настолько поразил размах альбигойской ереси, что он решил изменить свою жизнь — и вместе с епископом де Асеведой остался в тех краях. Вскоре его труд проповедника начал приносить плоды. В 1206 году в городе Пруйле даже появилась женская община для девушек, возвращенных из ереси (их родные не желали принимать в семьи «распропагандированных» девиц). Спустя восемь лет Доминик перемещается в Тулузу и создает там мужскую общину. Шестеро ее членов составили костяк будущего доминиканского ордена. Постоянная ревностная борьба за чистоту веры в дальнейшем привела доминиканцев к службе в инквизиции (впрочем, работали в ней и францисканцы). До введения инквизиции определением, кто еретик, а кто нет, занимались люди, зачастую совершенно не имеющие никаких специальных знаний, — и суды эти, особенно в условиях военного времени, немногим отличались от линчевания.

Ошибочно первым инквизитором называют самого Доминика, приводя в доказательство буллу Иннокентия III, дававшую испанскому проповеднику большие полномочия для борьбы с еретиками. На самом деле инквизиция как институт была создана спустя изрядное время после смерти Доминика, хотя и была задумана еще папой Иннокентием. Но борьба с ересью действительно являлась для него проблемой номер один. Франциск проповедовал христианство в католических землях добрым католикам, пусть и не слишком рьяным в своей вере, а доминиканцы работали «на переднем крае» — там, где шла натуральная религиозная война, усиленная войной гражданской. Неофициальное название ордена — «Псы Господни» от латинского *Domini canes*^[84] — так было переосмыслено слово «доминиканец».

Конечно, ни Франциску, ни Доминику и в голову не могло прийти называть орден своим именем. Орден Доминика назывался орденом Братьев-проповедников.

Итак, Доминик и Франциск не очень-то походили друг на друга, как не

походили друг на друга и созданные ими ордены. Но в рамках церковной традиции их принято сближать, превращая чуть не в соратников и братьев. А между тем историки вовсе не уверены, что эти люди тесно общались, и даже сама их встреча отнюдь не бесспорный факт. Упомянутый Пьер Жан Олье утверждает, что около 1219 года Доминик был у Франциска в ордене и наблюдал за нищетой францисканцев, после чего решился повторить этот подвиг со своими братьями. Но по датам получается анахронизм, поскольку к этому времени доминиканцы уже давно жили в нищете. И совет относительно устройства монастыря Франциск вряд ли мог дать Доминику. Ведь он сам не планировал никаких постоянных монастырей, призывая братьев жить без привязки к любому виду недвижимости. И предполагаемый приезд Доминика на францисканский капитул тоже весьма сомнителен. Как раз в это время Доминик исполнял обязанности епископа на Юге Франции. А священник по имени Барро, якобы рассказавший об одной из подобных встреч? Их оказывается двое, и совершенно непонятно, кто из тезок имелся в виду.

Несмотря на все сомнения, сюжет об общении двух святых упорно культивируется в католической традиции, а их первая встреча — вообще отдельная история, вдохновившая художника Фра Беато Анджелико (небесного покровителя всех художников) на создание целого полотна. Написано оно в XV веке, стало быть, прошло уже целых 200 лет со времен события, возможно, и не случавшегося в реальности. Фра Анджелико (настоящее имя Гвидо ди Пьетро^[85]) был доминиканским монахом и часто размышлял о Франциске. Он, конечно же, знал источники, рассказывающие о взаимоотношениях двух святых, и все они были полуполюгендарны, как «Цветочки святого Франциска». Разумеется, художник не историк, никому в голову не придет требовать от его работ исторической достоверности, но на примере этого мы можем увидеть, как вообще в Средние века в Европе люди воспринимали историю.

Средневековый человек стремился увидеть во всех случающихся событиях Божий Промысел. Через призму этого желания мир несколько изменялся, акценты расставлялись соответствующим образом, и какой-нибудь незначительный эпизод вдруг начинал «звучать», обрастая комментариями и трактовками. В то же время бытописатели тех времен часто пренебрегали важными деталями, создающими портрет эпохи. Все существующее оценивалось с позиции пригодности для Вечности — не меньше. Оттого происходит и уже упомянутое преобладание дат смерти перед датами рождения, а иногда — как бы нарочитое отсутствие точной датировки события или конкретизации его местоположения. Историческая

достоверность в средневековом представлении складывалась вовсе не из этих ничемных цифр.

Эта ментальность европейского средневекового историка выражена у английского летописца VII–VIII веков Беды Достопочтенного^[86]. Сам Алкуин отзывался с колоссальным почтением об учености сего мужа. Его прозвище известно из эпитафии IX века, которую якобы продиктовал ангел. Никто не возьмется утверждать, что 40 томов сочинений Беды также написаны под диктовку Сил Небесных, но сохранилось его изречение: «Называя вещь, мы даем ей существование».

Поэтому, даже если Франциск и Доминик никогда не встречались лично, общение между ними где-то точно существовало. Но и их встрече тоже ничего не мешало. Они оба оказались одновременно в Риме во время Четвертого Латеранского собора. Оба к этому времени пользовались известностью, достаточной для того, чтобы кто-нибудь захотел познакомиться их. Доминиканец Жерар де Фраше^[87] описывает эту предполагаемую встречу в своем труде «*Vitae fratrum ordinis praedicatorum*» («Жития братьев ордена проповедников»). Интересно, что это единственное доминиканское свидетельство о контакте двух святых. Остальные исходят с францисканской стороны. Согласно ему, во время обязательной ночной молитвы святой Доминик вдруг увидел Христа с гневным лицом. Рядом с Ним стояла Богородица. Пытаясь заступиться за грешный мир, она указывала своему Сыну на двух праведников, в одном из которых Доминик узнал себя. Лицо другого было ему незнакомо. На следующее утро в церкви он увидел нищего, в котором признал того человека. Испанский святой бросился к нему, обнял и рассказал о своем видении, и «сердца их слились воедино в этих объятиях и словах».

В этом слиянии и есть историческая ценность. Это — ожившая метафора, с помощью которой средневековый историк показывает суть происходящего: именно Франциск и Доминик в тяжелые для Церкви времена делали сходные вещи для ее спасения. Таким образом в исторических текстах создается идеальный мир, каким он должен быть, а читатель легче видит в истории нечто большее, чем точная хронология событий. Современный французский церковный писатель Ги Бедуэлл^[88] (доминиканец), автор книги «История Церкви», подчеркивает, что духовный смысл встречи двух святых преобладает над историческим. А французский историк Люсьен Февр^[89] выражает эту мысль еще интереснее: установить факт — значит выработать его. Иными словами — отыскать определенный ответ на определенный вопрос. А он таков:

возникли два крайне активных монашеских ордена совершенно нового типа. Как они будут взаимодействовать друг с другом? Сотрудничать или конкурировать?

Напряженные моменты между францисканцами и доминиканцами случались. Ситуация особенно обострилась в XVI веке, когда оба ордена занялись христианизацией аборигенов Южной Америки. Они часто не сходились во мнении и в области богословия, и по отношению к индейцам и их культуре. Известны даже случаи церковных судов между орденскими представителями.

Между тем легенда, которая в Средние века играла роль некоей моральной инструкции, сообщала об общении между Франциском и Домиником. А словосочетание «общение святых» — не просто короткая фраза, а цитата из апостольского Символа веры^[90]. И также «общение святых» — это все люди, принадлежащие Христу во крещении, независимо от того, живы они или уже умерли. Вот такой глубокий подтекст у, казалось бы, незначительного эпизода в биографии Франциска и Доминика.

Их дружба, которой, вполне возможно, не было, до сих пор живет своей жизнью во францисканских и доминиканских монастырях в виде доброй традиции. 8 августа, в День памяти святого Доминика, в орден Братьев-проповедников приходит францисканец и помогает вести богослужение. Точно так же, только строго наоборот, происходит 4 октября, когда вспоминают Франциска. В монастырь к Братьям меньшим приходит посланник от доминиканцев. Так делают в разных странах мира, где есть францисканские и доминиканские монастыри, и совместные молитвенные встречи, как правило, заканчиваются посиделками с чаем и плюшками. Чем не настоящее мистическое общение святых?

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

*Лишь теперь я ценю свою жизнь,
С тех пор как грешные глаза мои
Видят эту страну и землю,
Известную столь великой славой.
Свершилось то, о чем всегда просил я:
Я пришел в ту землю,
На которую ступил Господь в образе человеческого.*

Вальтер фон дер Фогельвейде^[91]

В этой песне знаменитого рыцаря-миннезингера под названием «Палестина» отобразилась величайшая мечта Средневековья, под влияние которой попал и наш герой. До нас дошел не только текст, но и завораживающая музыка, передающая сильные, редкие для современного человека чувства. Крайняя суровость и сияющий экстаз. К сожалению, мелодии, сочиненные святым из Ассизи, не сохранились, но очень возможно, некоторые из них имели точно такое же настроение, ведь Франциск, как и большинство его современников, мечтал о Святой земле.

Откуда взялось это странное желание у десятков тысяч людей оставлять свои дома и идти воевать в далекую и совершенно неизвестную страну?

Если верить летописям Альберта Аахенского^[92] и Вильгельма Тирского^[93], у истоков мощного движения, просуществовавшего несколько веков, стоял всего один человек, сегодня известный гораздо меньше, чем герои военных кампаний, вызванных им к жизни. Его имя Петр Амьенский^[94], или Петр Пустынный. Всю жизнь он провоевал, судя по всему, без особых достижений, а на склоне лет ушел из мира, став монахом. Пути паломничества привели его в Палестину, где он сильно огорчился, увидев там тяжелую жизнь христиан, подвергающихся всяческим притеснениям от мусульман. Он поговорил с тамошним патриархом Симоном и посоветовал владыке обратиться за помощью к папе римскому. Но совет, скорее всего, не вылился бы ни во что значимое, если бы сам Петр по возвращении в Рим не явился к Урбану II и не рассказал тому свой сон о Крестовом походе. Понтифик идею поддержал. Собственно, она не была нова. Еще папа Григорий VII собирался лично

возглавить поход против турок-сельджуков, и осуществить сей план ему помешала только постоянная борьба с германским императором. Его преемник на Святом престоле, Виктор III, морально поддержал пизанцев и генуэзцев, снарядивших флот для войны с Тунисом. Итальянцы тогда сожгли два города на африканском побережье, но исторически значимым событием этот трагический факт не стал.

Все изменилось, когда за дело взялся Петр Пустынный. Вероятно, он немного походил на нашего героя — незаметный, измученный аскезой человек, ярко преображающийся во время проповеди. Облачившись в рубище, он начал ходить по городам и весям, рассказывая о мучениях братьев, живущих рядом с Гробом Господним, и умоляя помочь им. Эффект его выступлений оказался просто поразительным. Люди разных национальностей и сословий вспыхивали, будто сухая солома в жару, пытались тут же собраться в отряды и пойти громить сарацин^[95].

Увидев такой энтузиазм, Урбан II в 1095 году созвал собор в Клермоне. Папа призвал верных помочь византийскому императору Алексею Комнину в борьбе против нашествия турок. То же самое понтифик огласил на проповеди для народа, правда, добавил дополнительную цель — отвоевать Святую землю. Урбан II пообещал участникам похода прощение долгов и заботу об оставленных семьях. И вот тут пламя, зажженное Петром Амьенским, переросло в мощный пожар. Папе даже не дали договорить. Его речь потонула в торжествующем реве. «На то Божья воля! Так хочет Бог!» — скандировала толпа. Прямо на площади перед Клермонским собором люди резали красную одежду на полоски, чтобы пришить на плащ в виде креста.

К началу 1096 года собралась большая масса первых крестоносцев — в основном бедняки, вооруженные косами, дубинами и всем, что подвернулось под руку. Предводители вполне соответствовали духу этого движения. Это были уже упомянутый Петр Пустынный и разорившийся французский рыцарь Вальтер Голяк, он же Готье Нищий^[96]. Беспорядочное сборище выступило из Лотарингии в Иерусалим, куда, понятное дело, дойти не получилось. Без оружия и припасов, не имея понятия о воинской дисциплине, эти люди наделали шуму по всей Европе, устраивая еврейские погромы и грабя всех, кто показался им недостаточно правоверным. Так они дошли до Византии, где император Алексей Комнин принял их с дружелюбием, которое фанатически настроенные «мстители» не оценили. Помогать императору они не собирались, интересуясь только Иерусалимом, который чудился им в любом встреченном населенном

пункте. До конца непонятно, насколько Вальтер и Петр действительно руководили этим агрессивным сборищем, а насколько им приходилось считаться с мнением толпы. Кончилось все очень плохо. Большинство первых крестоносцев погибли — кто в сражении при Никее, а кто и вовсе по дороге. К тому же они оставили после себя крайне дурную славу во многих городах и странах.

Но идея об освобождении Святой земли после этого неудачного «нулевого» Крестового похода нищих и крестьян зазвучала еще ярче. К концу того же 1096 года начинается «официальный» Первый крестовый поход — с вооружением и профессиональными военачальниками, но количество добровольцев продолжает удивлять. Буквально каждый начинает грезить освобождением Гроба Господня. Крестоносцы завоевывают Иерусалим, устроив в нем страшную резню, потом теряют его, но яростный энтузиазм не ослабевает, и минимум на 200 лет Европа заболевает этой священной лихорадкой...

Мотивацию крестоносцев чаще всего объясняют двумя причинами: религиозным фанатизмом и жадной наживы. Доля правды в таких формулировках, несомненно, есть, но они носят слишком общий характер и не дают никакого понимания ситуации. Прежде всего о фанатизме. Почему он вдруг проявился столь сильно именно тогда, на рубеже XI–XII веков? Ведь со времени официального признания христианства прошло уже больше семи столетий.

Задумаемся, почему вообще одни и те же идеи вдруг становятся крайне важными для одного поколения, а следующее их уже даже не особенно понимает? Почему, например, те же самые немцы, считающиеся просвещенной нацией, поддержали Гитлера, не особенно ассоциирующегося ни с просвещением, ни с гуманизмом? Потому что в его речах содержались обещания излечить национальное унижение немецкого народа, полученное в Первой мировой войне.

Христианская Европа времен зрелого Средневековья тоже имела свою психологическую травму. Франки и саксы, ставшие основой этой цивилизации, несли в себе культ воина. Само рыцарство — один из главных средневековых «брендов» — выросло именно из этого культа, вступающего в неминуемый конфликт с заповедью «не убий». Рыцарь посвящал воинскому искусству всю жизнь, его подвиги высоко ценились, и в то же самое время он являлся убийцей. Из этой сложной ситуации имелся только один выход: покаяние. Воины отмаливали свои грехи, жертвуя Церкви значительные суммы или уходя на склоне лет в монастырь. На Клермонском соборе прозвучала совсем иная идея — священной войны. Ее

участники объявлялись не воинами, а пилигримами. Считалось, что они воюют на стороне Бога и вместе с Богом, освобождая святыни.

Так папа Урбан решил многовековой морально-этический конфликт. Теперь рыцари могли заниматься своей профессией, оставаясь благочестивыми христианами. Более того, они даже получали прощение прошлых грехов. Особенно радовались менее удачливые из них — разорившиеся аристократы, а также младшие сыновья, которые не могли рассчитывать на наследство и порой промышляли разбоем на дорогах. Призыв Церкви сильно поднял им самооценку. Охваченные духовным подъемом, они поверили в свою избранность. Ни к чему хорошему такая вера не привела, в хрониках остались воспоминания о ничем не оправданных зверствах, творимых крестоносцами не только в Иерусалиме, но и в восточнохристианских городах.

По поводу выгоды... Несомненно, она подразумевалась — как на уровне правителей, так и в головах простых людей. Территория, завоеванная крестоносцами, включала в себя пути, через которые шла в то время торговля Европы с Индией и Китаем. Доставить груз из того же Багдада, минуя государство крестоносцев, на какое-то время стало невозможно. Рядовые воины, уходя в поход, тоже, конечно же, надеялись на богатую добычу. Иногда их надежды даже сбывались.

Интересно, что европейцы почти поголовно бросились ловить удачу за хвост вовсе не с отчаяния. Как раз перед началом Крестовых походов жизнь в Европе немного наладилась. Не случалось из ряда вон выходящих неурожаев, эпидемий и прочих бедствий. Наоборот, из-за появления более тяжелого плуга и распространения ветряных и водяных мельниц продуктов стало больше и постоянная угроза голода немного ослабла. Зато начала расти численность населения и, соответственно, стал удешевляться труд.

Конечно, очень многим Святая земля представлялась местом, где молочная река омывает кисельные берега. И попасть туда казалось довольно простым делом. Ведь у среднестатистического средневекового человека с географией было не плохо, а очень плохо. Будущие освободители Гроба Господня вместо навигатора могли взять с собой... гуся. Каноник Альберт Аахенский в своей «Иерусалимской истории» возмущался нелепой картиной, когда впереди одного из отрядов, созданных Петром Пустынником, важно шествовали гусь и коза. Крестьяне же выказывали животным «знаки благочестивого почитания сверх меры, и превеликая рать, подобно скотине, следовала за ними, веря в это всей душой». Отвращение хрониста понятно — приписывание этим животным Божественной благодати шло, конечно же, из германского язычества. В

германской мифологии есть коза по имени Хейдрун, доящая медом и щиплющая листья Мирowego древа. А гусь присутствует во многих мифологических системах как птица хаоса и одновременно — символ Творца. Подобные верования оставались жить в народных массах, причудливо смешиваясь с христианством. Поэтому на перекрестках дорог выбор пути легко могли поручить гусю. А некоторые отряды вдруг обнаруживали Иерусалим где-нибудь в Венгрии и Болгарии и начинали отвоевывать его со всеми вытекающими последствиями.

Современного человека, наверное, больше всего удивит не топографическая безграмотность большинства крестоносцев, а та смелость, с которой они пускались в далекое опасное путешествие без карт и компаса. Это мы можем легко передвигаться в любую точку земного шара, бронируя себе отели через Интернет. Мы заранее смотрим фотографии мест, куда планируем приехать, читаем отзывы других туристов. Мир вполне прозрачен, и только отсутствие денег может помешать увидеть его. А теперь представим путешественника XI или XII века. На что ему рассчитывать? Ни хороших дорог, ни инфраструктуры, ни четкого представления о расстояниях. Зато в наличии имеются многочисленные разбойники, а также злые феодалы, берущие плату за проход через их владения.

Тем не менее средневековый путешественник еще задолго до Крестовых походов был удивительно легок на подъем, причем отсутствие материальных средств тогда вовсе никого не сдерживало. Далекое паломничество бедняков не считалось чем-то удивительным. В воздухе витала мысль о земных дорогах как о непрекращающемся странствии по пути к небесной родине, и рядовой европеец постоянно и охотно перемещался в пространстве от одной христианской святыни к другой. Популярнейшей целью пилигримажа уже тогда считался Сантьяго-де-Компостела, место упокоения мощей апостола Иакова. Много багажа с собой не брали, надеясь на монастырские приюты. Шли, как правило, медленно, и странствие растягивалось на долгие месяцы, но это никого не волновало, ведь паломничество повышало статус человека в обществе. Только к концу XIII века Церковь постепенно начала отходить от безоговорочного одобрения паломничеств. Священнослужители обратили внимание на тот факт, что их прихожане зачастую проводят всю жизнь в дорожных приключениях, вместо того чтобы работать, молиться и вести достойную жизнь дома.

Но на рубеже XI–XII веков, когда начинались Крестовые походы, паломник воспринимался безусловно положительным героем, а уж

паломник-рыцарь и вовсе стал, как сказали бы сейчас, звездой.

Крестовые походы дали европейской цивилизации огромный заряд, породив многочисленные рыцарские романы, по которым сходили с ума последующие поколения. Весь XIX век с его романтизмом, балладами и творениями Вальтера Скотта тоже подпитан той же харизмой. И в наше время снова наблюдается всплеск интереса к Средневековью, правда, уже на новом — аутентично-реконструкторском уровне. И молодежь снова играет в рыцарей.

В идее Крестовых походов есть определенная мистическая красота. Она лежит далеко за гранью выгоды и даже за гранью оправдания воинской профессии. Крестоносцы как бы становились вассалами самого Господа, служа на его родной земле и пытаясь завоевать для Него... почти что Его личные вещи, если можно так сказать... Это не могло не вызывать сильных эмоций. Порой даже мусульмане восхищались благочестием своих врагов. Вот только реальное воплощение этой идеи сильно противоречило христианскому духу братолюбия. Может быть, именно поэтому Крестовые походы в итоге закончились поражением христиан?

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Конечно же, такой поэт, как Франциск, не мог не помышлять о Святой земле. Он стремился туда еще с детства, когда мечтал о рыцарстве, ибо какой рыцарь не грезит о Гробе Господнем? Стремился и когда ушел из мира и впервые начал проповедовать. Примерно летом 1211 года, когда братство еще было малочисленным, а Клара Оффредуччо благополучно жила под отчим кровом, наш герой предпринял первую попытку достигнуть давней цели. Не особенно афишируя своих действий, он начал искать способы попасть на Восток и в конце концов вместе с каким-то спутником сел на корабль, направляющийся в Сирию. Вот только в те времена корабельные маршруты были величиной весьма непостоянной. Они легко менялись — то из-за угрозы пиратов, то из-за погодных условий. Так случилось и с нашими путешественниками. Проплыв совсем немного, их корабль попал в сильную бурю. Крушения не произошло, но судно оказалось прибитым к берегам Далматин. Возможно, Франциск счел этот факт знаком того, что Бог не благословляет его паломничества, или же просто не нашел транспортной альтернативы. Так или иначе, он принял решение вернуться. Это тоже оказалось проблематичным, ведь денег у него принципиально не имелось. Он нашел корабль, идущий в Анкону, и начал умолять капитана взять их с товарищем на борт. Моряк отказал, как можно прочесть у Фомы Челанского — «с жестокостью». Тогда неудачливые пилигримы проникли на корабль тайно и спрятались. Дальше произошло необычайное: пришел незнакомец с мешком провизии и, отыскав среди матросов самого богобоязненного, передал ему припасы со словами: «Возьми с собой все это и честно передай все нищим, скрывшимся на корабле, когда настанет время нужды». В итоге этот корабль тоже попал в бурю и носился по морю много дней. Пища от неизвестного благодетеля помогла выжить не только Франциску с товарищем, но и многим другим.

Наш герой благополучно возвратился, а мысль о Востоке продолжала занимать его. Видимо, в какой-то момент она разделилась на два направления: собственно посещение святынь и проповедь среди мусульман. С годами вторая часть обрела самостоятельное значение. К ней добавилась еще одна идея — претерпеть мученичество за веру. В промежутки времени между 1213 и 1215 годами Франциск собрался в Испанию, решив заняться обращением мавров, а конкретно султана Мирамолина — так сокращали титул марокканского правителя, титул

которого полностью звучал как Амир аль-Муменин. В то время правил Магомет бен Нассер, потерпевший поражение от испанцев в 1212 году, навряд ли он испытывал особенно добрые чувства к христианским проповедникам. Тем не менее Франциск пустился в путь. Как пишет Фома Челанский, «столь сильно пылало в нем желание мученичества, что порой он обгонял товарища, назначенного сопутствовать ему, и, словно, опьянившись духом, устремлялся вперед к исполнению назначенного».

Небеса вновь не поддержали благого начинания. В пути Франциск заболел. Ему пришлось возвращаться и отлеживаться в Порциункуле. Такие обстоятельства оказались весьма полезными для уже знакомого нам автора первых двух житий. Примерно в то же самое время Фома Челанский решил вступить в орден и, по-видимому, очень нуждался в контакте с основателем. В «Первом житии» агиограф осмеливается упомянуть о себе в связи с этой ситуацией: «Благодетельный Господь, удостоивший в редкой милости своей вспомнить обо мне и множестве моих братьев, лично противостоял ему, когда он уже дошел до Испании, и наслал на него тяжкую болезнь, чтобы он не смог идти дальше, отозвал его с начатого пути». В орден тогда вместе с Фомой Челанским пришла очень большая группа аристократов и ученых людей.

После этого тема мусульманства и Святой земли на несколько лет исчезает из поля деятельности Франциска, но не из области интересов. Потому что 26 мая 1219 года наш герой все же отплывает от берегов Анконы в Акри. Правда, поначалу он следует вовсе не в Святые места, а в Дамьетту, где находится войско крестоносцев, противостоящее мусульманской армии. По обыкновению он отправляется в путь с товарищем. На этот раз его сопровождает брат по имени Иллюминат.

Имя это происходит от латинского слова *illuminatus* — «озаренный», «просветленный», «просвещенный». Аналогичный корень есть и в немецком — *Illuminatenorden*. Историки воспринимают такое имя как нарицательное, поскольку в Европе в разное время существовало много различных объединений (орденов, братств, сект, обществ) оккультно-философского толка и мистического характера. Иногда они действовали официально, но чаще — секретно, находясь в оппозиции Церкви и клерикальной власти. Самое известное такое объединение — Тайное общество баварских иллюминатов, созданное в конце XVIII века немецким философом Адамом Вейсгауптом и вскоре запрещенное властями. Поэтому, когда имя Иллюминат вспоминают в связи с нашим героем, которого любят, в том числе оккультисты, есть смысл уточнить: в данном случае это всего лишь монашеское имя. Слово «просветленный» во времена Франциска еще

не несло двойной смысловой нагрузки и не имело четкой привязки к сектам и ересям. А когда таковая появилась — имя исчезло из обихода.

Итак, двое братьев, получив разрешение у папского легата, на свой страх и риск пошли обращать мусульман. Надо заметить, в то время в Палестине уже находилась небольшая францисканская община, руководимая братом Ильей, но Франциск, очевидно, стремился попасть на передовую, оттого направился в Египет, где в тот момент происходили активные боевые действия.

Был август или сентябрь 1219-го, самый разгар Пятого крестового похода, когда крестоносцы отчаянно пытались вернуть потерянный Иерусалим. Не помогло объединение венгров, немцев, голландцев, фламандцев и многих других народов, армий и правителей. Тогда европейцы попытались обнаружить раскол во вражьем стане и заключили союз с сельджуками Конийского султаната против египетского султана. Потом они начали осаждать порт Дамьетту в Египте, решив обменять ее на Иерусалим, а сельджуки в этот момент начали войну в Сирии. 25 августа 1218 года одна из башен Дамьетты пала, но весь город захватить не удалось. Войско охватила эпидемия, в числе ее жертв оказались весьма знатные персоны, в том числе один из духовных лидеров похода, кардинал Роберт Керзон. Примерно в это время умер султан аль-Адиль I, ему наследовал аль-Камиль (в западном мире был известен как Меледин), который вскоре после восшествия на престол повелел награждать золотой монетой каждого, кто принесет голову христианина. Таким образом, путь в сарацинский лагерь становился смертельно опасным или вообще невозможным.

Совершенно точно наш герой знал о жестоком приказе султана. Выходя из Ассизи, он все время пел псалом 22: «Если я пойду долиной смертной тени». В самом начале пути они с Иллюминатом встретили двух овец, пасущихся на лугу, и Франциск радостно сказал своему спутнику: «Доверься, брат мой, Господу, ведь на нас и исполнится реченное в Евангелии: «Вот Я посылаю вас, как овец среди волков».

Действительно, шансов выжить у них практически не было. Однако чудо произошло, и подданные султана почему-то решили не зарабатывать на головах двух смиренных христианских монахов. Об этом рассказывает современник Франциска, французский проповедник и летописец Пятого крестового похода Иаков де Витри: «Франциск, вооружившись щитом веры, бесстрашно направился к султану. На пути сарацины схватили его, и он сказал: «Я христианин, отведите меня к вашему господину». Когда его к нему привели, то этот дикий зверь, султан, увидев его, проникся милостью

к Божьему человеку и очень внимательно выслушал его проповеди, которые тот читал о Христе ему и его людям в течение нескольких дней. Но затем, испугавшись, что кто-либо из его армии под влиянием этих слов обратится к Христу и перейдет на сторону христиан, он велел его бережно, со всеми предосторожностями, отвести обратно в наш лагерь, сказав на прощание: «Молись за меня, чтобы Господь открыл мне наиболее угодные ему закон и веру».

Францисканец Жан Элемозин утверждает: Франциск не просто проповедовал, но настоятельно требовал, чтобы султан крестился вместе со всей семьей. А если владыку не убедили проповеди, то пусть проведет испытание огнем. Зажгут костер — и Франциск вместе с любым магометанским служителем войдет в огонь ради испытания истинности веры. Султан сказал, что никто из сарацинских священников не захочет вступить в огонь за веру свою.

По сведениям других хронистов, какой-то известный магометанский священник (святой старец) в этот момент находился подле владыки. Послушав Франциска, он поднялся и вышел. Этот случай описан и в «Большой легенде» святого Бонавентуры. Там султан говорит: «Не думаю, чтобы кто-нибудь из моих священнослужителей пожелал ради защиты своей веры предать тело огню или испытать какой-нибудь другой вид пытки». Далее Бонавентура сообщает: «Ведь он (султан. — А, В,) уже заметил, как один из его старших жрецов, человек почтенный и преклонных лет, едва услышав слова Франциска, скрылся из виду».

Здесь следует сделать небольшое уточнение насчет личности этого жреца.

Французский историк, востоковед, исламовед и арабист Луи Массиньон провел тщательное исследование и пришел к выводу: «старцем» почти наверняка был аскет и ученик мусульманского мистика Халладжа, Фахр аль-Дин Фанизи. И «бежал» он вовсе не из-за страха, а по причине отвращения ко всякого рода ордалиям^[97], кои полагал дикостью.

Здесь видно непонимание между двумя культурами, но вовсе не между христианством и исламом, как можно было подумать. Конфликт происходит от чрезмерной непосредственности нашего героя. Фахр аль-Дин Фанизи не понял бы Франциска, даже если они оказались бы единоверцами. Та самая «народная», даже «детская» вера святого из Ассизи, которая очаровывала простых людей, очень часто раздражала «профессионалов» от культа — священников и теологов — своей нелепой чрезмерностью. Люди, привыкшие уповать на интеллект и образованность, часто недооценивают интуитивные озарения и с недоверием относятся к

харизматичным ораторам. Как не вспомнить тут Христово «будьте, как дети» и взаимоотношения Спасителя с первосвященниками и фарисеями?

Интересно, что люди фарисейского склада обычно не добиваются блистательных побед, несмотря на развитый интеллект. Самые яркие ученые — всегда непосредственны и в чем-то немного похожи на детей. Нет ничего удивительного и в симпатии, которая вдруг возникла у мусульманского султана к нелепому, но бесстрашному фарангу (европейцу), настолько преданному своему Богу. Возможно, он даже был бы не против оставить Франциска при себе в качестве собеседника, но, разумеется, Франциск никогда бы не согласился на такое предложение. По словам Бонавентуры, «султан, распознав в человеке Божиим столь совершенное презрение ко всему мирскому, изумился, и полюбил его, и отличал чрезвычайной приязнью».

Взаимоотношения Франциска и султана имеют еще один пласт смысла — мифологический. В народном восприятии они стоят где-то рядом с сюжетами об укрощении волка из Губбио, а также преобразившихся и смягчивших сердца разбойниках. Подчеркивается изначально жестокий характер султана, его называют *bestia crudelis* — «жестокий зверь». Затем идет трогательное сообщение, будто мусульманский правитель уже почти готов креститься, но опасается непонимания со стороны подданных. И наконец, в завершение легенды поклонники Франциска совершенно уверены, что сарацин, так хорошо обошедшийся с праведником, не может умереть без покаяния и обращения ко Христу. В «Цветочках» есть сюжет о спасении султана с помощью уже умершего к этому времени Франциска.

Эта легенда, несомненно, принадлежит к традиции средневекового сотворения истории, о котором здесь уже говорилось. Но выросла она на реальных фактах. Аль-Камиль действительно находился под большим впечатлением от святого миссионера.

На прощание султан захотел богато одарить своего нежданного гостя. Уже зная мировоззрение Франциска, мусульманский правитель не заставлял его принимать деньги и подарки лично для себя, но пытался уговорить, «чтобы тот принял все эти дары для бедняков Христовых и для Церкви, и ради спасения души этого султана»^[98]. Но Франциск наотрез отказался. Все источники объясняют этот факт одинаково: он был очень сильно огорчен. Султан не крестился, но в то же время проявил дружелюбие, лишив нашего героя даже надежды на мученический венец. А значит, вся поездка оказалась бессмысленной. Современные культурологи, конечно, не согласились бы с ним. Ведь своим опасным путешествием Франциск фактически совершил революцию в умах своих современников.

Во времена Крестовых походов к мусульманам привычно было идти с обнаженным мечом, но не с раскрытым Евангелием. Франциску удалось подняться над мироощущением и страстями своего времени. При этом он, конечно же, остался сыном своего века и не мог воспринять всей ценности своего поступка. Поэтому, простившись с султаном и получив от него разрешение впредь беспрепятственно проходить по сарацинским землям, Франциск вместе с Иллюминатом вернулся в стан крестоносцев, где его расстроили еще больше.

Нет точных свидетельств, с кем конкретно из христианских военачальников общался наш герой и насколько сильно они не поняли друг друга, но приблизительную картину восстановить можно. Как раз в 1219 году папа Гонорий III назначил своим легатом и фактическим главой Крестового похода Пайо Гальвау^[99], португальского кардинала-епископа, которого потом обвиняли в провале похода. Насколько он действительно был виноват? Султан аль-Камиль (вполне возможно, под влиянием Франциска) пытался договориться с крестоносцами о мире, отдав им Иерусалим в обмен на завоеванную Дамьетту, но папский легат не согласился, несмотря на то, что его решение оскорбило многих крестоносцев, в том числе голландского графа Виллема I, который разочаровался и уплыл домой. Вероятно, в решении папского легата сыграли роль обстоятельства, далекие от духовности. Дамьетта, будучи портом, представляла собой немалую ценность. Когда в конце 1219-го она пала, среди крестоносцев разгорелись жестокие споры: светским или духовным властям управлять ею. Поначалу в 1220 году хозяином города объявил себя Жан де Бриенн^[100], уже носивший титул короля Иерусалима в 1210–1212 годах. Однако Пайо Гальвау не допустил этого. Взбешенный де Бриенн уехал в Акру вместе со своим войском. Его смог заменить прибывший Людвиг Баварский, но лишь частично. Правда, годом позднее де Бриенн все же вернулся и наступление продолжилось.

К чему же призывал воинов Франциск? Скорее всего, он был шокирован нравами, царившими в лагере, и со всей страстью пытался обличать грехи. Доподлинно известно, что он отговаривал крестоносцев от дальнейшего наступления, предрекая поражение. А как раз именно в это время ситуация складывалась для них благоприятно. Первое наступление на Дамьетту, предпринятое после его приезда, действительно оказалось неудачным, но вскоре город был взят. Кровавая победа вовсе не обрадовала нашего героя. Полный мрачных раздумий, он покинул Египет и направился в Сирию, где в этот момент находились несколько его братьев. Он прожил

там какое-то время, мало интересуясь сводками с фронта, молясь и размышляя. Возможно, он все-таки посетил Святую землю. Судя по всему, его не очень тянуло в родные места. В какой-то момент из Италии пришли вести о сложностях, возникших в ордене, и ему пришлось возвращаться.

В итоге его пророчество оказалось верным, причем поражение крестоносцам нанес уже не султан, а словно Сам Господь. Когда по возвращении де Бриенна они решили двинуться на Каир, их путь пересекло сухое русло Нила. Они легко перешли его и двинулись на юг, но плохо рассчитали количество воды, необходимое в пустыне. Пришлось вернуться, но за это время начались дожди, и река разлилась, отрезав им путь к отступлению. Египтяне тут же использовали это обстоятельство. Они напали неожиданно и ночью. Среди христиан, увидевших непреодолимую водную стихию там, где они совсем недавно прошли «сухими стопами», началась паника. Их войско потерпело сокрушительное поражение и капитулировало. Султан милостиво подарил крестоносцам жизнь, разрешив свободное отступление. В обмен на это они обязывались вернуть Дамьетту и полностью уйти из Египта. Итоги Пятого крестового похода оказались неутешительными. С большим трудом у аль-Камиля удалось вытянуть согласие на восьмилетнее перемирие и обещание вернуть фрагмент одной из важнейших христианских реликвий — Креста Господня. Святыня так и не была возвращена. Правда, причины остались неизвестными, и некоторые поклонники легенды об обращении султана, вероятно, могли подумать, будто аль-Камиль специально оставил реликвию себе.

Вместо ожидаемого реванша Пятый крестовый поход принес разочарование и плохо повлиял на репутацию Святого престола. Большую известность получили антипапские памфлеты пера Гийома Фигейры, поэта из Окситании. В ответ на эти творения появилась пропагандная поэма «*Greu m'es a durar*», где в популярной форме объяснялось: в провале похода виноват вовсе не папа и не его легат, но «глупости нечестивых». Понятно, что на общественное мнение подобные методы влияют не слишком сильно.

Думается, пророчество Франциска крестоносцам действительно имело место, и этот факт можно легко объяснить без всякой мистики. Франциск, как человек, очень тонко чувствующий, четко воспринял внутренний разлад, раздирающий военачальников, их яростное желание послужить одновременно Богу и мамоне. Для него этот печальный факт означал неминуемое поражение, о чем он и пытался им сказать. И он был прав не только как человек глубоко верующий, но и с позиций простого здравого смысла. Ведь две столь противоположные мотивации неминуемо должны были столкнуться и разъединить людей. А для победы требуется единство.

Но было бы неверным оставить вовсе без внимания духовный смысл этого пророчества. А ведь если задуматься, оно обращено не только к конкретным воинам в лагере крестоносцев, но и к последующим поколениям — как предостережение всем, кто искажает идеи христианства. Если Бог есть любовь, как можно решать дело Божие с помощью оружия? Франциск приходит с Евангелием вместо меча и тоже не побеждает, но показывает образ истинного пути. И тогда его пророчество крестоносцам становится отблеском Нагорной проповеди.

НАСЕДКА И ЦЫПЛЯТА

Путешествие Франциска на Восток стало важной вехой не только в его личной биографии, но и в истории ордена. До этого момента братство безраздельно подчинялось своему основателю, несмотря на то что он всячески подчеркивал свою несостоятельность и никчемность по сравнению с другими братьями, к которым он всегда выказывал подчеркнутое почтение. Например, к Петру Каттани он всегда обращался не иначе как *Domine Petre* — «господин Петр». Хронисты объясняют этот факт уважением нашего героя к благородному происхождению Петра. К тому же Каттани защитил степень доктора права, а этот титул подразумевал обращение *dominus*. Но и к прочим, даже самым молодым и незнатным, Франциск всегда обращался крайне вежливо, никогда не упуская момента послужить им чем-либо. Подобная манера обращения только упрочивала его авторитет, никому в голову не приходило видеть в ней слабость, но в какой-то момент Франциск сам стал терять интерес к ордену, сконцентрировавшись на собственной духовной жизни. Это произошло скорее по внешним причинам, чем по внутренним, и таковых причин было две. Во-первых, первоначальная община, которая так или иначе собиралась вокруг Порциункулы, постепенно перестала играть роль центра. Францисканцы распространились по всей Италии, и Франциск уже не успевал следить за их жизнью, хотя поначалу и пытался как-то контролировать процесс, постоянно перемещаясь из города в город. Но он был поэтом и философом, а вовсе не администратором, поэтому не мог структурировать такие большие массы народа.

Второй причиной отдаления нашего героя от ордена стал курс на активное миссионерство в других странах. Эта идея пришла в голову Франциску после одной из его особенно удачных проповедей. Только чтобы воплотить ее практически, снова требовался талантливый организатор, а не поэт. А наш герой мог прекрасно вдохновлять, но совершенно не хотел думать о реальных трудностях, которые могли ожидать миссионеров. Например, он не учитывал того факта, что в разных странах встречаются совершенно разные обычаи и даже языки. Из-за этого случались досадные, а порой и весьма драматические неудачи. До нас дошли воспоминания одного из участников германской миссии — Джордана Джанского. Когда жители спросили францисканцев по-немецки, голодны ли они, те ответили *ja* («да») — единственное слово, которое они

запомнили. Их покормили, и они решили впредь отвечать так на все вопросы. Вскоре их спросили, не еретики ли они, которые пришли из Италии соблазнять народ. Они также ответили *ja* и тут же жестоко поплатились за свою безграмотность. Кого-то из них посадили в тюрьму, других избили. Первая германская миссия провалилась, оставив после себя шлейф слухов об ужасной стране с жестокими жителями. Только через несколько лет удалось изменить такое впечатление. Тогда Франциску уже помогли руководить орденом, и миссионеров тщательно отобрали, а главное — среди них был один германец по имени Цезарий из Шпейера, знавший язык. Правда, вторую миссию тоже чуть было не сожгли на костре за пагубное воздействие на женщин. Немецкие красавицы, наслушавшись убедительных проповедей, массово начали отказываться от богатых нарядов и драгоценностей, а их мужья и отцы, привыкшие таким образом подчеркивать свой статус, сильно разозлились.

Не лучше встретили францисканцев и в степях Венгрии. Поначалу пастухи травили братьев собаками, кололи пиками, а иногда издевались, срывая с них одежду. Чтобы защитить себя, миссионеры придумали оригинальный выход: намазались коровьим пометом, и их перестали трогать из брезгливости.

Чуть лучше обстояло дело с францисканцами в романских странах, более близких Италии по языку и обычаям. Но и там возникали неудобные ситуации. Например, в Лангедоке, где едва закончился Крестовый поход против еретиков, их спросили, не альбигойцы ли они часом. Братья, не поняв этого слова, но привыкшие вести себя кротко и не спорить по пустякам, опять-таки ответили утвердительно. К счастью, их не стали ни убивать, ни сажать в тюрьму. Местный епископ решил вначале спросить о них у папы. В итоге благодаря неприятному инциденту рядовые братья заимели то, что не удалось получить самому Франциску, а именно — официальный документ от Святого престола, подтверждающий легитимность Братьев меньших. Проникшись сочувствием к незадачливым миссионерам, папа Гонорий III издал буллу от 11 июня 1219 года, обращенную ко всему духовенству, в которой признавал жизнь Франциска и его товарищей полностью благочестивой и призывал оказывать им всяческую помощь «ради славы Господа и почтения к нам».

Отправлялись францисканцы и в мусульманские страны. В Марокко, куда попасть Франциску помешала болезнь, ушли пятеро братьев. Все они погибли от рук мусульман и сподобились мученического венца, о котором так мечтал «беднячок» из Ассизи.

Еще одна «сарацинская» миссия была послана в Тунис, но христиане,

проживающие там, попросили братьев прекратить проповедь. Они опасались нарушить хрупкое равновесие, которое сложилось между ними и мусульманским населением, поэтому францисканцев почти сразу по приезде посадили на корабль и отправили обратно.

Сам Франциск до поездки на Восток пытался отправиться с проповедью в свою любимую Францию, но по пути ему встретился кардинал Уголино и почему-то отговорил его от этой идеи.

Итак, к моменту путешествия отца-основателя на Восток в его ордене наблюдались разброд и шатание в прямом смысле слова. Ситуация усугублялась не только постоянным ростом количества братьев и их непрекращающимися перемещениями по городам и странам, но и несколько противоречивым стилем руководства Франциска. С одной стороны, он яростно до мелочей отстаивал свои идеалы, построенные на любимых им евангельских фрагментах и образах. С другой — не находил нужным ограничивать быт братьев слишком подробным регламентом. По обеим причинам возникало недовольство. Братья не выказывали его слишком открыто исключительно из любви к Франциску. Когда же он надолго, больше чем на полгода, покинул их, все противоречия выплыли, и ситуация резко обострилась.

Перед уходом Франциск оставил вместо себя трех братьев, разделив между ними обязанности. Один оставался в Порциункуле и следил за приемом новых кандидатов. Другой контролировал удаленные поселения. Третий, по имени Филипп, должен был заботиться о Нищих дамах.

Разочаровавшись в султанах и крестоносцах, Франциск отправился в Сирию и Акри, возможно, надеясь залечить духовные раны созерцанием святых мест. Может быть, он даже планировал остаться на Востоке навсегда и умереть там, на родине Христа. Все источники сходятся в одном: быстрое возвращение в Италию не входило в его планы. Но происходит встреча с братом Ильей, который сообщает ему последние новости, и настроение Франциска радикально меняется. Он страшно встревожен и начинает искать возможность вернуться домой как можно скорее.

Что же страшного произошло в ордене за время отсутствия основателя? Братья, исполняющие его обязанности, просто захотели сделать как лучше и обзавелись постоянным капитальным домом. Но в то же время решили, как говорится, полезть в пекло вперед батьки и сделать свою жизнь чуть построже. Почти с начала основания ордена Франциск постановил, чтобы братья за чужим столом пользовались любой предложенной им пищей, не стесняясь и не вспоминая о своей монашеской

аскезе. В этом распоряжении он опирался на десятую главу Евангелия от Луки: «И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат» (10:8).

В следовании этому правилу тоже проявлялось своеобразие Франциска. Его «братцы» не обрекали себя на монашескую замкнутость, но, напротив, ходили в народ, чтобы проповедовать слово Божие, и жили подаянием. Таким образом, они относительно пищи были в зависимости от других. Источники повествуют: если Франциску приходилось останавливаться у богатых граждан или знатных лиц, в таких случаях он не отказывался от непривычной для него лучшей пищи и старался с врожденной ему деликатностью не подавать виду, что в своем монашеском воздержании он брезгует угощением. Когда ему случалось обедать с мирянами и ему подносили блюда, приятные для его вкуса, он, отведав немного, извинялся под каким-нибудь предлогом, для того чтобы не показалось, что он отказывается от них из воздержания.

Как пишет Джордан Джанский, когда Франциску сказали об отмене этого правила — он как раз сидел за столом с Петром Каттани перед тарелкой с мясом. Выслушав вестника, он озадаченно спросил: «Как же нам быть, господин Петр?» Тот отвечал: «Как вам угодно». И наш герой сказал: «Так вкусим же по Евангелию от того, что нам подано». Джордан также сообщает о некоей сирийской прорицательнице, которая славилась верностью своих предсказаний. Она посоветовала Франциску возвращаться немедленно, поскольку без него «в ордене смута, он распадается и рассыпается». Такое заявление, сделанное в настоящем времени, трудно даже назвать предсказанием, но провидица, к сожалению, не ошиблась. Пока Франциск пребывал на Востоке, в братстве все пошло наперекосяк. Филипп, которому поручили заботиться о Нищих дамах, начал хлопотать о подчинении их бенедиктинскому уставу, разрешающему монастырскую собственность, — то есть как раз то, против чего боролась Клара и ради чего ей пришлось создать новый орден. Он пошел еще дальше — каким-то образом получил от папы специальную грамоту, уполномочивающую его отлучать от церкви тех, кто обижает кларисс. Мало того что это противоречило миролюбивому духу францисканства, оно еще к тому же давало немалую личную власть самому Филиппу. Но, пожалуй, пиком анархии стал поступок одного из братьев, Иоанна де Капеллы. Он решил создать свой собственный, более правильный вариант францисканства из прокаженных обоюга пола. Хотя никакого ордена еще не существовало, Иоанн написал для него устав и отправился в Рим добиваться утверждения.

По словам Джордана, были «еще разные другие смуты». Вероятно,

находясь на Востоке, Франциск не мог знать всего. Зато по возвращении он испытал потрясение от увиденного. Мы уже упоминали, как он влез на крышу только что построенного капитального дома для братьев и в ярости начал скидывать вниз новую черепицу, а перед тем выгнал на улицу всех братьев, даже тех, кто болел и лежал в постели. Один из таких больных оставил свое свидетельство об этом случае.

Дом, послуживший предметом раздора, стоял не в Ассизи, а в Болонье, куда незадачливый миссионер попал вскоре после того, как высадился на берегах Венеции. И наибольший гнев Франциска вызвала вовсе не капитальность и какая-то особенная дороговизна постройки, а тот факт, что один из братьев открыл в этом доме школу, где собирался учить других братьев. Судя по всему, этот брат хотел таким образом «социализировать» францисканцев, а может, просто реализовал какие-то личные амбиции. Намерения у него могли быть самыми благими, но в любом случае это не имело ничего общего с идеалами Франциска.

Эпизод с разрушением крыши часто упоминается в кратких биографиях. Вырванный из контекста, он рисует нашего героя как эксцентричного персонажа, который доносит до людей свои идеи посредством шоу. Но, зная всю предысторию, можно увидеть человека, доведенного до крайней степени отчаяния. Он создал прекрасное идеальное общество, а теперь какие-то случайные люди пользуются им для решения своих проблем. И он не знает, как противостоять этому.

Тема манипулирования идеалами, где Франциск предстает в роли жертвы, получила неожиданно широкий резонанс и даже прибавила святому из Ассизи дополнительной популярности за пределами католического сообщества. Образ возвышенного борца за идеалы мира и нестяжания противопоставлялся «продажной Римской курии», которая будто бы так и искала возможности «продавить» его достижения под свои нужды. Главная заслуга в популяризации этого сюжета принадлежит уже упоминавшемуся Полю Сабатье. Будучи писателем, без сомнения, выдающимся, дважды номинантом Нобелевской премии, он придерживался протестантской идеологии и не испытывал к католицизму особенных симпатий. Поэтому, несмотря на ряд фундаментальных исследований и открытие недостающей части «Легенды трех спутников», его книга «*Vie de S. Francois d'Assise*» попала в список книг, запрещенных католической церковью. Возможно, именно этот факт привел к тому, что Франциск Ассизский так полюбился русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков. Его воспринимали как пострадавшего от католичества, то есть почти своего.

На самом деле Франциска вряд ли бы канонизировали, находишься он в оппозиции папе. Да и факты говорят о его бесконечной преданности Святому престолу. Придя в отчаяние от увиденного, он находит в Болонье своего покровителя, кардинала Уголино, и жалуется ему. Церковный иерарх тут же успокаивает нашего героя: дом с черепичной крышей вовсе не принадлежит ордену Братьев меньших, это собственность Римской курии. Скорее всего, именно кардинал дает Франциску совет обратиться напрямую к папе с просьбой навести порядок в братстве. Сабатье же, назвав эту встречу «тайной историей», предполагает некие коварные замыслы со стороны Уголино и пишет о тревогах Франциска по этому поводу. Но если бы французский писатель оказался прав, он не попросил бы понтифика сделать кардинала Остии (Уголино) заместителем папы по делам францисканцев, «к которому я мог бы обратиться, когда нужно, и который вместо тебя выслушает и обсудит мои дела и дела моих братьев». К тому же после разговора с Гонорием III Франциск смог добиться отмены почти всех неприятных нововведений, сделанных братьями в его отсутствие. Нищие дамы перестали подчиняться бенедиктинскому уставу, а Иоанну де Капелле не разрешили учредить орден прокаженных.

К сожалению, глубинный конфликт оставался неразрешенным. Не Римская курия «продавливала» нашего героя, а сами братья — обычные люди, не поэты и святые. Поначалу Франциску удалось полностью убедить их в своей правоте, но время, увы, работало против его идеалистических устремлений.

Орден продолжал расти, становясь международной организацией. Управлять им с помощью харизмы становилось все более проблематичным. Франциск продолжал ощущать себя маленькой черной курицей, у которой много храбрости, но слишком маленькие крылья, чтобы укрыть даже тех цыплят, которые уже есть, а ведь постоянно прибавляются новые.

Кардинал Уголино, которого папа назначил протектором францисканского ордена, много сделал для его упорядочения. Многочисленные поселения францисканцев объединились в конвенты^[101], во главе которых стояли гвардианы^[102] или кустоды. Конвенты, в свою очередь, были собраны в так называемые провинции, управляемые провинциалами, которым Франциск передал полномочия принимать в орден новых членов. Вскоре появилась папская булла от 22 сентября 1220 года, «на имя Франциска, и приоров и кустодов братьев миноритов». В ней впервые говорилось о новициате. Теперь желающих вступить в орден Братьев меньших обязывали к испытательному сроку в виде годичного

послушничества. Пройдя его, кандидаты больше не имели права уходить в другой монашеский орден.

В булле оговаривался еще один интересный момент: лицам, не вступившим в орден, запрещалось носить одежду, напоминающую одежду францисканцев.

Монашеская униформа, называемая «хабит», имела большое значение как для самих орденов, так и для людей, которые их воспринимали. Монахи часто получали неформальные прозвища, происходящие от какого-либо элемента одежды. Например, кармелитов называли «сороками» за их смешные манто. Братья милосердия, носящие скапулиры^[103] особой формы, получили прозвище «брусочков». А название ордена капуцинов, созданного в 1525 году, как еще одна ветвь францисканства, вообще произошло от насмешливого прозвища.

С самого начала уникальной чертой францисканского костюма стала, конечно же, веревка, которой Франциск подпоясался после символического отказа от пояса. Из-за нее францисканцев звали «кордельерами»^[104].

Но и не такой уникальный капюшон тоже является частью францисканского образа. Считается, что Франциск носил его, желая походить на свою любимую птицу — хохлатого жаворонка. В «Зерцале совершенства»^[105] есть такая фраза: «Капюшон у него (жаворонка. — А. В.), как у монаха, и птица эта скромна... Одевание жаворонка, а именно его перья по цвету схожи с землей: он наставляет монахов облачаться не в роскошные и яркие, но в скромные по цене одежды, по цвету схожие с землей, ибо она — самый смиренный элемент». Капюшон присутствует на самых ранних изображениях Франциска и братьев, как правило, он остроконечный. Именно такой, как носят современные капуцины.

В ассизском музее можно увидеть одежду святого Франциска, которая послужила образцом для одеяний остальных братьев. Она землисто-коричневая. Нынешние францисканцы чаще всего носят серые рясы. Это тоже имеет свой смысл и традицию. Дело в том, что понятие «землистый цвет» очень приблизительное. В разных областях почвы разные, да еще одна и та же земля выглядит совершенно по-разному во время засухи и после дождя. Такая же картина наблюдалась и у францисканцев, рясы которых могли сильно отличаться по цветовым оттенкам. Разные общины сами выбирали себе сукно, а иногда шили из принесенного в дар. Так происходило достаточно долго, практически до 1517 года, когда францисканский орден официально разделился на обсервантов^[106] и конвентуалов. На волне очередного устроения решили привести

монашеское облачение к цветовому единству. Для этого выбрали серый цвет, символизирующий пепел покаяния и прах, из которого сотворены все люди. По легенде, сукно именно такого цвета Франциск, умирая, просил привезти Джакомину деи Сеттесоли. Ему хотелось после смерти быть завернутым в плащаницу цвета праха.

Мы углубились в историю францисканского костюма не случайно. Говоря о монахах и монашестве, редко вспоминают, что внешний вид в этой области человеческой жизни тоже бывает весьма важен, порой даже более чем у людей светских. Ведь в миру не нужно нагружать одежду каким-то духовным смыслом, кроме того, ряса францисканца — это в своем роде верительная грамота. Естественно, находилось немало охотников, желающих в одежде скромного монаха из ордена, известного своей честностью и строгостью жизни, втереться в чужой дом, а там, усыпив бдительность доверчивых людей, распорядиться чужим имуществом. А позор падает на ни в чем не повинный орден. Поэтому так значима эта папская булла о запрете использования францисканского костюма случайными людьми. В ней транслируется желание Святого престола защищать «бренд» францисканства от подделки, что говорит о принятии францисканской идеологии, а вовсе не о желании «продать» ее основателя.

Но даже заступничество папы не избавляет Франциска от духовного кризиса и горьких разочарований. В том же 1220 году он навсегда снимает с себя руководство орденом и поручает его одному из своих первых сподвижников, господину Петру, то есть Петру Каттани. Кандидатура была очень подходящей. Большая духовная близость нашему герою сочеталась в господине Петре с фундаментальным юридическим образованием, которое могло помочь в утрясании всякого рода административных вопросов. К сожалению, Каттани занимал пост главы ордена всего несколько месяцев. 10 марта 1221 года он умер. Генеральным викарием стал брат Илья Кортонский, пользовавшийся доверием и любовью Франциска. Илья не был настолько радикален в вопросах аскезы, как Франциск, но его административные способности были неоспоримы.

РАДОСТЬ И СЛЕЗЫ

Уже много говорилось об идеалах Франциска. Они были удивительно притягательны для самых разных людей. И в то же время неудобны и непонятны настолько, что люди, отказавшиеся от всего ради Франциска и не сомневающиеся в его святости, пытались отредактировать его учение.

А что оно представляло собой в реальности? Мы уже сравнивали францисканскую жизнь с ролевой игрой по Евангелию — но только всерьез и до самой смерти. Кому-то может не понравиться подобное сравнение, но частица правды в нем есть. Еще можно вспомнить в связи с этим методику актерского мастерства, которую применял Константин Сергеевич Станиславский. Ее суть в том, что актер пытается войти в образ своего героя не путем размышления о его характере, а через телесные проявления, порой вроде бы мелкие и незначительные. И в первом, и во втором сравнениях речь идет только о методике, технике, а вовсе не о глубинной сути францисканской духовности. Какова же эта суть?

Вот официальное определение из современных францисканских источников:

«В основе францисканской духовности лежит евангельский идеал и подражание Христу, воплощенные в жизни, деятельности и мысли св. Франциска. Францисканцы верят в Бога единого в Пресвятой Троице, Который есть Высшее Благо и Любовь, Творец всего мира и любящий Отец. Своими молитвами и всей своей жизнью они поклоняются Ему и славят Его с сердцами, полными радости и благодарения. В каждом человеке, особенно в бедном, несчастном, покинутом, они видят брата, достойного любви, уважения и человеческого тепла. Окружающий мир для францисканцев — это средство и путь приближения человека к Богу; в этом — источник францисканской радости, миротворческой миссии и братского отношения к природе».

В этом абзаце дважды встречается слово «радость». Причем одна из них — какая-то особая, «францисканская». Именно она и есть то ценное и уникальное, что до сих пор продолжает вызывать отклик в душах людей. Большинство, как правило, понимает ее интуитивно и приблизительно. Она подобна солнечному лучу, который невозможно потрогать, но зато он может согреть. Кажется, что подобное ощущение не стоит даже пытаться сформулировать словами. А между тем оно уже прекрасно сформулировано в источнике. Правда, это «Цветочки», которые, как мы помним, являются

скорее поэзией, чем историческим документом. Но ведь и речь в данном случае идет не о материальных вещах. Поэтому стоит процитировать здесь фрагмент из «Цветочков» о совершенной радости, целиком без сокращений^[107]:

«Однажды, в зимнюю пору, святой Франциск, идя с братом Львом из Перуджи к Святой Марии Ангелов и сильно страдая от жестокой стужи, окликнул брата Льва, шедшего немного впереди, и сказал так: «Брат Лев, дай Бог, чтобы меньшие братья, в какой бы стране ни находились, подавали великий пример святости и доброе назидание; однако запиши и отметь хорошенько, что не в этом совершенная радость». Идя дальше, святой Франциск окликнул его вторично: «Брат Лев, пусть бы меньший брат возвращал зрение слепым, исцелял расслабленных, изгонял бесов, возвращал слух глухим, силу ходить — хромым, дар речи — немым, и даже большее сумел бы делать — воскрешать умершего четыре дня тому назад; запиши, что не в этом совершенная радость». И, пройдя еще немного, святой Франциск громко вскричал: «Брат Лев, если бы меньший брат познал все языки и все науки, и все писания, так что мог бы пророчествовать и раскрывать не только грядущее, но даже тайны совести и души, запиши, что не в этом совершенная радость». Пройдя еще немного дальше, святой Франциск еще раз восклицает громко: «Брат Лев, овечка Божия, пусть меньший брат говорит языком ангелов и познает движения звезд и свойства растений; и пусть ему откроются все сокровища земные, пусть узнает он свойства птиц и рыб, и всех животных, и людей, и деревьев, и камней, и корней, и вод; запиши, что не в этом совершенная радость». И, пройдя еще немного, святой Франциск восклицает громко: «Брат Лев, пусть научился бы меньший брат так хорошо проповедовать, что обратил бы в веру Христову всех неверных; запиши, что не в этом совершенная радость».

И, когда он говорил таким образом на протяжении двух миль, брат Лев с великим изумлением спросил его и сказал: «Отец, я прошу тебя во Имя Божие, скажи мне, в чем же совершенная радость?» И святой Франциск отвечал ему: «Когда мы придем к Святой Марии Ангелов вот так, промоченные дождем и прохваченные стужей, запачканные грязью и измученные голодом, и постучимся в ворота обители, а придет рассерженный привратник и скажет: «Кто вы такие?» А мы скажем: «Мы двое из ваших братьев»; а тот скажет: «Вы говорите неправду, вы двое бродяг, вы шляетесь по свету и морочите людей, отнимая милостыню у бедных, убирайтесь вы прочь»; и не отворит нам, а заставит нас стоять за воротами под снегом и на дожде, терпя холод и голод, до самой ночи; тогда-

то, если мы терпеливо, не возмущаясь и не ропща на него, перенесем эти оскорбления, всю эту ярость и угрозы и помыслим смиренно и с любовью, что этот привратник на самом-то деле знает нас, а что Бог понуждает его говорить против нас, запиши, брат Лев, что тут и есть совершенная радость. И если мы будем продолжать стучаться, и он, разгневанный, выйдет и прогонит нас с ругательствами и пощечинами, словно надоедливых бродяг, говоря: «Убирайтесь прочь, гнусные воришки, ступайте в ночлежный дом, потому что здесь для вас нет ни трапезы, ни гостиницы»; если мы это перенесем терпеливо и с весельем и добрым чувством любви, запиши, брат Лев, что в этом-то и будет совершенная радость. И если все же мы, принуждаемые голодом, холодом и близостью ночи, будем стучаться и, обливаясь слезами, будем умолять именем Бога отворить нам и впустить нас, а привратник, еще более возмущенный, скажет: «Этакие надоедливые бродяги, я им воздам по заслугам»; и выйдет за ворота с узловатой палкой, и схватит нас за капюшон, и швырнет нас на землю в снег, и обобьет о нас эту палку; если мы все это перенесем с терпением и радостью, помышляя о муках благословенного Христа, каковые и мы должны переносить ради Него; о брат Лев, запиши, что в этом будет совершенная радость. А теперь, брат Лев, выслушай заключение. Превыше всех милостей и даров Духа Святого, которые Христос уделил друзьям своим, одно — побеждать себя самого и добровольно, из любви ко Христу, переносить муки, обиды, поношения и лишения; ведь из всех других даров Божиих мы ни одним не можем похвалиться, ибо они не наши, но Божии; как говорит апостол: *«Что у тебя есть, чего бы ты не получил от Бога? А если ты все это получил от Бога, то почему же ты похваляешься этим, как будто сам сотворил это?»* (1 Кор. 4:7). Но крестом мук своих и скорбей мы можем похвалиться, потому что они наши, и о том апостол говорит: *«Одним только хочу я похвалиться — Крестом Господа нашего Иисуса Христа»* (Гал. 6:14)».

Этот текст в полной мере выражает метафору жизни святого Франциска, ключ к постижению францисканской радости.

Можно сказать, что это уже и не про радость даже, а про некую высшую свободу, защищающую от любых земных страхов. Такой была доктрина нашего героя, именно она привлекала красотой, отталкивала суровостью и вызывала жгучее желание создать какую-нибудь версию-лайт, пригодную для обычных, несвятых людей.

А сам Франциск, владел ли он искусством этой радости и свободы? В Ассизи продаются сувениры с изображениями счастливых улыбающихся монахов в коричневых капюшонах. Но жития говорят о плаче святого.

Частыми горькими слезами современники иногда даже объясняют болезнь его глаз.

Действительно, наш герой очень редко пребывал в гармонии. Его мучили тяжелые психологические состояния. Вообще, с точки зрения объективной до цинизма официальной медицины, внешние проявления жизни Франциска могут сойти за банальные симптомы душевной болезни: начиная от внезапного прозрения у могилы апостола Петра и увлечения нищей жизнью до необычных поступков, поздних видений, даже стигматов. Русский врач-психиатр Николай Николаевич Топорков (1873–1935) в своем труде «Религиозные движения и душевное расстройство» попытался объяснить тяжелым психическим диагнозом все духовные достижения Франциска Ассизского:

«Большинство таинственных фактов из жизни Франциска — его видения, мистические беседы с Христом, борьба с демонами и пр., — находят себе легкое объяснение в тех аналогиях, которые дает нам клиника душевных болезней... В биографии св. Франциска много данных, имеющих глубокий психиатрический интерес. Не претендуя на точную клиническую квалификацию наблюдавшихся у него болезненных явлений, возьмем только то бесспорное, что вытекает из его жизнеописания. Ярко, пластично изображены состояния маниакального возбуждения Франциска. Здесь имеется резкая переоценка собственной личности, резкое двигательное возбуждение. Очень характерны состояния эйфории и глубокий контраст между ними и тяжелыми внешними условиями, при которых они имеют место. Не менее характерно описаны состояния депрессии; острая душевная боль, неспособность реагировать в такие периоды на какие бы то ни было свежие, бодрящие впечатления. Не подлежит сомнению, что Франциск нередко испытывал обманы органов чувств: зрения и слуха, а также общего чувства, и что наплыв обманов органов чувств был связан иногда с состояниями тревоги, страха. Уже после того как у Франциска имели место все описанные явления, когда он был уже отмечен печатью душевного расстройства, он стал во главе религиозного движения, которое носит, несомненно, признаки психопатической эпидемии».

Исследования профессора Топоркова вполне научны. Однако научное мировоззрение не является синонимом истины точно так же, как не являются ею и интуитивное мировоззрение, религиозные и философские системы. Религия, философия, наука, эмпирическая реальность — все они представляют лишь разные пути к единой цели — постижению тайны бытия.

В таком слиянии материального и духовного, научно обоснованного и мистического существует и наше тело. Есть целая область, вполне признаваемая официальной медициной, — психосоматика. Известно, что разного рода мышечные зажимы и психологические комплексы способны стать причиной физиологических заболеваний. И наоборот: позитивный настрой повышает шансы больного на выздоровление. Поэтому для биографа интересно медицинское исследование совсем иного рода. Интересно поставить нашему герою не психиатрический, а физиологический диагноз. Понять, как болезни корректировали его жизнь, а главное — отследить периоды духовных кризисов по общей картине здоровья. Автор совместно с врачом одной из московских клиник, Дмитрием Михайловичем Максименко, попыталась провести такое исследование.

Конечно, точный диагноз нашему герою поставить нелегко, однако при анализе письменных свидетельств можно все-таки попробовать сделать довольно конкретные выводы.

Помня о происхождении нашего героя, логично предположить, что в детстве он не испытывал физических лишений и рос здоровым нормальным ребенком, которого обходили стороной заболевания, распространенные в то время. Дети из бедных семей часто имели отклонения в развитии, вызванные недостаточным или неполноценным питанием, — от рахита и других авитаминозов до кретинизма. Впервые с проблемами здоровья Франциск столкнулся после заключения в перуджинской тюрьме. Разумеется, тюремные условия далеки от здорового образа жизни, но если вспомнить факты, получается, что болел он, уже вернувшись домой. А находясь в заключении, наоборот, чувствовал себя настолько бодрым, что постоянно пел и поддерживал товарищей, упавших духом. Конечно, он мог серьезно заболеть к концу заточения. Одна из версий говорит, будто его и освободили-то по болезни. Но именно то время, пока он лежал дома в весьма тяжелом состоянии, стало для него также и духовным кризисом, выйти из которого он смог лишь полностью перечеркнув прежнюю жизнь. Изменив себя духовно, он полностью выздоровел физически.

Чем конкретно он тогда болел? Некоторые источники упоминают лихорадку. Скорее всего, она стала следствием истощения во время нахождения в плену. Могла быть и травма, наложившаяся на плохие условия. В любом случае позже он смог полностью восстановить свои силы, иначе бы вряд ли смог думать о рыцарском походе. Этот факт говорит о крепости здоровья молодого Франциска. Именно это чрезмерное

здоровье, эта витальность в какой-то момент начали сильно раздражать его своей слишком земной энергией. И он, подобно другим аскетам, занялся умерщвлением плоти.

Первым средством смирения тела, разумеется, стал суровый и продолжительный пост. Подвиги Франциска в этом отношении порой были столь экстремальны, что вызывали удивление и глубокое почтение к нему даже среди подвижников. Власяницы, постоянные епитимьи, невзгоды, нищая жизнь, утомление от проповеднической деятельности (в день приходилось посещать по четыре-пять деревень), ночевки на голой земле и питание — самое плохое, какое можно было себе представить. Ведь даже нищие питались чем Бог послал, а рьяный аскет-неофит поначалу и милостыню подвергал тщательной проверке, отбирая самое худшее. Обращает на себя внимание его удивительная выносливость. Он не только долгое время выдерживал все эти красочно описываемые биографами лишения, но при том еще постоянно занимался каким-либо трудом, и «никто не смел пребывать в праздности при нем, ибо немедленно получал строгое внушение». Иммунитет Франциска тоже явно был очень силен, иначе бы при таком тесном контакте с прокаженными он точно не уберегся бы от инфекции. Можно сказать, он создал свой орден и развивал его первое время, будучи исключительно крепким и здоровым человеком. Но после какого-то момента мы видим совсем другого Франциска, буквально разваливающегося на наших глазах от многочисленных тяжелых хворей.

Конечно, легче всего прийти к выводу, что Франциск наконец-то «довел» себя и его организм не вынес сверхнагрузок. Но хронологически резкая утрата здоровья, похоже, совпадает со вторым серьезным духовным кризисом, когда, уже и так изрядно утомленный непонятной позицией Иннокентия III, он столкнулся с непониманием внутри собственного ордена. Вообще, конец 1210-х годов ознаменован для него чередой горьких разочарований. Пройдя столько препятствий, он попадает, наконец, в вожделенную Святую землю, но не может решить ни одной из поставленных перед собой задач. Султан не пожелал перейти в христианство, крестоносцы не захотели слушать предостережений, даже пострадать за веру не удалось. После общения с султаном и крестоносцами Франциск совершенно не торопится возвращаться домой, но при этом не стремится продолжать проповедовать на Востоке, а просто общается с братьями. Налицо апатия и безразличие, очень для него нехарактерные. На родину Франциска вынуждает вернуться форс-мажорная ситуация в ордене, которая портит настроение еще больше. После череды этих событий наш герой вдруг становится практически инвалидом. В последние

годы он даже не в состоянии ходить, хотя ему всего лишь около сорока лет. При этом, как ни странно, душевное состояние его гораздо бодрее, чем во времена похода на Восток. Он активно продолжает деятельность проповедника, передвигаясь на осле. Ласково наставляет братьев и поет гимны. Ему удастся победить второй тяжелейший духовный кризис. Об этой яростной борьбе, закончившейся обретением стигматов, стоит поговорить отдельно. А пока попытаемся реконструировать «медицинскую карту» нашего героя последних лет его жизни.

Главной проблемой здоровья Франциска источники называют загадочный неизлечимый недуг, поразивший его глаза. «Глаза, черные, нежные глаза, которые говорили о Боге, окаймились кровью из-за неизлечимой восточной болезни». Современники объясняли непонятную хворь постоянными слезами о страданиях Спасителя. Вряд ли такая версия состоятельна. Скорее всего, заболевание глаз имело инфекционную природу. Оно могло возникнуть на жарком Востоке из-за несоблюдения правил гигиены. Но Франциск постоянно странствовал и раньше, а Италия — тоже страна с весьма знойным климатом. Рискнем высказать предположение, что причиной недуга была лепра, носителем которой он являлся со времен своего тесного общения с прокаженными. Микобактерии, являющиеся возбудителем этой страшной болезни, много лет дремали в его крови, охраняемой сильным иммунитетом. Когда же произошел тяжелый личностный кризис, защитные силы организма ослабли — и Франциск получил язвенное поражение роговичной оболочки глаз, которое вполне может иметь микобактериальную природу. Может быть, проживи он подольше, у него обнаружили бы и явные признаки проказы. А так он только постепенно терял зрение, пока не ослеп вовсе.

Лечили его соответственно взглядам медицины XIII века, когда господствовала античная теория римского врача Галена о циркуляции и гармоническом сочетании в организме четырех жидкостей — крови, слизи, желтой и черной желчи. Физическое воздействие на определенные точки тела должно было изменять нарушенную циркуляцию жидкостей, проявляющуюся в виде того или иного заболевания. Искусство врача в средневековой Европе также заключалось в создании и воспроизведении сложных лекарственных средств. Причем этот процесс сильно отличался от современной фармакологии, поскольку многие ингредиенты добавлялись в лекарства из философских, а вовсе не медицинских соображений. Средневековый фармацевт обязательно имел понятие об алхимии.

Прижигания, которыми лечили Франциска, использовались в военной хирургии с незапамятных времен. Во времена отсутствия антибиотиков

данная процедура порой действительно спасала от заражения крови и гангрены. Делали ее огнем или раскаленным металлом. Можно понять, как высокая температура обеззараживает или останавливает кровотечение (разумеется, не всякое). Но нашему герою для лечения глаз прижигали виски, а однажды пробовали даже лечить через ухо. Непонятно с точки зрения здравого смысла. Очевидно, имелась в виду уже упомянутая теория о воздействии на точки тела для гармонизации пресловутых четырех жидкостей. Вполне логично, что инфекцию таким образом вылечить не удалось. Зато больному причинили страдание, гораздо большее, чем вызывал недуг.

Возможно, Франциск мог бы выздороветь сам, если бы вдруг очень захотел жить. Кто знает, вдруг его огромная витальность подстегнула бы угасший иммунитет? Только подобной мотивации он не имел. Наоборот, обретя стигматы и получив наконец признание Небесного Отца, он стремился как можно скорее попасть в Его Царство.

Забегая вперед скажем: умер он не от своей неведомой глазной болезни и не от проказы. Описания симптомов в последние месяцы жизни приблизительны и противоречивы. Биографы пишут о болезнях желудка, печени и селезенки, но в те времена врачи не настолько хорошо разбирались во внутренних органах человека. Возможно, из-за упадка иммунитета Франциск стал жертвой инфекционных болезней, передающихся с пищей, — дизентерии и брюшного тифа. Известно лишь, что порой его целыми днями рвало кровью и, когда доктор сказал ему о скором конце, он очень обрадовался.

При этом он никогда не жаловался, называя болезни «сестрами». Бонавентура в XIV главе своей «Большой легенды» рисует яркий образ силы духа умирающего святого: «В течение двух лет от запечатления на его теле святых стигматов, то есть до двадцатого года после его обращения, Франциск был мучим множеством различных болезней и подвергался всевозможным ударам, словно камень, лежащий на кровле здания иерусалимского, словно кузнечная работа, под множеством ударов молота доведенная до совершенства».

Скорее всего, мы не ошибемся, предположив, что как раз в последние, крайне мучительные годы, месяцы, дни он чувствовал себя счастливым и обрел ту совершенную радость, о которой говорил брату Льву. Этому предшествовала жестокая борьба. С многочисленными разочарованиями в близких людях в частности и в человеческой природе в целом. Возможно, удивительный контакт Франциска с животными объясняется еще и его неосознанным желанием уйти из мира людей, отдав свой огромный запас

любви и сострадания более благодарным существам — птицам, цикадам или овечкам, которых он спасал от смерти, выкупая у продавцов на рынках. Но, поступая так, он противоречил глубинному смыслу своего собственного учения. Нужно было перестать чувствовать горечь от непонимания, ведь за этой горечью стояло не что иное, как обыкновенное маловерие, присущее всем нам. Таковым представляется «кризис среднего возраста» нашего героя на основании источников. И ему, аскету, давно избавившемуся от любых земных слабостей и привязанностей, вновь потребовалось уйти из мира, чтобы разобраться в этих сложных вопросах.

ЛЕСТНИЦА НА НЕБО

У Франциска не было собственного дома, денег, мебели и даже второго комплекта одежды. Зато ему довелось владеть такой крупной недвижимостью, какой могут похвалиться далеко не все богатые люди. Однажды ему подарили целую гору. Произошло это удивительное событие еще в 1213 году, в один из теплых майских дней, когда наш герой забрел в высокогорный городок Сан-Лео, что рядом с нынешним карликовым государством Сан-Марино. Когда-то это поселение имело важное стратегическое значение и даже являлось столицей древнего варварского Королевства Италия при Беренгаре II. Основали же его римляне в III веке до Рождества Христова, при них оно называлось *Mons Feretrius* в честь Юпитера Феретрийского, храм которого стал первой постройкой.

Появившись там, Франциск, по обыкновению, вышел на главную городскую площадь и начал проповедовать перед собравшейся толпой. Среди слушателей оказался граф Орландо Катани ди Кьюзи, владелец обширных земельных угодий. Его потрясли слова о бедности, любви и ценности страданий. После проповеди аристократ подошел к Франциску и сказал: «У меня есть одна гора, уединенная и дикая. Она очень подходит тем, кто хочет совершить покаяние вдали от людей. Если захочешь, я с радостью отдам ее тебе и твоим товарищам ради спасения моей души».

Поначалу Франциск хотел отказаться, ведь он боролся с любым проявлением собственности, но что-то заставило его задуматься. Гора ведь довольно странная вещь для подарка. А эта еще и имела свою особенную историю. Называлась она Верной (*alia Verna*) в честь языческой богини Лаверны, покровительницы воров, чье святилище когда-то там находилось. По легенде, вору и разбойники скрывались в густом лесу на ее склонах, в оврагах и глубоких пещерах. Лаверна также покровительствовала изгнанникам и беженцам. Вряд ли языческие легенды сильно привлекали нашего героя, но он вполне мог проассоциировать себя и своих «братцев» с несчастными отверженными.

Видимо, он решил сходить туда вместе с графом и поразился мистическому ощущению этого места.

Верна действительно производит сильное, немного жутковатое впечатление. Черные камни скал, темные стволы деревьев, растущих в страшной тесноте. Некоторые ели достигают пятидесяти метров в высоту и почти двух метров в обхвате. Не слышно пения птиц, кругом давящая

тишина. Кажется, что Толкиен создал свой Вековечный лес, вдоволь нагулявшись по склонам Верны. Может быть, великий профессор действительно в свое время оказался под сенью пятидесятиметровых елей и буков, помнящих Франциска? На самом деле это более чем вероятно, ведь Толкиен был убежденным католиком и неоднократно заявлял, что «Властелин колец» относится к «католическим» книгам. Исследователи действительно находили в его эпосе католическую символику. Например, весьма марианский образ Галадриэль, которую сравнивают со звездой и которая вручает хранителям семь даров. Империя Саурона гибнет в день Благовещения — 25 марта. И Франциск Ассизский тоже явно присутствует в произведении Толкиена. Это Радагаст Карий, или Бурый. Он ходит в хламиде того же цвета, что и наш герой, он всегда окружен различными животными, с которыми разговаривает, словно с друзьями...

Подняться на Верну сейчас довольно просто: на автомобиле по серпантину, а потом уже совсем немного пешком. Всего сто лет назад паломники добирались туда по полдня, карабкаясь по тропам, разбитым копытами мулов. Интересно, что когда наконец выбираешься из-под душной тяжелой сени многовековых деревьев, то совершенно не ощущаешь простора и свободы, какие обычно охватывают на вершине горы. Кажется, что ты попал под взор всевидящего ока.

Может быть, это странное ощущение создают рассказы о Франциске или пустой черный крест, словно вонзающийся в небо, и такой же строгий и простой архитектурный ансамбль из серого камня. Церковь Святой Марии Ангельской — сестра Порциункулы. Иногда говорят, будто ее построил лично сам Франциск, но ко времени ее создания (1218 год) он был сильно занят проповеднической деятельностью и вряд ли принимал личное участие в строительстве. Средства на постройку выделил бывший хозяин горы, граф Орландо, который в конечном итоге сделался францисканцем.

Церквушка получилась маленькая, как и Порциункула, итальянцы называют ее ласково «кьезина». Помимо нее на Верне находится Капелла стигматов, построенная в 1263 году, как раз на том месте, где произошло мистическое событие. В нее ведет коридор с фресками, изображающими ключевые моменты жизни Франциска. Этот коридор возвели во второй половине XVI века, и с тех пор монахи ежедневно проходят по нему в молитвенной процессии. По легенде, однажды на горе поднялась такая сильная вьюга, что процессию решили отменить. Наутро в коридоре обнаружили множество разных следов. Птицы и звери не дали традиции нарушиться. Они почтили память своего заступника, пройдя по коридору

вместо людей.

Как Франциск относился к своей горе? Известно, что первые братья поселились там еще в 1214 году. Не очень понятно, часто ли приходил туда он сам. Но, размышляя о Христе, он не мог позабыть о горе Фавор, на которой произошло Преображение. Возможно, он с самого начала приглядывался к Верне как к месту мистической встречи с Небесным Отцом, иначе вряд ли согласился бы принять от графа такой дорогой подарок. Внутренняя духовная жизнь нашего героя покрыта мраком тайны. Мы можем только предполагать. Скорее всего, он очень хотел этой главной Встречи и одновременно боялся оказаться недостойным, потому и шел на свою гору так долго. Но вероятнее другое. Активная апостольская деятельность в миру поначалу казалась Франциску более важной, чем абсолютное погружение в молитву. Его приоритеты постепенно менялись. Можно сказать, каждое его разочарование становилось ступенькой лестницы, ведущей в небеса. Но что же его так разочаровывало?

В последние четыре года перед своим духовным восхождением Франциск достиг почти всего, о чем мечтал. Международное миссионерство наконец-то вышло на новый уровень. Братья, уходившие в другие страны, уже не делали таких досадных оплошностей, как в самом начале. Завязывались новые связи. В орден приходили иностранцы, которые, в свою очередь, несли францисканское учение дальше. 30 мая 1221 года состоялось общее собрание францисканцев, названное Генеральным капитулом «соломенных хижин», или «рогожек». По преданию, там присутствовал и Доминик, правда, историки сильно в этом сомневаются, поскольку испанский святой в это время, скорее всего, находился на Юге Франции.

Традиция капитулов началась еще с самых истоков монашества. Устав Бенедикта Нурсийского предписывал созывать на совет всю монашескую братию в орденах для обсуждения хозяйственных вопросов и публичного чтения устава. Обычно капитулы проходили в монастырях, но «рогожки» совершили сию официальную процедуру в полном согласии с францисканским духом. Они собрались рядом с Порциункулой, с которой все начиналось, и жили в хлипких шалашах, едва защищающих от дождя. В остальном все произошло вполне по-взрослому. Решением капитула назначили генеральным викарием брата Илью и официально одобрили текст «Правил», с которым когда-то Франциск ходил к папе Иннокентию. За процедурой наблюдал папский посланник в лице кардинала Уголино. Папа Гонорий III, в свою очередь, тоже признал текст «Правил», правда, опять без буллы. Он пояснил, что присоединяется к одобрению своего

предшественника. Зато в том же 1221 году понтифик официально утвердил «Memoriale propositi», руководство для ордена Покаяния, то есть терциариев.

Два следующих года Франциск активно проповедует по итальянским городам и селам. Ходит он уже с трудом и все чаще вынужден ездить на осле. Этот факт раздражает и печалит его, поскольку ему приходится находиться в более комфортных условиях, чем его спутникам, а он привык выбирать для себя самое худшее. Эта ситуация вызвала к жизни еще один сюжет — об умении нашего героя читать мысли других людей. Однажды он ехал верхом, а его спутник, идущий рядом и изрядно уставший, почувствовал укол зависти. И тут же Франциск, будто услышав, предложил товарищу поменяться и слез с осла. Кстати, еще одно подтверждение психосоматической природы болезней нашего героя. Если бы его ноги не действовали из-за физических причин, он не смог бы вдруг найти силы и оказать подобную любезность.

К августу 1222 года Франциск оказывается в Болонье, где 15-го числа проповедует при большом стечении народа. Среди его слушателей — студенты университета, люди ироничные и критически мыслящие. Но и они оказываются под влиянием мощной харизмы ассизского проповедника.

И все же, несмотря на народную любовь и явные симпатии со стороны священства, орден продолжал быть как бы недооформленным. Почему складывается такая неоднозначная ситуация? Потому ли, что папа считает устав уже признанным, не нуждающимся в дополнительной булле? Или все же в писаниях Франциска что-то не так? Происходящее его огорчает и побуждает к изменениям. В начале 1223 года он вместе с двумя братьями — Львом и Бониццо — удаляется в местечко Фонте-Коломбо для подготовки другого устава, более краткого и четко сформулированного. Мозговой штурм проходит не зря. Три монаха возвращаются с новым документом. 11 июня его выносят на обсуждение Генерального капитула, а потом передают в Рим. И вот, 29 ноября того же 1223 года, выходит долгожданная булла «Solet annuere», объявляющая устав Братьев меньших полностью законным.

Казалось бы: вот она победа, вознаградившая многолетние ожидания. Долгожданное полное единение с матерью-Церковью. Как бы хотелось здесь написать о радости и торжестве нашего героя! Но Франциска снова охватывают беспокойство и огорчение. Устав признан, а многие братья ему не соответствуют. Каждый день происходит множество ситуаций, когда евангельские идеалы сталкиваются с бытовыми обстоятельствами и проигрывают. Как бороться с этим? Выгонять недостойных из ордена? А

если это викарий, избранный капитулом, или вообще один из ближайших друзей?

Вот уже строят дом у Порциункулы — святыни францисканства. Франциск слышит стук топоров и зовет к себе викария для разбирательства. «Брат, — говорит он, — здесь прообраз и образец для всего ордена, и потому я хочу, чтобы все живущие здесь братья испытывали беспокойство и неудобства из любви к Господу и чтобы братья, сюда приехавшие, уносили отсюда домой добрый пример бедности». Далее Франциск объясняет, что если уж в Порциункуле построят капитальный дом, то это станет негласным разрешением для всех остальных общин не отказывать себе в нормальном человеческом жилье. А это не согласуется с Евангелием: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лк. 9:58).

Викарий резонно возражает, что братьям негде даже молиться, не говоря уж об отдыхе.

Этот сюжет есть в «Зерцале совершенства» и не только там. Где-то нашему герою противостоит только викарий, где-то еще и множество братьев, но финал везде одинаков: Франциск вынужден уступить — и тут же в разных общинах появляются дома. Единственное его требование, чтобы строили только из бревен, а не из камня. Братья снова не согласны: не во всех областях дерево дешевле камня. Ему приходится соглашаться. Тут же выясняется, что нельзя обходиться и без запасов одежды, потому что есть страны с климатом более суровым, нежели итальянский. Но и в самой Италии есть горы, где иногда случаются вьюги и морозы. Обнаруживается куча лазеек для обхождения строгости. К тому же с новой остротой встает проблема образования. Нужно знать Священное Писание, а книги страшно дороги. А еще в орден приходит все больше ученых людей. Они рвутся просвещать всех, а сами при этом любят науку больше Господа. Как они могут быть учителями?

И вот уже генеральный министр ордена позволяет одному послушнику иметь собственный Псалтырь в обход Франциска. Узнав об этом, он предрекает юноше: «Если у тебя будет Псалтырь, ты пожелаешь иметь и breviарий, а когда получишь breviарий, сядешь на кафедру, как важный прелат, и станешь приказывать брату: подай-ка мне breviарий». Сказав это «с большой горячностью», Франциск схватил горсть пепла и начал яростно втирать в голову послушнику со словами: «Вот тебе breviарий!»

Таких историй, показывающих постоянные конфликты нашего героя с его ближайшим окружением, очень много. Вероятно, в последние годы жизни он чувствовал себя одиноким защитником крепости, которую

постоянно осаждают. Можно представить себе это состояние: каждый день твое любимое детище подвергается атаке то с одной, то с другой стороны. Чаще всего это просто мелочи, но дьявол глядит из них, и они складываются в сеть трещин, от которых постепенно рушится и приходит в упадок любая твердыня. А главное, Франциск не может ни на кого положиться. Самые близкие из его сподвижников, которые десять лет назад безоговорочно шли за ним, начинают уставать и искать компромиссов, а то и вовсе образуют скрытую оппозицию. Бонавентура пишет о том, как Франциск, в уединенном месте, сидя на хлебе и воде, создал «Правило» и передал его генеральному викарию Илье, а тот потерял его. Нашему герою пришлось уходить в уединение и совершать пост повторно, дабы восстановить текст, написанный в мистическом состоянии духа. Не верится, что такой успешный администратор, каким был Илья, действительно мог потерять ценный документ, особенно если учесть весьма небольшое количество текстов, созданных Франциском.

Основатель ордена медленно превращается в свадебного генерала. В окончательной редакции устава, утвержденной в 1223 году, у братьев отнимается ранее оговоренное право не исполнять приказаний министров, если они противоречат францисканскому духу. Минориты также могут получать и деньги, правда, лишь в самых крайних случаях. Но крайних случаев не так уж мало. Помимо нужд больных братьев, туда входит, например, приобретение одежды, соответствующей климату данной местности. Право решать, в каких ситуациях возможно прибегать к деньгам, появляется у министров и кустодов.

А ведь когда-то «беднячок» из Ассизи специально вырабатывал у своих первых сподвижников отвращение к деньгам, заставляя брать монету ртом и бросать ее на кучу ослиного помета!

Очевидно, Франциск согласился на все эти неприемлемые для себя пункты под давлением тех, кто уже полностью захватил орден в свои руки. А что он мог противопоставить им? Только собственную харизму, которая мало годилась для закулисных игр.

Поэтому он не борется, а ищет альтернативные возможности проявить себя. Продолжает проповедовать, общается со зверями и птицами и с братом Якопой, которая ничего от него не требует, а только печет печенья, вяжет власяницы, похожие на фуфайки. Может быть, в беседе с ней Франциску пришла в голову мысль устроить Рождественский вертеп. Правда, в те времена такого слова еще не знали. Как уже говорилось, именно Франциск создал эту красивую традицию. Сам он объяснял свои необычные для тех времен действия желанием «отпраздновать рождение

того Младенца, Который родился в Вифлееме... вспомнить тяготы Его первых дней, когда Он положен был в ясли, и плотскими очами увидеть, как это Он лежал на сене, а рядом стояли вол и осел»^[108]. Наверное, Франциск пережил настоящее счастье в ту Рождественскую ночь. Он стоял около яслей рядом с настоящими животными и пастухами, верившими, что происходившее 12 веков назад происходит сейчас с ними.

Говорят, будто жителям Греччо до этого постоянно не везло. Их мучили то неурожай, то болезни, то разбойники. А после праздника их жизнь наладилась. Так бывает. Внезапное яркое переживание радости способно переключить людей, вывести их из сценария привычной беспомощности — явления хорошо известного психологам. А изменившееся психологическое состояние часто начинает притягивать другие ситуации.

Но Рождество закончилось. Старые конфликты никуда не делись, а сил становилось все меньше. Вконец огорченный ситуацией в ордене, наш герой принял решение удалиться на свою гору и провести там сорокадневный пост перед праздником Торжества архангела Михаила.

Он пришел туда 15 августа 1224 года вместе с двумя братьями, один из которых звался брат Лев (Леон), в устах Франциска — «овечка Божия». Его житие было включено в один из документов францисканского ордена середины XIV века. Агиографы Франциска, ищущие в его биографии моменты, сходные с жизнью Христа, отводят брату Льву роль апостола Иоанна, «любимого ученика».

Брат Лев, судя по всему, действительно был очень близок Франциску и тоже был родом из Ассизи. Один из историков XX века, Арнальдо Фортини^[109], озадачившись деталями его биографии, нашел в архивах Ассизского собора упоминание о *Domine Leone*, что указывало на возможное священство брата Льва.

Этот «любимый апостол» исполнял при Франциске обязанности секретаря и оставил после себя два серьезных документа: «*Verba Sancti Francisci*» («Слова святого Франциска») и «*Intentio Regulae*» («Назначение устава»). Причем второй из документов обнаружен сравнительно недавно немецким историком Леонардом Леменсом (1864–1929).

Братья везли Франциска, уже почти слепого, на муле по крутым тропам. До конечной точки маршрута добраться верхом не представлялось возможности. По легенде, туда, где сегодня стоит Капелла стигматов, люди проходили по стволу дерева, переброшенному через зияющую трещину. Франциск специально выбрал это место. Для наибольшего уединения? Или,

опасаясь встречи с высшими силами лицом к лицу, решил заранее отрезать себе пути к отступлению?

Он также позаботился, чтобы никто не помешал столь важной встрече. Запретил всем братьям, кроме Льва, навещать его. А любимой «овечке» велел приходить раз в день с хлебом и водой и еще раз для молитвы в утренний час, но только после условного сигнала — стиха, которым начинается служба Утрени: «Domine, labia mea aperies» («Господи, отверзи мои уста»). Франциск должен отвечать второй частью этого же песнопения: «Et os meum annuntiabit laudem tuam» («И уста мои возвестят хвалу Тебе»).

Автор «Цветочков» рассказывает целую историю о поисках правильного места, «более тайного и уединенного, в котором мог бы он, вполне уединясь, совершать пост». Франциск просил брата Льва отойти на далекое расстояние и позвал его. Тот пришел, и наш герой сказал ему: «Сыночек, поищем другого места, такого тайного, чтобы ты уже не мог услышать, как я тебя позову».

Впрочем, добрая «овечка», переживая за любимого учителя, все же осмелилась нарушить строгие инструкции. Ведь ко времени ухода на гору состояние здоровья Франциска вызывало опасения даже не у самых близких людей. Поэтому брат Лев оборудовал себе укромное местечко неподалеку от кельи учителя и, пользуясь его слепотой, дежурил там почти постоянно.

Франциска с братом Львом охраняло еще одно живое существо — самка сокола, которая свила гнездо рядом с местом, где он спал. По легенде, она будила святого ровно в час заутрени, продолжая хлопать крыльями, пока он не поднимался на молитву. Но если накануне он уставал больше обычного, птица давала ему поспать. Им обоим — соколихе и брату Льву — довелось стать свидетелями главного события в жизни Франциска Ассизского.

ВЕРШИНА СМЫСЛА

Фильм Лилианы Кавани «Франциск» с Микки Рурком рассчитан не на богословов и монахов, а на широкую светскую аудиторию. Многие в нем изрядно романтизированы, некоторые акценты расставлены не вполне верно, с точки зрения церковных деятелей. Но к кульминации фильма вряд ли бы смог придаться даже сам папа римский. Это не утверждение ордена, не прокаженные, не перевоспитание разбойников и не чувства к святой Кларе. Высшей точкой режиссерского замысла становится обретение стигматов на горе Верне, произошедшее 14 или 15 сентября 1224 года. С точки зрения материалиста — вообще не сюжет.

Кажется, что понять это мистическое событие вне культурного контекста очень трудно, ведь понятие «стигматы» тесно связано с католицизмом. Но наше восприятие пронизано христианством, и картину того, что произошло с Франциском на вершине горы, можно отыскать в источниках, далеких от католической церкви. Например в творчестве Александра Сергеевича Пушкина.

Вот строфа известнейшего стихотворения «Пророк».

...И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Знаменитый российский искусствовед Паола Волкова в своей книге «Мост через бездну» проводит прямую параллель между этим стихотворением и картиной Джотто, изображающей Франциска в момент обретения стигматов.

«Шестикрылый серафим точно так же действует на картине Джотто. Когда он пронзает Франциска лучами, то оставляет ему эти пять стигматов.

Мы видим, как красные копыя входят в тело святого Франциска, и он преображается: он приобщается в этот момент к высокому таинству через получение стигматов».

Очень важно, что мистическое событие происходит на горе. Ему было позволено иметь свою гору Фавор, путь, ведущий к ней, оказался верным.

Паола Волкова пишет: «То, что с ним случилось на этой горе, и то преображение, которое произошло, вполне вписывается в мировой контекст того, что есть волшебная гора, потому что именно там он получил стигматы от Спасителя. И эта картина как раз изображает получение святым Франциском стигматов, а Спаситель показан очень интересно и необычно, его так не изображали ни до и ни после. Он изображен в виде шестикрылого серафима: он, как в шубу, одет в эти перья, как будто он в какой-то овчине, но на самом деле это шесть лохматых крыльев».

После Верны святого Франциска будут называть «серафический отче». Но кто такой серафим?

Это понятие есть не только в христианской, но и в иудейской традиции. Серафимы — самые высшие из ангелов, наиболее приближенные к Богу. Древнееврейский корень, от которого произошло слово «сараф» (на иврите — שָׂרָפִים, *śaraf*), имеет несколько значений: «пылающий», «огненный»; «змей», «летающий змей», «змееподобная молния»; «летающий дракон» или «грифон». Серафимы упоминаются в Книге пророка Исайи: «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (6:2).

Считается, что они прикрывают крыльями лица, чтобы не видеть лица Бога. Им дана сила преображать. Как подчеркивает Паола Волкова: «знак «серафикус» — это знак действия. Знак «анжелюс» (или «ангелис») — это знак чудотворной молитвы».

Именно с подобной миссией серафим снисходит к пророку Исайе: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6:6).

Еще одно упоминание серафимов есть в четвертой главе Апокалипсиса:

«И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади.

И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно

тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему.

И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Откр. 4:6–8).

Из этих библейских фрагментов складывается образ некоей силы, очень активной, очищающей, максимально приближенной к Богу. Что это, если не энергия высшего творчества, то, чем мы являемся по образу и подобию Творца?

В пушкинском «Пророке» герой «духовной жаждою томим» оказывается в пустыне. Он уже давно считается поэтом, поскольку видит и чувствует тоньше обычных людей, но этого ему мало, он ищет понимания своего высшего предназначения. И вдруг на перепутье ему встречается вестник неба, шестикрылый серафим. Возникает вопрос: откуда перепутье в пустыне, где нет дорог? Это просто символ выбора. Остаться потребителем своих обостренных чувств или отречься от себя, став проводником Божьей воли? Идея кажется красивой, и поэт соглашается. Вначале и вправду все исполнено эстетизма. Общение с серафимом приносит радость и обогащает:

Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Но дальше поэта ждет боль. Язык, который служил ему верой и правдой, оказывается непригодным. Он объявляется «празднословным», «лукавым» и «грешным» и заменяется ангелом на « жало мудрыя змеи». А после выясняется, что и язык не главное. Сердце поэта безжалостно заменяется на «уголь, пылающий огнем». Лишь после этого действия, почти равного убийству, поэт получает возможность «глаголом жечь сердца

людей».

Встреча Франциска с преображающей силой на вершине Верны также не похожа на умиротворенное просветление. Как написано в «Цветочках», «возрастал он из добродетели в добродетель, уготавливая душу свою к восприятию Божественных тайн и Божественного величия, а плоть свою — к жестоким битвам с бесами: с ними же много раз боролся он телесным образом».

Вообще в последние годы Франциск часто жаловался на преследование сил преисподней. По легенде, во время поста на Верне, когда он молился в пещере недалеко от обрыва, поднялась страшная буря. Явился бес в ужасающем образе и пытался столкнуть нашего героя в пропасть. Святой изо всех сил цеплялся за скалу, и та «углубилась по образу тела его и приняла его в себя, как если бы он прижал лицо и руки к размягченному воску». Сегодня паломникам и туристам показывают место, где происходило это борение, а также каменное ложе, служившее нашему герою пристанищем.

Обретение и внешний вид стигматов довольно подробно описаны святым Бонавентурой: «И когда настало утро Воздвижения святого Креста, а Франциск по-прежнему молился на горе, он увидел Серафима с шестью крылами, опускавшегося с высоты небес, и крылья его переливались блеском огненным. В стремительном полете достиг он по воздуху того места, где молился человек Божий, и тут, среди крыльев его, явился образ человека распятого, руки и ноги которого были раскинуты наподобие креста и к кресту прибиты. <...> И когда видение исчезло, в сердце его остался пламень дивный, но и на теле остались не менее удивительные знаки и отметины. И на руках его, и на ногах начали проступать следы словно от гвоздей, точно таких, какие он незадолго перед этим видел на теле распятого. Казалось, что и руки его, и стопы в самой середине были насквозь пронзены гвоздями, так что след от шляпки гвоздя показался на внутренней стороне рук и на внешней стороне стоп, а острие словно вышло с обратной стороны, поскольку след от шляпки гвоздя был черным и округлым, а от острия — вытянутым и вывороченным, как если бы в этом месте натянулась, поднялась и прорвалась плоть, а вокруг плоть отступила и впала. На правом боку, словно пробитом копьем, вздулся багровый рубец, из которого с тех пор часто сочилась святая кровь, орошая тунику и его штаны»^[110].

Кульминационный пункт принятия Франциска Отцом Небесным не обошелся без очень важной для нашего героя духовной субстанции — музыки. Неизвестный автор «Цветочков» описывает ангела, который

«явился в сиянии великом, имея виолу в левой руке и смычок в правой».

Этот эпизод с музицирующими ангелами есть и в более надежном источнике — все той же «Большой легенде» святого Бонавентуры. Правда, там Франциск, тяжело заболев, просит кого-нибудь из своих спутников сыграть что-нибудь веселое, и на его зов откликается целый сонм ангелов с лирой. Судя по всему, он был сверхмузыкальной натурой и мог бы стать крупным композитором, если бы не пошел по другому пути... Поэтому завершим рассказ о его мистическом преображении все же удивительно красивым фрагментом из «Цветочков»: «Изумленный до глубин видом Ангела, стоял Франциск. Ангел провел один раз смычком вверх по струнам виолы, и мгновенно такая безмерная краса мелодии усладила душу святого Франциска и так вознесла его над всяким чувством телесным, что, как рассказал он потом братьям, не ведает он, провел ли Ангел смычком вниз, ибо от нестерпимой нежности и сладости душа его покинула тело».

А что же все-таки произошло с телом? Тут можно попытаться добавить немного материализма, ведь тема стигматов находится на грани между мистикой и медицинской наукой.

Поначалу медики утверждали, что стигматики — а их в истории католицизма насчитывается несколько сотен — наносят себе раны самостоятельно с целью обмана окружающих. Потом был проведен ряд исследований, показавших, что все происходит несколько сложнее.

Анализируя явления стигматизма, исследователями была выявлена общая закономерность их проявления, которую условно можно назвать «триада стигма». Было замечено, что из века в век этапы появления знаков практически не меняются. Триада стигмы включает в себя следующую хронологическую последовательность: «религиозный экстаз — видения — стигматы». Для современной медицины нет ничего священного и неприкосновенного, любое явление объективной действительности рассматривается с точки зрения медицинской патологии или нормы. Стигматы не являются исключением: с точки зрения современной психиатрии стигматы имеют признаки кровоточивости неврогенного происхождения. Суть патологии заключается в способности больного вызывать кровоточивость в виде выделения капелек крови из неповрежденной кожи или слизистых оболочек (например, кровавых слез, кровавого пота). Обычно кровь истекает строго из тех мест тела, куда Христу вбивали гвозди при распятии.

Описан также феномен псевдостигматов как проявления истерического невроза, когда больные имитируют кровотечения, повреждая кожу с помощью химических веществ или механически и вызывая

кровоточащие раны.

Впервые речь о стигматах пошла в связи с апостолом Павлом, сказавшим: «Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал. 6:17), однако неясно до конца, имел ли он в виду реальные язвы на теле или говорил метафорически. В дальнейшем в течение более тысячи лет никаких упоминаний о подобных явлениях не было, и большинство авторов считают, что первым христианином, обладавшим стигматами, был Франциск Ассизский.

Возникает закономерный вопрос: сколько за всю историю было носителей знаков страданий Христовых? По разным оценкам исследователей, за последние восемь столетий можно назвать 406 относительно достоверных случаев стигматизма. Антуан Эмбер Гурбер (1818–1912) — французский врач, профессор кафедры терапии в Клермон-Ферран в монографии «Гипноз и стигма» (Париж, 1899) называет цифру 321. Среди носителей стигматов большинство были католиками (68 процентов), остальные — членами различных религиозных сект. Подавляющее большинство — женщины. Также значительную часть случаев можно найти среди членов религиозных орденов, в частности доминиканцев и францисканцев.

Явлению этому покорны все возрасты. Иногда стигматизм проявляется даже у маленьких детей. Примером может служить Клоретта Робинсон, афроамериканка из Окленда (США). Уже в возрасте десяти лет у нее обнаружили стигматические симптомы. В школе на уроке по изучению религии из ступней, груди и лба Клоретты пошла кровь. В ходе медицинского обследования было установлено, что девочка физически была абсолютно здорова, росла и воспитывалась в глубоко религиозной католической семье. Все свободное время от приготовления уроков читала Библию.

Самый известный стигматик XX века — итальянский монах Пио из Пьетрельчины^[111], известный как Падре Пио. Кроме знаков Христовых он прославился чудесными исцелениями и предсказаниями будущего. Чтобы попасть к нему на исповедь, люди стояли в очереди по несколько дней. Его стигматы осматривали разные врачи, но никто из них так и не смог определиться с диагнозом. Существуют и другие современные стигматики. Некоторые из них здравствуют по сей день, например сирийка Мирна Назур, общественный деятель, выступающая за диалог между христианами и арабским миром. Она вовсе не отшельник, путешествует по миру с лекциями. У нее имеются «коллеги» по стигматам в Австралии и Латинской Америке.

Стигматики продолжают появляться, их раны можно увидеть собственными глазами. Эти необычные новообразования не поддаются лечению, но и не наносят здоровью особого вреда. Они также не разрастаются, оставаясь неизменными в течение многих лет. Некоторые из них кровоточат постоянно, другие — лишь иногда, а некоторые выглядят как отпечатки на теле, вроде следов от тернового венца на лбу или от креста на плече.

Люди, не находящиеся в теме, могут предположить о существовании борьбы между церковниками и учеными за признание этого явления. Однако католическая церковь, наоборот, встречает каждый новый случай появления стигматов с крайней осторожностью, дабы не допустить шарлатанства. Вопрос с Падре Пио так и остался открытым, несмотря на канонизацию последнего в 2002 году. В то же время политика воздержания от научных суждений не мешает церковным структурам одобрять или, наоборот, не одобрять того или иного почитания, и основная логика, которой руководствуется Церковь, вовсе не наличие у явления серьезных научных доказательств. Главное в этом вопросе — понимание, к чему может привести признание того или иного явления — к укреплению веры или, наоборот, к росту суеверий. Освидетельствовать стигматы Франциска не было возможности, однако это не помешало введению церковного праздника, посвященного их дарованию. Событие, произошедшее на мрачной вершине Верны, не вызывало сомнений ни у кого из священнослужителей. Между прочим, тех самых церковных иерархов, которые организовывали Крестовые походы против еретиков.

Мы рассматривали встречу Франциска с серафимом через призму культуры и с точки зрения медицины. В первом случае этот сюжет воспринимается скорее как некая аллегория, чем как реальное событие. Во втором — все объясняется патологией, из-за которой наш герой попросту довел себя на вершине Верны до помешательства. Кроме того, он усилил свое болезненное состояние голодовкой и горной гипоксией.

Но ведь вместе с Франциском на гору поднимались другие братья, усердно молившиеся и постившиеся. Были среди них и весьма экзальтированные персоны, но никому не удалось пережить преобразования. Так же как не стали верующими атеисты из группы испытуемых в нейротеологических ^[112] исследованиях, которым стимулировали участки мозга, ответственные за религиозное чувство. Они подтверждали ощущение незримого присутствия, им это даже нравилось, но их мировоззрение не изменилось после опыта.

Иными словами, можно создать все условия для обучения, например,

музыке. Но без музыкального слуха дело не сдвинется с мертвой точки. Для того чтобы слышать небеса, наверное, тоже нужен особенный слух. И он точно был у Франциска, наряду с музыкальным. Этот феномен духовной гениальности, отмеченный современниками, запечатлен во францисканской иконографии. Один из канонических образов Франциска — фреска работы Джованни Чимабуэ — представляет собой изможденного хрупкого человека с детски открытым взглядом и... неестественно большими ушами.

Преображение ассоциируется с чем-то прекрасным даже у людей, далеких от Церкви. Сияние, белые одежды — хоть в сказках, хоть в фигуре речи: «он словно преобразился». Но преобразование Франциска не приносит ему красоты, лишь дополнительную телесную немощь, дополнительное страдание. И это совершенно закономерно, ведь он не Сын Божий, а человек. А в христианском мировоззрении человеку возможно достичь Царства Небесного, лишь привив крест своих страданий к дереву Креста Господня. Дверь в небеса открыта сверху согласием Спасителя принять Крест, и только через Крест возможно войти в нее с земли, стать причастным к Богу.

Как, наверное, хотелось Франциску остаться на своей горе с обретенным наконец Отцом! Сказать словами апостола Петра, узревшего Преображение Господне: «Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну и одну Илии» (Мф. 17:4). Но Петр спустился с горы, чтобы трижды отречься от своего учителя, а потом все же выполнить свою миссию. Спустился с Верны и наш герой.

ВТОРОЙ СЫН БОЖИЙ

Вернувшись в мир, Франциск старательно скрывал от людей свои мистические знаки, стараясь не говорить о них даже с самыми близкими друзьями. Возможно, он поступал так из соображений скромности или от нежелания выносить на обсуждение глубоко личный духовный опыт. Но была и еще одна причина. После обретения стигматов слухи о святости нашего героя, признанной самим Христом, начали распространяться в народе. Его называли «серафическим отцом» (вероятно, с легкой руки брата Льва, который знал о видении с серафимом) и даже «вторым Сыном Божиим».

Конечно, это было закономерно. Много лет подряд Франциск стремился походить на Христа всей своей жизнью. Словами, песнями, поступками он утверждал в сердцах людей образ Спасителя. И люди поверили ему, но выбрали ложный путь. Вместо того чтобы самим попытаться приблизиться ко Христу, они радостно сотворили себе очередного кумира. И в таком смысле слава Франциска, получившего знаки отличия из рук Господа, являлась очень неоднозначной. Она могла упрочить веру, но могла и стать причиной серьезного церковного раскола. Нетрудно представить себе политические игры, в которых нашего героя используют как знамя в борьбе за «настоящее» христианство. Здесь ведь можно зайти очень далеко. Начать с папства, а закончить пересмотром основ веры.

Подобная мысль выражена в книге современного католического богослова Антонио Марии Сикари^[113] «Портреты святых»: «Быть может, никогда в истории Церкви не было столь опасного, столь потенциально опасного момента, как тот, когда в мир явился Франциск. И эта опасность исходила не извне, но из его собственной личности. Век Франциска называли «железным веком», и Церковь была отягощена, почти раздавлена бременем унижений и грехов. В одном сочинении, написанном около 1305 года, несомненно, сгущавшем краски, но, в общем, верно отражавшем положение вещей, говорится: «Церковь пребывала в столь униженном состоянии, что если бы Иисус не пришел ей на помощь, послав новое поколение, исполненное духа бедности, уже тогда ей должен был быть вынесен смертный приговор» (*Arbor vitae*). Это суровые слова, но они достаточно хорошо передают атмосферу той эпохи. Франциск как личность мог бы представлять опасность для Церкви. Потому что справедливо будет

сказано о нем: «Франциск был более чем кто-либо из людей, когда-либо пришедших в мир, подобен Христу».

А как сам Франциск относился к подобным настроениям? Не могло ли появиться у него искусовых мыслей насчет себя?

Не могло. Все его мировоззрение, которое он с такой твердостью защищал всю жизнь, несовместимо с подобной мыслью. Его знаменитое миротворчество и смирение — не как пассивная скромность, но как сомирение, соединение с миром — не дало бы ему зайти столь далеко в гордыне. Ведь он прошел длинный и трудный путь от достижения царского жезла короля пирушек до общения с дождевыми червями, в которых смог разглядеть отблеск величия Божьего замысла.

Поэтому слава «Божьего сына», конечно же, тяготила его и пугала, как, впрочем, и растущая популярность францисканского движения. В каком-то смысле ему повезло, что он рано умер и не увидел обширных баталий, развернувшихся в ордене вокруг его идеалов и восприятия его личности. Речь идет о конфликте между спиритуалами и конвентуалами. Названия эти появились далеко не сразу, но две конфликтующие стороны ясно определились еще при жизни Франциска.

Первые выступали строгими буквальными ревнителями идей Франциска. Вторые, называющие себя «братьями общей жизни», пытались адаптировать эти идеи, лишив их радикальности. Фактически они ратовали за то, чтобы сделать францисканские общины похожими на обычные монашеские ордены, которые существовали до Франциска.

Противостояние между этими двумя францисканскими группировками продолжалось почти сто лет и закончилось вмешательством Святого престола. Спиритуалов официально назвали еретиками в папских буллах 1317–1318 годов и начали преследовать.

Датой начала затяжной борьбы в недрах францисканского ордена исследователи называют 1220 год, когда Франциск, утомленный и расстроенный несовершенством братьев, отошел от руководства. После смерти господина Петра министром ордена был избран, при полной поддержке Франциска, Илья Кортонский, умелый администратор и отнюдь не поэт и не мистик. Конфликт резко обострился после кончины нашего героя, произошедшей в 1226 году. Илья Кортонский, по сути, оказавшийся на «горячем» посту в самое сложное время, начал активно работать над повышением влияния францисканцев, завязывая выгодные связи и грамотно используя уникальность и привилегии ордена. Нельзя сказать, что он хоть как-то предал своего учителя, избыточно радел за личный комфорт и стремился изгладить высокий пафос, заданный рыцарем дамы Бедности.

Илья вел себя так, как считал нужным в этот сложный момент: строил монастырь Сакро-Конвенто, собирая на него деньги со всех провинций, проводил в жизнь идеи Франциска, как их воспринял от него. Но такое положение нравилось далеко не всем братьям, одни считали, что новый генерал забыл заветы учителя, другие упрекали его в излишней гордыне и недостаточном уважении к орденским священникам (сам он, как и Франциск, священником не был) и т. д. Непонимание усиливалось. В «Хронике двадцати четырех генералов ордена Братьев-миноритов»^[114] конфликт описывается так: «Брат Илья после кончины Святого Франциска начал строить огромную и впечатляющую базилику за стенами Ассизи на земельном наделе, который прозвали «адский холм». После же того, как Папа Григорий IX заложил камень основания сей церкви, стал он называться «райский холм». Чтобы построить сию церковь, брат Илья изыскивал средства разными путями. То, что были добыты столь огромные суммы на это строительство, он приписывал Провидению. Также перед новым зданием он поместил мраморные вазы, куда те, кто посещал это место, могли класть деньги подношения. Спутники благословенного Франциска видели это, и особенно смущался этим брат Лев, и отправился он в Перуджу, чтобы посоветоваться с братом Жилем. Тот отвечал ему: «Даже если бы братья построили огромный дом, что тянулся бы отсюда до Ассизи, по мне так довольно иметь малый угол, чтобы обитать в нем». Братья спросили брата Жиля, должно ли им сломать вазы, и он повернулся к брату Льву и с глазами, полными слез, говорил ему: «Если хочешь умереть — иди и сломай их. Если хочешь жить, оставь их, ибо будет весьма трудно для тебя противостоять преследованию мужа сего, брата Ильи». Когда брат Лев и спутники его поняли слова сии, они пошли и разбили на куски вазы те. Брат Илья был в ярости и жестоко избил их и изгнал из Ассизи. Братья были всем тем весьма огорчены»^[115].

Очень жаль брата Льва, овечку Божию, но ведь и Илью можно понять: он не желал ничего плохого, кроме хорошего, кроме того, сбор милостыни на могиле был санкционирован самим папой. Братская любовь обернулась обидами, выплесками эмоций и нескрываемой враждой. Страсти, так долго сдерживаемые, кипели вовсю — и каждая сторона ссылалась на авторитет Франциска. Увы, Франциска было не вернуть, послав за ним гонца, и не выслушать его мнение по основополагающим вопросам. Министр отлично понимал, что на первом же Генеральном капитуле будет низложен — но своим основным делом он поставил себе довести до конца постройку монастыря Сакро-Конвенто. Хорош или плох был выбор приложения сил,

решать уже поздно. Мы сейчас можем лишь благодарить Илью Кортонского за труды по строительству базилики.

Неудивительно, что руководством Ильи Кортонского многие из братьев, особенно те, кто придерживался радикальных позиций, были недовольны. Когда Илью отстранили от должности в 1239 году, на лидирующие позиции в ордене вырвались сторонники радикального францисканства. Впрочем, такое положение дел тоже закрепилось ненадолго. Уже в 1244-м конвентуалы взяли реванш выдвиганием Кресченцио Грицци из Иези, который стилем управления весьма напоминал опального Илью Кортонского. Впоследствии чаша весов еще неоднократно склонялась то в одну, то в другую сторону.

Конфликт имел несколько уровней. Например законодательный: возможно ли изменять фундаментальные нормы существования братства в зависимости от обстоятельств и кто вправе этим заниматься? Только ли францисканское руководство или также Римская курия? Спиритуалы отзывались резко негативно как о любых изменениях устава, так и о легитимности вмешательства папы в дела ордена. Подобная позиция не могла не прорваться конфликтом, что и произошло в последние годы XIII века, когда итальянские спиритуалы выступили против Бонифация VIII. Возможно, они никогда бы не осмелились сделать такой опрометчивый шаг, если бы их не поддерживала морально та самая «опасность», о которой говорилось в начале этой главы.

Искренне почитая Франциска «вторым сыном Божиим», спиритуалы приписывали ордену Божественное происхождение. Потому любые изменения его структуры означали для них посягательство на волю Божию. Сам образ Франциска, вернее, его определенная трактовка, стал для них поводом создать весьма сомнительное учение на базе трудов и воззрений старшего современника нашего героя, Иоахима Флорского^[116]. Этот итальянский монах-цистерцианец, философ и прорицатель, в свое время пользовался большой известностью. Его авторитет признавали в самых высоких сферах. Он мог внезапно появиться перед королями и уличить их в нарушении морали, как это случилось, например, с королем Сицилии Танкредом в 1188 году и тремя годами позднее с германским императором Генрихом VI. Примерно в том же 1191 году Иоахим основал в Калабрийских горах монастырь с более строгим вариантом цистерцианского устава. По легенде, Ричард Львиное Сердце, возвращаясь из Третьего крестового похода, специально сделал остановку, чтобы посетить знаменитого отшельника. Король спрашивал совет, когда следует организовать следующий Крестовый поход, и получил предостережение,

что время для освобождения Иерусалима еще не настало.

Церковные власти поначалу относились к Иоахиму Флорскому и его текстам с уважением. Но главный его труд, законченный за год до смерти, одобрения не получил и получить не мог по причине глобального противоречия с католическим вероучением. Отталкиваясь от мистического значения числа «3», монах-философ утверждал, будто история человечества содержит три эпохи. Первая, Ветхозаветная, находится под эгидой Бога-Отца. Иоахим символически описывал ее при помощи понятий «рабство», «зима», «медь», «ночь», «закон», почти не оставляя места для благодати. Вторая эпоха, согласно его учению, началась с пришествием Христа и получила название эпохи Нового Завета. Ее символизировали понятия: «весна», «рассвет», «луна», «серебро». Флорский считал эту стадию человеческой истории промежуточной. Кульминацией, по его мысли, должен быть стать Апокалипсис, после которого ожидалась Третья эпоха Новейшего Завета, отличающаяся завершенностью. Ее символами становились «солнце», «лето», «день», «золото».

Сама по себе такая система, возможно, и не вызвала бы недовольства Римской курии, если бы не один важный пункт. В эпоху Новейшего Завета на смену несовершенной Церкви Петровой должна была прийти Церковь Иоаннова.

Был назван и точный срок наступления Третьей эпохи — 1260 год. А Иоахим в течение жизни успел зарекомендовать себя, среди прочего, успешным прорицателем. Можно только догадываться, какие волнения охватили народ в преддверии 1260 года! Ведь антипапские настроения постоянно тлели в умах, ожидая очередного ветра, чтобы раздуться до пожара.

К. тому же незадолго до этого срока проповедник Герард из Борго-Сан-Доннино^[117] издал книгу под названием «Вечное Евангелие», содержащую основные положения Иоахима Флорского и комментарии к ним, зачастую весьма радикальные в политическом, религиозном и нравственном отношении; резкой критике подвергался и папский престол.

Несмотря на то что видимых изменений, равно как и сошествия Святого Духа, в 1260 году не состоялось, градус интеллектуального брожения был достаточно высок. К этому времени народное мифотворчество уже очень плотно связало Франциска с Христом. Из уст в уста передавались истории о Крестных ранах, о мадонне Пика, рожавшей в хлеву, о превращении воды в вино (когда в немощи Франциск захотел подкрепить свои силы, а вина поблизости не нашлось) и, конечно, о двенадцати апостолах-братьях, первым среди которых был «любимый

ученик», брат Лев.

Нет ничего удивительного в том, что ревностные спиритуалы поспешили объявить своего любимого учителя посланником Новейшего Завета, а себя — людьми новой формации, чье появление предсказано «Вечным Евангелием» от Иоахима Флорского. По мнению ревнителей, именно францисканцы должны были повести весь народ христианский на последнюю борьбу с врагом рода человеческого. Эту точку зрения всячески популяризировал Герард из Борго-Сан-Доннино, говоря: «Третьего завета Предтеча — Иоахим, а Мессия — Франциск; Братство Меньших будет Вселенскою Церковью».

Такого заявления Папский престол вытерпеть уже не мог. Начались карательные санкции. Комиссия кардиналов, назначенная папой Александром IV, изучила книгу Герарда из Борго-Сан-Доннино и приняла решение уничтожить ее. Сам автор «Вечного Евангелия» в 1263 году был арестован и приговорен к пожизненному заключению, последние 13 лет жизни он провел в монастырской тюрьме, однако от своих взглядов не отказался. Не успели угаснуть страсти вокруг мятежного Герарда, как у спиритуалов появилась другая, еще более мощная поддержка в лице Пьера Жана Олье. Родился он в Лангедоке, в том самом регионе Франции, чуть было не отпавшем от католицизма из-за альбигойской ереси, и уже в 12 лет стал францисканцем.

Оппозицию по отношению к ортодоксальной церкви Олье проявил еще в молодости, написав сочинение, в котором спорил с учением о Непорочном зачатии Девы Марии, которое как раз утверждалось в те времена. Тогдашний францисканский генерал Д'Асколи приказал Пьеру Жану сжечь собственный труд. Монах согласился, но через некоторое время создал новые провокационные тексты. Начались разбирательства. Олье обвинили в том, что он является «руководителем секты бесполезно верующих, которая оказывает раскол и вводит в заблуждение». Капитул определил изъять из оборота все его произведения, что стало большой потерей, правда, не для богословия, а скорее для развития естественных наук, поскольку этот талантливый францисканец посвятил много сил изучению законов физики.

Закончил жизнь Пьер Жан Олье так же, как и Герард, — в заточении. Известны его горькие слова о судьбе ревностных защитников госпожи Бедности: «Римскою церковью воздвигнуто ныне такое же точно гонение на Меньших Братьев, как некогда Синагогой Иудейской — на учеников Христа; когда же гонение достигнет крайней степени, то Римская Церковь разрушится».

Тем не менее на протяжении почти целого столетия радикальное крыло францисканства вовсе не выглядело таким уж беззащитным. Порой сами спиритуалы оказывали на понтифика немалое давление, а в годы гонений их поддерживали светские силы, например Яков II Арагонский, Фридрих Сицилийский, королева Эсклармонда де Фуа и другие влиятельные особы. Но даже они не смогли защитить «ревнителей» от прямого обвинения в ереси. Еще одним мощным ударом по спиритуалам стало обязательное предоставление собственности францисканцам, произошедшее при папе Иоанне XXII. После такого шага наиболее радикально настроенные братья покинули орден. В результате всех этих событий спиритуалы рассеялись, и постепенно упоминания о них прекратились. К 1320 году францисканская оппозиция уже не существовала, правда, через 200 лет (в 1517 году) конвентуалы снова разделились на обсервантов и собственно конвентуалов. На этот раз обошлось без сильных мятежей и эксцессов, поскольку Святой престол, вместо того чтобы унифицировать две противоречащие друг другу группы, сознательно пошел на их обособление и разделение. Немного позднее, в 1525 году, появилась еще одна ветвь францисканства — капуцины. Их основатель, брат-минорит Матвей (Маттео) Басси^[118] из Урбино, не случайно сделал названием ордена насмешливое прозвище «капюшонь», употребляемое по отношению к францисканцам. В признании себя смешным заключалось особое смирение. Через четыре года очень строгий устав капуцинов утвердил папа Климент VII. Отличительной особенностью этого нового ордена стало, помимо крайней бедности, негативное отношение к образованию. Они старались нести слово Божие в массы с помощью только личной харизмы, уподобляясь Франциску. В европейских городах XVI века были известны их шутовские народные проповеди, так называемые капуцинады.

Вот так буйно и непредсказуемо разрослось дерево францисканства, а вокруг личности великого миротворца разыгралась долгая и непримиримая духовная борьба. Вполне возможно, что он, обладая незаурядной интуицией, предчувствовал подобное развитие событий и пытался перед своей кончиной хоть чуть-чуть смягчить грядущие раздоры. Эта миссия была еще труднее, чем проповедь мусульманам, она также требовала огромных трудов — и, увы, хотя Франциск сделал все, что мог, видимого успеха он и здесь не добился.

ТРАНЗИТУС

После обретения стигматов Франциск прожил еще два года. Почти все это время он тяжело болел. Нетрудно понять, что после такого огромного эмоционального и душевного потрясения, как преображение на Верне, телесное здоровье «серафического отца» практически закончилось. Правда, с декабря 1224-го по февраль 1225 года наш герой успел совершить последнюю проповедническую поездку по Умбрии. Ходить он, судя по всему, уже не мог совсем и передвигался только верхом. По возвращении болезнь глаз резко обострилась. Состояние Франциска ухудшалось день ото дня, но он, верный своему принципу — не потакать брату ослу, то есть собственному телу, лечиться не собирался. Братья переживали за него, уговаривая обратиться к врачу, но он постоянно отмахивался от них и послушался только руководителя ордена. Мы уже говорили, каким образом лечили Франциска от болезни глаз, — раскаленное железо не принесло особой пользы, как, впрочем, и мягкие повязки с глазной мазью. Он уступил настояниям старого друга, кардинала Уголино, и согласился на эту попытку, оказавшуюся бессмысленной (если не считать практики договаривания с огнем). Он смягчился и наконец-то перестал бить и мучить брата осла, свое изможденное тело, поскольку признал, что оно честно служило ему много лет, до сей поры не отказывая ни в чем. Во «Втором житии» он так и говорит после увещевания братьев: «Возрадуйся, брат тело, и прости меня, вот я готов теперь исполнить твои желания, я охотно выслушаю твои жалобы!» Правда, брату телу уже нельзя было никак помочь. Франциску было чуть больше сорока. Знал ли он о том, что осталось ему недолго? Разумеется, знал.

У Фомы Челанского записана легенда, что однажды к Илье Кортонскому пришел некий почтенный старец в одежде священнослужителя и возвестил, что брату Франциску осталось жить два года, а через объявленный срок, когда исполнится 20 лет со дня его приснопамятного обращения ко Христу, Господь призовет его к себе. Как и подобает человеку, который отверг мудрость мира сего ради креста, Франциск отреагировал на это с радостью и веселием.

Когда он сложил с себя обязанности генерала ордена и остался всего лишь одним из братьев, генеральным министром стал, как уже говорилось, Илья Кортонский. Известно, что он председательствовал на Генеральном капитуле 1223 года, в то время как Франциск смиренно сидел у его ног и

время от времени сообщал ему на ухо свое мнение, которое Илья немедленно доводил до сведения всего капитула. Принято считать Илью едва ли не иудой среди францисканцев, любителем почестей и благ, полностью искажившим смысл заветов Франциска. Честертон, со свойственной ему запальчивой решительностью, выразился о нем: «Беда его в том, что под францисканской одеждой билось не францисканское сердце, или францисканский капюшон покрывал не францисканскую голову. Он не был хорошим францисканцем». Но вряд ли это будет правдой — или всей правдой. Илья, безусловно, был сыном Марфы, как сам Франциск — сыном Марии. И там, где Франциск выбирал благую долю — слушать слово Спасителя, проповедовать птицам, срываться и лететь на край света, чтобы стяжать мученический венец или обратить толпы неверных, Илья оставался на месте, следил за приемом новых братьев, решал житейские простые вопросы, берег покой Нищих дам и изыскивал возможности пропитать братию, не оскорбив при этом госпожу Бедность. Дети Марии часто свысока относятся к вечно озабоченным сынам хлопотуны Марфы, им никуда не деться от взаимных раздражений и, может быть, обид — уж слишком они разные. Но преступно будет забывать, что при этом Мария и Марфа — родные сестры, и Господь равно любил обеих. Идеальный францисканец Франциск, получив свои стигматы и увидев мир глазами распятого серафима, в прямом смысле слова «спустившись на землю с небес», начинает ценить своего «приземленного» викария, который опекает всех, находящихся рядом, — и братьев, и приходящих, и истерзанного болезнями основателя. Говорят, у многих людей, переживших опыт клинической смерти, меняется некая «точка сборки». Они становятся мягче, охотнее идут на компромисс, иными словами, узнав нечто очень важное, перестают раздражаться на второстепенное. Может быть, причастность небесным тайнам и великое посвящение, которого удостоился Франциск, в новом свете представило ему смысл земных тревог и попечений, и там, где раньше он видел дьявольскую ловушку на пути к Царствию Небесному, сейчас перед ним была пусть и неловкая, но забота и любовь. К тому же кардинал-протектор ордена Уголино велел ему делать для своего здоровья все, что необходимо, и указал, что любое небрежение будет не добродетелью, а скорее грехом. На том же настаивал и Илья — непосредственный Францисков начальник. Пришлось подчиниться — не из страха перед смертью, а ради святого послушания.

Согласно собственному же уставу, Франциск, будучи практически беспомощен перед лицом болезни, избрал четверых братьев, чтобы они

помогали ему во всем. Предание называет братьев Руфина, Ангела Танкреды и Льва, овечки Божьей. Насчет четвертого брата существуют версии — называются имена брата Бернарда или Иоанна делле Лоди. Эти четверо денно и нощно пекутся о беспомощном Франциске, а он, едва ему становится лучше, мечтает о далеких поездках с проповедями, рвется в бой, пишет стихи и послания — вернее, диктует. Слепота прогрессирует с огромной скоростью, тело постепенно начинает отказывать. Генеральный министр, с которым в прежнее время у Франциска были чуть ли не стычки на почве разной трактовки основополагающих вопросов, становится для своего больного брата — основателя ордена едва ли не ближайшим человеком. По словам Фомы Челанского, Франциск избрал брата Илью «себе матерью» и «поставил отцом остальным братьям». Мужчина определяет другого мужчину на роль своей матери — по нормам нашего жестокого и подозрительного времени это звучит почти непристойно. Но если посмотреть на все непредвзято, то мы увидим, как много заботы, нежности и любви, очевидно, было в Илье. И как необходимо это было Франциску в его последней земной битве — победой в которой стало слияние с Христом через сестру нашу, смерть телесную.

Что же происходило в сердце Франциска? Он не жаловался, не замыкался в депрессии. По свидетельству братьев, он сносил все муки с кротостью и радостью. Та самая францисканская, совершенная радость сейчас совершалась над ним. Когда-то давно, охваченный мистическим восторгом, под мокрым снегом, голодный и прохваченный ледяным ветром, он говорил, вернее кричал брату Льву о совершенной радости. Ничем не может человек гордиться и похваляться, кроме как если добровольно и с радостью переносит муки и обиды, сплетая из них венок терпения, «ведь из всех других даров Божиих мы ни одним не можем похваляться, ибо они не наши, но Божии».

Франциск отнюдь не был мазохистом, он не стремился к физической боли и к уничтожению тела как к безусловному благу, мрачная тяга к саморазрушению была ему, в сущности, чужда. Но вот сейчас, полностью изможденный — и понимая, что иного состояния ему уже больше не почувствовать, — он полностью выполнил все, о чем говорил когда-то, безумно давно, когда еще мог распоряжаться братом телом по собственному усмотрению. Когда один из братьев спросил его, что бы предпочел Франциск — выносить эту долгую и тягостную болезнь, какую терпит он сейчас, — или получить мученичество в руках палача, Франциск ответил, что более всего ему бы хотелось сполна выполнить все, что Господь ему приуготовит. И раз уж суждена ему сестра его болезнь —

значит, будет болезнь. Но добавил: «По сравнению с любой казнью и мученичеством даже три дня такой болезни покажутся гораздо тяжелее — говорю я это не ради награды, но в соответствии с тем, как терзает меня эта болезнь».

И еще — весной 1225 года, полуослепший, год протомившись в плену своих хворей, он продиктовал своим братьям один из самых глубоких и светлых гимнов в истории человечества. Счастлива итальянская литература — в ее основе лежит жемчужина. Гимн брату Солнцу, или как ее еще называют — «Песнь о всех творениях», был сложен на умбрийском диалекте, языке его детства. Франциск лежал в хижине возле Сан-Дамиано, солнечный свет резал ему воспаленные глаза, ночная прохлада не приносила облегчения, он был как живое воплощение покаянных псалмов, человек больной, изможденный, с плачем встречающий день и со слезами провожающий, брошенный заживо в могилу, чьи кости были сокрушены и язвы гноились. Но он говорил, а братья записывали за ним слова, исполненные глубочайшей радости и торжества. Куплет за куплетом он описывал всю красоту сотворенного Богом и благодарил Его за господина брата Солнце, сверкающего в своей великолепии; за сестру Луну, яркую, драгоценную и прекрасную, и за брата огня, которым Господь просветляет ночь. Стараясь ничего не забыть, вспомнить все неисчислимы сокровища, подаренные нам Творцом, он благодарил Его и за воду, и за звезды, и за сестру Землю, рождающую пестрые травы. Слава Господу сплеталась из журчания ручья и вздохов тех, кто немощен и слаб, но самую немощь свою приносит к престолу Всевышнего — и получает в награду корону. Последняя благодарность Господу была за сестру нашу телесную смерть. Позже он составит завещание, где постарается охватить все проблемы, которые неминуемо встанут перед орденом, заранее торопится найти простые и исчерпывающие ответы на все возможные вопросы. Ему приходится трудно: нельзя упустить ни единой малости. Это не песня, изливающаяся из сердца жонглера Господнего, это еще одна попытка наставить, спасти, собрать под крыло всех своих цыплят. Маленькая темная курочка с мохнатыми, как у голубя, ногами торопится, перебивает себя же, сбивается то на проповедь, то на жалобу — и так пункт за пунктом, а всего их насчитывается сорок один. Увы. Даже составленное Франциском завещание не стало тем простым и ясным словом, которое бы сняло все противоречия и раз навсегда привело всех к радости простой, чистой жизни.

Последние два года, отпущенные Франциску, физически были для него страшны. Как вспоминали братья, «Франциск был мучим множеством

различных болезней и подвергался всевозможным ударам, словно камень, лежащий на кровле здания иерусалимского, словно кузнечная работа, под множеством ударов молота доведенная до совершенства».

«Первое житие» Фомы Челанского подробно и безжалостно, как заключение врача. Франциск в это время в Сиене лечит глаза; отпущенные ему два года на исходе, и ему становится существенно хуже, «он почувствовал внезапно сильный недуг во всем своем теле, особенно же сильно болела у него печень, затем от долгой болезни истощен был и желудок, так что его сильно рвало кровью и казалось, что он уже совсем близок к смерти. Узнав об этом, брат Илия со всей поспешностью вернулся к нему издалека, но, когда прибыл, святой отец успел уже настолько оправиться, что, оставив те места, перебрался с этим братом в окрестности Кортонь. Когда же он прибыл туда и задержался на некоторое время, у него раздулся живот, начали опухать лодыжки и ноги, и все чаще отказывал его желудок, так что он почти ничего не мог есть».

Врачи не понимали, почему этот скелет, облепленный кожей, все еще жив. Болезнь давно уже была в той стадии, когда смерть, желанная сестра, явилась бы избавлением и для больного, и для окружающих — так было бы лучше для всех, но не для Франциска и не для его братьев. Франциск был непоколебим в своей вере: если Господь не посылает за ним, значит, еще рано — и говорить не о чем. А братьям просто невозможно было представить, как оставаться здесь, на земле без него, сердца и средоточия ордена. В сентябре 1226 года он велел отнести себя из епископского дворца в Ассизи, куда доставили его, чтоб ухаживать за ним, в Порциункулу, колыбель ордена, откуда все начиналось. По дороге Франциск благословил город, в котором родился, где его настигло призвание, где он был счастлив и несчастен, как нигде больше. Это было его прощание с Ассизи. Никто уже не сомневался, что конец близок.

В ночь на 4 октября в Порциункуле никто не сомкнул глаз. Мистерия завершалась — Божий человек покидал эту землю. Франциск остался верен себе и братьям до самой смерти. При жизни он учил их жить — свободно и без страха, в любви и радостном смирении, умирая — научил умирать. Чувствуя, что приблизился его смертный час, он совлек с себя всю одежду и нагим распростерся на земле. И Бонавентура, и Фома Челанский единодушно указывают на этот факт:

«Когда его принесли туда, он, желая вновь запечатлеть истину своим примером, чтобы было ясно, насколько мало в нем осталось мирского и плотского, пылая духом, обнажил свое тело и нагим простерся на голой земле, желая до последнего часа, пока враг еще бродит вокруг него,

бороться с ним один на один, обнаженным.

Так он лежал на земле, отложив и одежду, и мешковину, обернув, по обычаю, лицо к небу и весь устремившись к славе небесной, по-прежнему зажимая левой рукой рану в правом боку, чтобы никто ее не увидел до времени. Наконец, он сказал братьям: «Свое дело я исполнил — а в вашем деле наставит вас Христос».

Когда-то неизмеримо давно юный Франциск Бернардоне прямо на площади перед епископом и судьями неожиданно для всех и, возможно, для себя скинул всю одежду, оставшись в одной грубой власянице. Нарушив все этические запреты, разрубив своей безумной и внезапной выходкой все тяготившие его связи, он навеки перестал быть избалованным сыном богатого купца, каким его знали в Ассизи. Совершив этот жест, достойный юродивого, Франциск как бы родился заново, и епископ укрыл его своим плащом, как если бы сама Церковь приняла его под свое покровительство. Средневековые ценят повторы такого рода, видя в них больше, чем случайное совпадение. Вернее, для человека Средневековья не бывает совпадений, для него это Божья рифма, знак, указывающий на то, что сейчас происходит важное. 20 лет спустя нагой «беднячок» из Ассизи лежит на холодной осенней земле, не в силах подняться, но его враг — и враг всего рода человеческого — снова терпит посрамление. Уходя из этого мира, Франциск полностью наг — у него нет никакого имущества. Единственное, чем он владеет, — это своими ранами, дарованными ему как драгоценный знак отличия Тем, Кто пролил за него Свою пречистую кровь. Его «мать» — брат Илья — и в этот напряженнейший момент полон заботы. Он приносит рясу, штаны и даже шапку из мешковины и заставляет Франциска немедленно одеться. Но как он это делает! Илья хорошо знал своего смиреннейшего из братьев, который был в то же время и непреклоннейшим из них. Он отнял у Франциска всякую возможность сопротивления — и вместе с тем ни на секунду не умалил его нищеты. Более того — одевшись, Франциск оказался еще беднее, чем будучи нагим. Министр сказал ему: «Знай, что эту рясу, штаны и шапку я даю тебе взаймы во имя святого послушания! И дабы тебе было ясно, что ты не можешь хвалиться никаким правом над ними, я лишаю тебя возможности отдать их другим».

Думается, что в этот момент Илья был самым лучшим генералом ордена Братьев меньших, какого только можно себе представить.

«Большая легенда» описывает кончину Франциска скрупулезно, с указанием текстов, какие читались в ту ночь.

«Приблизился наконец час его ухода, и он велел созвать к себе всех

братьев, которые находились тогда в этом месте, чтобы их, удрученных этой потерей, утешить ласковыми словами, с отеческой любовью ободрить их и уверить в любви Господней.

Он произнес последнюю проповедь о терпении, бедности и сохранении веры святой Римской церкви, подкрепив эти и прочие наставления ссылками на Святое Евангелие.

Братья сели вокруг него, он простер над ними руки, раскрытые в знамении креста, ибо это знамение он всегда особенно любил, и благословил именем и силой Распятого всех братьев, как присутствовавших там, так и отсутствовавших.

В заключение он сказал им: «Прощайте, сыны мои, живите в страхе Божиим и всегда в нем пребудьте. И хотя близятся уже к вам треволнения и искушения, вы сохраните свое блаженство и избранничество, если в этих напастях продолжите то, что начали. А я поспешаю к Богу и Его милости всех вас поручаю».

Завершив таким образом последнее наставление, муж, возлюбленный Богом, приказал принести ему список Евангелия и попросил прочесть вслух то место в Евангелии от Иоанна, которое начинается словами: «Перед праздником Пасхи...»

А сам он, пока хватало сил, тихо пел псалом: «Полным голосом ко Господу взываю, полным голосом Господа молю». И дойдя до последней строки, сказал: «Вокруг меня соберутся праведные, когда Ты явишь мне благодеяние».

И тогда над ним были совершены все таинства, и его пресвятая душа освободилась от тела, растворившись в бездне любви Господней, и муж святой почил в Господе».

Лишь после смерти братья смогли рассмотреть стигматы, которые Франциск носил на теле два года. Ни у одного из них не было ни тени сомнения: сегодня все они присутствовали при кончине святого. Измученный болезнью вечный странник, «беднячок» из Ассизи, после встречи с сестрой смертью преобразился — и теперь он и вправду выглядел как «серафический отец», ушедший на небо, чтобы никогда больше не оставлять своих братьев. То, что произошло в ночь на 4 октября 1226 года, было неизмеримо большим, чем кончина хорошего и всеми любимого человека. Непостижимым образом смерть Франциска явилась для братьев не трагедией, не непоправимым горем, но великим торжеством, радостью полного и прекрасного завершения счастливой земной жизни — и началом жизни будущего века, в полном смысле слова «транзитусом», переходом. Не случайно один из братьев в ту ночь увидел душу святого в

образе большой яркой звезды, устремившейся прямо в небо. Было это или не было? Природа, которую Франциск возлюбил, как сестру во Господе, тоже пришла почтить своего апостола.

«Жаворонки, небесные птицы, любящие свет и боящиеся сумерек ночи, слетелись в огромном множестве в тот самый час, когда умер святой муж, хотя близились уже ночь и сумерки. Они уселись на крышу дома и кружились вокруг с каким-то праздничным оживлением, явившись к людям с очевидным и радостным свидетельством прославления святого, который при жизни не раз призывал их воздавать славу Господу».

Не скорбь, не утрата и горькое сиротство — а выполненная до конца воля Господа, скрупулезно соблюденный ритуал, который никто не обдумывал заранее, Промысел Божий в каждом слове и в каждом шаге — такова была ночь на 4 октября. Ночь, когда Франциск, Бедняк из Ассизи, в совершенной бедности, совершенном послушании и совершенной радости отправился ко Христу, которому подражал всю свою земную жизнь.

Всего через два года после смерти Франциска из Ассизи папа Григорий X, бывший ранее епископом Уголино, в полном единении со всей церковью и народом, признал его святым. А с 1475 года, когда папа Сикст IV ввел литургическое почитание святого Франциска в день его смерти, 3 октября, все францисканские семьи собираются вместе, чтобы совершить богослужение Транзитуса. Вот гимн, который поют в начале этой прекрасной и торжественной службы:

В ночном покое горы тают,
Погружена земля в молчанье,
И для Франциска наступают
Минуты тихого прощанья.

Огнем любви и светом Слова
Озарена его дорога.
В последний день пути земного
Он всей душою славит Бога.

В слезах сыны его и братья,
Взмолились: «Не оставь нас, Отче!
Ведь лишь с твоею благодатью
Нам не блуждать в духовной ночи!»

Франциск вознесся к небу взором,

Простер десницу и ответил:
«Господь вам Пастырь и опора,
С Ним путь ваш будет прям и светел.

А вы, верны святым обетам,
Не поддавайтесь искушеньям,
Чтоб озарять блаженным светом
С любовью всякое творенье».

И, преподав благословенье,
Франциск ушел из жизни бренной
Туда, где ангельское пенье,
Где вечно правит Царь Вселенной.

В созвучьях Солнечного гимна —
Предвестье Царствия Христова.
Восславим же Отца, и Сына,
И Духа Божия Святого.
Аминь!^[119]

СЛЕД В МИРЕ

Всего 44 года святой из Ассизи ходил по земным дорогам. Совершил в жизни всего одно далекое путешествие, написал небольшое количество текстов, в основном служебных. Забыты мелодии его песен, лишь слова одного-единственного гимна сохранились до наших дней. И не так уж много людей успели увидеть Франциска вживую. Ведь проповедовал он чаще всего в Италии, разъезжая по деревням и небольшим городкам. И с сильными мира сего общался значительно реже, чем с обычными жителями или даже со зверями и птицами. Тем не менее ему удалось прославиться, как очень мало кому из живущих в Средневековье.

Мы знаем, насколько трудно добиться известности. Сколько денег и труда порой вкладывают в раскрутку политики или артисты. Изучают психологию своей целевой аудитории, стараясь добиться максимального воздействия... Технологии пиара работают, и даже неплохо, но порой они меркнут перед каким-нибудь «цепляющим» видеороликом, в который и денег-то никто особенно не вкладывал. Люди вдруг начинают делиться им друг с другом, он мгновенно распространяется, и далеко не всегда можно точно сказать, из чего сложился нежданный успех.

Конечно, мы далеки от мысли сравнивать популярность нашего героя с популярностью «вирусного» видео, но в обоих случаях явно работают какие-то сходные механизмы, которые вызывают у людей не только чувство родственности тому или иному явлению, но и непреодолимое желание приобщать к нему как можно больше окружающих. Попытаемся проследить, как именно происходил процесс завоевания аудитории у нашего героя.

Личность Франциска несомненно обладала огромной «заразительностью». Этим свойством он отличался с юных лет — не случайно ведь у него получалось «убалтывать» покупателей гораздо лучше, чем у его отца — профессионального торговца. Между тем он вовсе не обладал яркими внешними данными. В «Цветочках» даже описан случай, как однажды, придя в какой-то городок, Франциск вместе со своим товарищем стал просить милостыню. Разделившись, они двинулись по разным улицам, и наш герой из-за своей заурядной внешности не привлек ничьего внимания и едва смог собрать несколько черствых корочек. А его товарищ, брат Маттео — «высокий и красивый, получил множество больших кусков хлеба и даже несколько целых хлебов».

В «Первом житии» Фомы Челанского есть весьма детальный портрет Франциска: «Человек красноречивейший, с улыбкой на устах, с ласковым взглядом, не ведающий лени, избавленный от прихотей. Он был среднего роста, скорее даже невысок, голова тоже была умеренной величины, округла, лицо слегка вытянутое и длинное, лоб гладкий и небольшой, глаза небольшие, черные и чистые, волосы темные, брови прямые, нос ровный, прямой и изящный, уши приподнятые, но небольшие, виски впалые, кроткий язык, огненный и отточенный, голос мощный и сладостный, ясный и звучный, зубы ровные, белые, плотным рядом, губы небольшие и тонко очерченные, борода черная, не густо заросшая волосом, шея тонкая, плечи прямые, руки короткие, кисти нежные, пальцы длинные, ногти вытянутые, лодыжки узкие, ноги небольшие, кожа почти прозрачная, тело иссохшее, одежда жесткая, сон наикратчайший, рука ко всем щедрая».

Самые яркие штрихи этого портрета не относятся к внешним данным. Это — свойства языка — имеется в виду речь нашего героя. Это его характер и отношение к себе и другим людям. Из такого описания можно сделать вывод, что он преобразался, начиная говорить, и производил большое впечатление на окружающих.

К тому же он воспринимался современниками как нечто необычное, свежее и актуальное. Но ведь по большому счету мысли, которые он транслировал, не отличались особенной новизной. Все они выражали идеи Священного Писания, которыми в то время в большей или меньшей степени жило общество. А жанр проповеди занимал тогда важную культурную нишу. Формально Франциск являлся проповедником, одним из целого сонма. Просто он сильно отличался от своих коллег, как гениальный писатель отличается от массы посредственных и даже талантливых. И то, о чем другие говорили с амвона, он показывал. Часто именно этим отличаются хорошие книги: автор не описывает события, а показывает их, погружая читателя в свой мир. Франциск — тоже автор особого мира, только круг его «читателей» не ограничивался понимающими грамоту. Насколько впечатляюще, должно быть, выглядели его «немые» проповеди, когда вместо текста использовался пепел как символ покаяния! Как красиво было дерево, усаженное птицами, с которыми он разговаривал! Как сияли лица у измученных невзгодами жителей Греччо, которых он неожиданно позвал в рождественскую сказку, придумав вертеп, не существующий до того времени. А уж укрощение опасного хищника — волка из Губбио — и вовсе обеспечило ему и восхищение, и сочувствие, и любовь. Любовь — здесь ключевое слово, ибо совершал он все свои перформансы очень искренне, оттого и удалось ему заразить такое огромное количество людей.

Любовь и красота — ведь сюжеты его жизни красивы и наполнены символизмом. Они не остались в рамках богословия и даже просто религии, став искусством. И главные его посмертные «пиар-менеджеры» тоже пришли от искусства, а не от Церкви, как, например, Данте Алигьери, который почитал Франциска первым среди святых после разве что Иоанна Крестителя. Великий флорентиец погружается в мир Франциска и читает тайные знаки событий жизни ассизского святого. Укрощенный волк из Губбио неожиданно оживает в образе Волчицы из «Божественной комедии»: «Она такая лютая и злая, что ненасытно будет голодна, вслед за едой еще сильнее алкая...» И оказывается, что волк — не просто агрессивный зверь, досаждавший людям, но символ хищной власти денег, которую Франциск смог обуздать. И один из важных смыслов францисканства — свобода от пожирающей алчности, свобода чувствовать радость вне зависимости от давления материальных обстоятельств. Это — христианская ценность, но и общечеловеческая. Франциска часто называют человеком, обновившим средневековую Церковь, ставшим для нее глотком свежего воздуха, и это абсолютно верно. Он счищал с католицизма многовековую позолоту официоза, и привычные надоевшие обряды вдруг озарялись первозданным смыслом. Его живая и заразительная непосредственность была так велика и так неожиданна для церковного деятеля, что у многих возникало желание отнести его если не к борцам с Церковью, то хотя бы к деятелям светской культуры.

Кстати, хороший повод задуматься: а где проходит граница между духовной и светской культурой? Сейчас очень актуально понятие «формат». Не только стиль, но еще и направленность — политическая, этническая или религиозная. Не так просто создать текст, точно отвечающий требованиям того или иного издания, гораздо легче классифицировать уже созданное. Профессиональные редакторы способны определить не только качество, но и культурный контекст литературного произведения буквально по нескольким абзацам. Просто образованные люди, любящие читать, могут ошибиться в тонкостях, но, скорее всего, возьмутся провести грань между литературой религиозной и художественной. И вот тут сразу начнутся нестыковки. Религиозная — это какая? Только богословская, богослужебная или христианская? В последнем случае Толстой и Достоевский сразу оказываются посередине водораздела, не говоря уж о литературе Средневековья и Возрождения, которую в России до сих пор многие воспринимают в чрезмерно светском ключе.

Это совершенно не удивительно. Долгие 70 лет богоборческого

советского режима изгладили из памяти достижения дореволюционной Санкт-Петербургской школы медиевистики, где тщательно изучали Италию времен Франциска и, конечно, его самого. В Советский же Союз вся мировая культура и философия допускались только после тщательного причесывания. Поэтому на «подкорку» советской интеллигенции записался совершенно определенный образ средневеково-ренессансной литературы. Он выражался только в двух ипостасях: народно-героический эпос и антиклерикальный городской фольклор. Соответственно, «Старшая Эдда», «Песнь о Роланде» и творчество вагантов в замечательном переводе Льва Гинзбурга. Но вагантские протестные песни, как бы яркие и талантливы они ни были, не выражали полностью ни глубины, ни полноты картины своей эпохи.

Нет, разумеется, в советское время не запрещали произведений Данте. Но в его творчестве основной упор делали на опять-таки антиклерикализме, выразившемся в неприязненном отношении поэта к некоторым из римских пап. А между тем никакой борьбы с Церковью великий флорентиец не вел. Просто он особенно остро реагировал на корыстолюбие отдельных церковных иерархов, поскольку разделял идеи Франциска. И не просто разделял. Данте был францисканцем — членом третьего из орденов святого Франциска, того самого ордена терциариев, предназначенного для мирян. К этому же ордену принадлежал и другой великий поэт итальянского Ренессанса Франческо Петрарка. Его лицо — лирический сонет. И во многих литературоведческих работах ценностью его творчества называют обращение к человеческим чувствам. Вот он, певец индивидуума, лирический герой, луч света, после долгой готической темноты средневековой христианской мистики и схоластики.

Да, Петрарка действительно был нов, как свежа была и «Vita Nova» Данте. Но подход полностью светского литературоведа здесь тоже неприемлем, ибо он убивает христианскую мистику, низводя таинственное появление шедевров до дарвиновской системы эволюции.

Кстати, у Данте, при всей классической суровости его образа, тоже пробивается францисканская непосредственность. Когда умерла Беатриче, он нанял нарочных и послал их к градоправителям всех итальянских республик с вестью о смерти своей возлюбленной, которую подавал в качестве вселенской катастрофы. Каждое письмо начиналось цитатой из плача пророка Иереми: «Как в одиночестве сидит град, некогда многолюдный, он стал как вдова; некогда великий между народами, князь над областями сделался данником».

А вот совсем другая грань литературы — Франсуа Рабле^[120].

Величайший сатирик, мастер слова, которого часто ставят рядом с Шекспиром и Сервантесом. Кроме изящной словесности этот выдающийся деятель Ренессанса занимался философией, правоведением и естественными науками. Его относят к числу пионеров научной анатомии. Преподавая на факультете медицины, он одним из первых в Европе производил вскрытие трупов на лекциях.

Рабле тоже был монахом-францисканцем, и этот факт, несомненно, повлиял на его мировоззрение. Знаменитый русский культуролог и теоретик искусства Михаил Михайлович Бахтин видит корни блестящей раблезианской сатиры в средневековой смеховой культуре, которая всегда особым образом выражалась в действиях Франциска. По словам Бахтина, «Франциск недаром называл себя и своих сторонников «скоморохами Господа» («ioculatores Domini»). Своеобразное мировоззрение Франциска с его «духовной веселостью» («laetitia spiritualis»), с благословением материально-телесного начала, со специфическими францисканскими снижениями и профанациями может быть названо (с некоторой утрировкой) карнавализованным католицизмом».

Вдохновлял образ святого из Ассизи и великих мастеров живописи, начиная от Джотто, Фра Беато Анджелико и Караваджо, заканчивая гораздо более близкими к нам по времени художниками, как, например, Николай Рерих. Проявлял интерес к образу Франциска даже мало ассоциирующийся с церковной тематикой Никас Сафронов.

Повышенная музыкальность Франциска тоже не могла быть оставлена без внимания многочисленными композиторами разных эпох и направлений. До сих пор возникают новые музыкальные версии его биографии и пишутся мелодии на его поэтические тексты. В области академической музыки существуют романтическая фортепианная композиция Ференца Листа «Святой Франциск Ассизский. Проповедь птицам», авангардная опера Оливье Мессиана «Святой Франциск Ассизский», хоровой цикл Франсиса Пуленка на подлинные тексты святого, множество месс и духовных песнопений в честь Франциска. Совсем недавно, в 2012 году, в Большом театре поставили оперу российско-немецкого композитора Сергея Невского «Франциск». Автор популярных на весь мир «Времен года» Антонио Вивальди оперы о святом не создавал, зато сам был францисканцем.

Живопись, литература, музыка... через эти нематериальные врата, а вовсе не через тяжелые двери соборов, выходил Франциск на встречи с людьми последующих поколений. Впрочем, не стоит ограничивать его

влияние на мир одним лишь искусством. Многие знаковые персоны эпохи Возрождения, прославившиеся в областях, далеких от искусства, на поверку оказываются либо францисканцами, либо сочувствующими их идеям. Например, человек, которого считают европейским изобретателем пороха, Бертольд Шварц^[121], принадлежал к францисканскому ордену. Биография монаха Шварца известна не очень хорошо, но это не помешало ему время от времени появляться в литературных произведениях, сильно не совпадающих по времени создания с годами его жизни. Александр Сергеевич Пушкин вывел брата Бертольда в своих «Сценах из рыцарских времен», где францисканец предстает в виде искателя «перпетуум мобиле», брата Бертольда. Дважды упоминается Бертольд Шварц в творчестве швейцарского писателя Фридриха Дюрренматта, в «Поэме конца» Марины Цветаевой и в рассказе Владимира Набокова «Ultima Thule». Даже легендарный персонаж — Остап Бендер из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова в шутку называет именем этого францисканца общежитие советских студентов-химиков.

Следует упомянуть здесь и известного францисканского ученого — «удивительного доктора» Роджера Бэкона. Будучи профессором богословия в Оксфорде, он занимался также естественными науками, в частности, в оптике разработал новые теории об увеличительных стеклах, преломлении лучей и перспективе.

А Христофор Колумб? Есть косвенные сведения о членстве его в ордене терциариев, правда, официальная историческая критика считает эту информацию не больше чем легендой. Но ведь легенда не вырастает на пустом месте. Известно, что великий мореплаватель зачитывался трудами ученых францисканцев, находя в них стимул и вдохновение для своих путешествий. И первую поддержку своих идей он нашел у францисканского гвардиана в Рапиде и последнее прибежище во францисканском монастыре города Вальядолида.

«Если Франциск не является лицом, официально «прославленным» Русской православной церковью, то он вне всякого сомнения — один из неофициальных небесных заступников русской литературы» — эти слова Сергея Аверинцева хорошо выражают восприятие нашего героя на российской почве.

Несмотря на сложные отношения между католичеством и православием, многие православные мыслители, в том числе отец Сергей Булгаков, относились к нему с симпатией, сравнивая с Серафимом Саровским. Близко русскому менталитету оказалось и «юродство» Франциска, и его искреннее сострадательное отношение ко всему живому.

Отзвуки францисканства слышны в толстовском «непротивлении злу», и это нельзя назвать совпадением, ведь Лев Николаевич Толстой лично содействовал изданию русского перевода книги о Франциске пера Пьера Сабатье. И у Достоевского, при отсутствии явных симпатий к Западной церкви, угадываются францисканские мотивы. Старец Зосима, «идиот» Мышкин, свободные от материальных уз «бедные люди»...

С наступлением Серебряного века фигура Франциска стала одним из очень значимых культурных кодов целого поколения. Александр Блок, Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов, Борис Пастернак — каждый из поэтов раскрывал многогранную личность святого по-своему. Кульминацией стал философский роман о Франциске Дмитрия Мережковского, причем в наследии поэта есть еще и крупное поэтическое произведение на ту же тему.

Высоко ценил Франциска и русский религиозный философ Николай Бердяев. Он посетил Ассизи зимой 1910/11 года, изучал жизнь нашего героя и назвал ее «величайшим фактом христианской истории после жизни самого Иисуса Христа». Другой известный представитель русской философской школы, Семен Людвигович Франк сказал о нем: «На высочайшей ступени духовного развития — как, например, в религиозной жизни такого гения, как Франциск Ассизский — не только волки, птицы и рыбы, но даже солнце, ветер, даже смерть и собственное тело становятся «братьями» и «сестрами», переживаются как некие «ты».

А сколько поэтов Серебряного века вдохновлялись образом Франциска! Нежно-изысканный Михаил Кузмин:

Месяц молочный спустился так низко,
Будто рукой его можно достать.
Цветики милые братца Франциска,
Где же вам иначе расцветать?

Суровый Вячеслав Иванов:

Иль бросился в колючки брат Ассизский,
Чтоб укротить пронзительные терны?
Но стали терны — розами родными.

Максимилиан Волошин, сам, словно Франциск, прославившийся

миротворчеством в годы Гражданской войны:

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает.
Палкой, как на скрипочке, играет.

Дмитрий Мережковский, написавший о святом из Ассизи целую поэму, а кроме того — биографический роман. Писали о нем и многие другие поэты.

После прихода к власти большевиков Франциска в России незамедлительно предали забвению — вместе с другими религиозными деятелями. Разговор о Франциске на русском языке отныне мог продолжаться только в эмиграции. Например в творчестве поэта Анатолия Гейнцельмана или другого литературного деятеля русского зарубежья, Юрия Иваска.

Но случались героические попытки изучать наследие Франциска и в богоборческом Советском Союзе. В 1947 году вышла в свет монография «Итальянское Возрождение» специалиста по медиевистике Матвея Александровича Гуковского. Автор старательно «спрятал» информацию о Франциске Ассизском в разделе «Культура», в главе «Италия в 1250 году». Современный церковный историк архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгеньевич Никитин) в своей статье «Францисканские мотивы в русской поэзии»^[122] описывает сложности, с которыми пришлось сталкиваться ученому-медиевисту. Чтобы выпустить эту книгу, ему пришлось заранее авансом покаяться в предисловии в возможных идеологических ошибках. «Мне кажется, однако, — писал Матвей Гуковский, — что недостатки эти могут быть оправданы постольку, поскольку моя работа является первой попыткой в своем роде, не имеющей прецедентов, — попыткой, продиктованной страстным стремлением выполнить указания величайшего ученого мира, любимого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина, стремлением смело идти вперед в разрешении больших научных вопросов, не останавливаясь на том, что было сделано до сего времени».

После перестройки Франциск появился в российской интеллектуальной действительности снова, причем не только в историческом или религиозном контексте, но и на передовой новых

поисков смысла бытия, в частности, в рок-музыке. В 1990-е годы очень актуально звучала песня Бориса Гребенщикова:

И только полная луна оживляет
чередование этих верхов и низин.
Слава Богу, что она никогда не читала
ни «Цветочков Франциска Ассизского»,
ни Дао Дэ Цзин.

Не обошел вниманием нашего героя культовый поэт Анри Волохонский, автор знаменитого текста «Город золотой» («Над небом голубым...»). На альбоме Леонида Федорова «Таял» есть трек «Франциск» на его стихи, а в оформлении альбома использован фрагмент одной из фресок Джотто цикла «Святой Франциск Ассизский». Интерес популярных исполнителей к святому из Ассизи имеется и по сей день. В одной из песен Псоя Короленко Франциск проповедует собакам. Есть упоминание нашего героя и в творчестве рэпера Оксимирона.

Из всего сказанного может возникнуть ощущение, что Франциск был «любимцем публики» (хотя бы поначалу только в Европе), начиная со своего появления вплоть до наших дней. Но симпатия к «демократическому» и «интеллигентному» святому существовала далеко не все восемь веков, что прошли с момента его смерти. В эпоху Просвещения Франциска не очень-то жаловали, считая скучным отжившим атрибутом «непрогрессивного» католичества. Причем так относились в то время не ко всем католическим деятелям. Например, святого Филиппо Нери^[123] в XVIII веке, наоборот, весьма уважали.

Сергей Аверинцев в предисловии к сборнику «Истоки францисканства» описывает случай с Иоганном Вольфгангом Гёте. Немецкого классика во время путешествия по Италии очень впечатлили рассказы о добром Пеппо (прозвище Нери), который организовывал в Риме молитвенные процессии с музыкой и последующими пикниками на лугах. Среди городов, которые посетил Гёте, был и Ассизи. Однако немецкий поэт побывал там лишь ради памятников древнеримской архитектуры. О Франциске же у него не возникло «ни единой сердечной мысли, лишь беглый взгляд с отвращением на унылый собор».

Здесь напрашивается параллель с Бахом. Прежде чем занять свое почетное место среди величайших композиторов мира, ему пришлось пережить почти вековое забвение. В эти годы баховской музыкой

интересовались лишь знатоки, да и те считали ее скучной заумью.

«Баховское возрождение» началось в эпоху романтизма. Конкретно — со смелого поступка одного юного романтика, двадцатилетнего Феликса Мендельсона, рискнувшего поставить забытые «Страсти по Матфею». И нашего героя реабилитировали тоже романтики, хотя излишней церковностью это направление, да и весь XIX век в целом уж точно не отличались. Но Франциск Ассизский! Менестрель, скоморох Господень! А также непонятый гений — ведь Церковь не всегда признавала его орденские правила, считая их невозможно строгими, и даже братья, вверившие ему жизнь и судьбу, порой сомневались в своем предводителе. К тому же он прекрасно попадал в концепцию милого романтикам пантеизма со своей особенной, несвойственной другим христианским святым любовью к природе.

В середине XIX века достаточно серьезный «пиар» святому из Ассизи в умах антиклерикалов сделал уже упомянутый Ференц Лист. Будучи мегапопулярным виртуозом, он влиял на умы тогдашней интеллигенции подобно современным культовым рок-группам.

Гениальный венгерский композитор не только создал произведения, посвященные Франциску, но еще и сам с детства мечтал стать францисканцем. Правда, до конца ему это не удалось. Образ жизни «звезды» мало совместим с монашеством, а полностью оставить музыкальную карьеру Лист не смог.

Францисканские идеи романтизированы в творчестве другой популярнейшей персоны XIX века, модной и прогрессивной романистки Жорж Санд. В кульминационном моменте ее романа «Графиня Рудольштадт» герои призывают к «богине Бедности».

Франциском восторгались субъективисты и последователи индивидуализма. В XX веке его начали считать первым экологом, первым хиппи, чуть ли не профессиональным революционером.

Его популярность сильно выросла со времен романтиков и продолжает расти. Ассизи охотно посещают туристы, и уже не из-за древнеримской архитектуры, как когда-то Гёте, а из-за того, что там жил самый добрый святой. Образ милого добряка и чувствительного поэта тиражируется по всему миру, затуманивая и искажая подлинные черты портрета великого человека.

Ему удалось достичь величия в области, с трудом поддающейся описанию. Как объяснить, что такое святость? Может быть, здесь подошла бы цитата из книги Леонарда Коэна «Прекрасные неудачники»: «Кто такие святые? Это те, кто сумел достичь предела человеческих возможностей. Но

определить, каковы эти возможности, невозможно. Мне кажется, дело здесь скорее связано с энергией любви. Причастность к этой энергии выражается в обретении некоего равновесия в хаосе бытия».

Насколько точно это определение? Ведь святость того или иного человека может восприниматься по-разному в разных культурных контекстах. Например, понятие святости несколько различается даже в таких достаточно близких христианских конфессиях, как католицизм и православие. Мистические опыты западного христианства часто воспринимаются православными мыслителями с сомнением. Оттого среди восторженного хора восхищенных высотой духа Франциска можно встретить и обвинения святого в прелести. В этой связи невозможно сказать ничего объективного, ведь речь идет о вещах, находящихся за гранью человеческого разума. Но вряд ли птицы, звери и прочие твари Божии любили бы человека, одержимого дьяволом. И его имя не окружилось бы ореолом умиротворения, таким сильным, что даже летчики во Вторую мировую войну, неоднократно вылетающие бомбить Ассизи, так и не посмели сбросить свой смертоносный груз на его город...

В завершение хочется еще раз вспомнить разные оттенки смыслов этого объемного понятия «святость». Древнееврейское *qadoš*, означавшее отделение сферы Божественного от мирского. Три новозаветных древнегреческих прилагательных: *ιερός* (иерос), *άγιος* (агиос) и *οσιος* (осиос), что значит: принадлежность (посвященность) Богу; святость Бога, и моральные качества человека (чистота, преданность). И, наконец, родственное слово «свет» из русского языка.

Все эти смыслы вмещает в себя жизнь христианских святых и Франциска, как одного из них. Эти люди посвящены Богу, преданы Ему, они стоят на границе между мирским и Божественным, может быть, даже сами являются подобной границей. И свет миру они, несомненно, несут.

И нам, даже самым далеким от Церкви, очень важно видеть отблески этого горнего света. Смотреть на лики, созданные иконописцами, читать о жизни святых и их поступках — часто парадоксальных и не поддающихся обыденной логике. Через них мы можем понять основополагающие законы бытия, неочевидные на первый взгляд. Потому что «широка и просторна дорога, ведущая в погибель, и многие идут ею, тогда как узки ворота и тесна дорога, ведущая в жизнь, и немногие находят ее» (Мф. 7:13–14). И святые — это редкие путеводные знаки на той дороге. Для тех, кто хочет их прочитать.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО

1181, лето — осень — в небольшом умбрийском городке Ассизи в семье Пьетро и Джованны ди Бернардоне родился мальчик, получивший при крещении имя Иоанн. Однако отец, по возвращении из Франции, изменил его имя, назвав его Франциск (по-итальянски «Франческо» дословно — «Французик»).

1193 (или 1194) — рождение Клары ди Оффредуччо.

1198, 8 января — избрание папой Иннокентия III.

Весна — жители Ассизи осаждают крепость на горе — символ императорской власти — и разрушают ее.

1199–1200 — вспышка гражданской войны в Ассизи между народом (мелкой буржуазией) и аристократией. Народ нападает на дворцы вельмож. Семьи Клары и Леонарда бегут в горы. Франциск, возможно, в первый раз доказывает свою смелость, сражаясь в рядах городского войска.

1202, ноябрь — война между Перуджей (где укрылась большая часть ассизской аристократии) и Ассизи. Армия Ассизи терпит поражение в битве под Коллестрадой.

1202–1203 — Франциск — среди пленных, пребывает в заключении в Перудже около года. Освобожден по причине болезни (возможно, был выкуплен отцом).

1204 — долгая болезнь.

Конец года (или весна 1205) — Франциск решает направиться в Апулею, чтобы сражаться с Готье де Бриенном. Но в Сполето его посещает таинственное видение, которое переворачивает его планы, заставляя вернуться в Ассизи. Начинается постепенный процесс обращения.

1205 — после смерти Готье де Бриенна (*июнь*) Франциск в последний раз принимает участие в празднике молодежи, на котором удостоивается титула короля ассизской молодежи. Начало обращения к жизни согласно Евангелию. Переоценка ценностей произошла после многих переживаний, которые помогли ему обрести смысл бытия. Особую роль сыграли болезнь и ряд неудач, а также видение, явившееся ему на пути в Южную Италию и явившее Франциску истинного Господа. Встретив прокаженного, Франциск сходит с коня и вместе с милостыней дарует ему поцелуй мира.

Осень (или начало зимы) — таинственный голос Распятого в церкви во

имя Святого Дамиана, призвавший Франциска к восстановлению церкви. Конфликт с отцом.

1206, январь (или февраль) — призванный на суд, Франциск в присутствии епископа Ассизского отказывается от отцовского наследства и даже от одежды, которая была на нем.

Весна — прислуживает в одном монастыре; затем в Губбио получает платье от одного друга, ухаживает за больными в лепрозории.

Июнь — возвращается в Ассизи, облачается в одеяние отшельника и начинает восстанавливать церковь во имя Святого Дамиана, выпрашивая в городе в качестве милостыни камни. Предсказывает приход Нищих дам.

Лето — восстановление церкви Святого Дамиана, затем церковей Святого Петра и Божией Матери Ангелов, также известной как Порциункула (по февраль 1208).

1208, 24 февраля — праздник святого Матфия. Слушая Евангелие, читаемое в тот день, Франциск был поражен словами, которые Христос обращает к апостолам. Он решает оставить жизнь отшельника, облачается в грубое одеяние, подпоясывается веревкой и, босой, начинает проповедовать покаяние.

16 апреля — Бернард ди Квинтавалле и Петр Каттани хотят разделить жизнь с Франциском и присоединяются к нему.

23 апреля — в Порциункуле, где укрылись братья, к ним присоединяется брат Эгидий.

Весна — первая миссия: Эгидий и Франциск направляются в Анконскую марку, двое других — в противоположном направлении.

Лето — к маленькой группе добавляются трое братьев, среди которых Филипп Лонго.

Осень (или начало зимы) — вторая миссия: братья доходят до Поджо-Бустоне в долине Риети. Франциск, получивший обещание отпущения грехов и будущего развития ордена, ободряет и воодушевляет своих товарищей (к ним присоединился еще один), направляет их попарно на четыре стороны света. Третья миссия: Бернард и Эгидий идут во Флоренцию.

1209, начало года — восемь братьев возвращаются в Порциункулу, где к ним присоединяются еще четверо.

Весна (или 1210) — Франциск решает представить на утверждение Церкви свою новую форму монашеской жизни. Он пишет краткое «Правило» (устав) и подает его папе Иннокентию III, который утверждает его и возлагает на братьев проповедь покаяния. На обратном пути они ненадолго останавливаются вблизи Орте, затем устраиваются в хижине в

Ривоторто.

Сентябрь — император Оттон IV проезжает через это селение. Братья, вынужденные оставить хижину в Ривоторто, устраиваются в Порциункуле, испрашивая разрешение на ее использование у аббата монастыря Сан-Бенедетто в Субьяко. Таким образом, Порциункула — церковь Божией Матери Ангелов — становится матерью-Церковью ордена.

1209–1210 (?) — возможно, начало деятельности Третьего ордена.
1211, 28 марта (или 1212, 18–19 марта) — ночью на Вербное воскресенье Франциск принимает Клару в Порциункуле и постригает ее в монахини. Укрыв Клару на несколько недель в монастыре Святого Павла в Бастии, затем — в монастыре Святого Ангела в Панцо близ Ассизи, Франциск устраивает ей обитель в монастыре Святого Дамиана.

Лето (?) — Франциск садится на корабль, намереваясь достигнуть Сирии, но ветры прибивают корабль к берегам Далматин. Франциск тайком проникает на корабль, плывущий в Анкону.

1212 — возможное путешествие в Рим с целью рассказать Иннокентию III о развитии ордена. Встреча с Джакоминой деи Сеттесоли.

1213, 8 мая — в городке Сан-Лео граф Орландо Каттани ди Кьюзи дарит Франциску гору Верна.

1213–1214 (или 1214–1215) — Франциск направляется в Испанию, решив проповедовать неверным в Марокко, однако болезнь заставляет его вернуться в Порциункулу, где он принимает в орден большую группу аристократов и ученых, среди которых Фома Челанский.

1215, ноябрь — отправляется в Рим и присутствует на Четвертом Латеранском соборе. Возможно, встреча со святым Домиником.

1216, 16 июля — папа Иннокентий III умирает в Перудже; через два дня папой избран кардинал Ченчио Савелли, получивший имя Гонория III. Свидетелем этих дней является Иаков из Витри, который, вероятно, знакомится с самим Франциском и, несомненно, с его орденом. Он сообщает об этом друзьям из Лотарингии в письме, написанном в октябре того же года. Расширение деятельности ордена.

1217, 5 мая — Генеральный капитул в Порциункуле. Принимается решение направить первую миссию в заальпийские и заморские края. Эгидий отправляется в Тунис, Илья — в Сирию, Франциск пускается в путь во Францию. Во Флоренции папский легат в Тоскане и Ломбардии кардинал Уголино убеждает его остаться в Италии.

1218, 11 июня — Гонорий III публикует буллу «Cum dilecti», в которой, обращаясь к епископам, подтверждает ортодоксальность проповеди Братьев меньших.

1219, 26 мая — Капитул Пятидесятницы. Принимается решение направить братьев в Германию, Францию, Венгрию, Испанию, Марокко.

24 июня — Франциск отплывает из Анконы в Акри, а затем едет в Дамьетту, где войско крестоносцев противостоит мусульманской армии.

Осень — Франциск — среди крестоносцев, предсказывает поражение. Предсказание сбывается. Получение у папского легата разрешения отправиться на свой риск и под свою ответственность к султану аль-Камилю. Франциск, принятый султаном с изысканным гостеприимством, произносит проповедь, однако, не видя плодов обращения, возвращается в лагерь крестоносцев.

5 ноября — Дамьетта взята крестоносцами. Франциск, расстроенный допущенными злоупотреблениями, возвращается в Сирию.

1220, январь — пять братьев, направленных в Марокко, погибают от руки мусульман. Они являются первомучениками францисканского ордена.

Начало года — Франциск в Акре. Возможное посещение святых мест.

Февраль — март — Иаков из Витри в письме, направленном из Дамьетты, рассказывает о Франциске и его миссии у султана.

Весна (или лето) — Франциск, обеспокоенный сложившейся ситуацией в ордене, возвращается в Италию вместе с Петром Каттани, Ильей и Цезарем Спирским и высаживается в Венеции. Он направляется к папе, который назначает кардинала Уголино протектором ордена.

Лето — развитие ордена и увеличение численности его членов стало причиной многих осложнений. Франциск отрекается от руководства орденом и назначает генеральным викарием Петра Каттани. В то же время он продолжает свою деятельность: этим периодом датируется большая часть его писаний. Франциск становится живой иллюстрацией Евангелия.

22 сентября — Гонорий III буллой «Cum secundum» утверждает послушничество.

1220–1221 — Иаков из Витри в своей «Истории Запада» («Storia Occidentale») подробно останавливается на новом ордене Братьев меньших.

1221, 10 марта — смерть Петра Каттани.

30 мая — Генеральный капитул назначает викарием брата Илью. Одобряется текст «Правил» (не утвержденного буллой). Принимается решение о новой миссии в Германию, возглавляемой Цезарем Спирским. В ней также принимают участие Фома Челанский, будущий биограф, и Джордано Джанский, автор хроники этой миссии.

Гонорий III утверждает «Memoriale propositi», которое считается первым уставом ордена покаяния святого Франциска, названного позже Третьим францисканским орденом. Франциск проповедует в Центральной

и Южной Италии.

1222, 15 августа — проповедь Франциска в Болонье.

1223, начало года — Франциск вместе с братьями Львом и Бониццо удаляется в Фонте-Коломбо для подготовки нового «Правила» (более краткого), которое будет обсуждено на Генеральном капитуле 11 июня, а затем представлено на утверждение папе.

29 ноября — папа Гонорий III утверждает «Правило» буллой «*Solet annuere*».

24–25 декабря — Рождественская ночь в Греччо.

1224, 2 июня — на Генеральном капитуле принимается решение о миссии в Англию.

Конец июня (или июль — начало августа) — в Фолиньо брат Илья из видения узнает, что Франциску осталось жить два года.

15 августа — Франциск приступает к сорокадневному посту перед праздником Торжества архангела Михаила на горе Верне, где видит Распятого и обретает стигматы (14 или 15 сентября).

10 сентября — меньшие братья (четыре клирика и пять мирян) прибывают в Довер (Англия).

Октябрь (или начало ноября) — Франциск возвращается в Порциункулу, проходя Борго-Сан-Сеполькро, Монте-Казале, Читта-ди-Кастелло.

Декабрь — Франциск верхом на осле объезжает Умбрию и Марке (по февраль 1225).

1225, март — посещает святую Клару в монастыре Святого Дамиана. В связи с болезнью глаз Франциск вынужден там на некоторое время остановиться. По настоянию брата Ильи обращается к врачу, но безрезультатно.

Апрель — май — Франциск снова в монастыре Святого Дамиана; обращается за помощью к врачу, и опять без результата. В одну из ночей Франциск получает Божественное обетование вечной жизни; на следующее утро он диктует «Гимн брату Солнцу» («Песнь творений»).

Июнь — Франциск добавляет к «Гимну» строфу о прощении и добивается примирения между епископом и бургомистром Ассизи. По письму кардинала Уголино направляется в Реатимскую долину (путешествует по 6 февраля). Принят в Риети кардиналом Уголино и папским двором. Вначале отправляется в Фонте-Коломбо для лечения глаз.

Июнь — август — врач производит прижигание на висках святого. Затем Франциск отправляется в Сан-Фабиано, чтобы посетить других врачей, которые пробуют провести лечение через ухо, но также

безуспешно. Виноградник священника, затоптанный многочисленными посетителями, дает небывалый урожай по молитве Франциска.

1226, апрель — Франциск в Сиене для проведения дальнейшего лечения. Диктует краткое завещание («Малое сиенское завещание»). Позднее пребывает в обители Челле-ди-Кортоне, где, по-видимому, диктует следующее завещание.

Июнь — август — обитает в жаркое время года в Баньяре, в горах близ Ночеры.

Конец августа — начало сентября — в связи с ухудшением состояния Франциска перевозят во дворец епископа Ассизского. *Сентябрь* — чувствуя близость конца, Франциск просит перевезти его в Порциункулу. По дороге он останавливается, чтобы благословить город Ассизи.

3 октября, суббота — благословив братьев, Франциск вечером умирает на голой земле. Слух об этом событии быстро распространяется, и многие сбегаются, чтобы увидеть стигматы.

4 октября, воскресенье — тело Франциска торжественно переносят из Порциункулы в Ассизи с остановкой в монастыре Святого Дамиана и погребают в церкви Святого Георгия. Брат Илья сообщает об этом всему ордену, направляя послания провинциальным министрам.

*

1227, 19 марта — кардинал Уголино становится папой под именем Григория IX, сменяя на папском престоле Гонория III, умершего накануне.

1228, 29 апреля — в булле «Recolentes» Григорий IX просит христиан о помощи в сооружении базилики в честь Франциска. *16 июня* — папа Григорий IX в Ассизи торжественно проводит канонизацию святого Франциска.

19 июня — публикуется булла «Mira circa nos» о включении Франциска в Список святых (Литургический календарь) и праздновании всей католической церковью дня его памяти 3 октября.

1228–1229 — Фома Челанский составляет «Первое житие».

1230, 25 мая — перенесение мощей святого Франциска в базилику, построенную в его честь.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

***Святой Франциск. Художник Чимабуэ. 1278–1280 гг. Деталь фрески
«Мадонна на троне в окружении ангелов и со святым Франциском».
Италия, Умбрия, Ассизи, нижняя церковь базилики во имя Святого
Франциска***

Окрестности Ассизи.

Италия, Умбрия. Фото И. Баранова. 2015 г.

Кафедральный собор во имя Святого Руфина в Ассизи, где крестили Иоанна (Джованни) ди Бернардоне — будущего святого Франциска.

Архитектор Дж. Губбио. 1163 г. Современный вид

Новая церковь в Ассизи, возведенная на месте, где в XIII веке стоял родительский дом святого Франциска.

XVII в. Современный вид

Родители Франциска — Джованна и Пьетро ди Бернардоне.

Скульптурная композиция у Новой церкви. Ассизи

Рыцарь Диапольдо Ачерра. Миниатюра П. де Эболо из книги «Liber ad honorem Augusti sive de rebus Siculis». 1196 г.

Большая крепость (Рокка Маджоре) времен завоевания Умбрии Карлом Великим. XI в. Ассизи. Современный вид

Простец предсказывает Франциску славное будущее.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

*Юный Франциск, размышляющий о своем пути. Рисунок В. Будылиной.
2015 г.*

Распятие из Сан-Дамиано.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

Интерьер церкви во имя Святого Дамиана. Вверху — распятие, перед которым молился святой Франциск.

Современный вид

Отказ от имущества.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

Франциск созерцающий. Склон с оливковой рощей близ Сан-Дамиано.

Рисунок В. Будылиной. 2015 г.

Внутреннее убранство Порциункулы — церкви Божией Матери Ангелов. IX в. Современный вид

Молитва Франциска в Порциункуле.

Рисунок В. Будылиной. 2015 г.

*Базилика Божией Матери Ангелов (Санта-Мария-дельи-Анджели).
XVII в.*

Ассизи. Современный вид

Порциункула внутри базилики Санта-Мария-дельи-Анджели.

Современный вид

Франциск Ассизский.

Миниатюра. XIV в. Рим, Национальная библиотека

Двенадцать братьев идут в Рим.

Рисунок В. Будылиной. 2015 г.

Брат Бернард ди Квинтавалле

Брат Джинепро

Брат Матвей

Брат Лев

Святой Франциск.

Предполагаемое прижизненное изображение. Фреска. XIII в. Италия, Лацио, Субьяко, монастырь Сан-Бенедетто (Сакро-Спеко)

Иннокентию III является во сне святой Франциск, поддерживающий церковь.

Художник Джотто и мастерская. Фреска. Около 1298 г. Ассизи, верхняя церковь базилики Святого Франциска

Папа Иннокентий III.

Фреска. XIII в. Субьяко, монастырь Сан-Бенедетто (Сакро Спеко)

Папа утверждает «Правило» францисканского ордена.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

Франциск и Клара.

Рисунок В. Будылиной. 2015 г.

Дом Клары Оффредуччо за собором во имя Святого Руфина. Ассизи.

Современный вид

Пострижение Клары Франциском.

Рисунок В. Будылиной. 2015 г.

Монастырь Сан-Дамиано.

Ассизи. Современный вид

Вид на церковь во имя Святой Клары.

Ассизи

Святая Клара Ассизская.

Художник С. Мартини. 1317 г. Фреска. Ассизи, базилика во имя Святого Франциска

Ряса и мантия святой Клары.

Ассизи, церковь во имя Святой Клары

Молитва Святого Франциска.

*Художник Эль Греко. 1587–1597 гг. США, Небраска, Омаха,
Художественный музей Джослин*

Святой Франциск с братьями-миноритами.

Художник Джотто и мастерская. Фреска. Около 1298 г. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

Хижина святого Франциска и братии в Ривоторто, находящаяся под сводами святилища Божией Матери.

Ассизи. Современный вид

Святой Франциск.

*Художник Маргаритоне д'Ареццо. 1250-е гг. Дерево, темпера. Ареццо,
Музей средневекового и современного искусства*

Святой Франциск Ассизский.

Художник Маргаритоне д'Ареццо. Алтарный образ. Дерево, темпера, золото. 1250–1270 гг. Ватикан, Пинакотека

Собор во имя Святого Иоанна Крестителя на Латеранском холме (Сан-Джованни-ин-Латерано). Гравюра Дж. Б. Пиранези. XVII в.

Встреча святого Франциска и святого Доминика.

*Художник Фра Беато Анджелико. Около 1429 г. Дерево, темпера
Берлин, Картинная галерея*

Святой Франциск перед султаном.

Художник Фра Беато Анджелико. 1440-е гг. Дерево, темпера. ФРГ, Тюрингия, Альтенбург, Музей Линденау

Святой Франциск перед султаном.

Гравюра Г Доре. XIX в.

Взятие Дамьеты.

Художник К. Виринген. Около 1625 г.

Папа Гонорий III.

Художник Л. Бассано. XVII в. Венеция, собор во имя Святых Иоанна и Павла (Санти-Джованни-э-Паоло)

Торжественное празднование Рождества в Греччо.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

Чудесное открытие источника на горе Верне.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

Экстаз святого Франциска.

Художник Дж. Беллини. Около 1480 г. Нью-Йорк, Собрание Фрика

Святой Франциск и сцены из его жизни.

Художник Б. Берлигьери. 1235 г. Дерево, темпера. Италия, Пистоя, церковь во имя Святого Франциска

Стигматизация святого Франциска.

Художник Джотто. Около 1300 г. Алтарная икона для церкви во имя

Святого Франциска в Пизе с пределлой («Сон Иннокентия III», «Утверждение устава францисканского ордена» и «Проповедь птицам»). Париж, Лувр

Франциск Ассизский со стигматами, утирающий платком глаза.

Копия с оригинала неизвестного художника (предположительно, прижизненного портрета, заказанного Джакоминой деи Сеттесоли; 1225). XIV в. Италия, Риети, монастырь Греччо

Смерть и вознесение святого Франциска.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

Блаженная Джакомина леи Сеттесоли.

XIV в. Фреска. Ассизи, базилика во имя Святого Франциска

Оплакивание Франциска монахинями-клариссами.

Художник Джотто и мастерская. Около 1298 г. Фреска. Ассизи, верхняя церковь базилики во имя Святого Франциска

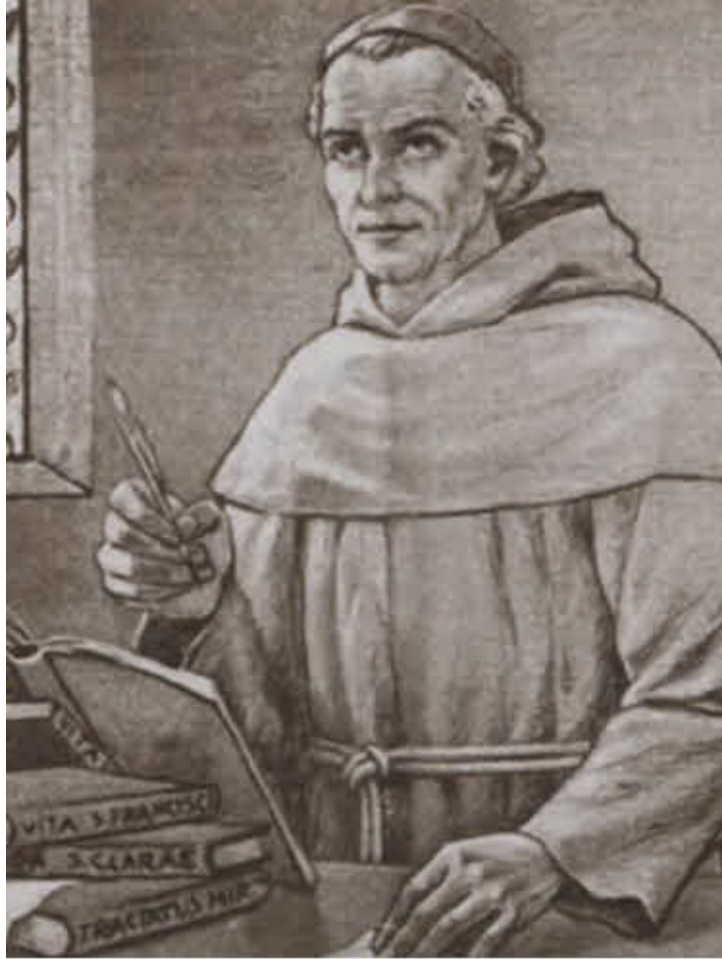
Папа Григорий IX.

Художник Рафаэль. Фреска. 1511 г. Ватикан, Апостольский дворец

Часовня Транзита, обустроенная на месте смерти святого Франциска.

Ассизи, базилика Санта-Мария-дельи-Анджели. Современный вид

Фома Челанский.

Гравюра

Святой Бонавентура.

Художник П. Морандо (Иль Каваццола). XVI в. Фрагмент

Ряса Святого Франциска, бывшая на нем в час кончины.

Ассизи, базилика во имя Святого Франциска

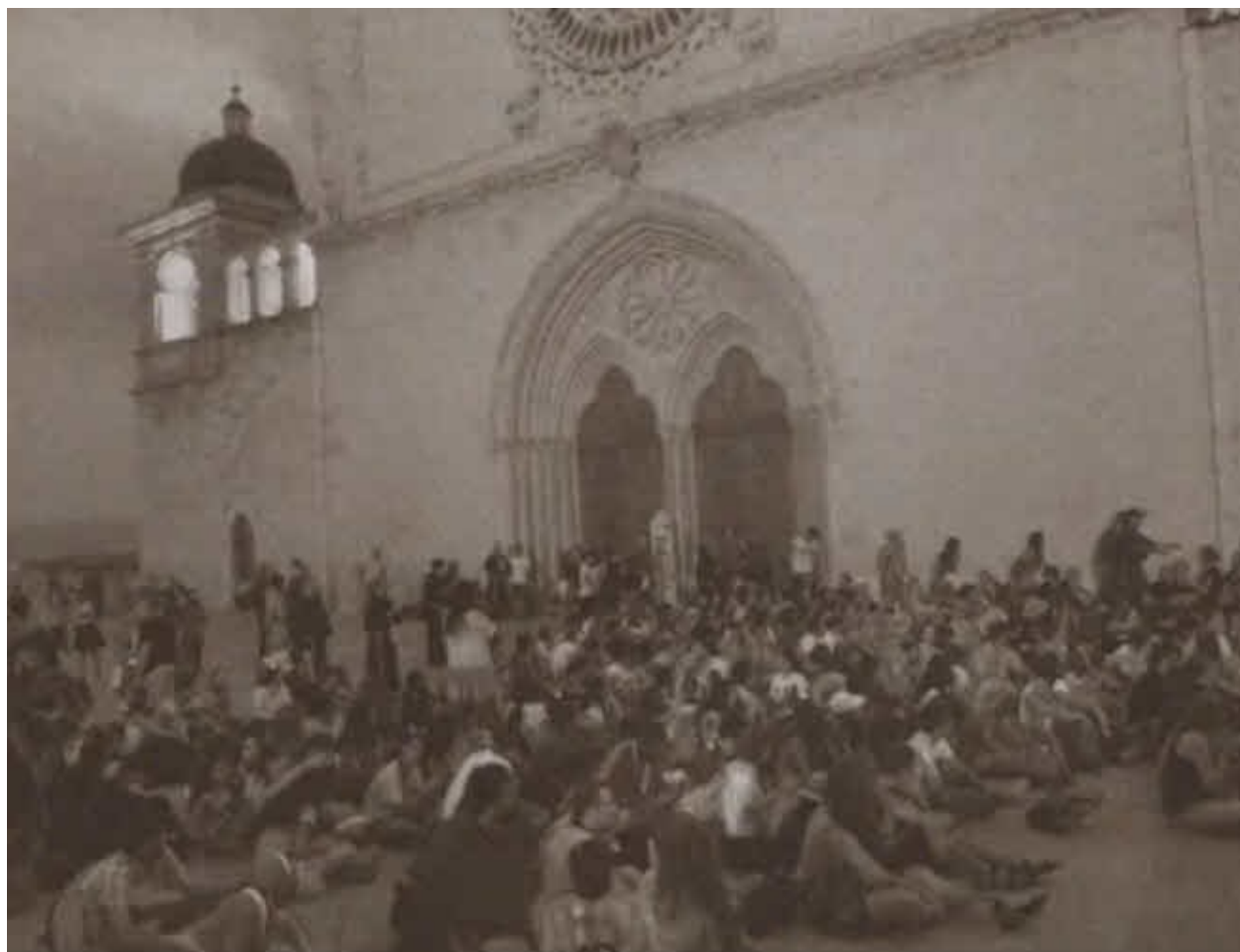
Базилика во имя Святого Франциска (фасад верхней церкви) и скульптура Франциска на ослике.

Ассизи, монастырь Сакро-Конвенто

Интерьер верхней церкви базилики во имя Святого Франциска.

Ассизи. Современный вид

Молодежь в монастыре Сакро-Конвенто.

Ассизи. Фото В. Будылиной. 2015 г.

Франциск, диктующий «Гимн брату Солнцу». Фрагмент скульптурной композиции. Ассизи, монастырь Сан-Дамиано. Фото М. Хамув из архива И. Баранова. 2015 г.

Лежащий Франциск. Фрагмент скульптурной композиции. Ассизи, обитель Эremo-делле-Карчери. Фото М. Хамув из архива И. Баранова. 2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015.

Брандштеттер Р. Ассизские хроники. М.: Изд-во Францисканцев, 1999.

Герье В. Франциск: Апостол нищеты и любви. М.: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1908.

Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Наука, 1968 (Литературные памятники).

Джемелли А. Францисканство. М.: Духовная библиотека, 2000.

Жизнеописание святого Франциска Ассизского, супруга госпожи Бедности: Биография, написанная Анаклето Яковелли. М., 1984.

Истоки францисканства: Святой Франциск Ассизский: Писания и биографии. Святая Клара Ассизская: Писания и биография / Общ. ред. А. Вичини, Я. Ан; пер. О. Седаковой, А. Топоровой, Л. Сумм. Ассизи: Movimento Francescano, 1996.

Католическая энциклопедия: В 5 т. / Ред. В. Л. Задворный. М.: Изд-во Францисканцев, 2002, 2005, 2007, 2011, 2013.

Козлова К. Святая Клара Ассизская — супруга Христа Распятого. СПб., 2009. — <http://www.yarcatholic.ru/images/stories/Swiataja%20Klara.pdf>

Мережковский Д. С. Франциск Ассизский // *Мережковский Д. С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. подг. текста и прим. К. А. Кумпан. СПб.: Академический проект, 2000 (Новая библиотека поэта).

Мортон Г. В. (Ут Милана до Рима: Прогулки по Северной Италии. М.: Эксмо; Мидгард, 2008.

Пименова Э. К. Франциск Ассизский: Его жизнь и общественная деятельность: Биографический очерк. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1896.

Проханов И. С. Краткое учение о проповеди: Опыт евангельской гомилетики. Корнталь: Свет на Востоке, 1969.

Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. М.: Посредник, 1895.

Самарина М. С. Франциск Ассизский и его наследие: От истоков до современности. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008.

Сикари А. Портреты святых: В 6 т. Милан; М.: Христианская Россия, 1991.

Стикко М. Святой Франциск Ассизский. Милан: Христианская Россия, 1990.

col1_0 Властелин колец: Братство кольца. Две крепости. Возвращение короля. М.: Азбука-классика, 2007.

Топорков Н. Н. Религиозные движения и душевное расстройство Св. Франциска // Неврологический вестник. Т. 19. Вып. 1–2. Казань, 1912.

Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М.: Молодая гвардия, 2006.

Честертон Г. К. Святой Франциск Ассизский // *Честертон Г. К.* Вечный человек М.; СПб.: Эксмо; Мидгард, 2004 (Антология мысли).

Accrocca F. Francesco fratello e maestro. Padova: Messaggero di Sant'Antonio Editrice, 2012.

Bughetti P. J Fioretti di san Francesco. Frati Editori di Quaracchi, 1926.

Imbert-Gourbeyre A. L'hypnotisme et la stigmatization. Paris: Bloud et Barral, 1899.

Fortini A. Nova vita di san Francesco d' Assisi. Milano: Alpes, 1926.

Processo de Canonização de Santa Clara. —
www.editorialfranciscana.org/../_3_Processo_de_canonizac

Zynel A., o, OFM Conv. Słońce człowieczego rodu. Warszawa, 1989.

INFO

Ветлугина А. М.

В 39 Франциск Ассизский / Анна Ветлугина. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 281[7] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1693).

ISBN 978-5-235-04061-8

УДК 27-789.32

ББК 86.375-6

знак информационной 16+ продукции

Ветлугина Анна Михайловна
ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Редактор *Е. С. Писарева*

Художественный редактор *А В. Никитин*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 28.09.2017. Подписано в печать 20.11.2017.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,12+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1721490.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato

BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

FB2 — mefysto, 2021

АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Владимир Широгорov
УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

В XVI–XVII вв. Западная Русь предстала зоной соперничества Литвы и Польши, Швеции и Орды, Турции, Крымского ханства и Московского княжества. Кто мог предположить тогда, что речь шла о чем-то несравненно большем, нежели об очередном разделе пространств Восточной Европы? Многовековая Украинская война явилась одной из самых плотных в истории концентрацией боевых действий, затронув абсолютно все сферы: идеологию, экономику, общественные процессы, качества лидеров и стремления народов.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ:

Книга I

Схватка за Русь

До середины XVI века

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ

Книга II

Турецкий прорыв

Балканы — Причерноморье — Кавказ

До конца XVI века

Книга III

Встречное наступление

Балтика — Литва — Поле

Вторая половина XVI века

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ: МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

- А. Ветлугина «ЛОЙОЛА»
- В. Кондрашов «РИХАРД ЗОРГЕ»
- М. Петров «ЭЛЬ ГРЕКО»
- Г. Субботина «МАРСЕЛЬ ПРУСТ»
- Ж. Шмидт «ГЁТЕ»
- А. Махов «ДЖОРДЖОНЕ»
- М. Бондаренко «МЕЦЕНАТ»
- В. Десятерик «ИВАН СЫТИН»
- Н. Карташов «КРАМСКОЙ»
- Д. Быков «ГОРЬКИЙ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- Е. Новицкий «ЛЕОНИД ГАЙДАЙ»
- А. Бондаренко «ВИКТОР ЛЯГИН»
- Т. Ясникова «СУРИКОВ»
- Д. Володихин «ИВАН IV ГРОЗНЫЙ»
- И. Родимцев, С. Аргасцева
«ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ»
- М. Бондаренко «ВЕРГИЛИЙ»
- Е. Скоробогачева «САВРАСОВ»
- В. Терехина, Н. Шубникова-Гусева «ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН»
- В. Михайлов «ЗАБОЛОЦКИЙ»
- В. Козляков «ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ»
- В. Галедин «ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ»
- В. Степашкин «СЕРАФИМ САРОВСКИЙ»

notes

Примечания

1

Охххуmіron, композиция «Признаки жизни».

Фраза, не вошедшая в статью о Бернардe Шоу. Цитата переводчика Н. Трауб.

Антоний Великий, преподобный (около 251–356) — раннехристианский подвижник и пустынник, основатель отшельнического монашества.

4

Точнее, на одной из разновидностей итальянского языка — умбрийском диалекте.

Tommaso da Celano (ит.); около 1200 — около 1265.

Кустод — должность, приравненная к настоятельской.

Минориты — одно из подразделений францисканского ордена.

Агиография (от греч. *ἅγιος* — святой; *γράφω* — пишу) — богословская дисциплина, изучающая жития святых, богословские и историко-церковные аспекты святости.

Капитул — название в Средние века общего собрания членов монашеского или духовно-рыцарского ордена.

Настоящее имя Джованни Фиданца (ит. *Giovanni di Fidanza*), около 1218–1274.

Генеральный настоятель монашеского ордена.

Roger Bacon (англ.); около 1214–1292.

Также известен как брат Уголино из Монтеджорджо (ит. *Frate Ugolino da Montegiorgio*).

Второй Ватиканский собор — последний на сегодняшнее время из соборов католической церкви. Был созван в 1962 году по инициативе папы Иоанна XXIII. Закончился в 1965 году уже при другом понтифике — Павле VI. На соборе был принят ряд важных документов, относящихся к церковной жизни: четыре конституции, девять декретов и три декларации.

Готье III де Бриенн (фр. *Gualtieri III di Brienne*, 1166–1205) — титулярный король Сицилии с 1200 года.

Guiraut de Calanson (φρ.).

Колонат — особая форма производственных взаимоотношений между непосредственным производителем и крупным землевладельцем. По своему юридическому положению колон приближался к рабу, однако наличие собственного хозяйства, арендная плата из доли урожая сближают колона с феодально-зависимым крестьянином.

Глоссатор (от греч. *glossa*) — юрист (доктор права или студент), занимавшийся римским правом в средневековой Европе в рамках традиции, развитой в Болонском университете. Школа права глоссаторов была распространена в Италии, Франции и Германии в XI–XIII веках. Результаты работ всей школы глоссаторов были соединены в одно целое Аккурсием, написавшим под заглавием «*Glossa ordinaria*» общий комментарий к юстиниановым сборникам.

Irnerius (лат.); около 1050 — после 1125.

Корти (от ит. *corti*) — временные дворики с навесами для праздничных пиров.

Менсурий (лат. *Mensurius*) — епископ Карфагена, живший в начале IV века в период Великого гонения (303–313), имя которого связано с возникновением донатистского движения.

От лат. *rigor* — твердость, строгость.

Элементаль (стихиаль; дух стихии) — в средневековой натурфилософии, оккультизме и алхимии мифическое существо, соответствующее одной из четырех стихий: воздуха, земли, огня, воды.

«Второе житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским», глава XVI. Цит. по: Истоки францисканства: Святой Франциск Ассизский: Писания и биографии. Святая Клара Ассизская: Писания и биография / Общ. ред. А. Вичини, Я. Ан; пер. О. Седаковой, А. Топоровой, Л. Сумм. Ассизи: Movimento Francescano, 1996.

Собор Святого Иоанна Крестителя на Латеранском холме, или
Базилика Сан-Джованни-ин-Латерано — кафедральный собор Рима.

«Второе житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским», глава XVI. Цит. по: Истоки францисканства...

См.: Джемелли А. Францисканство. М.: Духовная библиотека, 2000.

Cima Redentore (ит.).

Жан Шарль Леонар Симонд де Сисмонди (фр. *Jean Charles Leonard Simonde de Sismondi*; 1773–1842) — швейцарский экономист и историк, один из основоположников политической экономии.

Флагелланство (от лат. *flagellare* — хлестать, сечь, бить, мучить; *flagellum* — бич, кнут) — движение «бичующихся», возникшее в XIII веке. Флагелланты в качестве одного из средств умерщвления плоти использовали самобичевание, которое могло быть как публичным, так и келейным.

Генри Канова Воллам Мортон (англ. *Henry Canova Vollam Morton*; 1892–1979) — английский писатель, журналист и путешественник, автор многочисленных путевых заметок о странах Европы, Азии и Африки.

Конклав — собрание кардиналов, созываемое после смерти или ухода в отставку папы римского для избрания нового понтифика. Также называется помещение, где происходят выборы папы римского.

Перевод Г. Гсея.

Liberius (лат.);?–366.

В житиях попадаются сведения, что Франциск якобы плохо знал французский язык, но тем не менее он разговаривал на нем, а главное — пел для собственного удовольствия.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 5. С. 378.

Джованни Конверсини да Равенна (ит. *Giovanni di Conversini da Ravenna*; 1343–1408) — известен как один из первых гуманистических педагогов.

Лауда (от ит. *lauda* — хвала) — жанр паралитургической музыки и поэзии (итальянской, реже латинской) в Италии XIII–XVI веков.

Джим Моррисон (англ. *Jim Morrison*, Джеймс Дуглас Моррисон; 1943–1971) — американский певец, поэт, автор песен, лидер и вокалист группы «The Doors».

Первая личная встреча Адриана IV и Фридриха Барбароссы, закончившаяся громким провалом. По этикету король должен был взять папскую лошадь под уздцы и придерживать стремя, пока папа не спешится; после этого король должен был поцеловать папскую туфлю, и только затем папа даровал монарху лобзание мира. Из всех положенных церемоний Фридрих I согласился лишь поцеловать туфлю, и разгневанный папа отказался лобзать короля. Адриан IV заявил, что все предшествовавшие императоры всегда исполняли церемонию в знак свидетельства почтения к апостолам Петру и Павлу, преемниками которых являются папы; пока церемония не будет исполнена в полном объеме, переговоры состояться не могут. «Конфликт у лошадиной морды» продолжался два дня, и только 11 июня Фридрих I выказал требуемые знаки почтения

Arnaldo Fortini (ит.); 1889–1970.

Гиральд (Геральд) Камбрийский (лат. *Giraldus Cambrensis*, валл. *Gerallt Cymro*, фр. *Gerald de Barri*, около 1146 — около 1223) — средневековый британский историк и церковный писатель, чья деятельность была связана главным образом с Уэльсом.

«Легенда трех спутников». Цит. по: Истоки францисканства...

Подобные слова есть еще в двух Евангелиях: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк, 8:35); «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк, 9:24).

Также Дипольд фон Швайнспойнт (нем. *Dierold von Schweinspeunf*, 1150–1221).

Philippe de Rémi, sire de Beaumanoir (фр.); между 1247 и 1254–1296.

«Второе житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским», глава XVI. Цит. по: Истоки францисканства...

Matthew Paris (англ.); 1200 — после 1259.

Chiesa nuova (ит.).

«Легенда трех спутников». Цит. по: Истоки францисканства...

Gustav Schnürer (нем.); 1860–1941.

Michael Bihl (англ.).

Иван Степанович Проханов (1869–1935) — религиозный деятель и поэт.

«Второе житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским», глава XV. Цит. по: Истоки францисканства...

Greccio (ит.).

«Легенда трех спутников», глава VIII. Цит. по: Истоки францисканства...

«Легенда трех спутников». Цит. по: Истоки францисканства...

«Большая легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо», позднейшая вставка. Цит. по: Истоки францисканства...

«Большая легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо», глава VI. Цит. по: Истоки францисканства...

См.: *Стикко М.* Святой Франциск Ассизский. Милан: Христианская Россия, 1990.

Руфино был двоюродным братом Клары Оффредуччо — святой Клары.

Chilpéric (φρ.); 561–584.

См.: Книга рыцаря Де ла Тура Ландри, написанная в назидание его дочерям / Пер. С. Н. Голубева // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Наука, 1991.

Processo de Canonização de Santa Clara. XVIII. 1–2. Пер. К. Козловой.

Стихотворение автора, посвященное *МД*.

«Fioretti di San Francesco», глава XV. Пер. К. Козловой.

São Francisco de Assis «Forma de vida para Santa Clara». Пер. К. Козловой. Цит. по: *Козлова К* Святая Клара Ассизская — супруга Христа Распятого. СПб., 2009. — <http://www.yarcatholic.ru/images/stories/Swiataja%20Klara.pdf>.

Bienheureuse Isabelle de France (фр.); 1223–1270.

Также известна как *Саломея Блаженная*; 1211 или 1212–1268.

St. Elisabeth von Thüringen (нем.); 1207–1231.

Santa Isabel de Portugal (порт., и исп.); 1271–1336.

Svatá Anežka Česká (чеш.); *St. Agnes de Bohemia* (лат.); 1211–1282.

Mostaccioli (ит.).

Переписка Изотты Ногарола и Гуарино из Вероны *Пер. Т. Б. Рябовой* / Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995.

Lorenzo di Piero de Medici il Magnifico (ит.); 1449–1492.

Tertius onto de poenitentia (ит.).

Simon de Montfort (фр.); между 1160 и 1165–1218.

Симония (греч. *σιμωνία*, лат. *simonia*) — продажа и покупка духовного сана, церковных таинств и священнодействий (причастие, исповедь, отпевание), священных реликвий и т. д. Термин возник от имени самарянского волхва Симона, который пытался выкупить у апостола Петра и апостола Иоанна дар (благодать) Святого Духа или, иначе, купить за деньги священство.

Jacques de Vitry (фр.), *Jacobus Vitriacensis* (лат.); около 1180–1240.

Цит. по: *Герье В.* Франциск: Апостол нищеты и любви. М.: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1908.

R. P. Mandonnet (φρ.).

От лат. *spiritus* — дух.

Pierre-Jean Olleu (фр.), *Petrus Joannes Olivi* (лат.); 1248 или 1249–1298.

Интересно, что «Псы Господни» называется роман В. Пикуля, посвященный иезуитам. Впрочем, это не редкость для Пикуля.

Fra Beato Angelico (Guido di Pietro) (ит.); 1387–1455.

Beda Venerabilis (лат.); 672 или 673–735.

Gérard de Frachet (фр.); около 1195–1271.

Guy Bedouelle (φρ.); 1940–2012.

Lucien Febvre (фр.); 1878–1956.

Перевод, используемый в Русской католической церкви: «Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли, в Иисуса Христа, единственного Его Сына, Господа нашего: Который был зачат Святым Духом, рожден Девой Марией, страдал при Понтии Пилате, был распят, умер и был погребен; сошел в ад; в третий день воскрес из мертвых; восшел на небеса и восседает одесную Бога Отца Всемогущего: и оттуда придет судить живых и мертвых. Верую в Святого Духа, святую Вселенскую Церковь. Общение святых, прощение грехов, воскресение тела, жизнь вечную. Аминь».

Walter von der Vogelweide (нем.); с 1160 по 1170 — после 1228.

Alberti Aquensis (лат.), *Albert of Aix* (англ.).

Guillaume de Tyr (фр.), около 1130–1186.

Petrus Ambianensis (лат.); около 1050–1115.

Сарацины (от лат. *Saraceni*, др. греч. *Σαρακηνοί* — восточные люди) — народ, упоминаемый древнеримским историком IV века Аммианом Марцеллином и греческим ученым I–II веков н. э. Птолемеем. Кочующее племя разбойников, бедуины, жившие вдоль границ Сирии. Во времена Крестовых походов это слово стало собирательным обозначением всех мусульман. Синонимом также стало слово «мавры». Современные историки обозначают этим словом население Арабского халифата с VII по XIII век.

Walther von Habenichts (um.), Gautier Sans Avoir (φρ.).

Ордалии (от англосакс, *ordol*, лат. *ordalium* — приговор, суд) — в широком смысле то же, что и Божий суд; в узком — суд путем испытания огнем и водой. Ордалии считаются одним из видов архаического права, впервые подобные испытания упоминаются еще в законах Хаммурапи.

«Большая легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо». Цит. по: Истоки францисканства...

Palo Galvão (порт.); 1165–1230.

Jean de Brienne (фр.); между 1170 и 1175–1237.

Конвент и конвентуалы (от лат. *conventum* — монастырь) — название в католических монастырях и в учреждениях с монастырским устройством собрания имеющих право участвовать в заседаниях и подавать голос членов — конвентуалов.

Гвардиан (от ит. *guardare* — «внимательно смотреть» и от герм, *wardon* — «стоять на страже») — настоятель монастыря в ордене францисканцев.

Часть монашеского одеяния, похожая на двухсторонний фартук, с прорезью для головы. Изначально предназначался для работ в монастырском огороде, постепенно стал частью облачения в некоторых орденах.

От фр. *corde* — «веревка». Кордельерами также называли членов крайне радикальной политической партии времен французской революции, так как их совещания проходили в одном из францисканских монастырей.

«Speculum perfectionis» — сборник из двенадцати рассказов, окончательная редакция которого была завершена около 1318 года. Повествование не придерживается хронологии, но имеет систематический характер изложения по добродетелям. Рукопись была открыта и впервые опубликована в 1898 году Пьером Сабатье, который рассматривал это произведение как древнейший источник сведений о жизни святого Франциска, основанный на воспоминаниях брата Льва.

От лат. *observantio* — «соблюдение». Имеется в виду строгое соблюдение положений устава.

Цит. по: Истоки францисканства...

«Первое житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским». Цит. по: Истоки францисканства...

Arnaldo Fortini (ит.); 1889–1970.

«Большая легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо», глава XIII. Цит. по: Истоки францисканства...

Pio da Pietrelcina (ит.); 1887–1968.

Нейротеология (от англ, *neurotheology*) — популярное название дисциплины в нейронауке на стыке нейрофизиологии и нейропсихологии, занимающейся исследованиями религиозного опыта.

Antonio Maria Sicari (ит.); род. 1943.

«Chronica XXIV Generalium Ordinis Fratrum Minorum» — орденский документ, созданный в период с 1369 по 1374 год. Написан на латыни. Предполагаемый автор — монах-францисканец Арно де Саран (фр. *Arnaud de Sarrant*). По некоторым данным, он был родом из Франции, принадлежал к Аквитанской провинции ордена и был одним из министров этой провинции.

http://s-francesco.narod.ru/chronica_1_francesco.pdf

Gioacchino da Fiore (ит.); около 1132–1202.

Gerardo di Borgo San Donnino (ит.).

Matteo da Bascio (ит.); 1495–1552.

Авторское переложение итальянского текста Игоря Баранова.

François Rabelais (фр.); 1494–1553.

Бертольд Черный (нем. *Berthold Schwarz*, лат. *Bertholdus Niger*, настоящее имя Константин Анклитцен); род. на рубеже XIII–XIV веков.

Августин, архимандрит. Францисканские мотивы в русской поэзии.
«Гимн солнцу» // Нева. 2016. № 1.

Филипп Нери (*Филиппо Ромоло Нери*, ит. *Filippo Romolo Neri*; 1515–1595) — католический святой, основатель Конгрегации ораторианцев.